

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ЛАЗАРЯ,
АРХИЕПИСКОПА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО

Настоящие жизнеописания мучеников и исповедников написаны на основании материалов, собранных в государственных архивах, церковного предания и свидетельств очевидцев.

ОТ АВТОРА

После того как все привычные, казалось бы, неизблемые основы советской жизни разрушились, для многих стало затруднительным найти точку опоры, обрести подлинную, а не мнимую реальность. И в то же время сквозь образовавшиеся трещины забрезжил небесный свет надежды и стал отчетливее различим ландшафт Святой Руси. Как солнце, скрываемое до времени дождевыми тучами, не перестает греть и светить, так и молитвы святых возносятся к Престолу Божию и в эпоху неверия и гонений. С тех пор, как святой равноапостольный Владимир, крестив Русь, оплодотворил ее Вечностью, святые в течение 1000 лет подвигом и молитвой вплетали в национальную душу небесные нити истинной веры, тем самым помогая нам стать субъектами не только земной Истории.

При попытке демонтировать прошлое наш базисный неотторжимый опыт начал раскрываться с присущими ему величием и красотой, с удивительными чертами героического и святого, хранящегося в глубинах славянской души. Ожесточённая попытка государства уничтожить Церковь совпала с расцветом, подобным первым векам христианства, вселенский масштаб которого мы начинаем понимать только сейчас. Церковь Христова живет по другим, не фиксируемым или не различаемым политиками и социологами законам. Ее подлинная жизнь ускользает от неверующих глаз. Сейчас мы отчетливо видим, что тех, кого гнали и убивали за веру во Христа, вытесняли, хотели вычеркнуть из общества и из самой жизни, возвращаются к нам в ином качестве — в качестве небесных граждан. Игнорируя страдания и смерть ради Христа, относясь ко всему земному и даже к самим себе как к препятствию, мученики в известной мере становились недостижимы гонителям, которые, преследуя и убивая христиан, не столько причиняли им зло, сколько оказывали, сами того не ведая, услугу Христу, так как кровью, пролитой за веру и Церковь, Господь вписывал их имена в Книгу Жизни. «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать» (Лк. XII, 4).

Неправильно думать, что христианские мученики — невинные и незащищенные в своем кажущемся пацифизме жертвы, не понимающие сути происходящего. На самом деле это трезвенные

воины, сознательно принявшие вызов духов злобы поднебесной, враждующих против человеческого рода, и в этом смысле они и по сей день остаются лютыми врагами для сынов погибели.

Пример мучеников чрезвычайно важен для современного человека, зачастую окруженного ложными представлениями о жизни, так как помогает понять простую вещь: как бы ни была ценна земная жизнь, во всех случаях она не ценнее вечности. Успех борьбы со злом измеряется не внешней победой и не материальным результатом, а стоянием в Истине до конца: «Претерпевший же до конца спасется» (Мк. XIII, 13), — говорит Христос. А спасающийся сам, как мы знаем, спасает других. В застенках, под железной пятой, из-под которой человеческими силами выбраться невозможно, мученики не могли рассчитывать на внешнюю помощь, но они верили и уповали на Бога Живого, Его реальное присутствие даже в глубинах человеческого страдания, и это давало им возможность из неравного столкновения с богоборческим государством выходить победителями — не по силе, а по благодати. Радость, находящая свой смысл и исходящая из терпения за Христа, есть радость святых, ибо Фавор без Голгофы не бывает. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь» (Мф. V, II).

Представленные в книге жизнеописания являются попыткой войти в эту радость святых, рассмотреть жизнь, переходящую в житие, почти наших современников, что сделать в некотором роде легче, чем понять древнего святого, хотя бы потому, что нам лучше знаком современный мир, характер искушений и испытаний, выпавших на долю исповедников XX века. Рассматривая жизненные обстоятельства того или иного священномученика, мы отчетливее видим, что святой — это не тот, кто прожил без греха, но тот, кто через покаяние, Таинства Церкви, исповеданием Имени Христа перед безбожной властью даже до смерти освятился Духом Святым и стал Его вместилищем.

Почитание новых святых важно еще и по другой причине, на которую указывает преподобный Симеон Новый Богослов: «Кто не изволяет со всей любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое

неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествующих святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их как не изволивший в смирении встать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом».

Любое историческое событие, помимо прочего, можно оценить еще и по его влиянию на сознание людей. Ни количество, ни величие святых само по себе не будет решающим для нашей жизни и спасения, если не станет частью нашей души, продолжением нашего духовного опыта. Если во время гонений многие реагировали на постоянно присутствующий страх тем, что изменяли свое сознание, ампутировали опасные мысли и чувства, в том числе и религиозные, то сейчас по другим, пусть и менее важным причинам неудобные мысли и факты, разрушающие мнимый комфорт, также вытесняются на периферию сознания или как «несущественные» отсекаются вовсе.

Мнение о том, что история совершается за пределами нашей частной жизни, неверно. История, как и Промысел Божий, проходит именно через нас, вне зависимости от степени нашего осознания, хотя многое зависит и от нашей восприимчивости. «Просто человек», благочестивый или не очень, в какой-то момент жизни может ощутить на себе взгляд Христа, действие благодати, как это было, например, с преподобным Силуаном Афонским, и вся прежняя жизнь вдруг представится в ином свете. Подобное может случиться как в молитвенном уединении, так и под железными колесами исторических обстоятельств. И не секрет, что многие истины обретаются нами травматически, так как реальный опыт, достойный этого имени, никогда не соответствует нашим ожиданиям.

Мы прошли через великие страдания и потрясения и вправе многого ожидать от своей памяти. Настроение сегодняшнего дня может быть преодолено коллективным воспоминанием о том лучшем, что освящено Богом в нашей истории. Прославляя мучеников, исповедовавших Христа Сыном Божиим, мы созерцаем Божественную любовь, не дающую нам окончательно погрузиться в греховную тьму.

Ялта, Нижняя Ореанда

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНАТОЛИЙ, МИТРОПОЛИТ ОДЕССКИЙ

Митрополит Анатолий (в миру Андрей Григорьевич Грисюк) родился 20 августа 1880 года в городе Ковеле Волынской губернии в семье украинских мещан. Отец был чиновником, уездным казначеем Волынского казачества. Жили бедно, собственности не было никакой. У Андрея было две сестры - Раиса и Мария. Отец умер в 1905 году, мать - в 1917-м.

К 1900 году Андрей Грисюк окончил Кременецкое духовное училище и Волынскую семинарию и поступил в Киевскую Духовную Академию. В 1903 году митрополитом Киевским и Галицким Флавианом (Городецким) он был пострижен в мантию с именем Анатолий, 15 августа того же года рукоположен во иеродиакона, а 30 мая 1904 года — во иеромонаха.

Нам мало что известно о студенческих годах иеромонаха Анатолия и о времени, когда он преподавал в Академии. Но его проповеди тех лет в некоторой мере раскрывают его внутренний мир. Читая их, мы можем отчасти увидеть его мысли об Академии, об архиерейском служении, понять его отношение к страданиям, так обильно присутствующим в этом мире, и Божественной любви, с удивительной полнотой проявившейся в образе апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Примечательно — все, о чем он говорил, в той или иной степени коснулось самого проповедующего в последующей его жизни.

Вот слово, сказанное в день годовичного поминовения основателей и благодетелей Киевской Духовной Академии и всех в ней учивших и учившихся 31 декабря 1904 года в Великой церкви Братского монастыря.

«Аз живу, и вы живи будете» (Ин. XIV, 19). Этими словами Божественного Спасителя нашего, сказанными Им в то время, когда Он готовился претерпеть крестные страдания и вольную смерть, завершившие искупительный подвиг всей Его земной жизни, мы решаемся, возлюбленные братие, начать свое слово в нынешний день годовичного поминовения всех прошедших поколений нашей Академии, ее основателей и покровителей, ее учителей и учеников, день, по-видимому, торжества смерти и близкого с ней забвения, а на самом деле — лучшего

свидетельства об истинной жизни и одушевленного воспоминания о ее носителях. «Аз живу», — говорит Спаситель наш с безусловностью, не оставляющую никакого сомнения, — и это тогда, когда к Нему приближался уже час смерти, когда наступал конец Его служения роду человеческому. Та грань, которая отделяет для каждого из нас наше земное поприще от последующего бытия сим властным словом: «Аз живу», как бы совершенно уничтожается. Из этого слова ясно видно, что смерть не имеет власти над Господом нашим, что Он живет подлинною истинною жизнью, жизнью не прекращающейся, возвышающейся и торжествующей над смертью. Но не о себе только Господь дает торжественное уверение в том, что Он живет. Ему как Единородному Сыну Божию, имеющему живот в Себе (Ин. V, 26), по самой природе свойственна вечная жизнь, и надо удивляться не этой Его жизни, а тому, как, при обладании такою жизнью, Он стал причастен и человеческой смерти. Но с тою же непоколебимою верностью, с какою Господь свидетельствует о Своей жизни, Он изрекает подобное же обещание жизни и ученикам Своим. «И вы живи будете», — говорит Он им. И вот это-то слово Господа может возбудить у нас недоумение, так как мы знаем, что и ученики Христовы пострадали за дело своего Божественного Учителя и их земная жизнь закончилась давно уже и притом, большею частью, мученическою насильственной смертью. Даже и тот ученик, «егоже любляше Иисус» и о котором «изыде слово в братию, яко ученик той не умрет» (Ин. XXI, 23), и он, хотя позже других апостолов, скончал дни свои на земле. Но нелегко слово Спасителя нашего и подтверждается оно многими другими его изречениями: «веруй в Мя, — говорит Он, — имать живот вечный» (Ин. VI, 47), «аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки» (VIII, 51), «всяк живой и веруй в Мя не умрет во веки» (XI, 26). Итак, нужно признать, что св. ученики возлюбленного Господа нашего живы, хотя и скончали дни свои на земле. Они живы у Бога, Который говорит о Себе: «Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль; несть Бог, Бог мертвых, но Бог живых» (Мф. XXII, 32), у Которого все «живы суть» (Лк. XX, 38). Живы они в св. соборной и апостольской Церкви, насажденной их проповедническими трудами и назданной на основании апостол и пророк (Еф. II, 20),

постоянно их прославляющей и питающейся, как духовную пищу, их богодухновенными писаниями. Оживут они, конечно, вместе со всеми усопшими, и тогда, когда «Сам Господь в повелении, во гласе Архангелов и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее» (1 Сол. IV, 16). Будут жить св. апостолы и в будущем блаженном веке, составляя основание небесного града, святого Иерусалима (Апок. XXI, 14). Словом, несомненно живы те, которым явилась сама вечная Жизнь, бывшая у Отца, которые своими очами видели и своими руками осязали самое Слово жизни (1 Ин. I, 1-2).

Но это неложное слово Спасителя нашего: «и вы живи будете», сказанное Им Своим первым ученикам и на них исполнившееся, имеет приложение и ко всем Его ученикам, ко всем тем, кто старается быть верным Его словам и заповедям. Держаем верить, что оно приложимо и к тем умершим отцам и братьям нашим, всем непостыдным деятелям и самоотверженным благотворителям нашей старой духовной школы, для церковного поминовения которых мы собрались сюда, в сей святой храм, следуя завету апостола — не оставаться должными никому ничем, кроме взаимной любви (Рим. XIII, 8). Длинным рядом имен проходит теперь пред нами вся славная история нашей Академии, составляющая наше высшее утешение и поселяющая в нас крепкую надежду на будущее. Мысленным взором мы окидываем и все то неисчислимое множество не вошедших в наш академический синодик по неизвестности имен тружеников, вышедших из нашей школы и добросовестно работавших во славу Божию на разнообразных поприщах, — и мы еще более радуемся за нашу школу. Но вместе с этим отрадным, возвышающим нас чувством утешения в славной и плодотворной деятельности наших предшественников всем нам присуще в настоящий час и другое чувство. Нас невольно объемлет и чувство скорби о том, что безжалостная смерть положила конец этой деятельности наших предшественников, что она похитила у нас многих славных мужей, блиставших многими и великими талантами, приумноженными ими по заповеди Евангелия. Ведь теперь между нами, по милости Божией еще живыми, и теми, взятыми из среды живых в разное время до самого последнего года

включительно, предшественниками нашими существует как бы резкая грань, и мы готовы считать себя обладающими преимуществом жизни пред поминаемыми ныне умершими деятелями. Правда, мы хорошо сознаем всю непрочность и мимолетность этого своего преимущества, ибо пройдут годы, а может быть, даже один будущий год, и можем приложиться к отцам своим. Но эта мысль о конце и нашей жизни и деятельности может только больше усилить печальное чувство, возбужденное настоящим поминовением.

Однако, братие, истинно слово Господа нашего: «Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит» (Ин. XII, 24). Если мы глубже задумаемся и лучше прочувствуем смысл и значение настоящего нашего, по-видимому, печального, ибо связанного с мыслью о смерти, поминовения, то убедимся в том, что слово Спасителя нашего о жизни Его учеников исполняется и должно исполняться и на поминаемых ныне нами наставниках наших, воспитанниках нашей школы и всех ее ревнителях. Из-за разрушенных смертью телесных храмин и ставшей уже достоянием истории деятельности наших духовных предков и отцов в духовном бытии нашем пред нами обнаружится тогда их подлинная, не прекращающаяся и поныне, жизнь. В самом деле, прошел год с той поры, когда мы так же торжественно, как и сейчас, вспоминали умерших членов и покровителей нашей академической семьи. И вот, в то время как для нас эта исчезнувшая в вечности година напомнила, быть может, лишь только о том, что мы приблизились па известную степень к могиле и безвозвратно потеряли целое сокровище, заключавшееся в указанной частице времени, ибо за последнее приобретается вечность, для поминаемых ныне наших усопших истекший год был новым приобретением ими славы и усугубленной за них молитвы. Именно в лице тех юношей, которые влились новой волной в этом году в состав нашей академической дружины и приобщились бесценным сокровищам знания, накопленным воспоминаемыми прежними деятелями, число благодарных молитвенников за этих последних увеличилось. Истекший год, далее, подвинул вперед труд разработки истории нашей матери-школы, истории, которая должна нам представить величественный образ этой

стародавней школы во весь ее трехвековой рост, причем многие забытые или недостаточно оцененные деятели старой Академии были выведены из мрака забвения. Наконец, прошедший год просто увеличил протяжение истории, и с его минованием удлинилась историческая перспектива. Многое при этом переменялось или позабылось. Но для наших дорогих усопших настал новый час их чествования, и, как на темнеющем все больше и больше с наступлением ночи небосклоне ярче сияют звезды, так и в отодвинувшейся еще на одно деление времени прежней истории нашей Академии сильнее выступает все значение и великих и малых в ней деятелей. Словом, если мы, быть может, просто потеряли прошедший год для вечности, то наши дорогие академические покойники, без всякого сомнения, приобрели этот год в постоянной памяти о них. В таком значении для них нового, прибавившегося к посмертной памяти их года можно видеть как бы отражение той вечности, в какую они перешли, стяжав ее благоразумно и неленостно употребленным временем своей земной жизни.

Но прошел не один только год, а прошли почти три века существования в сем богоспасаемом граде и под сенью сей святой обители нашей школы, и этот длинный путь, пройденный ею, на котором она, переживая самые разнообразные — и благоприятные, и неблагоприятные — обстоятельства, постепенно возрастала в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. IV, 13), есть лучшее свидетельство бессмертия усопших деятелей нашей Академии. Живо доселе и жизненно то великое дело, над которым они трудились всю свою жизнь и которое отстаивали с великими жертвами. Это дело — защищение, сохранение в чистоте и выяснение нашей драгоценной православной евангельской веры посредством столь сильного и надежного пособия ее, каким является богословская наука. Всякий должен согласиться, что большею животворностью и жизнеспособностью обладают те начала, во имя которых выступили на свое трудное поприще и с честью подвизались на нем воспоминаемые ныне прежние деятели нашей Академии, если, несмотря на все беды и напасти, которыми полны начальные страницы нашей академической истории, мы являемся свидетелями продолжающегося роста нашей родной школы. Эти начала — правая вера и истинное

знание, одушевленное духом благочестия и братолюбия. И в этом живом и неумирающем деле веры и знания и обрели себе истинную жизнь и бессмертную славу воспоминаемые ныне наши духовные предки и отцы.

Однако кто-нибудь скажет, что все это говорит только об историческом бессмертии наших умерших, о продолжающейся жизни не их самих, а того дела, которому они служили, между тем как нас печалит именно лишение возможности личного общения с ними, отсутствие их среди нас как живых определенных и дорогих для нас лиц.

Но какое, скажем мы, есть основание разделять в бывших академических деятелях их личность от их дела? Ведь они сами так не делали, а, наоборот, они отождествляли себя и свое дело, не мыслили себя вне его. Они влагали в него всю свою душу, все свои дарования, полагали на него всю свою жизнь. Да и самое их дело, которое является теперь и нашим, такого свойства, что его нельзя делать с раздвоенною душою, не полюбив его всеми силами своего духа. А если так, то не правы ли были мы, утверждая, что в великом деле — жизни нашей школы, созданной прежними поколениями академических деятелей, несомненно, живы самые эти деятели, и живы они не только по своим именам, но и по самым своим личным особенностям и дарованиям? Печать их личного творчества лежит на всем оставшемся после них: на их произведениях слова и мысли, на лучших обычаях и преданиях, сохраняющихся в нашей среде, на строе и духе нашей школы, даже на самих внешних сооружениях этой школы. И вот, приобщаясь с любовью их делу, достойному самому по себе любви, мы тем самым входим в живое общение с этими прежними академическими деятелями, а последние как бы снова оживают в самой лучшей части их личной жизни.

Но если кого-либо не удовлетворит такое частичное, так сказать, общение наше с самыми лицами почивших наставников и предшественников наших, то станет ли он отрицать, что в настоящий час одушевленного молитвенного воспоминания нашего о них, когда принесена за них страшная бескровная жертва, не происходит живого личного общения двух половин нашего академического братства: небесной, загробной, воспоминаемой нами, и земной, составляемой нами,

участвующими в этом воспоминании? Верим, что умершие отцы и предки наши в настоящий час с великою любовью, которая, по слову апостола, «николиже отпадает» (1 Кор. XIII, 8), взирают на молитвенное собрание их позднейших преемников, движимое также единоклубным чувством любви к ним.

Самое же главное, что свидетельствует о жизни наших усопших отцов и братьев, несмотря на видимую смерть их, это — слово Божие, которое учит, что «иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды токмо, во имя ученика... не погубит мзды своея» (Мф. X, 42). Если и такое ничтожное, по-видимому, дело, как подача чашки холодной воды, будет вознаграждено, то какая, спрашивается, назначена мзда по суду Божественной правды тем, которые утоляли не телесную жажду и не случайно, а всю жизнь свою посвящали на то, чтобы насытить алчущих духовного хлеба — слова Божия и напоить жаждущих духовной воды — Божественного учения Спасителя нашего? Об этом последнем Он Сам сказал: «иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущий в живот вечный» (Ин. IV, 14). Если в воспринимающем только это учение плодом его принятия является жизнь вечная, то тем более в тех, чрез посредство которых это совершается, а таковыми должны были быть и были почившие наставники наши, «иже глаголаша нам слово Божие» (Евр. XIII, 7). Поистине плод их во святыню, а кончина — живот вечный. И это наше убеждение в том, что с благою совестью потрудившиеся отцы и предки наши стали подлежать исполнению на них слова Господня ученикам: «и вы живы будете», становится еще очевиднее, если мы обратим внимание на то, что и самая вечная жизнь — это высшее благо для разумных духовных существ, по учению слова Божия, не есть что-либо совершенно потустороннее, а она состоит в живом Богопознании, которое начинается еще здесь. «Се же есть живот вечный, — сказал Спаситель в первосвященнической молитве, — да знают Тебе единого истинного Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа» (Ин. XVII, 3). Чему же другому, как не истинному Богопознанию и истинной вере в Господа нашего Иисуса Христа научали своих учеников почившие наставники наши, стараясь и сами для себя уяснить возможно лучше такое познание и такую веру? Не начали ли они поэтому еще здесь, на

земле, жить истинною вечною жизнью, над которой не имела особой власти постигая всех их видимая смерть? Последняя была только разрешением их от немало препятствовавших на пути к истинному Богопознанию условий земной жизни, где мы только «яко зеркалом в гадании» постигаем тайны веры и переходим в лучшую для этой цели форму бытия, в которой возможно познание Бога так, как мы сами Им познаны, «лицем к лицу».

Но наша вера в истинную жизнь наших предшественников, для стяжания которой они трудились неустанно здесь, переходит в видение, а простое убеждение — в несомненную истину, когда мы обратим свои взоры к дражайшей троице угодников Божиих, вышедших из нашей школы, и прославляемой теперь всею нашею Церковью, — святителям Феодосию Черниговскому, Димитрию Ростовскому и Иннокентию Иркутскому. Воистину жив Господь, живы души их, но животворны и самые святые тела их, источающие многие благодатные знамения!

Возлюбленные братие, дети общей всем нам нашей матери-школы! Воспоминая всех бывших и умерших тружеников нашей школы, мы возвышаемся до понимания истинной жизни, жизни, отрешенной от всего условного, случайного, призрачного. Мы, живые, учимся таким образом жизни у наших дорогих умерших и должны учиться ей у них, ибо то преимущество жизни, которым мы склонны, быть может, превозноситься перед ними, оказывается не только временным и непрочным, но иногда и совершенно мнимым. Божественный тайнозритель в откровении слышал: «И ангелу Сардийския церкви напиши: тако глаголет имеяй семь духов Божиих и семь звезд: вем твои дела, яко имя имаши яко жив, а мертвы еси» (Апок. III, 1). Можно, следовательно, числиться в среде живых, а быть в сущности мертвым, как и наоборот: наши воспоминаемые ныне усопшие, хотя и мертвы, продолжают жить. И вот, одушевленные воспоминанием о них, вознеся горячие молитвы о тех из них, прегрешения и немощи которых, быть может, воспрепятствовали им в полной мере приобщиться вечной жизни, усердно, «тщанием не лениви, духом горяще», будем продолжать унаследованное от них великое и святое их дело. И тогда и на нас, несомненно, исполнятся высокорадостные и

утешительные слова Господа, обращенные Им к верным ученикам Своим: «и вы живы будете». Аминь».

Проповедь, сказанная в день памяти святителя Иоанна Златоустого в церкви Киево-Братского монастыря 13 ноября 1907 года.

«В память вечную будет праведник» (Пс. СХ1, 6).

Сегодня по всей православной церкви от края ее и до края прославляется одно имя — имя великого учителя и святителя Христова св. Иоанна Златоуста. Все полно им. Все стремятся так или иначе выразить свою любовь и благоговение к славному пастырю Христова стада. Радуетя ныне церковь Константинопольская, на престоле которой некогда сиял сей великий светильник, торжествует и церковь Антиохийская, ибо в недрах ее он возрос и укрепился, празднует и церковь Российская, столь усердно во все века своего бытия назидавшаяся его творениями. Что же случилось, что дает повод к такому торжественному празднованию памяти св. Иоанна Златоуста? А то, что ежегодное воспоминание блаженной кончины его и переселения из земной юдоли в вечную бессмертную славу на небесах ныне усугубляется тем обстоятельством, что в текущем году, в праздник Воздвижения Креста Господня, исполнилось 1500 лет со времени кончины великого святителя.

Пятнадцать веков непрекращающегося и неумаляющегося, но возрастающего в своей силе и объеме влияния на весь христианский мир — это торжество великого духа над смертью и временем, которым подвластно все человеческое, это своего рода историческое чудо — вот что заставляет нас на рубеже новых веков и тысячелетий того же неизменного влияния великого святителя обратиться к нему всею душою, излить пред ним всю благодарность любящих чад и восхвалить его всеми похвалами, на какие мы только способны. Это и происходит ныне по всему пространству православной церкви: всюду воспевается великий во иерархах Иоанн, и тысячи похвальных слов произносятся в честь и память его. Но кто может по достоинству восхвалить св. Иоанна Златоустого? Еще св. Прокл Константинопольский, один из ближайших преемников его по кафедре, говорил, что этого никто не может сделать, разве другой бы такой же Иоанн ныне явился. Но Церковь имела

только одного Иоанна Златоустого, и нет поэтому слова достойному служителю Слова. Однако так как память его, слагающаяся, по выражению того же св. Прокла, из воспоминания его бесчисленных трудов, подвигов и наставлений, подобно переполненной водами реке напаяет души верных, то и мы с вами, братие, должны прильнуть к этой реке и, хотя мало, испить от ее живительных вод.

Кто из сколько-нибудь внимательных верных не знает имени св. Иоанна Златоустого? Почти каждый день в течение целого года дивное творение его — Божественная литургия — освящает верных, они молятся составленными им молитвами, а в светлую ночь Христова Воскресения кто не переживал минуты великого духовного восторга, слушая его пасхальное огласительное слово? Кто из верных, вкусивши хоть раз от сладости бесконечно назидательных и в высшей степени художественных его творений, не влекся бы к ним снова с непреодолимою силою? Перед кем не стоит проникший хоть раз в сознание чудный образ его святой жизни и его скорбной, но блаженной кончины? И что более дивным представляется нам в Иоанне: его жизнь или его творения? Этот вопрос так и нельзя было бы разрешить, если бы жизнь и творения Златоуста не представляли бы одного целого, не образовывали бы единой целостной личности, в которой творения неотделимы от жизни и жизнь от творений. Св. Иоанн Златоуст продолжает жить в своих творениях, а не только на небе, равно как его творения обязаны своим происхождением его святой жизни и ее исключительному делу — спасению ближних. Итак, поистине дивны и его жизнь, и его творения.

Благоговейное изумление возбуждает в нас жизнь св. Иоанна Златоуста. От первого сознательного движения и до последнего вздоха она вся посвящена Богу. Нет в ней пробелов и пропусков, нет отступлений назад и уклонений в сторону. Как стрела, выпущенная из лука и прямо несущаяся к своей цели, так и некроткая жизнь св. Иоанна есть один стремительный бег к почести высшего звания. Крепко держал кормило своего жизненного корабля св. Иоанн, всегда направляя его в тихую пристань Небесного Царствия, и никакие обманчивые миражи не заставили его усомниться в достоинстве своей цели, ее исключительной ценности и превосходству перед всеми другими

жизненными целями и соблазниться трудностью пути к ней, исполненного многих скорбей и лишений. Даже тогда, когда наставленный по заботам своей редкой и удивительной матери Анфусы, имя которой никогда не может быть умолчено, когда речь идет о св. Иоанне Златоусте, не в одних только христианских правилах и христианской мудрости, но и в светских науках, и притом у лучших наставников того времени, еще не потерявшего прежней славы в этом отношении, и того города, где жил св. Иоанн, — а это была Антиохия Сирийская — столица всего Востока и центр его просвещения, св. Иоанн мог бы смело и быстро завоевать себе блестящее положение в жизни, стать знаменитостью, а быть может, и великим сановником, — он не был обольщен такими раскрывавшимися перед ним видами, перед которыми не устоят тысячи юношей, менее даровитых и менее образованных. И тот краткий период, когда он прилагает к делу свои светские познания, был для него лишь способом и средством того знакомства с миром нищеты, горя и различных бедствий, которое ему потом так пригодились в чисто пастырском служении и которое его, между прочим, и направило на этот путь высшего и совершеннейшего служения своим ближним. И по собственному идеальному побуждению, и чудесно руководимый Провидением, готовившим в его лице великого светильника Церкви, св. Иоанн, подобно столь любимому им апостолу Павлу, вменяет все свои внешние преимущества в сор ради Христа и избирает самый лучший и надежный путь приготовления к тому делу всей своей жизни, которое придает ей такое исключительное значение, то есть пастырству. Путь этот — аскетизм, личное духовное усовершенствование, которое, отвечая прежде всего пламенному желанию самого св. Иоанна, было самою лучшею подготовительною школою для его великого пастырского служения. Ибо вообще нужно признать, что там нет и не может быть плодотворного служения спасению ближних, где отсутствует сознание необходимости прежде всего в себе самом побороть страсти, прежде всего самому неуклонно стремиться к исполнению заповедей. Эта связь личной праведности и личного аскетического подвига с пастырским служением прекрасно раскрыта самим Златоустом в его поистине классическом труде по пастырскому богословию «Шесть слов о

священстве». Итак, если кому-либо покажется, что между тем шестилетним периодом жизни св. Иоанна Златоуста, когда он в сирийских горах ведет строгую подвижническую жизнь, и последующим его служением пастырским нет связи, что один период является противоположностью другого и что только несчастная для самого подвижника и счастливая для Церкви случайность (именно болезнь и расстройство здоровья) вызвала Златоуста из пустыни в Антиохию, из уединения на кафедру, то это — недоразумение. Между тем и другим периодами жизни св. Иоанна Златоуста самая глубокая внутренняя связь, самое строгое единство цели и направления жизни. Именно в пустыне закладывались основы глубокого пастырского воздействия св. Иоанна, именно здесь очищалась и разгоралась в бурный пламень та его любовь к ближним, ревность об их спасении, красноречивейшими свидетельствами которых являются многие страницы его творений и все его последующие труды. Здесь же он еще больше расширил и углубил и еще раньше приобретенное в христианской школе знакомство с словом Божиим, богодухновенными писаниями, умудряющими нас во спасение (2 Тим. III, 15), и здесь же, без сомнения, он приучался к пламенной молитве, без которой пастырский подвиг немыслим. Как нужно поэтому восхвалять то уединение, которое является затем спасением многого множества! О блаженна пустыня, дающая миру великого пастыря!

Итак, св. Иоанн Златоуст выступил на дело спасения ближних и, конечно, служа этому великому делу, источником и образцом которого является сама искупительная любовь Божия, спасая других, он, по непреложному закону истинно духовной жизни, спасался и сам, восходя по степеням духовного совершенства, пока не достиг безмерной славы на небесах в вечности и на земле в истории. Церковное служение св. Иоанна Златоуста, падающее на последние двадцать лет IV и первые годы V столетия, не сопровождалось какою-нибудь борьбой за догматы, чем полно предшествующее и последующее время в истории Церкви и чем славны старшие и младшие современники св. Иоанна Златоуста, другие великие отцы и учителя Вселенской Церкви. Время служения св. Иоанна — это, как справедливо отмечают, время «догматического перемирия», и деятельность его есть деятельность великого преобразователя

нравов, великого борца за чистоту христианской жизни, за полное, а следовательно, и единственно истинное осуществление безусловных евангельских заповедей и идеалов. Плоды этой неутомимой деятельности и этой самой сильной борьбы по самому свойству их остаются для нас, отдаленных веками от того времени, невидимыми, незримыми, но мы можем судить о них по тому действию, какое производят на нас одни оставшиеся после св. Иоанна творения, и они откроются во всей славе в тот день, когда обнаружится не только внешняя, но и вся внутренняя, так сказать, история Церкви, сокровенная жизнь всех ее членов. Тогда, когда будет подведен итог и сделано заключение ко всей исторической жизни Церкви Христовой на земле, тогда-то и обнаружится все то необъятное и многоценное добро, которое при благодатной помощи Божией посеял в душах верных великий святитель, и определится в истории Церкви его исключительное, можно сказать — единственное в своем роде значение. Ведь поддержать бедного путника в небесное отечество, то есть человека в его роковой борьбе с постоянно обольстительным грехом, борьбе, решающей его вечную участь, — отрясти леность, прогнать уныние, спасти от отчаяния, этой духовной смерти, — такая это благородная, подлинно христианская задача. Но ее, и только ее, и преследовал св. Иоанн, и притом столь успешно и победоносно, и какие неисчислимые залоги неотразимого нравственного воздействия хранятся невидимо в сердцах целых сотен поколений христианского народа, начиная от его непосредственных слушателей и членов его паствы. Но и то, что занесено на страницы церковно-исторических летописей, ясно говорит о размерах пастырской ревности св. Иоанна Златоуста и о ее успехах. Именно эти летописи говорят и о помощи, оказанной св. Иоанном своей пастве в одно тяжелое для нее время, когда над нею разразился царский гнев, и об исправлении нравов антиохийцев, происшедшем под влиянием проповеди их пастыря, и о великих миссионерских заботах св. Иоанна Златоустого, — особенно в последний период его жизни, и о том, как относился к нему константинопольский народ, и как сама императрица Евдоксия, так много зла причинившая святителю Христову, потом смиренно просила прощения за содеянный грех в лице своего царственного сына, императора

Феодосия. Сколько душ спасено от вечной гибели св. Иоанном, и о каком великом множестве он с дерзновением может сказать: «Се аз, и дети, яже ми деде

Бог» (Из. VIII, 18; Евр. II, 13). О, поистине блажен Иоанн, если он послужил спасению такого множества людей!

Чем же св. Иоанн Златоуст действовал так могущественно на сердца людские, какими путями шло его неотразимое нравственное влияние? Самый простой, хотя и неполный, ответ на этот вопрос будет тот, что сила влияния Златоуста заключалась в его слове. Да, служение примирения, то есть пастырское служение для св. Иоанна Златоуста было, по преимуществу, служением слова. Все единогласно признают в Иоанне Златоусте величайшего проповедника Восточной Церкви. За ним утвердилось имя Златоуста, ставшее его собственным. Знатоки искусства церковного красноречия утверждают, что для желающего стать хорошим проповедником самая лучшая школа — это изучение творений св. Иоанна Златоуста. Так красноречиво и вместе с тем так просто, так назидательно и вместе с тем так увлекательно проповедовать, как проповедовал св. Иоанн Златоуст, мог только он один, и даже до настоящего времени, несмотря на преполовившуюся вторую тысячу лет с той поры, как смолкли золотые уста вселенского святителя, он остается в этом отношении непревзойденным. Блестящие по внешности его проповеди, представляющие в большинстве случаев истолкование Священного Писания, замечательны по тому чистому евангельскому духу, который проникает их насквозь. Св. Иоанн Златоуст — проповедник чистого, беспримесного христианства, подлинного Евангелия: недаром сказано, что уста Златоустовы суть уста Христовы. Вместе с тем проповеди Златоуста обнаруживают такое изумительное знание души человеческой, всех тайных изгибов человеческого сердца, что они оставляют слушателя или читателя их безответным, прямо покоряют и пленяют его. В чем же заключается тайна этого неподражаемого красноречия, где ключ к разгадке столь удивительного проповеднического таланта? Не в одних, конечно, природных дарованиях, которыми щедро наградил Бог св. Иоанна Златоуста еще от юности и которые он как раб благий и верный приумножил своим рачением и трудом, и не в

школе и ее упражнениях, которые он проходил до своего возраста. Мы знаем и других одаренных от природы и прошедших ту же риторскую школу отцов и учителей Церкви, но в их проповедях больше искусства, а меньше простоты, задушевности и глубокой назидательности, чем в проповедях св. Иоанна Златоуста. А тайна единственного и несравнимого красноречия Златоуста заключается в его любви к своим слушателям, в той глубокой нравственной связи, в какой он находился со своею паствою. «Вы всё для меня, — исповедовался он однажды перед народом, — если бы сердце мое, разорвавшись, могло открыться перед вами, вы бы увидели, что вы все там пространно помещены: жены, дети и мужчины» (Беседа на кн. Деяния Апостолов). Он принял всем сердцем заповедь Спасителя об отношении доброго пастыря к своим овцам, то есть не о внешней только принадлежности пастыря к овцам, но о такой внутренней связи с ними, чтобы она приближалась, если не прямо переходила, в существенную. А любовь делает человека и без природных дарований красноречивым, особенно если она видит того, кого любит, в опасности, какой, с христианской точки зрения, является единственно потеря спасения. Она же заставляет любящего делиться с любимым содержанием своей духовной жизни. Подобно тому, как «Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам» (Ин. V, 20), так и просветленный и расширенный любовью дух человеческий естественно изливает свою полноту далеко за пределы своего личного бытия. Но нелегко стяжать дар любви. Это «превосходнейший путь» (1 Кор. XII, 31), и нужно пройти всю скалу добродетелей, действительно сделаться святым, чтобы стяжать эту жемчужину. И прежде всего нужно иметь ту непоколебимую веру, которой обладал св. Иоанн Златоуст и которая граничит у него с видением. Св. Иоанн Златоуст не догматист вообще; он тайны веры не исследует, но под всеми его писаниями, как непоколебимое основание и глубочайший родник, из которого текут реки его наставлений, кроется его глубокая вера в основные догматы христианского учения. Можно с несомненностью сказать, что для него мир невидимый, духовный был несравненно реальнее, чем мир видимый, чувственный, и весь порядок созерцания был у него об ратный, чем у нас, находящихся во власти внешних

чувств и конкретных понятий. Затем нужно стяжать его безграничное милосердие и любовь к меньшим братьям Христовым, то есть нищим и всякого рода нуждающимся, для которых так много сделал Иоанн Златоуст своими проповедями и которым он отдавал буквально все, что имел.

Велик Иоанн Златоуст в своей жизни, но велик он и в самой своей смерти, последовавшей, как известно, в изгнании после того, как он занимал важнейший престол Восточной Церкви, столичную кафедру. О Иоанн! — воскликнем мы вместе со св. Проклом. Жизнь твоя поистине была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гроб твой славен, награда твоя велика! Трогательна кончина св. Иоанна Златоуста, которую мы ныне вспоминаем, и глубоко назидательно то предсмертное наставление, которое он преподает всем нам в своих последних словах: «Слава Богу за всё». Несомненно, и мы благодарим Бога за то, что Он даровал Своей Церкви такого святителя, ибо справедливо сказал один церковный писатель, что нет такого бесчувственного человека, который бы не возблагодарил Провидение, даровавшее миру столь блистательное светило. Будем же назидаться его бессмертными творениями, ибо не знать столь прекрасных творений, по выражению того же писателя церковного, то же значит, что не видеть солнца в самый полдень. Близко примем к сердцу его главнейшие заветы: изучение слова Божия, упражнение в молитве и милостыню — эту «царицу добродетелей». А о нем самом пребудем в той уверенности, что его небесной славе всегда будет отвечать его вечная слава на земле, согласно псаломскому слову: «В память вечную будет праведник» (Пс. СХ1, 6). Аминь».

Проповедь «О суде над миром сим», сказанная на пассию четвертой недели Великого Поста 6 марта 1909 года.

«Ныне суд есть миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И еще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе» (Ин. XII, 31—32).

С благоговейным вниманием и сердечным трепетом выслушали мы, братие, сейчас прочитанное евангельское повествование о крестных страданиях и смерти Господа нашего Иисуса Христа. Не только мысль о невинности этих страданий трогает нашу душу, но еще более нас поражает мысль о том, что это были страдания Самого воплотившегося Сына Божия.

Много всякого рода проявлений зла и неправды знает мировая история, но то, что «совершилось» (Ин. XIX, 30) на Голгофе, является исключительным и беспримерным событием во всей этой истории. Ни до, ни после Голгофы наша земля не орошалась Божественною кровию. И мы знаем, что сама бездушная природа, та природа, о которой иногда говорят, что она безразлично относится к добру и злу, и она не выдержала тяжести совершившегося, и солнце, всегда сияющее по воле Отца Небесного на злые и благие (Мф. V, 45), теперь скрыло свои лучи, как бы не желая освещать величайшего беззакония, и косная масса земли пришла в движение и отдала из своих недр от века усопших мертвецов (Мф. XXVII, 45, 51—52). Все это так страшно, что ветхозаветные и новозаветные проповедники этого исключительного события вполне имели основание обращаться к Богу с недоуменным вопросом: «Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся» (Ис. LIII, 1; Рим. X, 16), и их проповедь о кресте являлась для иудеев соблазном, для эллинов же безумием (1 Кор. I, 23). Но мы с вами, братие, твердо веруем, как и научены, что на Голгофе был распят нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся Единородный Сын Божий.

Да, неверующий мир в безумной злобе и ослеплении, побуждаемый князем своим, этим исконным врагом Божиим, действительно вознес на крест не кого другого, как Самого Сына Божия, о Божественном достоинстве Которого он знал как из Его дел, так и из Его слов (Ин. XVI, 22, 24). Этому миру мало было крови пророков и других праведных людей, пролитой от начала истории (Мф. XXIII, 35). И вот, доведши до креста и смерти Сына Божия, он думал нанести этим решительный удар столь ненавистному ему добру и устранить все препятствия, которые стояли на пути развития его злой воли. Он готов был праздновать свою победу. Но вместо этого он потерпел самое решительное поражение, и видимое торжество мира сего обратилось в величайшую победу добра и послужило началом и основанием к освобождению верующего человечества из-под власти диавола (Евр. II, 14—15). В предании на смерть Самого Сына Божия неверующий мир нашел свое полное осуждение. На Голгофе подверглось великому суду и все содержание жизни этого мира, и те начала, которые ею руководят, а верующие

именно в Голгофе и последовавшем затем воскресении и прославлении Господа обрели неисчерпаемый источник своей любви к добру и его высочайшее оправдание. Это засвидетельствовал Сам Господь, когда незадолго до Своих страданий, имея их в виду, Он произнес сии слова: «Ныне суд есть миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон; и аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе» (Ин. XII, 31—32).

Итак, на Голгофе произошел суд «миру сему». Чем, в самом деле, характеризуется жизнь неверующего мира, или «мира сего», как называет его Господь, из чего она складывается, какими началами управляется? Для внешнего и постороннего наблюдателя жизнь мира сего может представиться исполненной блеска и шума. Здесь постоянно стремятся ко всякого рода внешним успехам и, по-видимому, достигают их. Вот почему жизнь этого мира с первого взгляда поражает богатством и разнообразием своих форм, их непрерывным умножением и усложнением. И гордый своими успехами мир шумно несется вперед, и его победные клики могут порой смутить простое верующее сердце. Но какое, спросим мы, содержание укладывается в разнообразные и многочисленные формы жизни мира сего и что скрывается на самом деле за видимым блеском этой жизни? Содержание жизни этого мира — самое мелкое и ничтожное, недостойное человека, этого сына Отца Небесного, а за видимым торжеством мы слышим иногда голос самого великого отчаяния и страшной скорби. Шум мирской жизни есть шум битвы, и торжествующие клики принадлежат только немногим победителям в ней. Вся жизнь мира сего есть одна сплошная картина игры страстей и самолюбий, интриг и вожделений, бешеной погони за наслаждениями и удовольствиями. Гордость и чувственность, вообще голое себялюбие и, как обратная сторона его, страшная ненависть к другим, а порой и к самому себе — вот что характеризует последователей этого мира, и все блестящие формы жизни, которые он создает, суть только жалкие рублища, прикрывающие проявления указанных страстей. Даже самые добродетели, на совершение которых иногда селятся представители этого мира, являются не больше как блестящими пороками (блаженный Августин). «Все, еже в мире, — говорит

апостол Иоанн Богослов, — похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская» (1 Ин. II,

16). А где же, спросим мы, великая нравственная задача жизни, где различие добра и зла, где вера в Бога? Всего этого здесь нет. Вместо нравственной задачи здесь ставятся вопросы простого житейского благополучия, и самая граница между добром и злом здесь снимается и уничтожается, а вместо веры в Бога водворяется простой расчет и самонадеянность. Но не может душа человеческая, по самой природе своей знающая различие добра и зла и всегда стремящаяся к Богу, вынести такого искажения ее, а потому последним основанием всему этому направлению жизни мира сего является ложь. Люди сознательно начинают обманывать других и не могут быть искренними даже в отношении к себе самим. Вот почему мир, по слову Господа, и не может принять Духа истины (Ин. XIV, 17). И сколько бы ни хвалился этот мир своею мудростью и своими знаниями, истина далека от него, ибо неправда никогда не может быть правдою. И князем мира сего является поэтому тот, кто ложь есть и отец лжи (Ин. VIII, 44). Понятно, что при таком направлении жизни мира сего он страшно враждует против Бога. «Ныне же, — говорит Спаситель наш о представителях царства мира сего, — и видеша и возненавидеша Мене и Отца Моего» (Ин. XV, 24). И дружба с миром сим, по слову святых апостолов, есть вражда против Бога (Иак. IV, 4; Рим. VIII, 7). Если мы теперь пожелаем кратко определить, что лежит в основе жизни мира сего, то должны сказать, что такою основою является зло. «Мир весь лежит во зле» (1 Ин. V, 19), он «смешан во единомыслии зла» (Прем. X, 5), он всем существом своим покоится в диаволе. И вот на Голгофе мы видим крайнее выражение всего этого зла мира: «На кресте бо висит Праведный, хвалимый отцев Бог и препрославлен» (Кан.1-го гл., 7-я песнь). Но там же и «суд миру сему есть», и «князь мира сего осужден бысть» (Ин. XVI, 11).

Прежде всего неверующий мир на Голгофе нашел осуждение по самой своей основе. Крестная смерть Сына Божия не только со всею очевидностью показала, но и навеки утвердила, что между добром и злом никогда не может быть согласия, что граница между тем и другим не есть что-либо произвольное и условное, но что она так же неизменна и

ненарушима, как неизменно самое существо Божие. Этим самым у мира сего отнимается и то последнее оправдание его греховности, что она не затрагивает, если можно так выразиться, самого существа Божия, что она имеет отношение только к нему самому. Бездна страданий Бога плотию разделяет теперь грех от правды, добро от зла, и никто не может перейти этой черты, чтобы не оказаться виновным в тягчайшем преступлении, в попрании Сына Божия и непочитании за святыню Крови завета и оскорблении Духа благодати (Евр. X, 29). Отныне не может быть сомнения в том, что есть только или добро или зло, или правда или грех, рай Божий или ад диавола, не может быть сомнения и в том, что грех вообще, всякий грех достоин величайшего осуждения, следовательно, и мир сей как исполненный греха уже осужден, уже стоит в преддверии ада. Мир не может теперь превращать правду Божию: «Открывается бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде» (Рим. I, 18).

Но на Голгофе мир сей осужден не только по основе своей, которая есть грех и зло, но и по самому содержанию жизни его. Мир стоит на гордости и охраняет самым тщательным образом свое достоинство, свою честь. Но вот на Голгофе мы видим Самого Царя славы, и «вид Его бесчестен, умален паче всех сынов человеческих» (Ис. LIII, 3). Он «вместо предлежащая Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив» (Евр. XII, 2). Мир дорожит своею земною жизнью и стремится наполнить ее всякими утешениями плоти, но на Голгофе добровольно пригвождается своею безгрешною плотию Сам Начальник жизни и с великою покорностью Отцу Небесному полагает душу Свою, попирая тем всякую мирскую похоть. Мир заботится всегда о своем внешнем торжестве, о своей памяти в истории, но распятый на Голгофе Господь не сходит с креста, не поражает Своих врагов, хуливших Его, и умирает, оставленный почти всеми Своими учениками и последователями.

Но исполнилось слово ветхозаветного евангелиста: «Когда душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное» (Ис. LIII, 10) и слово Самого Господа: «когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. XII, 32). Здесь, у подножия креста Господня, зарождается новая благодатная жизнь и ведет свое начало то новое бытие в

человечестве, которое называется Церковью Христовою. Она, назданная Его честною кровию, раскинула свои спасительные сети по всему миру и может сказать: «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки» (канон на Святую Пасху). Чего достиг мир своим богоубийственным делом распятия Сына Божия? Только того, что Его оплевали и Ему поругались своею святою жизнью бесчисленные полки мучеников и подвижников, которые, будучи охвачены мыслью о великой Голгофской жертве, обнаружили изумительное терпение и величайшую любовь к Распятому. Для них мир сей перестал существовать, по слову апостола Павла, который говорит, что Крестом Господа нашего Иисуса Христа ему мир распялся и он миру (Гал. VI, 14). С изумлением мир видел, как среди него появляются люди, которые решительно отвергают все, чем он живет, которые не считают несчастьем внешнего позора и унижения, бедности, болезни и смерти, а единственно только грех, которые остаются совершенно равнодушны ко всем благам мира сего. И в великой злобе он вооружался против этих людей, предавая их пыткам и казням, но тем самым приготавливал себе еще большее поражение. И когда он от внешней силы перешел к средствам внутреннего порабощения, то с удивлением увидал, что люди бегут в пустыни и подвергают себя тягчайшим добровольным страданиям, чтобы только сохранить себя «неоскверненными от мира» (Иак. I, 27).

Братие! Мы с вами, по слову Спасителя, «не от мира сего» (Ин. XVII, 16), мы принадлежим к Его святой Церкви. Но следует ли отсюда, что грозное слово Спасителя нашего о суде над миром сим нас совершенно не касается? Нет, оно относится и к нам. Мы, хотя не от мира, но мы живем в мире, и можем ли мы сказать, что он уже не имеет никакой власти над нами? Мир осужден, он побежден Тем, Кто сказал о Себе: «Аз победих мир» (Ин. XVI, 33), но не уничтожен. Пораженный в самом своем существе, раздавленный, он все-таки продолжает пока существовать и вооружается против Церкви Христовой всеми средствами, находящимися в его распоряжении: соблазном, укорами, осмеянием, презрением, клеветою, жестокостью. Он пытается проникнуть в самую ограду Церкви и подменить

содержимое Церковью небесное христианство христианством мирским. И мы знаем из истории Церкви, что эти его попытки иногда удавались. Мы знаем, например, какие печальные следствия имело вторжение духа мира сего в сферу жизни церковной, как самые славные церкви отпадали от союза с Церковью Вселенскою и ее Главою через то, что заимствовали много в своей жизни от начал мирских. Мы видим, как проникает дух мира сего иногда даже в наши храмы в виде нарушений правил церковного благочиния и вообще церковных порядков. Мы чувствуем, наконец, в своей повседневной жизни непрестанное действие мира сего и на самую внутреннюю храмину нашей души, ибо и туда он стремится проникнуть путем разных, иногда очень тонких, влияний, чтобы поколебать нашу веру, лишить нас нашей надежды и обратить нашу любовь на предметы, ее недостойные.

Что же мы должны делать, будучи членами воинствующей с миром Церкви? Неужели же выйти из мира? «Не молю, да возмешь их от мира, но да соблюдеши их от неприязни» (Ин. XVII, 15), — так молился Господь в Своей первосвященнической молитве о Своих апостолах. Нет, не уходить нам из этого мира нужно, как не нужно на самом деле отсекал руку или ногу и вырывать глаз, которые нас соблазняют (Мф. XVIII, 8—9), а нужно только всегда резко разграничивать себя от мира сего, не любить его и того, что в нем (1 Ин. II, 15). Мы — «чада светобразная церковная» и должны всегда ходить, яко чада света (Еф. V, 8). «Что общего у света с тьмою? — спрашивает апостол Павел. — Какое согласие между Христом и Велиаром?.. Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас» (2 Кор. VI, 14—17). «Не прикасаться к нечистому» — вот что мы должны наблюдать, обращаясь среди мира. Удаляясь от всех развращающих влияний мира, мы должны беречься и от всякого греха, не только большого, но и малого, ибо и тот и другой уже осуждены самым тяжким судом вместе с миром сим в крестной смерти Господа нашего. Мы всегда должны помнить Голгофу и Распятого на ней Сына Божия и не допускать, чтобы наше легкомыслие или слабость воли

делали нас повинными в презрении Его святейшей крови. Мы должны тщательно пересмотреть все находящееся в храмине нашей души и очистить ее от всякой мирской нечистоты. Древние евреи при праздновании своей пасхи должны были тщательно очищать свои дома от всякого квасного хлеба, и у них существовал целый обряд «искания» этого хлеба. Наша Пасха, братие, — Христос, закланный за нас. «Посему, — как говорит апостол далее, — станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Кор. V, 7—8). Поищем и мы в душах наших — не осталось ли в них чего-нибудь от старой закваски, от закваски порока и лукавства, и если найдем, то постараемся уничтожить все это.

Будем же, братие, оберегать себя от мира, «да не с миром осудимся» (1 Кор. XI, 32). Аминь».

Проповедь, сказанная в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова 26 сентября 1909 года.

«Пишу вам, чадца, яко оставляются вам греси имене Его ради. Пишу вам, отцы, яко познаете Безначальнаго. Пишу вам, юноши, яко победили лукаваго.

Пишу вам, дети, яко познаете Отца. Писах вам, отцы, яко познаете Исконнаго. Писах вам, юноши, яко крепцы есте, и слово Божие в вас пребывает, и победили лукаваго» (1 Ин. II, 12—14).

Сегодня у нас, братие, двойной праздник и сугубое торжество. Вместе со всею Церковью мы празднуем день священной памяти апостола и евангелиста Христова Иоанна Богослова, и к этому общецерковному празднику присоединяем и собственное годовичное торжество нашей школы. И не только у нас, но и во многих других местах, служащих рассадниками духовного просвещения, нынешний день имеет такое значение. День святого апостола Иоанна Богослова есть, по преимуществу, праздник богословской науки и праздник учащегося в духовно-учебных заведениях юношества. Представители богословской науки в лице апостола Иоанна видят своего небесного Покровителя, так как ему Церковь усвоила отличительное наименование Богослова, и он, действительно, является таковым в самом точном смысле этого слова, а духовные учащиеся юноши имеют в апостоле Иоанне

самого юного из лика апостолов Христовых, бывшего в момент своего призвания Спасителем их сверстником и сохранившего до глубокой старости особенную любовь к этому возрасту, как это видно из приведенных в начале слов его послания и из церковного предания о юноше, спасенном апостолом от духовной гибели. Но и вся вообще церковь, все христиане всех времен и народов, хотя одинаково ублажают всех апостолов за их благовестнические подвиги и труды, с особенною торжественностью празднуют память святого апостола Иоанна Богослова и выказывают особенные знаки своей любви и благоговения к нему. И Церковь не может иначе поступать, ибо Сам Глава ее Богочеловек Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни, хотя всем Своим апостолам, «которых дал Ему Отец» (Ин. XVII, 9), одинаково сказал: «Якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас» (Ин. XV, 9), но особенной и преимущественной Своей любви удостоил именно апостола Иоанна, который поэтому и называет себя учеником, «егоже любляше Иисус» (Ин. XIII, 23; XXI, 7, 20). Церковь в лице апостола Иоанна имеет возлюбленного ученика Христова, великого апостола любви, столпа церковного, который руководил ее жизнью дольше других апостолов, новозаветного пророка, предсказавшего ее будущую судьбу, печать апостольского века. Если воспользоваться образом, виденным самим апостолом Иоанном, когда он был в Духе и когда ему была показана Церковь в виде великого города, небесного Иерусалима, основание стены которого украшено 12-ю драгоценными камнями, символизирующими 12 апостолов, то надо сказать, что св. Иоанн Богослов является одним из драгоценнейших из этих камней со своим особенным, своеобразным блеском. На тверди церковной это будет звезда не только одна из крупнейших, но и одна из замечательнейших по издаваемым ею лучам, лучам особенной красоты и силы.

Всмотримся же ближе в свет этой звезды на небосклоне Христовой Церкви, попытаемся точнее и полисе определить те особенности духовного склада, те стороны духовной природы святого апостола Иоанна, которые делают его образ столь дорогим и священным для всех христиан вообще и для нашего духовно-просветительного братства в частности.

Особенности личности святого апостола Иоанна ускользают

от точного определения, но они чувствуются всяким внимательным читателем его писаний и сказываются во всех известных из предания подробностях его жизни. О чем больше всего говорят писания воспоминаемого ныне апостола? Ответ ясен: о любви. Любовь — вот слово, которое чаще всего встречается у апостола Иоанна; любовь — вот основной предмет его посланий; «Возлюбленнии, возлюбим друг друга» — вот постоянное наставление в этих посланиях. Но и церковное предание характеризует нам апостола Иоанна все с той же стороны. Сохранился трогательный рассказ о том, что, когда святой апостол сделался весьма старым и не был в состоянии вести пространных бесед с учениками, он всегда и неизменно повторял лишь одно сие краткое изречение: «Детки, любите друг друга». О любви говорят и другие апостолы, например, апостол Иаков говорит о ней как о законе царском (Иак. II, 8), апостол Петр — как о покрывающей множество грехов (1 Пет. IV, 8), апостол Павел — как о превосходнейшем пути и высочайшем даре, без которого другие духовные дарования немного значат (1 Кор. XIII), но так постоянно и настойчиво, но в такой системе, в какой говорится о любви у апостола Иоанна, о ней никто из апостолов не говорил. Если любовь к Богу и ближним, по слову Самого Спасителя, есть то, на чем утверждается весь закон и пророки (Мф. XXII, 40), если, по слову апостола Павла, любовь есть совокупность совершенства (Кол. III, 14), а по слову святых отцов Церкви она есть начало и конец всей добродетельной жизни (свт. Иоанн Златоуст), причина всех благ (св. Ефрем Сирин), то теперь станет понятным, что святой апостол Иоанн, уча всегда о любви, постоянно пребывал, значит, в самом святое святых христианского нравоучения и христианской жизни. Но не одну только психологию любви и ее нравственную ценность раскрывает в своих писаниях святой апостол Иоанн; он предлагает нам в них, если можно так выразиться, и метафизику любви, и ее эсхатологию. Он указывает первопричину и высочайший источник нашей любви в недомыслимой и премирной любви Божией, проявленной в творении, промыслении и искуплении нас. «Любы от Бога есть, — поучает он нас, — и всяк любяй — от Бога рожден есть и знает Бога, а не любяй не позна Бога», и дальше он изрекает

слово, которое является величайшим во всем Новом Завете: «яко Бог любви есть» (1 Ии. IV, 7, 8). Особенно сказалась любовь Божия к нам в таинстве искупления и возрождения нашего. «Пишу вам, чадца, яко оставляются вам греси имене Его ради... Пишу вам, дети, яко познаете Отца» (1 Ин. II, 12, 14). Оставление грехов, право обращаться к Богу как к своему Отцу Небесному — все эти величайшие блага, распространяющиеся на всех христиан, даются ради имени Иисуса Христа, ради Его бесконечного снисхождения. «О сем есть любви, не яко мы возлюбихом Бога, но яко Той возлюбил нас, и посла Сына Своего очищение о гресех наших» (1 Ии. IV, 10). Являющаяся в ответ на бесконечную любовь Божию к нам наша собственная любовь к Богу и Спасителю нашему, если она достигнет надлежащей степени и силы, послужит основанием и нашего дерзновения пред престолом Судии. «О сем совершается любви с нами, да дерзновение имамы в день судный» (1 Ин. IV, 17).

Откуда, спросим мы теперь, такая особенность в писаниях и в духовном складе апостола Иоанна, являющегося поистине апостолом Любви? Почему для него любовь — родная стихия, и все христианское учение излагается у него с точки зрения любви Божией и любви человеческой? Ответ на этот вопрос подсказывается уже самым воззрением апостола Иоанна на любовь. Ведь она, по нему, имеет единственный и неисчерпаемый источник — это Любовь Божественную. С лона этой премирной и в последние дни воплотившейся Любви он черпал и свою собственную любовь. Он был возлюбленнейшим учеником Господа, особенно сильно чувствовавшим на себе влияние Нго небесной любви. В этом можно видеть причину того, почему все существо апостола Иоанна было проникнуто любовью. Но здесь же надо предположить, что святой Иоанн и со своей стороны отвечал на любовь Божественную Своего Учителя самую крепкую и нежною любовью верного ученика. Иначе мы в любви Господа признали бы некоторое пристрастие, то есть уподобили бы ее обыкновенной любви человеческой. Но Господь любил святого Иоанна за то, что и тот любил своего Учителя. И действительно, в часы испытаний любви апостолов ко Христу, именно с момента взятия Его под стражу, апостол Иоанн, один из апостолов, не отстал и в это время от своего

Божественного Учителя и молчаливо присутствовал при крестных страданиях и смерти Его, выслушав из уст Умиравшего последнюю волю Его как Сына человеческого. Любовь апостола Иоанна скорее помогла ему поверить воскресению Господа и затем узнать Его на Тивериадском озере. «Это Господь». — тихо говорит он апостолу Петру при явлении Воскресшего.

Любовь к Господу Иисусу Христу сказывается и во всех писаниях апостола Иоанна. С какою подробностью он излагает важнейшие Его беседы, не приведенные у других апостолов, как постоянно Божественное Лицо воплотившегося Сына Божия стоит в центре всех его богословских построений. И последние слова последней, по крайней мере, в нашей Библии книги апостола Иоанна также выражают эту горячую любовь апостола к Господу: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Апок. XXII, 20).

О, если бы нам, братие, хоть в малой мере усвоить дар любви, столь отличавший апостола Иоанна! Но где — спросите — его найти? Очевидно, там, где нашел его апостол Иоанн: на лоне Любви Божественной, у сердца нашего Спасителя и Господа. Возлюбим же любовь, в деле строения нашей жизни и нашего спасения отведем ей самое главное место, ибо любовь есть сама жизнь, как говорит апостол Иоанн: «мы ведем, яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию» (1 Ин. III, 14), а отсутствие ее, вражда есть смерть: «не любяй бо брата, пребывает в смерти». В любви существо и самой божественной жизни, внутренняя жизнь самого Божества. Откровением этой божественной жизни, посредником ее для нас является Сын Божий, это Слово жизни, сама Ипостасная Жизнь. «В том живот бе» (Ин. I, 4).

Но эта явившаяся Жизнь есть вместе с тем и свет для людей: «и Живот бе свет человеком» (Ин. I, 4), «Свет истинный, иже просвещает всякого человека» (Ин. I, 9). Таким Она была и для апостола Иоанна Богослова. По обилию своей любви к воплотившемуся Сыну Божию и по Его любви к апостолу, при природной склонности своей к созерцательности апостол Иоанн восшел на недостижимую высоту богословия и духовного прозрения. Он поистине есть орел, парящий над миром и землею. В этой удивительной высоте богословствования апостола Иоанна, при которой ему оказались

доступными самые неизреченные тайны Божественной жизни и Божественных путей, заключается другая выдающаяся и исключительная черта личности воспоминаемого ныне апостола, черта весьма важная и многозначительная для тех, кто занимается богословскою наукою. Этим последним, конечно, хорошо известно, что писания святого апостола Иоанна являются опорой самых важнейших частей нашей догматики, что тайна Божественного Лица нашего Искупителя, его предвечное бытие, рождение от Отца, Божеское достоинство, соединение с человечеством в лице Иисуса Христа, действительность присутствия тела и крови Богочеловека под видом хлеба и вина никем не описаны с такою ясностью, как святым апостолом Иоанном. Справедливо говорят, что святому апостолу Иоанну было определено выразить последнее слово Божественного Откровения, вводящего в сокровеннейшие тайны внутренней Божественной жизни, и утвердить против еретиков основной догмат христианства — воплощение Сына Божия для дарования миру вечной жизни. Он поэтому имел основание обращаться к своим ученикам с такими словами: «Пишу вам, отцы, яко познаете Безначальнаго». Под его руководством они, действительно, постигли премирные тайны Божества, ибо апостол Иоанн есть, действительно, «зритель неизреченных откровений и сказатель вышних Божиих тайн», как поет ныне в честь него святая Церковь. Он поистине есть «сын Громов», как назвал его Сам Господь. Как некий небесный гром, раздаются его слова: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово» (Ин. I, 1). Идея Слова, или Логоса, есть величайшее достояние христианской мысли, и она обязана ею апостолу Иоанну Богослову. Но не одно положительное богословие апостола Иоанна является высшею и совершеннейшею формою всего богословия христианского, по и те пути, которые он указывает к изучению и познанию этого богословия, отличаются глубиною и истинностью, то есть верностью предмету. Богопознание, духовное просвещение, по апостолу, не есть одно интеллектуальное познание, исходящее из одного разума и замыкающееся в пределах этого разума. Нет, это познание, предполагающее жизненное общение с познанным и влияющее на жизнь. Это, собственно, есть «хождение во свете» с соответствующими жизненными плодами его. Религиозная

истина не есть только предмет теоретического усвоения, а она есть вместе с тем обязательно и практическая норма. «Глаголяй, яко познах Его (Бога), и заповеди Его не соблюдает, ложь есть и в сем истины несть» (1 Ин. II, 4). Это руководящее правило при изучении христианского богословия должны близко принять к сердцу все занимающиеся этим богословием. Христианство без жизненного усвоения его есть закрытая книга, которая никогда не может быть прочитана. Без живой и одушевленной религиозности, без благодати христианское богословие немыслимо. Примем же, братие, этот завет апостола любви и великого Богослова, и пусть потеряют силу все упреки, что мы забыли путь опытного Богопознания, что мы не владем правильным методом в области изучаемого нами богословия.

С духом любви и высотой созерцания у апостола Иоанна соединялись удивительная целостность и правильное, спокойное развитие его духовной природы. В его жизни нет резких переходов, в ней не было каких-либо глубоких падений и внутреннего разлада, сопровождающегося душевными страданиями. Хотя он убежденно говорит, что «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1 Ин. I, 8), и хотя благодать Святого Духа, преобразившая всех апостолов, освободила и апостола Иоанна от некоторых резкостей в его характере и взглядах (Лк. IX, 54), по ничто из прошлой жизни не доставляло душевных страданий обновленному сердцу апостола Иоанна, как это было, например, с апостолом Павлом при воспоминании им его дохристианского образа жизни или с апостолом Петром при воспоминании им своего отречения. В этой целостности и гармоническом развитии духовной природы апостола Иоанна заключается третья отличительная особенность его. И мы дерзаем думать, что она коренится в том обстоятельстве, что апостол Иоанн был призван к апостольству во дни его юности, в те дни, когда его чистая девственная душа вся была объята пламенем веры в явившегося Мессию и любви к этому небесному Посланнику. А юность имеет удивительное свойство. Правильно проведенная, она делает человека на всю жизнь юным душой, глубоким идеалистом. Свойства этого возраста — его отзывчивость на все великое, святое, его потребность в сочувствии, симпатии — эти естественные духовные дары юности, если ими правильно

воспользоваться, делают то, что вся последующая жизнь юноши-идеалиста течет ровно, спокойно, без переломов, скорбей и надрыва. Даже для праведников, бывших в начале грешниками, хотя они потом покаянием загладили свой грех, жизнь есть постоянная борьба, понуждение, покаяние и слезы. Даже в будущей жизни сохранившие от юности свои души нерастленными будут иметь какой-то особый дар, какого не удостоятся и величайшие подвижники, если они не сохранили себя от крещения. Святой апостол Иоанн в откровении видел, как сонм девственных, нерастленных душ пел пред престолом Божиим песнь, которой не мог научиться никто, кроме них, и как они были ближе всех к Агнцу и всюду следовали за Ним (Апок. XIV, 3—5). Духовная жизнь, возженная во дни юности, отличается особенною целостностью и силою. Это свидетельствует сам апостол Иоанн, когда он, выделяя среди своих читателей юношей, говорит им: «Писах вам, юноши, яко крепцы есте, и слово Божие в вас пребывает, и победисте лукаваго» (1 Ин. II, 14). Да, великий дар Божий — юность, и велико значение этого дара для духовной жизни, можем мы воскликнуть, стоя пред духовным образом возлюбленного ученика Христова. И блажен тот, в ком этот дар принесет такой плод, какой принесла святому Иоанну его юность, отданная Христу.

Дорогие юноши, младшие члены нашей академической семьи! Не я, а сам апостол любви, воспоминаемый нами, обращается к вам: «Пишу вам, юноши, яко победисте лукаваго». По слову апостола, вы уже победили лукавого. Вы крепки своим природным юношеским идеализмом.

Не теряйте же его, а, наоборот, по примеру апостола Иоанна, все больше и больше укрепляйте его, сообщая ему христианский оттенок. Вы сильны своею молодою пробуждающею мыслью, стремящеюся к цельному и разумному мирозерцанию. Приступайте же с одушевленною ревностью к исследованию истины. Только «храните себе от треб идольских» (1 Ин. V, 21). Не ослабляйте себя каким-нибудь умственным или научным сектантством. Исследуйте истину во всей ее широте и глубине — и вы свободно и радостно убедитесь, что она находится там, где нашел ее и ваш небесный Покровитель, святой апостол Иоанн — в Предвечном Логосе,

Вечной Жизни, бывшей у Отца и явившейся нам. Богословская наука с ее возвышенными построениями доставит вам тогда глубокое удовлетворение, богословские вопросы станут для вас любимыми, и работа в области их будет представляться вам несомненно производительной и плодотворной.

А теперь все мы, присутствующие здесь, и ученые и неученые, и старцы и юноши, едиными устами воскликнем к воспоминаемому ныне апостолу Христову: «Богослове, девственнице, учениче возлюбленне Спасов, молитвами твоими нас спасай, молимся, от всякаго вреда: яко твое есмы стадо» (стих на стиховне на малой веч. 26 сентября). Аминь».

В 1904 году иеромонах Анатолий окончил Киевскую Духовную Академию в числе первых студентов и был оставлен профессорским стипендиатом для приготовления к занятию вакантной кафедры Общей Церковной Истории, на которую и был избран 3 июня 1905 года в звании исполняющего должность доцента Киевской Духовной Академии.

Для научных занятий в 1905—1906 годах он был командирован в Константинополь, в Русский Археологический Институт. К наукам у иеромонаха Анатолия способности были поистине замечательные. Он владел языками — французским, немецким, английским, читал на греческом, латыни и сирийском. Его научные интересы сосредоточивались на изучении сирийского монашества до арабского нашествия. Митрополит Мануил (Лемешевский) характеризует о. Анатолия следующим образом: «От природы одарен большими способностями, прекрасно изучивший классические и некоторые восточные языки, всегда усердный и ревностный в исполнении всех своих обязанностей и на редкость трудолюбивый, иеромонах Анатолий вскоре овладел предметом своей специальности и, благодаря своим лингвистическим познаниям, получил возможность работать в таких областях своего предмета, в каких редко приходится работать исследователям церковно-исторической науки, по крайней мере у нас в России (изучение древнехристианского Востока). По любви к этой науке и ее первоисточникам на древних классических и восточных языках, по неутомимому, даже страстному стремлению докопаться до самой мудреной хронологической даты, а также и по другим свойствам своих ученых исследований иеромонах

Анатолий, по отзыву о нем Высокопреосвященнейшего Антония (Храповицкого) напоминал покойного знаменитого историка СанктПетербургской Духовной Академии В.В.Болотова, воспроизводя в ученых трудах почти все научно-исследовательские приемы почившего профессора.

В 1908 году иеромонах Анатолий представил в Совет Академии сочинение под заглавием «Исторический очерк Сирийского монашества до половины 6-го века», за которое был удостоен степени магистра богословия. По отзывам рецензировавших это сочинение лиц, труд иеромонаха Анатолия, касаясь темной и мало разработанной в церковно-исторической науке области, отличается высокими научными достоинствами. Чтобы собрать исторические сведения о разных подвижниках и киновиях Сирии на протяжении почти четырех веков, автор должен был употребить огромные усилия на изучение источников и литературы своего предмета. Осведомленность его была настолько широка, что всякий, кто захотел бы поработать после него по истории Сирийского монашества, мог бы довериться ему совершенно и сделать книгу его отправным для себя пунктом. В числе отзывов был и такой: «Тема полностью исчерпана».

4 августа 1911 года о. Анатолий утвержден в степени магистра богословия и звании доцента Академии, а 29 августа возведен в сан архимандрита. 11 января 1912 года архимандрит Анатолий назначен экстраординарным профессором Киевской Духовной Академии. 8 июля того же года он был переведен в Московскую Духовную Академию инспектором и экстраординарным профессором кафедры Истории Древней Церкви.

30 мая 1913 года о. Анатолий назначен ректором Казанской Духовной Академии и преподавателем истории Древней Церкви. Вскоре состоялось наречение архимандрита Анатолия во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии.

«Когда впервые до меня, убогого, дошла весть о том, что я призываюсь к высшему служению в Церкви Христовой — епископству, — сказал архимандрит Анатолий в своей речи при наречении во епископа, — вся моя душа была потрясена до основания от неожиданности и страха. Я почувствовал самым ощутительным образом, всем сердцем и всею душою, что со

мною совершается и имеет совершиться нечто столь великое и столь священное, что, если бы мне надо было объяснить — хотя приблизительно — силу и исключительность этого момента в жизни инока, я должен бы был пройти мимо всех важнейших событий обыкновенной человеческой жизни и остановиться едва ли не на самом завершительном моменте ее — смерти. Только эта священная и таинственная минута перехода из времени в вечность и отрешения от всего земного, которую предстоит пережить каждой человеческой личности, только она одна, показалось мне, и может идти в некоторое сравнение с тем, что называется архиерейской хиротонией. И я вспомнил слова, сказанные мне давно одним архипастырем нашей церкви по поводу одной ранней смерти: «Смерти, как и посвящения во епископа, бывают в разное время». Тогда эта неожиданная аналогия поразила меня своим высоким и утешительным взглядом на смерть, а теперь она представилась мне наиболее пригодной для того, чтобы при помощи ее пересказать вам, богомудрый архипастырь и все собравшиеся здесь, те чувства и то настроение, которыми полна моя бедная душа в эти священные для меня дни при взгляде на предстоящий мне великий дар Божий и высокое служение Церкви.

Дарование епископства, конечно, немногим из массы верующих есть как бы очевидное избрание этих именно лиц Самим Богом, есть указание Перста Божия на них, внятное в слух всего церковного общества провозглашение их имен. То, что испытывали пророки и апостолы, избираемые из народа Божия к своему исключительному служению, нечто подобное должен испытывать — и испытывает — призываемый к апостольскому служению и после них. Подобно Савлу, получающему пред Дамаском апостольский жребий, он, «трепеща и ужасаяся», невольно говорит: «Господи, что мя хочещи творити» (Деян. IX, 6). Эта непосредственность действия Божия, это исхищение из среды верующих и поставление на свещнице, это неожиданное приближение к святому святых новозаветной духовной скинии и вхождение за внутреннюю ее завесу, словом, это избрание, падающее именно па тебя, худородного, отражается в твоём сознании таким священным трепетом, какой испытывает человек, разве

когда приходит «час его» и он обретается уже пред вратами вечности. Слишком очевидно действие Божие, чрезвычайно велик дар, который переводит обладателя его в надземные сферы, к самому святому и пренебесному жертвеннику Божию. Душа не вмещает этого великого дара. Теперь начинаешь яснее постигать то ветхозаветное воззрение, по которому человек не может видеть лице Бога или слышать глас Его и оставаться в живых (Исх. XXXIII, 20; Втор. V. 26). Но когда Господь говорит, то кто противовещает Ему (Рим. IX, 20)? «Яже бо Бог святой совеща, кто разорит, и руку Его высокую кто отвратит» (Ис. XIV, 27). Та высшая покорность воле Божией, которая для всякого доброго христианина совпадает с концом его земной жизни, она, насколько я могу судить по теперешнему своему состоянию, проявляется еще и в течение этой жизни и она-то составляет смысл тех слов, которые я произнес сейчас в совершенном чипе.

Но наш Бог есть Бог «еже миловати и спасати», и самая смерть в царстве Бога Живаго может означать иногда лишь начало вечной блаженной жизни. Укрепленная молитвою, своею и братскою, этою единственною силою, с которою только и можно встретить все великие дела Божии, — потрясенная и смятенная душа моя стала воспринимать и «глас хлада тонка» — веяние тихой, умиленной радости. Это совсем не та мирская радость, какая возникает при виде служебного или иного подобного успеха. Это радость о том, что и тебя Господь по Своей неизреченной милости благоволил воспринять в число Своих — трудно это сказать, хотя это слово апостольское, соразработников на ниве Его (1 Кор. III, 9), что ты теперь приобщаешься сонму апостольскому и святительскому, этой золотой цепи посланников Божиих, что ты отселе будешь находиться в средоточии церковной жизни и совершать все великие священнодействия, испытывая тысячи радостей, которые дает полнота этой благодатной жизни, словом, что ты еще прежде вкушения смерти узришь Царствие Божие, пришедшее в силу (Мк. IX, 1). От полноты растворенного этою тихою радостью сердца вместе с апостолом невольно восклицаешь: «Благодарение же Богови о неисповедимом Его даре» (2 Кор. IX, 15). Попадаешь как в иную область бытия или, выражаясь языком святоотеческим, переселяешься на небо и

освобождаешься от страстей (Златоуст), ясно чувствуя таким образом прикосновение *благодати*. И спрашиваешь себя: если одно предначертание в мысли всех духовных благ епископства дает такую благодатную радость, то как представить себе всю полноту этой радости Господа своего при конце твоего епископского служения, если только оно будет совершено тобою достойно?

Но как сподобиться такого блаженного удела, такой чести в Царствии Божиим? Здесь мне припоминается одно из событий Евангельской истории. Когда двое из апостолов вместе со своею матерью просили у своего Господа и Учителя высокой чести сесть по правую и по левую руку Его во Царствии Его, Он ответил им вопросом: «Можета ли пити чашу, юже Аз пию, и крещением, имже Аз крещаяся, креститися?» (Мк. X, 38). Думается, что этот вопрос Спасителя, обращенный к сынам Громовым, является ответом и на мой дерзновенный вопрос. Из этих священных слов я уразумеваю, что не о радостях и чести своего епископского служения я должен думать теперь, в эти знаменательные для меня дни, а я должен позаботиться о том, чтобы возможно глубже и сильнее напечатлеть в своем сознании всю необходимость для епископа как преемника апостолов испить от чаши страданий Господних и креститься крещением сострадательной любви Господней. И я теперь понял, что страх и трепет, которыми отозвалась душа моя на призывание к епископству, имеют основание не только в потрясающем величии самого дара, но и в связанных с великими трудностями условиях его приложения, что аналогия смерти и посвящения, о которой я говорил вначале, имеет и свое продолжение.

Да, посвящение во епископа — это смерть всяких личных желаний, это конец и предел всяких сомнений и колебаний. Епископ должен жить исключительно напряженною внутреннею религиозною жизнью и жизнью своей паствы. Его вера должна быть тверда, как алмаз, и чиста, как кристалл, должна быть верой апостола Петра, «камня веры». Он должен далее постоянно пребывать в тех, яже к Богу, во еже очистити грехи людския, то есть его смиренная и пламенная молитва должна его переводить в область потустороннюю, делая его больше гражданином неба, чем земли. И в то же время при всей такой

отрешенности епископ должен быть чрезвычайно близок к своим пасомым, к их высшим духовным запросам и потребностям, так, чтобы быть в состоянии дать ответ за каждую врученную ему душу — это наследие Единородного, приобретенное Его драгоценною кровью. Теперь-то постигаешь во всей силе слова апостола Павла Ефесским пастырям, останавливавшие твое внимание и прежде, хотя больше выраженным в них учением о Церкви: внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею (Деян. XX, 28).

Нелегко внимать себе. Десятилетний опыт монашеской жизни, не говоря уже о предшествующих ей годах, достаточно показал мне, как трудно поддерживать чистоту своей духовной сферы, какая буря помыслов — иногда нелепых и суетных — возмущает ее. Нередко вспоминал я при этом наставление первоначальника этого образа жизни — преподобного Антония Великого: «Живите, как бы ежедневно умирая», и только поставляя себя в своей совести как бы перед конечным судом Божиим, «как бы умирая», я находил в себе силы врачевать свои душевные немощи и недуги покаянием и усердною молитвою. Сколь же труднее будет мне внимать теперь уже не только себе, но и всемуверяемому мне стаду, невеликому, правда, числом, но имеющему особенно важное значение в экономии церковной жизни. Здесь я слышу глас блаженного Павла, который говорит о своих пастырских трудах: «По вся дни умираю» (1 Кор. XV, 31) и о котором его великий почитатель св. Златоуст красноречиво заметил, что сей апостол претерпел столько смертей, сколько по верованию жил дней. Это уже не умирание как способ проверки своей совести, это уже подлинное «истощание». И если как монах я должен был подвизаться даже до крове, то как пастырь и епископверяемых мне душ я, подобно ангелу Церкви Смирнской, должен быть верен даже до смерти (Апок. II, 10). Если, принимая монашество по своей личной духовной потребности, я дал обет умереть для мира, то, получая теперь епископство, я даю вместе с тем обет сугубо умереть для мира, но уже не для личного своего спасения, или, вернее, не для него одного, а для того же мира как творения Божия, для людей Божиих, для

Церкви. Ведь на пастыре-епископе с особенною силою сказывается тот закон пастырской жизни, который выражен в словах Спасителя: еще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, еще же умрет, мног плод сотворит (Ин. XII, 24). Церковная история, изучение которой составляло мое послушание, на ряде одушевляющих примеров показало мне действие этого закона во все эпохи церковной жизни. В период гонений епископ обыкновенно — первая жертва поместной Церкви. В эпоху мира внешнего, но внутренних догматических споров епископ есть страж веры, полагающий душу свою за чистоту этой, веры. Наконец, в эпоху после вселенских соборов, которая продолжается и ныне, епископ есть созидатель и охранитель той несокрушимой силы, которая называется церковным бытом и церковным преданием. Очами веры я созерцаю эту лучшую диадиму Церкви воинствующей на земле — «всякое епископство православных». Я вижу «пшеницу Божию» — св. Игнатия, непреклонного старца св. Поликарпа, бесстрашного пред лицом смерти св. Киприана, многократного изгнанника св. Афанасия, возвращающегося из ссылки после смерти св. Златоуста, ссылаемого и умирающего в изгнании обладателя первой по чести кафедры св. Мартина и целый ряд святителей русских, столь близких мне по местам моей службы: киевских — св. миссионера Михаила и священномученика Макария, московских — свв. Петра, Алексия, Иону и Филиппа и новопрославленного священномученика Ермогена и казанских просветителей Гурия, Варсонофия, Германа и Ефрема. В их-то труд должен войти теперь и я, недостойный. Я вновь потрясен, и уже не величием дара, а его тяжестью, и только уповаю, что мудрый Дароподатель соразмеряет первое с последнею, лишь бы приемлющий памятовал присно основное начало святительского делания — полное самоотречение даже до смерти.

Одному Богу теперь ведомо — будет ли мое епископское служение благоплодно или оно составит терпение в винограднике Божиим. Но что касается меня, то в сей священный час я преисполнен горячего желания и полной решимости отдать все свои силы на это высшее служение Церкви. Да дарует мне Господь всегдашнее памятование этого великого часа моей жизни! Помолитесь, — усердно прошу вас,

богомудрые архипастыри, — чтобы, с преклонением моей главы под ваши освящающие десницы и книгу спасения, во мне умерли всякие личные и суетные желания и в водворившейся таким образом сердечной тишине мощно возглагонала благодатная сила Божия, чтобы я исшел на свое архипастырское делание с готовностью все свое принести в жертву и чтобы я мог вместе с апостолом дерзновенно сказать вручаемым мне пасомым: «смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор. IV, 12). Аминь».

В 1913 году в Москве, в день Первоверховных апостолов Петра и Павла, в храме Христа Спасителя состоялась хиротония



архимандрита Анатолия во епископа Чистопольского, второго викария Казанской епархии, которую совершили митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский), архиепископ бывший Тверской и Кашинский Алексей (Опоцкий), епископ бывший Олонецкий и Петрозаводский Михаил (Соколовский), епископ бывший Екатеринбургский и Ирбитский Владимир, епископ Волоколамский Федор (Поздеевский). На

Епископ Анатолий

следующий день епископ Анатолий совершил свое первое архиерейское богослужение в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. О проблемах, возникших в Казанской Духовной Академии, владыка Анатолий 29 февраля 1919 года писал своему другу профессору Н.Н.Глубоковскому: «Печальная участь Петроградской Академии возбуждает в нас всех чувство глубокой скорби о старшей сестре нашей Академии и тяжелое предчувствие о судьбе ее самой.

Но пока, слава Богу, библиотека в наших руках и взята под

свою защиту Архивной Комиссией. Половина наличных студентов (человек 20) и Ваш покорный слуга, а равно и канцелярия, помещаются в здании академическом. В главном здании заразный госпиталь, почему пришлось отказаться даже от академической церкви и перейти в приходскую. Треть корпорации находится по ту сторону фронта, а трое в Москве. Остальные профессора почти все служат на советской службе и сравнительно немногие на епархиальной или совмещают должности в Академии. Денег, по-видимому, хватит до конца текущего года. На следующей неделе начинаются переходные экзамены.

Искренне желаю Вам сносных условий существования в Петрограде и возможных успехов в научной области.

С глубоким почтением *Епископ Анатолий».*

После того как советская власть декретом отделила Церковь от государства и издала указ о закрытии всех Духовных Академий, епископу Анатолию удалось сохранить Казанскую Духовную Академию еще на полтора года. Формально подчинившись закону, владыка Анатолий нашел юридическую уловку, благодаря которой жизнь Академии продолжалась. Дело в том, что, запретив официально духовное образование, советская власть еще разрешала получение частного религиозного образования. И вот вся Академия полным профессорским составом и со всеми студентами, сохраняя программу и прежнюю структуру, стала заниматься как бы частным порядком. На частных квартирах собирались студенты, слушали лекции, писали рефераты, получали оценки. Преподаватели так же, как и раньше, ходили на работу. Только теперь на частные квартиры, а не в Академию. Все исправно получали жалованье и отчитывались за проделанную работу.

При закрытии Академии удалось сохранить некоторую сумму денег, которая и являлась основным фондом заработной платы. Группы были небольшими, по 20—30 человек. Никому подобные собрания не бросались в глаза. Каждый семестр владыка Анатолий докладывал Святейшему Патриарху Тихону о результатах учебного процесса, получал материальную помощь от патриархии. Только через полтора года чекисты, случайно вскрыв присланный Патриарху пакет с отчетом епископа Анатолия, пришли в негодование и изумление: как это может

быть?! Все Академии и семинарии закрыты, а в Казани все как ни в чем не бывало. Срочно последовала бумага из столичных органов — разобраться на месте, что происходит, почему Казанская Духовная Академия, вопреки имеющимся декретам власти, не была академическим советом ликвидирована.

«Абсолютно секретно»

В Наркомат по 8-му отделу тов. Краснову Из переписки епископа Анатолия на имя Патриарха

Тихона усматривается, что в Казани до сих пор существует Духовная Академия, подчиняющаяся идейным и служебным директивам Патриарха и содержащаяся за счет каких-то «местных епархиальных средств», подлежащих отправке в Высшее Церковное Управление. Не касаясь вопросов о нелегальности источников существования Академии, мы полагаем, что наличие в Казани подобного очага мракобесия, руководимого духовно-административным центром, в настоящее время по общеполитическим соображениям нежелательна.

Просим Вас принять меры к пресечению дальнейшей деятельности указанного учреждения. О Ваших действиях поставьте нас в известность.

1.IV.1921 г.».

И прилагалось задержанное письмо епископа Анатолия:

«Его Святейшеству,

Святейшему Тихону, Патриарху Московскому

и всея России

Ректора Казанской Духовной Академии Епископа Анатолия

Представление

Совет Казанской Духовной Академии, заслушав в заседании 24 января (6 февр.) 1921 г. предложение Преосвященного Ректора, Епископа Анатолия избрать на освободившуюся за смертью экстраординарного профессора протоиерея Н.Н.Писарева штатную экстраординатуру одного из сверхштатных экстраординарных профессоров и единогласно избрав на эту вакансию сверхштатного экстраординарного профессора по кафедре Древней Церковной Истории А.П.Касторского, ходатайствует пред Вашим Святейшеством, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом об утверждении сверхштатного экстраординарного профессора

А.П.Касторского в должности штатного экстраординарного профессора Казанской Духовной Академии по кафедре Древней Церковной Истории.

Вашего Святейшества низайший послушник *Епископ Анатолий* 23 февр. (8 марта) 1921 г.».

Приведенный ниже «Заключительный акт» дает нам возможность представить обстоятельства этого дела: «1921 года апреля 24 дня Уполномоченный 11-го отделения Всетатчека рассмотрел дело за № 765 о Казанской Духовной Академии.

По агентурным сведениям Всетатчека стало известно, что Казанская Духовная Академия продолжает, вопреки всем декретам и распоряжениям Советской власти о прекращении существования всех духовных ученых заведений, существовать на прежних началах с прежним составом профессоров. Сведения эти получили подтверждение в сообщении 8-го ликвидационного отдела Наркомюста Российской Республики от 8-го сего апреля за № 246/6752 на имя Наркомюста Татареспублики.

Произведенным по этому поводу расследованием установлено следующее.

Казанская Духовная Академия, возглавляемая ректором епископом Анатолием (Грисюком), не была в свое время ликвидирована Губотнарбом (ныне Наркомпрос), и это обстоятельство ректор Академии истолковал как право на дальнейшее существование Духовной Академии на прежних основаниях, будто бы в порядке ликвидационном. Хотя все кредиты на Академию были закрыты и хотя смысл распоряжений Советской власти не оставлял сомнений в том, что Академия подлежит закрытию, о чем епископ Анатолий знал, тем не менее Академия продолжала существовать. По словам ректора Анатолия, Высшее Церковное Управление осенью 1918 года предложило ректору использовать дозволение Правительства на существование *частного* обучения религии, и это предложение в связи с высказанным будто бы заведующим Губотнарбом тов. Максимовым взглядом на возможность существования Академии послужило основанием для ректора епископа Анатолия к тому, чтобы Академия до настоящего момента сохранила прежнее название, состав профессоров и даже имела официальный

штамп и советскую печать.

Данными дела выяснено, что, помимо ректора Анатолия, проректором состоял протоиерей Виноградов Николай Петрович, секретарем Академии — Валентин Суханов, профессорами и доцентами Пономарев Павел Петрович, Несмелов Виктор Иванович, Парвеков Василий Андреевич, Покровский Иван Михайлович, Катанов Николай Феодорович, Машанов Михаил Александрович, Григорьев Иван Феодорович, Лузин — архимандрит Варсонофий, Васильевский Михаил Николаевич, Малинин — епископ Афанасий, Васильев Яков Васильевич, Керенский Владимир Александрович, Полянский Евламий Яковлевич, Касторский Александр Петрович, Протопопов Василий Иванович, Лебедев Александр Васильевич, Петров Николай Васильевич, Лапин П., Петров Н., Иванов М.; Несмелов, Парвеков и Пономарев были, кроме того, членами Правления. Казначеем Академии был Веселовский Иван Петрович, письмоводителем — гр. Петрова В.Я.

Все означенные профессора и доценты (исключая Лапина, Петрова, Иванова) были допрошены и указали, что они действительно продолжали читать лекции по своему курсу, числились профессорами и доцентами Академии, а равно получали вознаграждение.

Из отобранных у секретаря Суханова журналов совета Академии видно, что собрания советов за период времени с августа 1920 года по апрель 1921 года созывались 7 раз и на этих собраниях обсуждались вопросы о назначении профессоров, об отпуске и увольнении их, о приеме и увольнении студентов, о порядке и системе занятий, о денежных поступлениях и прочее. Как видно из тех протоколов, живая связь между Академией и церковным центром все время поддерживалась, и, конечно, церковному центру не только было известно о существовании Академии, но и многое другое в Академии делалось по утверждению центром, а часть средств поступала на содержание Академии по распоряжению центра.

Если состав профессоров установлен точно, то в отношении состава студентов этого сделать вполне определенно не удалось: по розыскам списки студентов не были найдены, а ректор, его помощник, секретарь и все профессора заявили, что списков студентов не велось; число их, по словам опрошенных,

не менее 15, но и не более 30 человек.

Академия после закрытия кредитов в 1918 году содержалась сначала на остатки, а затем на всякие церковные суммы и пожертвования. Месячный расход до сентября месяца 1920 года по старым ставкам выражался в сумме 8634 р. 20 к., а после сентября 1920 года по настоящий месяц — в сумме 89 150 р.

Лекции читались на дому у профессоров, так как здание Академии еще в 1918 году было, согласно декрету, отобрано у Академии; собрания совета созывались в квартире ректора Академии.

На вопрос о том, предпринимались ли меры к легализации Академии, ректор епископ Анатолий, помимо приведенных объяснений, заявил, что считал существование Академии дозволенным, раз она не была ликвидирована, что поэтому он даже не исполнил предписание церковного центра о получении разрешения на богословский Институт; часть профессоров и доцентов держались такого же мнения, а другие поднимали этот вопрос в совете, по он так и не получил почему-то разрешения. Большинство профессоров и доцентов, по их словам, считали, что Академия без средств и помещений в настоящем виде существовать не может и что она мало-помалу сама по себе прекратит свое существование; поэтому отчасти вопрос о легализации и не был разрешен в положительном смысле.

Принимая во внимание все вышеизложенное, основанное на агентурных сведениях и на показаниях самих обвиняемых, из чего ясно, что, несмотря на все оговорки, все-таки существование Академии было нелегальным, что и признано большинством опрошенных, на основании всего вышеизложенного полагаю: епископа Анатолия (Грисюка) как возглавляющего Академию за неисполнение распоряжений Советской власти, за нарушение общественного спокойствия и за будирование массы выслать из пределов Татреспублики на Соловецкие острова сроком на

5 лет. Проректора Виноградова Николая Петровича, 2) Суханова Валентина Васильевича (секретарь Академии), членов правления Духовной Академии: 3) Пономарева Павла Петровича, 4) Несмелова Виктора Ивановича и 5) Парвекова Василия Андреевича за неисполнение распоряжений Советской власти заключить в концентрационный лагерь сроком на один

год — условно.

Профессорам и доцентам Академии: 1) Покровскому Ивану Михайловичу, 2) Катанову Николаю Феодоровичу, 3) Машанову Михаилу Александровичу, 4) Григорьеву Ивану Феодоровичу, 5) Лузину — архимандриту Варсонофию, 6) Васильевскому Михаилу Николаевичу, 7) Малинину — епископу Афанасию, 8) Васильеву Якову Васильевичу, 9) Керенскому Владимиру Александровичу, 10) Полянскому Евлампии Яковлевичу, 11) Касторскому Александру Петровичу, 12) Протопопову Василию Ивановичу, 13) Лебедеву Александру Васильевичу тоже за неисполнение распоряжений Советской власти объявить в местной газете строгий выговор.

В отношении же казначея Веселовского Ивана Петровича и письмоводителя Петровой В.Я., которые исполняли обязанности по найму, — дело прекратить.

Кроме того, просить Совет Народных Комиссаров Татарской Республики о создании ликвидационной комиссии для полной ликвидации дел бывшей Казанской Духовной Академии.

Уполномоченный 11-го отделения Всетатчека *Клочков*

Зав. ликвид. отделом *Борисенко*".

26 марта 1921 года владыку Анатолия Грисюка впервые арестовали. Власти пытались обвинить его в неподчинении советским постановлениям, но формально ректор Академии оказался неуязвим. Закон не был нарушен. Все же его осудили на год принудительных работ с учетом срока предварительного заключения. Через девять месяцев владыка вышел на свободу и был назначен епископом Самарским и Ставропольским.

Но вскоре последовал очередной арест, о котором в подробностях сообщил Святейшему Патриарху Тихону епископ Алексей (Орлов).

«Его Святейшеству,

Патриарху Московскому и всея России Тихону

Алексия, епископа Бугурусланского, викария Самарской епархии Доклад

Долгом почитаю доложить Вашему Святейшеству, что 18 сентября задержаны в Самарском ГПУ Преосвященный епископ Самарский Анатолий, а 19 числа — Павел, епископ Бузулукский. Кроме того, 22 сентября арестованы: кафедральный протоиерей Ксенофонт Архангельский, протоиереи города Самары Иоанн

Колесников, Александр Бечин и Аркадий Ключарев, священники Иоанн Голубев и Ильинский и псаломщик Василий Клименко. 25го числа все поименованные лица были переведены из арестного дома в городскую тюрьму. Причины ареста всех этих лиц не выяснены.

Владыка Анатолий пред отправлением своим в ГПУ оставил распоряжение и благословение пригласить меня немедленно прибыть в Самару для управления епархией. Уведомленный о сем, я прибыл из Бугуруслана в Самару и 24 сентября вступил в отправлении возложенных на меня обязанностей по управлению епархией.

Вашего Святейшества, Милостивого Архипастыря и Отца
нижайший послушник *Алексий*,
Епископ Бугурусланский, викарий Самарской епархии.
1923 года 26 сентября».

Самарское отделение ОГПУ по чьей-то наводке совершило обыск у епископа Анатолия в епархии. Было обнаружено антисоветское воззвание, написанное от его имени, но ему не принадлежащее. Полгода владыка провел в заключении, прежде чем удалось доказать, что он не имел никакого отношения к этому возванию. 4 августа 1923 года его освободили. Владыка Анатолий был возведен в сан архиепископа, но уже 18 сентября того же года его опять арестовало то же Самарское ОГПУ. Обвинение предъявили по тому времени традиционное — распространение антисоветских слухов. Архиерей был осужден и административно сослан в Туркмению, в Красноводск на три года.

Несмотря на все потрясения и невзгоды, так обильно посетившие архипастыря, он не утратил ни бодрости духа, ни научных интересов. Письмо, отправленное из Полторацка профессору А.И.Бриллиантову, ярко свидетельствует об этом. Поводом послужило 25-летие со дня смерти профессора В.В.Болотова, которого владыка весьма чтит за его огромный вклад в историческую науку. Письмо датировано 4 марта 1925 года:

«Глубокоуважаемый профессор Александр Иванович!

Не зная Вашего теперешнего адреса, пишу Вам с окаяча и письмоводителя Петровой В.Я., которые исполняли обязанности по найму, — дело прекратить.

Кроме того, просить Совет Народных Комиссаров Татареспублики о создании ликвидационной комиссии для полной ликвидации дел бывшей Казанской Духовной Академии.

Уполномоченный 11-го отделения Всетатчека *Клочков*
Зав. ликвид. отделом *Борисенко*».

26 марта 1921 года владыку Анатолия Грисюка впервые арестовали. Власти пытались обвинить его в неподчинении советским постановлениям, но формально ректор Академии оказался неуязвим. Закон не был нарушен. Все же его осудили на год принудительных работ с учетом срока предварительного заключения. Через девять месяцев владыка вышел на свободу и был назначен епископом Самарским и Ставропольским.

Но вскоре последовал очередной арест, о котором в подробностях сообщил Святейшему Патриарху Тихону епископ Алексей (Орлов).



Епископ Анатолий

«Его Святейшеству,
Патриарху Московскому и
всех России Тихону
Алексия, епископа
Бугурусланского, викария
Самарской епархии Доклад

Долгом почитаю доложить
Вашему Святейшеству, что
сентября задержаны в
Самарском ГПУ Преосвященный
епископ Самарский Анатолий, а
19 числа — Павел, епископ
Бузулукский. Кроме того, 22
сентября арестованы:
кафедральный протоиерей
Ксенофонт Архангельский,
протоиереи города Самары
Иоанн Колесников, Александр
Бечин и Аркадий Ключарев,
священники Иоанн Голубев и
Ильинский и псаломщик
Василий Клименко. 25го числа
все поименованные лица были

переведены из арестного дома в городскую тюрьму. Причины

ареста всех этих лиц не выяснены.

зией. Постоянно вспоминая Вас как авторитетного представителя науки древней церковной истории, к которой и я был прикосновен, я непрестанно памятую и о Вашем славном учителе и предшественнике, незабвенном Василии Васильевиче Болотове. В нынешнем 1925 году, в В[еликую] Субботу, исполняется четверть века со дня сравнительно ранней смерти, столь прискорбной для русской ц[ерковно]-ист[орической] науки. И если бы была цела Петербургская] Дух[овная] Академия, то, несомненно,

Владыка Анатолий пред отправлением своим в ГПУ оставил распоряжение и благословение пригласить меня немедленно прибыть в Самару для управления епархией. Уведомленный о сем, я прибыл из Бугуруслана в Самару и 24 сентября вступил в отправление возложенных на меня обязанностей по управлению епархией.

Вашего Святейшества, Милостивого Архипастыря и
Отца
нижайший послушник *Алексий*,
Епископ Бугурусланский, викарий Самарской епархии.
1923 года 26 сентября».

Самарское отделение ОГПУ по чьей-то наводке совершило обыск у епископа Анатолия в епархии. Было обнаружено антисоветское воззвание, написанное от его имени, но ему не принадлежащее. Полгода владыка провел в заключении, прежде чем удалось доказать, что он не имел никакого отношения к этому воззванию. 4 августа 1923 года его освободили. Владыка Анатолий был возведен в сан архиепископа, но уже 18 сентября того же года его опять арестовало то же Самарское ОГПУ. Обвинение предъявили по тому времени традиционное — распространение антисоветских слухов. Архиерей был осужден и административно сослан в Туркмению, в Красноводск па три года.

Несмотря на все потрясения и невзгоды, так обильно посетившие архипастыря, он не утратил ни бодрости духа, ни научных интересов. Письмо, отправленное из Полторацка профессору А.И.Бриллиантову, ярко свидетельствует об этом. Поводом послужило 25-лстие со дня смерти профессора В.В.Болотова, которого владыка весьма чтит за его огромный

вклад в историческую науку. Письмо датировано 4 марта 1925 года:

«Глубокоуважаемый профессор Александр Иванович!

Не зная Вашего теперешнего адреса, пишу Вам с ожа эта дата была бы почтена подобающим образом. Но теперь пережившие и ее смерть будут разрозненно вспоминать утрату великого ученого, объединяясь только в чувстве признательности к нему. В этом духовном объединении позволяйте считать и пишущего эти строки.

Как хорошо, что Вы успели до рокового конца Академии издать лекции покойного В.В., в частности, едва ли не самый лучший том их — 4-й. Когда перечитываешь страницы этого тома по истории христианских споров на востоке в эпоху вселенских соборов, поражаешься вдохновенному проникновению и отчетливому, до мельчайших деталей, изложению критически проработанного материала. Можно пожалеть, что не удалось выпустить в свет дополнительный том, где бы нашла место история пелагианства, потом история монашества и др. Но премного благодарен и за основной том + ряд посмертных статей и заметок. Не отыскалось ли в течение последних 7—8 лет и еще кое-что из рукописного наследства В.В.? Вечная ему память и покой в Церкви торжествующей!

А что до нас, то мы теперь не столько изучаем древнюю церковную историю, сколько являемся жертвами трагизма новейшей русской церковной истории. Служебная и неслужебная Одиссея поставила нас далеко от библиотек и даже от собственного небольшого собрания книг по специальности. Очень любопытно было бы узнать, — каково состояние науки древней ц[ерковной] истории в Европе после войны и какие открытия, капитальные издания и крупные исследования можно там отмстить. Сколько томов издано Эд. Шварца — актов древних соборов вышло за это время? Чем подарил науку старый знакомый (по книгам) Ад. Гарнак? Каково состояние вопроса о несторианстве Нестория в связи с его «Книгой Ираклида»? Кстати скажу, что Ваша собственная бропиорка Юнгласа о лжеучении Нестория сейчас и у меня. Я ее перечитал не раз, и у меня есть охота сопоставить ее тезисы и соображения с соответствующими страницами лекций В.В. А что

некий гражданин Алявдин, собиравшийся открывать новооткрытого Нестория под руководством И.Д.Андреева, продолжает заниматься этим вопросом или бросил эту тему при новых условиях жизни? Другой вопрос, который меня интересует, — это о противопоставлении монофизитской литературы второй половины V и первой VI в. (до Леонтия В[еликого]). Хотелось бы отыскать следы и остатки этой литературы. Кстати, позволю себе спросить, есть ли у вас собственная книга Лебона о северианском монофизитстве. Я пользовался московским экземпляром, да и пришлось его отдать. Как писавшему по истории сирийского монашества (до арабского нашествия), мне интересно было бы знать о параллельных или последующих работах в этой области, напр., о 2-м томе Шивица, где часть страниц б[ыла] отведена монашеству в Сирии. Не видел я и брошюры Ал. П. Дьяконова <...>. Если она у Вас имеется, то я был бы благодарен, если бы Вы мне ее прислали хотя бы для просмотра. У нас за это время, кроме гностического памятника Abraxas, кажется, ничего не издано, что и понятно. Мы делаем историю, а не пишем ее: 1923 год в нашей церковной истории напомнил нам 449-й. А теперь говорят даже о 8-м вселенском соборе! Все теории акривии и крайней икономии представлены у нас в лицах. Иной раз думаешь — не грозит ли русскому православию печальная участь древней североафриканской или древнесирийской церкви, притом от причин не столько внешних, сколько внутренних, унаследованных от прежнего периода нашей церковной истории. Будущий поместный собор, если он состоится в ближайшее время, будет очень бурным. Когда утихомирится взволнованное море, когда выйдет из испытания истории наша родная церковь, — ведомо самому Богу, Которому и будет молиться Ваш покорный слуга <...>.

Епископ Анатолий Грисюк>>.

В августе 1925 года владыка подвергся новым испытаниям: тяжелая болезнь — ущемление грыжи; после не совсем удачной операции пришлось медленно и тяжело ликвидировать ее последствия. А впереди еще оставались два года ссылки — вдали от церковной и научной жизни, да и от квалифицированной медицинской помощи.

Из ссылки архиепископ Анатолий вернулся в 1927 году.

Временно жил в Москве.

Авторитет владыки был во всех отношениях неизменно большим. Его мнение по текущим церковным вопросам ценилось высоко. 29 июля 1927 года архиепископ Анатолий (Грисюк) совместно с другими выдающимися архиереями Русской Православной Церкви подписал декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности к советской власти. Декларация ставила своей целью сохранение церковной организации и литургической жизни, которая должна осуществляться, невзирая ни на гонения, ни на нестроения. Подписи поставили и будущие мученики-исповедники — Патриарший Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков), архиепископ Харьковский Константин (Дьяков), будущий Патриарх Алексей (Симанский) и другие.

В 1928 году, когда Ленинградский митрополит Иосиф (Петровых) отказался ехать на новую кафедру в Одессу, куда Синод хотел его перевести в связи со смутой в Ленинградской епархии, Анатолий Грисюк был назначен на Одесскую кафедру. В том же году, 12 января, по поручению митрополита Сергия (Страгородского) и Священного Синода владыку Анатолия отправили вместе с другими членами Синода — архиепископом Вологодским Сильвестром (Братановским), архиепископом Костромским Севастьяном (Вести) — в Ростов для увещевания митрополита Иосифа, чтобы в личной беседе спросить и запротоколировать: «а) с его ли ведома, согласия и благословения Преосвященный бывший Гдовский Димитрий и бывший Копорский Сергей распространяют обращения и воззвания к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и единомыслящими с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты православия и церковной свободы и призывая верующих объединиться около одного, якобы православного, митрополита Иосифа (Петровых); б) признает ли митрополит Иосиф приведенную выше резолюцию от 25 декабря 1927 года и отмежевывается от епископов-раздорников и всего их «самочинного сборища» и от всей происходящей церковной смуты. От митрополита Иосифа члены Синода должны получить подтверждение о его молитвенно-каноническом общении с Высшей Церковной Властью в лице

Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода и о неизменном им послушании. По докладу владыки Анатолия, архиепископа Сильвестра и Севастиана иметь о нем суждение». Увы, ни уговоры, ни братские увещания не возымели должного действия. Митрополит Иосиф (Петровых) остался непреклонен.

Владыка Анатолий принимал активное участие в разборе церковных смут и расколов, которых в то время было много. Он всегда занимал каноническую позицию, искал примирения и церковного согласия. Цель — во что бы то ни стало избежать раскола. Ведь даже мученическая кровь не оmyвает столь тяжкий грех, когда под воздействием человеческих страстей, политических и других соблазнов разрывается хитон Христов, рассекается тело Христово.

«В последнее критическое время церковная жизнь выдвинула ряд вопросов, — писал владыка профессору

А.И.Бриллиантову, — настолько требующих разрешения, как, например, относительно принятия клириков раскольнического рукоположения, относительно богослужебного поминовения неконфессиональной, гражданской власти, новых автокефалий, вроде польской, белорусской, широкой практики перемещения епископов и т. п. Разрешая эти вопросы, порой оперируют цитатами из славянских кормчих относительно мелитиан, новациан (мне, например, пришлось слышать ссылку на 37-ю гл. Славянской Кормчей, видеть которой я не имел возможности), из житий святых (например, под 24 ноября о молитве св. Василия В. перед иконою св. великомученика Меркурия об Юлиане Аноstate — слова св. Иоанна Дам[аскина] в защиту икон), ссылками на церковную историю Кипра и т.п. Словом, без детальных экскурсий в глубь церковной истории теперь никак не обойтись, а кто их дал в таком количестве и столь высокого качества, как не [покойный]

А.В.Болотов. Вечная память и вечная благодарность самоотверженному профессору церковной истории».

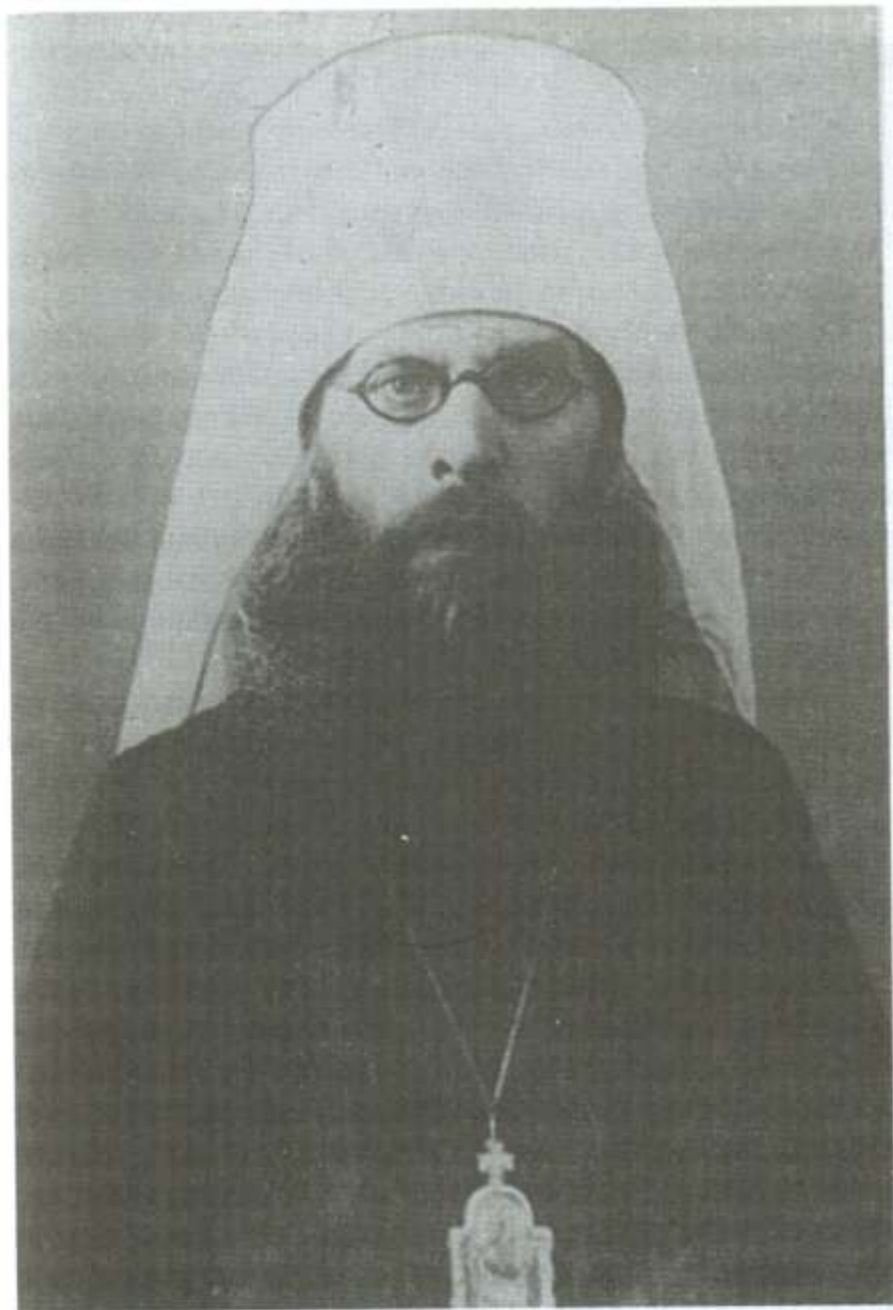
17 мая 1928 года владыке Анатолию пришлось разбирать ярославское дело митрополита Агафангела (Преображенского). Во многом смуты сеялись врагами Церкви, такими, как Е.Тучков. И везде требовался большой опыт и мудрость, чтобы отличить, где действуют враги Церкви, а где просто недоразумение,

порожденное смутным временем.

С 1928 года владыка Анатолий — член Временного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском).

В Одессу владыка попал в очень тяжелые годы. Инспектора по религиозным культам НКВД Вышегородский, а затем Баранович издевались над святителем вволю, не имея ни в чем препятствий. Часто владыку вызывали поздней ночью в НКВД на Малоразмеевскую улицу. Иногда в большие праздники во время богослужения являлись работники НКВД с требованием немедленно прибыть по уже хорошо знакомому адресу. Кроткий и смиренный в обычное время владыка умел ответить строго и со властью, так, что посыльные, чувствуя силу и величие духа святителя, до времени отступали. По окончании продолжительной службы владыка, приехав по вызову в НКВД, просиживал до глубокой ночи в приемной и, наконец, когда его принимали, разыгрывался бесовский концерт. Баранович истово орал на святителя, топал ногами, оскорблял. Подобные «встречи» не были редкостью.

Но тяжелее всего было владыке видеть, как арестовывали лучших священников города, уничтожали святыни. На его глазах были взорваны величественный кафедральный Преображенский собор и храм Архистратига Михаила при Девичьем монастыре, военный Свято-Сергиевский собор и храм Святителя Николая.



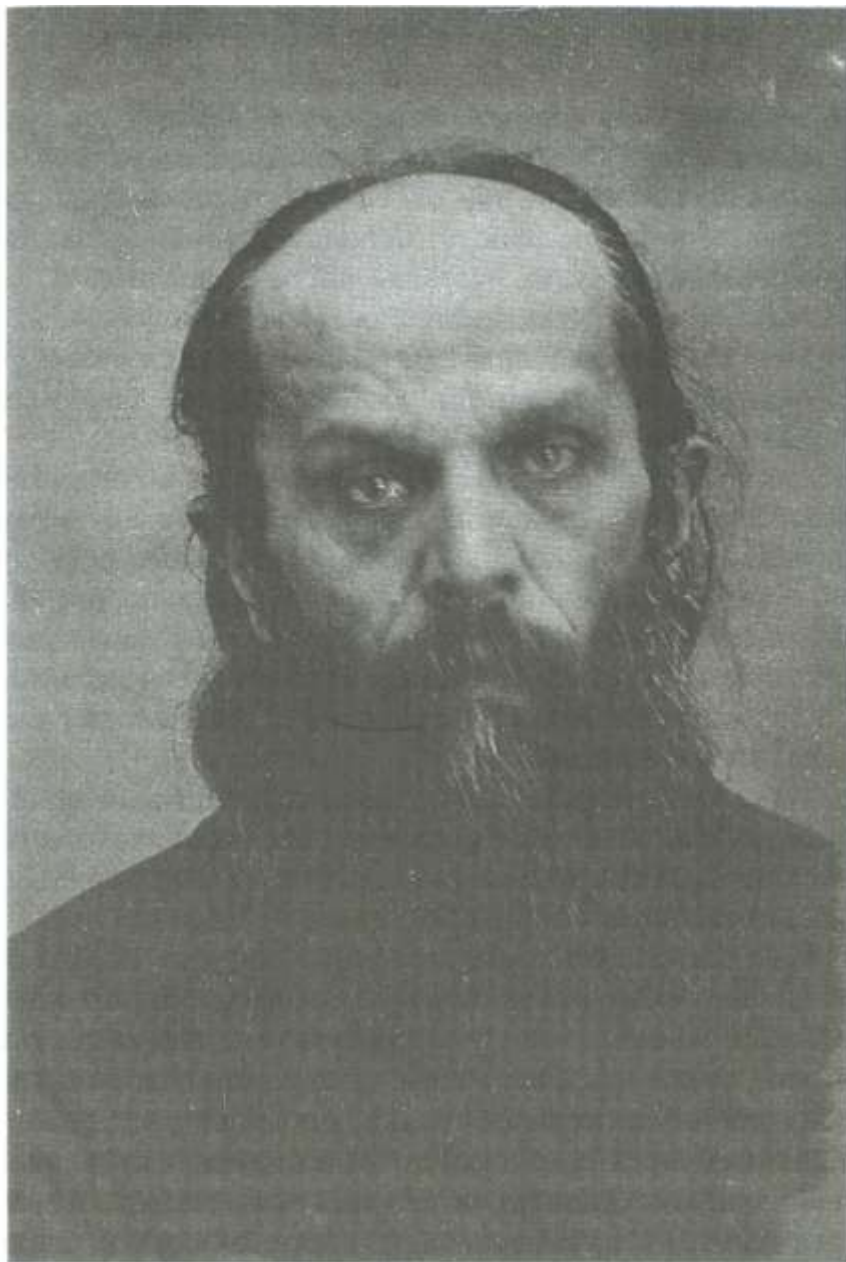
Митрополит Анатолий. 1931 год
Обладая редкими душевными качествами, владыка Анатолий

в те годы был для паствы щитом и ограждением. По отзывам современников он, невзирая на обстоятельства, оставался неизменно добрым, мягким и сердечным человеком. Порой его смирение и абсолютная скромность в личной жизни удивляли окружающих. К службе, когда еще можно было, он ездил на дрожках, часто без сопровождения, а в последнее время перед арестом ходил пешком, опустив глаза и сосредоточенно молясь. Казалось, ничто не могло нарушить его душевного мира и спокойствия. Когда он совершал божественную литургию, все было у него просто, проникновенно и возвышенно. Его

присутствие в алтаре благоприятно влияло на настроение верующих.

21 октября 1932 года владыка Анатолий был возведен в сан митрополита и выдвинут кандидатом на освободившийся пост Экзарха Украины, но по скромности уклонился.

В Одессе владыка Анатолий с первых дней стал оказывать особое внимание религиозно настроенной молодежи, и вскоре вокруг него образовалась группа, которой он отдавал много любви и трудов, готовя достойных к принятию священного сана. Но события развивались трагически, и впоследствии многих его духовных чад арестовал НКВД.



Митрополит Анатолий в заключении. 1937 г

В 1934 году, будучи проездом в Киеве, владыка зашел к

схиархиепископу Антонию (Абашидзе), где застал епископа Парфения (Брянских). Святители в последний раз встретились в этой жизни. В 1934—1935 годах владыка Анатолий исполнял должность временно управляющего Харьковской епархией. В 1936 году он снова в Одессе. В эти страшные для Православия годы, благодаря мудрому водительству митрополита Анатолия, церковная жизнь в епархии протекала относительно ровно, в установленном порядке. Злоба гонителей достигла крайней степени, и они стали готовить арест митрополита. Последним местом его служения стала Свято-Димитриевская церковь. Все остальные храмы города к этому времени были закрыты. Затем последовал запрет облачать митрополита Анатолия посреди церкви. Перед самым арестом власти запретили ему совершать богослужения. Арестовали митрополита 8 августа 1936 года. Через несколько дней, 13 августа, в теплушке его перевезли в Киев, где в очень тяжелых условиях протомили четыре месяца. Там он снова заболел язвой желудка, давшей осложнение на ноги. Еще во время первых арестов владыке повредили челюсть, после чего на всю жизнь остался дефект речи. Когда по особому ходатайству Экзарха Украины митрополита Константина перед высылкой владыке

Анатолию разрешили свидание с сестрой Марией Григорьевной, его к ней вели под руки: он почти не владел ногами.

16 декабря 1936 года его перевели в Москву. Владыку обвинили в преступлениях, предусмотренных статьей 54-10, «выражающихся в том, что он систематически проводил контрреволюционную работу, используя в этих целях религиозные предрассудки отсталой части населения».

21 января 1937 года, заслушав дело, Особое Собрание при НКВД постановило: митрополита Анатолия (Грисюка) «за контрреволюционную деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет».

Несмотря на очень тяжелое состояние и ходатайство сестры, владыку отправили этапом. Нередко святитель оказывался рядом с уголовниками, которые его регулярно обкрадывали. Больного архиерея буквально прикладами гнали пешком от стоянки к стоянке, не давая даже краткого отдыха. Когда он падал замертво, его поднимали на грузовик, но лишь

он приходил в себя, снова силой заставляли идти пешком.

В июле 1937 года владыка заболел крупозным воспалением легких. О нем непрестанно беспокоилась сестра Раиса Григорьевна Громадская. 11 июля 1937 года она написала письмо в ГУЛ НКВД:

«Мой брат, 57 лет, арестованный 8 августа 1936 года, в настоящее время находится в Кылтовской сельхозколонии (АССР Коми), давно уже болен язвой желудка, миокардитом, затяжным бронхитом. В настоящее время, кроме этих хронических заболеваний, он заболел крупозным воспалением легких. Ввиду того, что моя сестра, сама страдающая миокардитом и базедовой болезнью, не может ни жить, ни путешествовать самостоятельно, прошу разрешить сопровождать и допустить на территорию сельхозколонии гр. Варвару Яковлевну Петрову. Гр. Петрова, хотя и не является нашей родственницей, в течение 9 лет по трудовому договору обслуживала мою сестру и брата.

Если разрешение гр. Петровой сопровождать мою сестру не может быть дано, прошу разрешить мне сопровождать мою сестру в Кылтово, а равно разрешить и мне свидание с братом». Разрешение не дали. Сестра не оставила хлопоты и вымаливала возможность передавать митрополиту Анатолию горячую пищу, так как у него обострилась язва желудка. Между тем «строители светлого будущего» исправно принуждали митрополита Анатолия к общественно полезному труду. В карте № 77237/П Ухт-Печорского исправительного лагеря НКВД, где отмечались зачтенные рабочие дни отбывающих срок, есть такие записи о заключенном Грисюке: «Работает добросовестно. К инструментам относится бережно. Дисциплинирован. Качество работы удовлетворительное». Это запись в апреле - июне. Но уже с октября по декабрь другая: «Работу выполняет на 62 %. По старости работает слабо, но старается». Чуть позже читаем о том, что «заключенный Грисюк к инструменту относится небрежно, норму выполняет на одну треть, к физической работе не пригоден». В конце 1937 года владыка Анатолий почти потерял зрение. Чувствуя приближение конца, он попросил допустить на предсмертное свидание сестру. 8 сентября 1937 года начальник Ухтпечлага Черномский разрешил трехчасовое свидание. Но уже 10 сентября последовал отказ в свидании того же Черномского. Это было похоже на издевательство. Всегда

сдержанный и кроткий, владыка написал сестре: «Умоляю тебя, прими все меры, даже сверх-возможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и благословить тебя».

Свидание так и не состоялось. Перед самой смертью к владыке, уже агонизирующему, пришли с требованием отдать Евангелие и нательный крестик. Евангелие забрали, а крестик владыка чудом отстоял, перевернувшись на живот и держа его обеими руками.

Митрополит Анатолий преставился 57 лет отроду 23 января 1938 года от отека легких и декомпенсации миокардита в 17.10, как это записано в лагерном акте.

Не зная о смерти брата, Раиса Григорьевна продолжала писать.

«Начальнику УРЧ Ухтпечлага НКВД СССР

Убедительно прошу сообщить, жив или нет мой брат Анатолий Григорьевич Грисюк (бывший митрополит Одесский). В последнее время он находился на 88 команд. при сельхоз. Кылтово, а в начале января 1938 года тяжело заболел и был положен в тамошнюю больницу. В начале февраля я получила короткое сообщение из Серегово от неизвестного мне лица, что брат мой скончался 23/1. С тех пор я не имею никаких сведений от брата. Меня очень мучит вопрос, что я его оставила в крайне болезненном состоянии без дополнительной помощи. О последних 5 посылках, посланных ему, не имею сведения. Об одной неполученной им из более ранних (от 14/X—37 г.) я имею сообщение от начальника п/о Серегово, что она находится в его отделении и ждет справки УРЧ о месте нахождения адресата (хотя 2 последние посылки были доставлены брату). Находясь в очень болезненном нервном состоянии, очень прошу ответа, могущего внести ясность в этот мучительный для меня вопрос.

Раиса Громадская, урожденная Грисюк

Мой адрес: Москва, 1-я Останкинская улица, д. 35, кв.

17.

24 /II-38 г.».

Но ответ не пришел.

Так, незаметно для всего мира, в переполненном человеческими страданиями Зырянском крае закончилась жизнь митрополита Анатолия, замечательного иерарха Русской

Православной Церкви, ученого и богослова, в личности которого все было особенно и неотмирно.

Когда совершалась архиерейская хиротония, на владыку Анатолия откуда-то сверху упал свет, образуя дивное сияние вокруг его головы. Присутствовавшие на богослужении были поражены чудным явлением, видя в нем милость Божию и призыв к особому служению, которое он совершил, до конца претерпев все скорби и гонения и сохранив в себе свет Христов.

По свидетельству архимандрита Одесского Свято-Успенского монастыря Пимена (Тишкевича, умер в 1984 году), во время кончины святителя Анатолия над лагерным баракom появилось сияние.

Другое не менее авторитетное свидетельство о величии святителя Анатолия принадлежит его бывшему иподиакону Георгию, человеку трезвенному и достойному во всех отношениях.

С момента прибытия митрополита в Одессу до самого ареста Георгий прислуживал ему во время богослужения. В преддверии ареста, когда над владыкой сгустились тучи скорой и неминуемой расправы, он, по-отечески жалея молодого человека, говорил: «Георгий, меня могут арестовать. Не приходи больше ко мне». Но верный своему архиерею иподиакон неизменно отвечал: «Владыко, я ничего не боюсь. Я буду Вам служить до последней минуты».

И он, не поддаваясь животному страху, сковавшему многих в те лютые годы, остался до конца верен своему владыке.

Прошло время. В 1959 году Георгий, будучи уже в летах, тяжело заболел. В этом состоянии с ним случился инфаркт. Усилия врачей не увенчались успехом. Он умер. «В этот момент, — свидетельствовал впоследствии сам Георгий, — к нему явилась его покойная сестра Анна, которая отличалась особым благочестием, и он был восхищен вместе с нею на небеса. Там он увидел прекрасные палаты, а в них — сидящего священномученика Анатолия с золотым венцом на голове, окруженного множеством стоящих вокруг архиереев и иереев. Георгий удостоился благословения и беседы святителя Анатолия и наслаждался небесным покоем. Ему предложено было остаться в райских обителях, но, вспомнив о своих еще юных детях, он стал проситься назад. После этого, на удивление всем

присутствующим, Георгий стал оживать и впоследствии прожил еще около пяти лет. Всякий раз, вспоминая о своем опыте умирания, он со слезами благодарности и умиления говорил: «Я служил архипастырю до последней минуты, и владыка не забыл меня. В мою последнюю минуту он вымолил мне у Господа жизнь».

ИСТОЧНИКИ

Труды Киевской Духовной Академии. — 1905. Т. 1. С. 169—178.

Труды Киевской Духовной Академии. — 1907. Т. 3. С. 1—10.

Труды Киевской Духовной Академии. — 1909. Т. 1. С. 12—20.

Труды Киевской Духовной Академии. — 1909. Т. 3. О. 1—10.

Православный собеседник. Казань. — 1913. С. 1—8.

Сосуд избранный: История Российских духовных школ /Сост. М.Склярова. — СПб., 1994. С. 259—260, 330—333, 361—362.

ЦА ФСБ РФ. — Арх. № 17501-П. Д. № 252609, л. 8, 16—25, 37—38, 52—53.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. — Erlangen, 1979—1989. Т. 1. С. 222—226.

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917—1956: В 2 кн. — М., 1997. Кн. 1. С. 78.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е.Губонин. — М., 1994. С. 838, 962.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: В 2 ч. — Джорданвилль, 1949—1957. Ч. 1. С. 153—156.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОДИМ, АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ

29 ноября 1868 года в селе Погрешино Середского уезда Костромской епархии в семье священника Василия Федоровича и Ольги Васильевны Кротковых родился сын Николай — будущий священномученик.

В 1883 году Николай Кротков окончил духовное училище, а в 1889-м — Костромскую семинарию. Семья Кротковых была настолько бедна и жила так трудно, что в годы учения в духовной школе родители отправляли Николая в Кострому без единой копейки. Но Господь не оставлял Своего избранника без помощи.

По окончании семинарии Николай Васильевич поступил учителем в церковноприходскую школу села Олеш Галичского уезда. Примерно в это же время он венчался девице Аполлинии Андреевне Успенской, а 25 февраля 1890 года принял священный сан и был определен преосвященным Августин (Гуляницким), епископом Костромским, на священническое место к Петро-Павловской церкви села Тезино Кинешемского уезда. Этот приход составляли рабочие трех больших фабрик — около десяти тысяч человек. Богослужение в храме совершалось ежедневно, а многочисленные требы занимали все свободное время. В поисках большего религиозно-нравственного воздействия на рабочих о. Николай завел в церкви духовные чтения с поучениями, которым обыкновенно предшествовало, особенно в посты, служение акафиста. Но любимым детищем молодого священника была сельская народная школа, в которой он состоял законоучителем. Все время, остававшееся от пастырских трудов, он отдавал преподаванию в школе. Неутомимая пастырско-просветительская деятельность снискала тезинскому священнику всеобщую любовь прихожан-рабочих и расположение епархиальной власти, вскоре наградившей начинающего иерея набедренником.

Только семейная жизнь у о. Николая Кроткова не сложилась: умер ребенок, а за ним — любимая жена

Аполлинария Андреевна. Внезапно осиротев, о. Николай смиренно переносил постигшее его горе, находя утешение в молитве и пастырском попечении о еще более несчастных. Из глубины его переживаний, просветленных сердечной молитвой, родилось решение принять монашество и оставить приход. Но епископ Уманский Сергей (Ланин), знавший Кроткова по Костромской семинарии, в своих письмах убедил не спешить с реализацией такого важного намерения и продолжить образование. И уже в сентябре 1896 года Кротков стал студентом Киевской Духовной Академии. С глубокой скорбью прихожане села Тезина прощались с любимым пастырем; проводить его на железнодорожную станцию собрались все и со слезами на глазах высказывали священнику самые добрые пожелания.

На четвертом курсе Академии Кротков принял монашество с наречением имени в честь праведного Никодима. Постриг совершил епископ Уманский Сергей 13 августа 1899 года в Ближних пещерах Киевской Лавры.

Духовную Академию иеромонах Никодим закончил в 1900 году со степенью кандидата богословия и 24 августа того же года указом Святейшего Синода был определен смотрителем Владикавказского духовного училища. Его трудами было расширено училищное здание, устроена домашняя церковь, выхлопотаны у города в собственность училища две десятины земли, на которой при помощи учеников был разбит фруктовый сад. Кроме своей прямой службы, о. Никодим с 14 октября 1900 года по 6 сентября 1902 года состоял членом местного епархиального училищного совета. За свою полезную деятельность иеромонах Никодим 11 мая 1902 года был возведен преосвященным Владимиром (Сеньковским), епископом Владикавказским, в сан игумена. А когда в городе Кутаиси появилась вакансия инспектора духовной семинарии, игумен Никодим был назначен на эту должность (5 сентября 1902 года). С глубоким сожалением отпускали о. Никодима его ученики и сослуживцы по Владикавказскому училищу. В газетах по этому поводу писали, что в обществе он приобрел репутацию «заботливого администратора, экономного распорядителя, искреннего педагога и весьма гуманного, прямого и сердечного человека».

Местное грузинское общество почтило отъезжавшего из Владикавказа игумена па собрании в Грузинском училище и выразило чувство особого удовольствия видеть такого любвеобильного и доброжелательного пастыря на поприще духовно-просветительской деятельности в пределах Грузии. Но пребывание о. Никодима в Кутаиси было непродолжительным, всего несколько месяцев (здесь он с 4 октября 1902 года состоял членом Имеретинского епархиального училищного совета), и уже 8 января 1903 года отец инспектор был назначен ректором Александровской миссионерской семинарии в городе Ардон Терской области.

В Тифлисе Экзарх Грузии преосвященный Алексей (Опоцкий) возвел Кроткова в сан архимандрита. За два года о. Никодим много потрудился над благоустройством семинарии: построил новое здание, завел приличную обстановку для общежития, отделал домашнюю церковь на средства, собранные исключительно им самим.

С 8 февраля 1903 года ректорские обязанности архимандрит Никодим совмещал с должностью председателя Ардонского отделения епархиального училищного совета, а 28 сентября 1904 года он был назначен благочинным епархиальных монастырей.

Но более всего административные способности о. Никодима проявились во время его ректорства в Псковской духовной семинарии, куда он был переведен из Ардона указом Святейшего Синода от 25 мая 1905 года. Здесь его управление совпало с общим кризисом русской жизни, с периодом самых бурных семинарских беспорядков. Ему пришлось перенести немало неприятностей от взбунтовавшихся семинаристов. Когда под влиянием революционных идей почти все студенты отказались учиться и все меры педагогического воздействия на их отуманенные умы исчерпались, семинарию пришлось дважды закрывать — в октябре 1905-го и в мае 1906 года. При обратном приеме в семинарию архимандрит Никодим проявлял большую тактичность и не прибегал к широким репрессиям, учитывая, что многие из студентов стали жертвой злонамеренной агитации.

Смиренный ректор Псковской семинарии ограничился исключением руководителей беспорядков и тайных

организаторов. Пренебрегая общепринятым формализмом, архимандрит Никодим в своих отношениях с семинаристами исходил только из их блага и делал все возможное для улучшения учебного и воспитательного процесса. Для этого он организовал из учеников старших классов кружок «народных проповедников» и ходил с ними накануне воскресных дней в «Дом Трудолюбия», где совершал богослужение для его обездоленных насельников, а очередной член кружка произносил проповедь или поучение. Неудивительно, что «батюшку-ректора» хорошо знали и любили не столько представители высших слоев местного общества, сколько простой народ. 26 августа 1906 года Кротков был назначен председателем Псковского епархиального училищного совета.

В частной жизни о. Никодим довольствовался самой простой обстановкой. В личных отношениях отличался искренностью и прямоотой; всегда доступный, он никогда не показывал своего начальственного положения. Талант администратора, личные достоинства его были отмечены церковным священноначалием, и архимандрит Никодим был определен для архиерейской хиротонии. 10 - 11 ноября 1907 года состоялись церковные торжества — наречение и хиротония архимандрита Никодима (Кроткова), бывшего ректора Псковской духовной семинарии, во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии.

Подобные церковные торжества обычно совершались в стольных городах, главным образом в Санкт-Петербурге как центре церковного управления. Лишь изредка честь эта предоставлялась некоторым значительным древним русским городам. Ввиду этого воля императора Николая II о совершении наречения и хиротонии архимандрита Никодима в Кишиневе явилась особым знаком монаршего внимания к Кишиневской епархии.

Весть о том, что наречение и хиротония нового викария будут совершены в Кишиневе, с большим энтузиазмом была встречена местными жителями, желавшими быть свидетелями этого особенного священнодействия.

Преосвященный Владимир (Сеньковский), епископ Кишиневский и Хотинский, в силу предоставленного ему указом Святейшего Синода права пригласил к участию в наречении и хиротонии архимандрита Никодима во епископа Преосвященных

Аркадия (Филонова), бывшего епископа Аккерманского, Сергия (Петрова), епископа Новомиргородского, первого викария Херсонской епархии, и Иннокентия (Ястребова), епископа Каневского, викария Киевской епархии.

Наречение было совершено 10 ноября в зале архиерейского дома. На большом столе, покрытом красным сукном, были поставлены Святое Евангелие, Святой Крест и Зерцало. К полудню стали собираться желавшие видеть это торжество.

Ровно в час дня предстоятель, епископ Кишиневский Владимир, епископы Аркадий, Сергей и Иннокентий из внутренних архиерейских покоев вошли в залу. Здесь они облачились в мантии, а Преосвященный Владимир облачился поверх мантии в епитрахиль, поручи и омофор.

Архипастыри заняли приготовленные для них места за столом. Наступили торжественные минуты. В зале вод ворилась тишина. Два архимандрита, получив благословение от епископа Владимира, вышли из зала, чтобы представить для наречения архимандрита Никодима. Взоры присутствующих устремились к входным дверям зала. Из алтаря крестовой церкви, внутренним входом архиерейского дома, вошел будущий архипастырь в сопровождении двух архимандритов, о. Анфима и о. Германа, как свидетелей пред Богом и Церковью его епископского исповедания. Преклонившись пред Преосвященными и получив от них благословение, архимандрит Никодим стал около стола в ожидании объявления Божией, святительской и царской воли о наречении его во епископа. Секретарь местной духовной консистории В.Г.Введенский объявил эту волю, выраженную в указе Святейшего Синода, а будущий епископ трогательными словами выразил подчинение этой воле: «Благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю».

Началась главная часть чина наречения — соборное архипастырское молебное пение о будущем епископе. Архипастыри обычными начальными молитвами призвали благодатную помощь Святого Духа в предстоящем святом деле. Затем архиереи пропели песнопения дня Пятидесятницы: «Благословен еси, Христе Боже наш» и «Егда снишед языки слия», перенося молитвенное внимание присутствующих к величайшим и священным минутам, когда Святой Дух сошел на апостолов и когда они восприняли всю полноту иерархического

служения. После песнопения первенствующий архипастырь, владыка Владимир произнес ектению, в которой возносились прошения за Государя, духовные и мирские власти и будущего архипастыря. Необычно было слышать слово диаконской ектении из уст архиерея. Отпуст дня Пятидесятницы завершил это знаменательное молитвенное избрание нового апостольского преемника. Протодиакон Георгий Малонецкий провозгласил многолетие.

Когда смолкли звуки многолетия, нареченный во епископа обратился к присутствовавшим с прочувствованной речью:

«Богомудрые архипастыри и отцы!

Повеление о бытии мне епископом Богоспасаемого града Аккермана, выслушанное мною сейчас, достигло слуха моего значительно раньше, в то время еще, когда я был на далеком севере и трудился в духовной школе над образованием и воспитанием духовного юношества. Живо помню тот момент: я занят был подготовлением к уроку Священного Писания, который должен был дать своим воспитанникам, и вот в это время мною было получено известие о новом назначении. Смутился дух мой, я потерял то душевное равновесие, которое необходимо при умственных занятиях. С того времени прошел уже месяц, но и доселе дух мой не успокоился. Страшит меня высота епископского служения и соединенных с ним обязанностей и строгая ответственность за неисполнение их, с одной стороны, а с другой — скудость и слабость сил моих.

Епископ есть пастырь, устроитель и руководитель к вечному спасению вверенной ему паствы, или душ христианских, вместе с пастырями. Он преемник апостолов, продолжатель того дела, которое совершил на земле Господь Иисус Христос. Что может быть выше этого служения? Слово Божие называет епископа Ангелом вверенной ему паствы (Апок. 2 гл.), светом мира, солию земли (Мф. V, 13,14).

Исполнять свое великое служение епископ должен прежде всего учением, проповеданием Слова Божия, истин веры и нравственности, сообщенных Господом Спасителем. Слово Божие особенно много говорит об этой обязанности епископа. Епископу, говорит святой апостол Павел, подобает быть учителю (1 Тим. III, 2), совершать дело благовестника (2 Тим. IV, 5), держаться верного словесе по учению Христову), да

силен будет и утешать в здравом учении и противящееся обличать (Тит. I, 9); проповедуй слово, — говорит святой апостол Павел ученику своему Тимофею епископу, — настой благовремение и безвременно, облечи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (2 Тим. IV, 2). Епископ, по апостолу, должен быть готов и пострадать за благовестие Христово (2 Тим. I, 8).

Обязанность учительства в высшей степени тяжела в настоящее время. Весьма многие, пользуясь свободным печатным словом, стараются поколебать основы веры и нравственности, осмеивают самые сокровенные проявления религиозной жизни, отчего неверие и неправоверие распространяются чрезвычайно быстро, проникая в те слои общества, которые доселе были преданны вере. Поколебать в добре всегда легче, чем научить ему. Проповеданием Слова Божия, учительством не ограничиваются обязанности епископа. Святой апостол Павел учит, что епископ должен во всем показывать в себе образец добрых дел (Тит. II, 7), он должен быть образцом для верующих в слове, житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1 Тим. IV, 12), он должен быть непорочен по своей жизни (1 Тим. III, 2). Таким образом, на епископе лежит обязанность не только учить верующих словом, но еще более примером собственной добродетельной жизни, беспорочной, святой не во вне только, но и в своих внутренних движениях. Эти обязанности чрезвычайно высоки для обыкновенного смертного человека. Но, кроме этого, епископ есть строитель тайн Божиих (1 Кор. IV, 1), он должен священнодействовать, возносить молитвы, прошения и благодарения за свою паству, за избавление ее от грехов, бедствий и скорбей; он должен и управлять в делах церковных пасомыми и пастырями, что при многочисленности паствы, при распушенности нравов представляет весьма много трудностей. А между тем какая ответственность грозит за неисполнение своих обязанностей епископу! Господь говорит одному ветхозаветному пастырю: если ты не будешь вразумлять беззаконника и он умрет в беззаконии своем, я взыщу кровь его от рук твоих (Иез. III, 18).

Вот эти мысли смущают дух мой и заставляют трепетать сердце мое, когда я думаю о предстоящем мне служении. Силы мои мне кажутся недостаточными и слабыми для прохождения

столь высоких и ответственных обязанностей.

Наряду с этим приходят на ум и мысли другого рода, успокоительные. Я прошел уже значительный жизненный путь и за все пережитое время видел на себе явную руку Божию, восполняющую естественную слабость моих сил и помогающую проходить поручаемые мне служения. По своему происхождению я принадлежу к духовной семье, бедной в материальном отношении настолько, что часто в годы юности, в годы учения в духовной школе, родители отправляли меня в губернский город, где я учился, совершенно без копейки. Мысль, что в училище или семинарии содержаться не на что, беспокоила меня более всего. Однако Господь не оставлял меня без помощи. Находились благодетели из родственников, которые оказывали мне помощь, платили за меня взносы в общежитие. Однако только при той дешевизне содержания, какая существует в общежитиях духовно-учебных заведений, я мог учиться с помощью родственников, и потому я всегда благодарен воспитавшей меня духовной школе, так порицаемой ныне, за одно то, что она дала мне возможность и весьма многим другим беднякам при минимальных средствах учиться.

По окончании средней школы я решился посвятить себя пастырскому служению, к чему, собственно, и готовила меня духовная школа. Священником я стал, когда мне только что исполнился 21 год. Юный возраст, недостаточная подготовка, громадный фабричный приход, требовавший от священника особенного внимания и усиленной деятельности, немало смущали меня. Однако Господь не оставил меня без Своей помощи: я прослужил на приходе около семи лет, и когда, испытав горесть вдовства на 27-м году от роду, задумал идти в Академию, прихожане убедительно просили меня остаться у них. А когда я был принят в Академию, то прощание мое было слишком тяжело для меня и для них. По окончании Академии мне судил Бог идти по духовно-учебной службе. Проходил ее я в течение семи с лишком лет в должности смотрителя духовного училища, инспектора и ректора семинарии.

В течение прошедшей жизни я убеждаюсь, что Господь и при слабости сил моих помогал мне проходить поручаемые мне служения. Дерзаю уповать, что и впредь Господь не лишит меня Своей помощи.

Успокаивает меня в моем смущении и то, что в епископском сане я призываюсь служить под твоим святительским руководством, Первостоятель Церкви Бессарабской. В третий раз мне судит Господь пользоваться этим руководством. Тебе более, чем кому-либо другому, по предшествовавшей службе на Кавказе ведомы мои немощи, ты, однако, покрыл их своею любовью и призываешь меня в ближайшие помощники свои по управлению врученную тебе от Бога паствою. Благодарю тебя за отеческую любовь ко мне. Мысля в сердце соединить свою волю с твоею. Мне ведомы твоя природная мудрость, твоя опытность в делах церковных, приобретенная в разных концах нашего Отечества при служении твоём Церкви Божией. Веди же за собою меня, пастыря, научи меня, на какие пажити водить духовных чад, как право править слово истины Христовой.

Согласие свое на принятие епископского служения я уже дал Вам, богомудрые Архипастыри и отцы. Теперь обращаюсь к Вам с серднейшею просьбою: вознесите свои святительские молитвы о мне, грешнем, да ниспошлет на меня Господь, с Вашим возложением рук, Свою всесильную благодать, которая бы врачевала немощи и восполнила недостаток сил моих к достойному прохождению пастырского служения в сане епископа. Аминь».

После речи архимандрита Никодима Преосвященный Владимир окропил новонареченного святой водой и осе нил его животворящим крестом, к которому он благоговейно приложился. Этим закончилось наречение.

Настало воскресенье 11 ноября. Еще задолго до начала звона к церковному торжеству и Божественной литургии богомольцы стали стекаться в кафедральный собор, который мог вместить не более тысячи человек, а потому многие, несмотря на ненастную погоду, оставались на паперти и на площади собора. В 9 часов утра начали звонить. Вскоре в собор прибыли епископы Аркадий, Сергей и Иннокентий. Через четверть часа приехал Преосвященный Владимир. У входа его встречали двенадцать священнослужителей. Среди них был и новонареченный во епископа архимандрит Никодим. Владыка проследовал при пении входного «Достойно» к наместным иконам для чтения положенных входных молитв. Обычным порядком совершалось на середине храма облачение

Преосвященного Владимира и чтение часов. По окончании часов отверзлись царские врата, на середину храма в полном архиерейском облачении вышли Преосвященные Аркадий, Сергей и Иннокентий и заняли места на амвоне рядом с Преосвященным Владимиром. Священнослужители — архимандриты Анфим и Герман, протоиереи кафедрального собора о. Николай Василевский, ректор семинарии о. Павел Казанский, о. Георгий Дынга, о. Николай Лашков и другие заняли места по сторонам от амвона к царским вратам. В алтаре остался только новонареченный. Наступила вторая часть епископского посвящения — «чип исповедания и обещания архипастырского».

Епископ Владимир благословил настоятеля кафедрального собора и протодиакона представить новонареченного для епископского служения взорам архипастырей, пастырей и пасомых. Новонареченный вышел царскими вратами, сошел с солеи и стал лицом к владыкам, на заранее приготовленный ковер с изображенным на нем во всю его величину орлом, заняв место у его ног. Протодиакон возгласил: «Приводится боголюбезнейший, избранный и утвержденный архимандрит Никодим хиротонисаться во епископа града Аккермана». Первенствующий святитель спросил хиротонисуемого: «Чесо ради пришел еси и от нашей мерности чесо просиши?» «Хиротонии архиерейския благодати, Преосвященнейшие», — ответил о. Никодим. Первенствующий святитель снова спросил: «И како веруеши?» В ответ на это архимандрит Никодим начал читать архиерейское исповедание веры, разделенное на три отдела. Дважды еще чтение было прерываемо возгласением протодиакона о хиротонии архимандрита Никодима во епископа и вопросами первенствующего святителя: «Яви еще пространнее, како исповедуеши о свойствах Трех Ипостасей и непостижимого Божества?» После ответа последовал третий вопрос первенствующего святителя: «Яви нам еще подробнее, како исповедуеши яже о вочеловечении ипостасного Сына и Слова Божия и како содержиши каноны святых апостол и святых отец и предания и установления церковныя?» Нареченный во епископа трижды давал обетования хранить в чистоте и православии все догматы христианские, соблюдать правила

апостольские и соборные, блюсти церковный мир, повиноваться Святейшему Синоду и быть во всем соглас- * ным с собратьями-епископами, в страхе Божием и боголюбивым нравом управлять вверенным ему словесным стадом. Он обещал «ничего не делать вопреки священным правилам, по принуждению сильных, хотя бы смертью ему претили, — не принимать странных обычаев в церковных преданиях и чинах, но хранить предания и чины все неизменно с кафолическою Восточною Церковью Православною и согласно и единоумно со Святейшим Правительствующим Всероссийским Синодом и со Святейшими четырьмя Патриархами, восточного благочестия хранителями и правителями». Наконец, как сын своей родной русской земли он обещал быть верным подданным государя, усердным тружеником на пользу своей Родины.

Чем подробнее новонареченный раскрывал свои верования, тем более и более приближался к святителям, принимавшим его обеты перед Богом и людьми. Первенствующий святитель после каждого отдела исповедания веры призывал на хиротонисуемого благодать Бога Отца, Господа Иисуса Христа и Святого Духа. Восходя по ковру от ног до главы орла, хиротонисуемый достиг архиерейской кафедры и, кроме словесного обещания, вручил первенствующему архипастырю письменное, скрепленное его рукою, выражение того же исповедания. И только тогда первенствующий владыка объявил, что благодать Божия через его мерность удостоивает архимандрита Никодима рукоположения в епископский сан.

Все владыки благословили архимандрита Никодима. Поклонившись архипастырям, будущий епископ удалился в алтарь и стал на приготовленном для него архиерейском орлеце. На середине храма остались четыре архиерея и 12 священнослужителей.

Началась Божественная литургия, которая до малого входа совершалась обычным порядком. После Трисвятого, когда архипастыри и все священнослужители были уже в алтаре, настоятель собора о. Николай с протодиакonom подвели из алтаря от северных дверей архимандрита к царским вратам, а отсюда Преосвященные Сергей и Иннокентий приняли его и ввели в царские врата к Престолу. В священном трепете новонареченный склонился пред Престолом. Предстоятель

тремякратно осенил его главу своим благословением. Раскрытое святое Евангелие письменах возложено на главу хиротонисуемого, поддерживаемое десницами хиротонисовавших святителей.

Владыка Владимир вслух возгласил молитву о ниспослании Божественной благодати Святого Духа на хиротонисуемого епископа. Окончились слова священной молитвы, и восстал пред престолом новый епископ уже во всей полноте благодатных дарований. При многократном пении «аксиос» святители возложили на нового собрата во Христе саккос, омофор, крест, панагию и митру. Братским целованием приветствовали архипастыри того, кто только что получил архиерейскую хиротонию. Епископ Никодим занял место рядом с предстоятелем и владыкой Сергием. (После хиротонии Преосвященные Аркадий и Иннокентий разоблачились и в дальнейшем совершении литургии не участвовали.) Владыка возгласил: «Мир всем» к чтению Апостола, и литургия продолжалась обычным порядком. Как священнодействующий в соборе иерархов, епископ Никодим осенял молящихся дикирием и трикирием после чтения святого Евангелия, на великом входе принимал святую чашу и молитвенно вспоминал Святейший Синод, Преосвященных, участвовавших в хиротонии, весь освященный собор, властей и всех православных христиан.

В положенное церковным уставом время епископ Никодим через совершение иерейской и диаконской хиротонии самим делом явил перед всею церковью Богодарованную ему полноту архиерейской благодати. (В сан иерея был рукоположен диакон Димитрий Попович, в сан диакона — Михаил Плаксин.) Сослужившие в литургии архимандриты, протоиереи и иереи из рук Преосвященного Никодима причастились Святых Таин. После причащения священнослужителей епископ Никодим произнес возглас: «Спаси, Боже, люди Твоя» и осенил народ дикирием и трикирием.

В конце Божественной литургии архиереи разоблачились в алтаре и благословили епископу Никодиму возложить на себя архиерейскую рясу, мантию, клобук и четки. Совершив хиротонию, иерархи вышли на амвон, по сторонам заняли места священнослужители, участвовавшие в совершении литургии. Лицом к иерархам стал Преосвященный Никодим. Владыка

Владимир вручил ему архиерейский жезл и сказал назидательную речь, во многом оказавшуюся пророческой:

«Преосвященный Епископ Никодим, возлюбленный о Христе брат!

Избранный церковным священноначалием и утвержденный верховною властью Благодетелей Государя Императора, чрез таинственное возложение рук святителей Божиих, ты ныне удостоен архиерейской благодати. Приветствую тебя с сим великим даром благодати Божией и высоким служением, поручаемым тебе в Церкви Христовой. Радуюсь назначением тебя в сослужителя и соработника мне, ибо ты ведом мне по служению твоему в прежней моей епархии на Кавказе в качестве руководителя по образованию и воспитанию питомцев в низшей и средней духовных школах. Памятны мне слезы воспитанников училища при проводах тебя в Закавказье. Эти детские слезы говорили красноречивее всяких адресов. Вскоре ты снова возвратился на Северный Кавказ и стал во главе открытой при мне инородческой семинарии. Ныне по некоторым обстоятельствам, предшествовавшим избранию тебя, ясно вижу, что третья наша встреча на другой окраине нашего Отечества состоялась не без указания Промысла Божия для совместного возделывания духовного виноградника в области, обилующей вещественными виноградниками.

Господь судил мне впервые предстоять среди архиереев Божиих, возлагавших на главу твою руки свои для низведения архиерейской благодати, и второй раз вручать епископский жезл. «Во все времена был высок и труден подвиг епископского служения уже потому, что епископство есть служение высшим духовным целям человеческой жизни. Но в настоящее беспокойное время — время шатания и колебания в мысли и жизни, отрицания всего, что выше простой вещественной потребности, — епископское служение можно назвать по справедливости подвигом мученическим. Настоящая современность с каким-то особенным усердием, достойным лучшего дела, готова вести — и ведет — епископа на Голгофу, дабы распять там и сделать его мишенью для всяческих злословий, укоров, издевательств». Это было мною сказано при вручении жезла одному епископу, ныне с ревностью и благоплодно подвигающемуся на далекой окраине нашего

Отечества. Если сказанное всего пять лет назад было небезосновательно, то что сказать о тяжести епископского служения в настоящее время, когда, при мятеже народной души, враги Родины, будучи врагами Церкви Христовой и ее служителей, то чрез кощунственную печать, то путем богохульных речений, оскверняя самое дорогое и священное в человеке — его душу и совесть, всеми силами стараются разрушить основание духовной жизни народной — веру Христову и разорвать многовековую связь народа с матерью его святой Церковью, имея в виду, что «с падением алтарей и служителей их падут и престолы».

Но в настоящие великие и торжественные минуты в твоей жизни да не возглаголют уста моя злых дел человеческих и да не смущается, при крепкой вере в Бога, сердце твое, возлюбленный о Христе брат. В ободрение твое могу сказать, на основании личного опыта, что здесь не встретишь ты тех тяжких скорбей, которые испытали в последнее время многие архипастыри от чужих и своих, в особенности от своих, безумными глаголами соблазняющих «малых сих», попирая данные пред святой Церковью обеты... Здесь ты встретишь от пастырей и паствы любовь, почитание и послушание, в особенности если твои наставления, указания, советы будут растворяться любовью Христовою; увидишь многолюдное собрание верующих, наполняющих нашу «митрополию»¹ еще до начала акафиста, читаемого в воскресные дни, и с верою и любовью притекающих к многочтимой здешней святыне — иконе Гербовецкой Божией Матери; увидишь глубокое внимание к архипастырскому слову, как бы оно часто ни предлагалось в храме и вне оно.

Но не скрою, что среди простого деревенского люда, в огромном большинстве, при глубокой его вере, к при- 1 скорбию, в области вероучения и нравоучения царит глубокая тьма, вследствие которой во многих религиозных обычаях видится чисто языческий культ. Конечно, религиозное просвещение паствы лежит на обязанности близко стоящих к народу пастырей — сотрудников и помощников епископа. Но, к

¹Так называлась Крестовая церковь при архиерейском доме со времени первого епархиального архиерея митрополита Гавриила.

сожалению, церковное учительство у многих пастырей не входило в непрременную обязанность пастырского служения. Поэтому и в их деятельности требуется воздействие со стороны архипастыря. Занятые больше внешним исполнением своих обязанностей, многие из них, кажется, и не подозревали до последнего времени, что они должны быть нравственною силою среди народа, направителями его жизни. Вследствие разных причин были принижены не материально только, но и нравственно. Нужно оживить их деятельность, возбудить в них энергию и сознание их пастырского достоинства. В помощь нам и для ободрения пастырей в их деятельности мы имеем мощное слово неустанно пекущегося о благе нашем Монарха нашего, призвавшего, между прочими, и духовенство в качестве членов Государственной Думы к осуществлению великого дела — устройению земли русской.

Прими же сей пастыреначальнический жезл от руки нашей как бы от десницы Самого Христа Спасителя, невидимо здесь присущего и исповедание и обещание твое слышавшего, и паси им словесное стадо, помня глагол Господень: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. X, 11).

В заключение моего приветственного слова имею потребу в просьбе к тебе. В течение многих лет странствовал я по горам Алтайским и степям Киргизским с посохом Евангельского веропроповедника, «взыскав погибшее и обретая заблудшее»; затем в течение также многих лет, по указанию промысла Божия, странствие мое продолжилось на Кавказе и продолжается в Бессарабии, но уже с жезлом архипастырским. Под бременем недуга моего — неразлучного спутника почти во все время моего служения — в последние годы я уже держу сей жезл не столь твердо, как в прежние годы, когда и лета были моложе, и силы крепче. Поэтому, держа одною рукою свой жезл, позволь время от времени другою рукою опираться на твой, ныне воспринимаемый тобою жезл, дабы при совокупности в меру данных нам Богом сил более благоплодно возделывать врученный нам виноградник Божий.

От новой почившей на тебе благодати архиерейской преподай благословение Господне людям Божиим, zde предстоящим».

На этой высокой ноте закончилось торжество. В тот же день

в половине пятого владыка Владимир в сослужении с епископом Никодимом читал акафист перед местнотимой Гербовецкой иконой Божией Матери. На следующий день епископ Аккерманский Никодим совершил Божественную литургию в крестовой церкви и рукоположил диакона Михаила Плаксина во иерея.

Начались архиерейские будни. Обстановка в Бессарабии была сложной. За пышными фасадами имперского благоденствия бурлили разрушительные революционные страсти, националистические соблазны набирали силу. Опереться на местную элиту не представлялось возможным. В разговоре со священником К.Парфсньевым Преосвященный Владимир так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Кишиневская интеллигенция, настоящая и так называемая, действительно поразила и поражает меня своей отдаленностью от Церкви и ее служителей. В местах прежнего моего служения я видел иное отношение интеллигенции. Нельзя сказать, чтобы кишиневская интеллигенция была либеральной, напротив, она очень консервативна, но, тем не менее, она действительно индифферентна к вопросам веры и чуждается Церкви. Кроме этих недостатков, среди интеллигенции заметно также и отсутствие дисциплинированности во время богослужений в храме».

Националистические и сепаратистские настроения стали главенствующими для бессарабской интеллигенции. Владыка Никодим оставался в оппозиции к различным политическим и националистическим течениям, имевшим своей целью отторжение Бессарабии от России, был непримирим к автокефальным тенденциям, находившим к тому времени достаточное количество сторонников, поддерживаемых румынскими спецслужбами. Сепаратисты пытались «упросить» епископа Никодима «сузить» свою миссионерскую деятельность. Заинтересованные круги сулили всевозможные «выгоды» — «материальную помощь», «успешную карьеру», чтобы владыка умерил свою ревность о церковном устройении и «не замечал некоторых вещей». Но их надежды не оправдались. Не обошлось и без провокаций. Много лет спустя владыка говорил по этому поводу так: «Как я, православный архиерей, могу пойти на компромисс со своею совестью и делать то, что не

совпадает с церковным интересом?» И он с неиссякаемой ревностью продолжал трудиться на благо Матери Церкви.

Владыка объезжал епархию, знакомился с церковной и светской жизнью. В зале городской думы проходили духовные беседы с участием владыки, посвящавшиеся вопросам богословия, а также истории и культуры. Перед такими встречами, как правило, архиерейский хор исполнял духовные распевы, в том числе и местных авторов.

Приведем чтения епископа Никодима о бессмертии души.

«Вера в бессмертие — жизненный нерв христианства, чем оно прежде всего отличается от не имущих упование, то есть язычников. «Не хочу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии, не имущии упования», — говорит апостол Павел в своем 1-м послании к Солунянам (IV, 13). Бессмертие души — не только предмет веры, но и предмет глубокого убеждения, не чуждого людям точных знаний, светилам науки. Современная психология, научно разработанная, приходит к выводу, что не может быть сомнений в самостоятельности духовных явлений и несводимости их к одним физическим материальным отношениям. В марте 1895 года профессор Арман Сабатье в центре науки, в Парижском университете, прочел ряд лекций в защиту христианского учения о личном бессмертии. Но христианство не только теоретически может обосновывать идею бессмертия души человеческой, оно фактически на ней создается, оно покоится на твердом факте воскресения Иисуса Христа, начатка умерших, первенца из умерших (1 Кор. XV, 20). Если Христос воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним (1 Сол. IV, 14). Но и самый факт этот все же лишь доказательство бессмертия души для разума; чувство же наше, протестуя против смерти, разве не содрогается от нее?

Что может дать человеку силу противоборствовать факту смерти? Таким фактом, перед которым стушевывается сама смерть, является жизнь, которую имеет верующий в Сына Божия. Для живущего истинной жизнью, которую даровал нам Бог в Сыне Своем, нет смерти — таково учение христианское, ярко отличающееся от обыденного. Для большинства людей смысл жизни здесь, на земле, в науках, искусствах, в предметах страсти и увлечениях или, наконец, в служении ближним. Но

ища жизни в тленном мире, а не в Боге, человек делает ошибку, которая приводит рано или поздно к сознанию пустоты целей его жизни. Как нелепо было бы искать света не в солнце, а в отражениях его, нелепо было бы искать жизни настоящей, неувядающей в ином источнике, кроме Бога, Который всему дает жизнь. Человек же не имеет жизни в себе, лишь о Нем, то есть о Боге, мы и живем, и движемся, и есмы (Деян. XVII, 28). Эту жизнь миру явил Христос. «Жизнь явилась, — говорит апостол, — и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам (1 Ин. I, 2). Чтобы не бояться смерти, надо приобщиться этой вечной жизни, надо жить, для чего необходимо быть христианами».

И так, тоскуя по Вечности, своей жизнью владыка являл собой замечательный пример благочестия. Христианину нередко приходится отвечать за свои слова, не только сомнительные, но и за высокие, и за Боговдохновенные. Господь рано или поздно приводит человека в ситуацию, выявляющую, что на самом деле стояло в основе тех или иных утверждений.

8 мая 1908 года владыка посетил Единецкое духовное училище в сопровождении епархиального наблюдателя церковных школ протоиерея Андрея Пелявского, а также благочинного Хотинского уезда священника Георгия Куницкого. Отслужив молебен святителю Николаю, архиерей осмотрел училище, а вечером посетил VIII Бессарабскую сельскохозяйственную выставку, где, главным образом, его интересовали учебные и кустарные отделы. На следующий день владыка посетил уроки всех преподавателей училища и столовую учеников во время обеда. На свои средства он велел купить конфет для учеников. Вникая в каждую мелочь, архиерей оставался неизменно доброжелательным как к воспитанникам, так и к воспитателям. Утром 11 мая епископ Никодим отслужил молебен святым равноапостольным Мефодию и Кириллу и произнес пространное назидание о житии и подвиге святых учителей словенских. Из церкви он зашел в столовую, где ученики пили утренний чай, и, попрощавшись, оставил деньги на приобретение для учеников религиозно-нравственных листов в память о своем посещении училища. После он отправился в село Тырново, где остались о нем самые светлые воспоминания. Доброта, отзывчивость, приветливость и

доступность расположили к нему всех, с кем он познакомился.

Владыка Никодим часто служил и почти всегда во время богослужения проповедовал. Основные темы его проповедей — неотмирность христианства, Церковь, вне которой нельзя обрести спасение.

Традиционные духовные беседы проходили в Кишиневской городской думе. 9 марта 1908 года беседа была целиком посвящена значению Церкви Христовой в жизни человечества. Владыка вдохновенно говорил об одухотворяющем воздействии на науку и искусство Православной Церкви, о том, что она облагораживает нравы и обычаи народов, смирят чувственную человеческую природу, которой христианство отводит служебную роль в жизни — быть средством, а не целью. Разбирая аргументы не признающих Церковь, которые строились на отрицании Богочеловечества и Искупительной жертвы, владыка говорил о необходимости Церкви для спасения человечества, благодати, присутствующей в ней, и ее значении для морального роста каждого человека и общества в целом. «Как дитя по своему рождению не может сказать матери: «Ты мне не нужна», — так и вступивший на путь Спасителя духовнорожденный не может обойтись без благодати Церкви Христовой. Само общество нуждается в постоянном воздействии Церкви: никакая цивилизация не может заменить Церкви Божией на земле, восстающие против церкви утрачивают истинное понятие о том, в чем зло. Зло — грех; с умножением людей усиливается и грех. Цивилизация стремится к материальному благосостоянию человека, христианство же — к духовно-нравственному его совершенству. Смешение этих двух целей и ведет к искажению идей христианства: идея равенства всех перед Богом как богоподобных созданий выродилась в идею всеобщего внешнего уравнивания; идея свободы нравственной в человеке — в идею свободы от всяких обязанностей, свободы личности — на все, что требует эта личность. Человек сравнен с животным, и борьба человека против зла, или нравственная борьба, сменилась борьбой за существование.

Принципы жизни диких людей возобладали. Дикарь камнем, пущенным из первобытного орудия, убивает врага и съедает его — такова дикость древнего человека (невольно вспоминается

скульптура Шадра «Булыжник — орудие пролетариата», ставшая символом последующей эпохи. — *Авт.*); цивилизованный человек движением пальца, мановением руки приводит в действие орудие, которое уничтожает разом целую толпу народа. Древний спартанец убивал ребенка, если находил его хилым; современный культурный человек убивает его в зародыше. Варварство не исчезло в цивилизованном обществе, напротив, оно возросло в силе. Христианская Церковь и имеет своим назначением развить в человечестве желание пользоваться своими силами не как целью жизни, а лишь как средством к духовно-нравственному возрождению».



Епископ Серафим

В дни Великого Поста епископ Никодим, как правило, говорил проповеди на покаянные темы. Вот краткое содержание другой беседы, прочитанной 16 марта и посвященной Кресту Господню: «Четвертая неделя Великого Поста посвящена особому чествованию Креста Господня. Это чествование объясняется страданиями Спасителя, пролившего кровь Свою на кресте. Такая связь чествования креста со страданиями Спасителя заставляет остановиться на выяснении трех вопросов: а) почему пострадал Христос, б)

почему орудием Своей смерти Он избрал крест и в) как презрительное отношение к кресту перешло в благоговейное его почитание?

Страдания Спасителя вызваны были грехопадением наших прародителей. Грех прародителей, при всей его видимой

ничтожности, отличается крайней сложностью.

Наши прародители обнаружили удивительную чувственность и алчность. В их распоряжении были все блага, щедро рассыпанные Творцом. Однако они, не удовлетворившись этим, захотели единого запретного плода. Обнаружили они и неверие, пренебрегши предупреждением Господа о роковых последствиях от вкушения запрещенного плода. В их же желании быть равным Богу проглядывает гордость.

Грех прародителей требовал искупления, которого, однако, грешный человек дать был не в состоянии. Бесконечное правосудие Божие требовало такого же удовлетворения, которое Ему могло дать только существо Безгрешное. Отсюда страдальческий подвиг Христа, приведший Его к роковой развязке крестной смерти.

Крестная смерть Спасителя, таким образом, была необходима для искупления греха прародителей. В их грехопадении проявилось величайшее непослушание Господу, которое должно было быть искуплено величайшим послушанием Спасителя. Крестная смерть Спасителя и была проявлением этого смирения и послушания.

Святая безгрешная кровь Спасителя, обогрившая крест, тем самым освятила его божественной силой, таившейся во Христе, подобно тому как одно прикосновение к Его одежде сопровождалось исхождением благодати.

Такое освящение креста кровию Величайшего Божественного Стра- *Епископ (Чичачов) 1911 год* дальца, естественно, превратило его в предмет благоговейного почитания. Это почитание проявилось очень рано. Уже апостол Петр, из уважения к крестной смерти Спасителя, просил повесить его вниз головой. Апостол же Андрей, идя на крестную смерть, воскликнул: «О, крест, давно любимый мною!» О широком распространении почитания креста в первые века христианства говорит и Игнатий Богоносец. В IV веке Константин Великий, которому было видение на небе креста со словами «Сим побеждай», приказал сделать изображение креста на знаменах своего войска.

С течением времени почитание креста приобрело общехристианский характер, что и выразилось в определении VII Вселенского Собора о почитании креста».

Творчески благодатная атмосфера религиозных чтений благоприятно воздействовала на жителей Кишинева и неизменно вызывала большой интерес. Как правило, чтения прерывались концертным пением под управлением священника Березовского.

В ноябре 1908 года на Кишиневскую кафедру был назначен владыка Серафим (Чичагов), выдающийся церковный деятель, автор Серафимо-Дивеевской летописи и многих других сочинений. В солнечной Бессарабии, в мнимо безоблачное время относительного благоденствия империи, не без промысла Божия встретились два будущих священномученика.

Преосвященный Никодим, епископ Аккерманский, сказал приветственную речь владыке Серафиму при вступлении его в кафедральный собор:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

В настоящий торжественный момент, когда ты впервыеходишь в этот соборный храм и готовишься вступить в тесный духовный союз с своею Богом дарованною тебе паствою, мы, пастыри и пасомые, собрались сюда, чтобы приветствовать тебя с благополучным прибытием, чтобы разделить с тобою первую общую молитву за тебя и за нас, чтобы слышать от тебя слово приветствия и получить твое благословение.

На днях мы с печалью, со многими слезами проводили отсюда предместника твоего, показавшими, что паства Кишиневская любила своего Архипастыря, ценила его труды и заботы о ней. Это добрый знак, показывающий, что служение церковное, пастырское, дело религии не безразлично для кишиневской паствы, что религию и Церковь она любит, любит достойных и пастырей. При ближайшем знакомстве своем с паствою кишиневской ты, Владыка святой, и сам скоро это увидишь. Ты увидишь, что храмы, в которых будешь совершать богослужения, будут полны молящимися, что митрополия, или церковь при твоём архиерейском доме, очень обширная, в дни чтения акафистов едва вмещает желающих помолиться предместничимой чудотворной святыней — Гербовецкой иконой Божией Матери; ты увидишь глубокое внимание к архипастырскому слову, как бы оно часто ни предлагалось в храме и вне его; ты изведает на опыте усиленное стремление

со стороны пасомых получить чрез таинства, тобою совершаемые, чрез благословение, тобою преподаваемое, благодатное освящение свыше. Отсюда ты поймешь, что религиозные потребности твоей паствы, которая ждет от тебя их удовлетворения, глубоки, сильны и крепки. Конечно, это не о всех пасомых можно сказать. В своей новой пастве ты встретишь и колеблющихся, и сомневающихся, и отторгшихся в раскол, сектантство и неверие. Но большинство твоей паствы — верные сыны святой Церкви, от нас только и от ее пастырей ожидающие удовлетворения своих духовных нужд.

Пастыри, твои ближайшие помощники здесь, послушны, покорны своему архипастырю и готовы идти за ним в деле служения Церкви и устройства христианского общества по советам Христа Спасителя.

Вот что мы сочли нужным сказать тебе, Архипастырь наш, о новой твоей пастве.

Эта паства, в особенности пастыри, знают и тебя, своего Архипастыря. Благодаря печатному слову твоя деятельность архипастырская, особенно на последнем месте твоего служения в Орловской епархии, становилась известною и нам. Мы видели, как много ты трудился на пользу этой паствы и шел особенным путем в этом деле. Ты призывал пастырей Церкви объединиться на собраниях окружных и уездных для деятельности, веря, что в единении сила. Ты особое внимание обратил на оживление церковной жизни в приходах, этих малых общинах христианских, представляющих в Церкви особые организмы. По твоему указанию в приходах устроятся советы, где под руководством священника благочестивые из мирян заботятся об оживлении церковной жизни. Эти советы приходские устраивают школы, библиотеки не только по селам, но и деревням, устраивают общества трезвости на борьбу с народным злом — пьянством. В это дело оживления приходской жизни ты вложил много труда и энергии, недаром орловская паства окружила тебя такою любовью и проводила с таким сожалением. Мы думаем, что деятельность твоя и здесь, на новой кафедре, главным образом будет направлена к оживлению приходской жизни, что твое прощальное слово к пастырям Орловской епархии должно быть настольным писанием для пастырей Кишиневской епархии, что на дело

оживления религиозно-нравственной жизни здесь ты употребишь все свои силы и энергию. И поверь, владыко, что новая паства оценит твои труды и окружит тебя такою же любовью, как и орловская паства. С этой уверенностью войди в этот святой храм Божий, где промыслом Божиим указано тебе возносить молитву и низводить благословение Божие на вверенную твоему руководству паству, и да будет благословенно Господом вхождение твое. Аминь».

Преосвященный Серафим ответил кратким словом благодарности за добрые слова и теплый прием. Трижды облобызался с епископом Никодимом и при пении «Достойно есть» направился в алтарь.

Затем владыка Серафим обратился к собравшимся с пространным словом, в котором, призывая мир на Богом вверенную ему паству, заявил, что счастлив служить и проповедовать слово Божие в крае, где один из предков его водружал крест над полумесяцем. После этого был отслужен краткий молебен.

Епископ Никодим, как и прежде, с ревностью трудился на ниве миссионерства и просвещения, считая это самым важным в Кишиневской епархии. Колебания и сомнения религиозного и нравственного свойства, вздобранные революционной пропагандой, несмотря на формальное благоденствие Российской империи, давали о себе знать. Для более внимательного взгляда жизнь окраины не представлялась стабильной и неколебимой.

На съезде уездных наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии один из преподавателей характеризовал ситуацию таким образом: «В лице Вашего Преосвященства мы имеем ревностного защитника и поборника православия и всего того, что дорого русскому народу. Мы уверены, что и наша православная церковноприходская школа как работающая под сенью православной Церкви дорога вашему сердцу и в потребных случаях в Вашем лице найдет сильную поддержку и защиту. Это особенно важно и ценно теперь, когда враги православия, стараясь подорвать устои православной русской жизни, не оставляют в покое и нашей православной церковноприходской школы и всевозможными усилиями стараются умалить ее значение. Поддержи же, Владыко, наше

святое дело».

На это владыка ответил: «Я придаю большое значение церковноприходской школе в деле религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения и употребляю все усилия к поддержанию этой школы». Несомненно, каждое новое поколение должно евангелизоваться и воцерковляться отдельно, с учетом специфики времени, само собою это никогда не происходило и во все времена требовало специальных и больших усилий.

По завершении съезда, в знак любви и единомыслия, была сделана фотография, запечатлевшая епископов Серафима и Никодима со священнослужителями епархии.

24 февраля 1909 года состоялось теплое и трогательное прощание с владыкой Владимиром, переведенным на Донскую архиепископскую кафедру. Энтузиасты собрали 160 рублей пожертвований, на которые и заказали в иконописной мастерской Киево-Печерской Лавры образ Равноапостольного князя Владимира, точную копию работы В.Васнецова, известную по Киевскому Владимирскому собору. Внизу иконы была приделана серебряная пластинка с выгравированной надписью: «Благодарные бессарабцы соорудили сей образ и пожертвовали в митрополию в память своего Архипастыря — отца, врача больных душ, Архиепископа Владимира, бывшего Кишиневского и Хотинского с 1904—1908 гг.».

Преосвященный Никодим совершил чип освящения образа. Перед вручением он сказал несколько теплых слов о своем бывшем начальнике и друге: «Этот образ и есть плод этой любви, этой благодарной памяти преданных душ бессарабской паствы к бывшему своему Архипастырю Владимиру... Такая любовь в высшей степени трогательна. Чем она вызвана? Это видно из надписи, приложенной к образу. Там говорится, что он сооружен в память об Архипастыре, отце, враче больных душ. Как ближайший сотрудник Высокопреосвященного Владимира я не ошибусь, если скажу, что вы называете его отцом потому, что он возрождал вас духовно от жизни мирской, суетной, греховной к жизни христианской, святой, к жизни под руководством Церкви, по заповедям Божиим, по завету Господа Спасителя нашего. Совершал он это великое дело возрождения душ христианских и посредством богослужения общественного,

истового, благоговейного, благолепного и потому назидательного, а еще больше посредством своего архипастырского живого слова, коим он сопровождал почти каждое свое служение. Как ценились вами служение и проповедь Высокопреосвященного Владимира, видно из того, что церковь эта не могла вместить всех желающих здесь молиться и слушать архипастырское слово, потому она им же была расширена почти вдвое. Церковный амвон этот оказался недостаточным для проповедника, потому Высокопреосвященный Владимир устроил особую кафедру, с которой слова проповедника слышнее для богомольцев. Здесь, с этой кафедры, вы, братия, получали из уст Архипастыря духовное врачевание своих больных душ от скорбей, несчастий, тяжелых духовных дум, здесь росла, крепла любовь между пастырем и паствою. Он врачевал вас своею щедрою благотворительностью, помогая из своих средств всем нуждающимся без различия. Все благотворительные учреждения города Кишинева имели в лице Высокопреосвященного Владимира своего щедрого покровителя, но эта общественная благотворительность не препятствовала ему благотворить и частно. Редкий день, бывало, не встретишь в его приемной десятка бедняков, из коих никто не уходил без помощи».

Свою речь епископ Никодим закончил словами: «Вам же, братия, за вашу любовь к Архипастырю — смиренному служителю Господа Спасителя, строителю тайн Божиих — да воздаст Господь Своими благами временными и вечными. Аминь».

После освящения образа был отслужен молебен о здравии владыки Владимира, затем икона была установлена над кафедрой, с которой он всегда обращался к народу с назиданиями. Многолетние совместные труды, исполненные теплого и доброго взаимопонимания, родили духовную дружбу, которая не разрушилась и на расстоянии.

Несмотря на все трудности архипастырского служения, занятость и различные попечения, владыка находил время для исторических изысканий. Политический и исторический ландшафт Бессарабии был достаточно сложным и противоречивым и, по мнению епископа Никодима, нуждался в тщательном изучении. Будучи председателем Церковного

историко-археологического общества, он обратился к корпорациям духовных учебных заведений, духовенству и духовной консистории Кишиневской епархии с воззванием проделать комплексную работу по изучению епархии за последние 100 лет со времени присоединения Бессарабии к России. Свой взгляд на проблему владыка изложил следующим образом: «Приближается знаменательный момент в жизни Бессарабии — столетие присоединения ее к России. В такие моменты усиленно работает мысль, является потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги прожитому. Эта потребность самопознания, безусловно, присуща жителям Бессарабии, особенно же ее интеллигентным работникам. На них как на наиболее сознательных представителей Бессарабии лежит обязанность оживить и воскресить в сознании потомства исторический путь, пройденный бессарабской церковью. Местная жизнь, местные архивы полны неисчерпаемого исторического материала, и нужно только любящее сердце, дабы под его живительными лучами ожили и заговорили сухие, бесстрастные листы архивной бумаги. Бессарабское Церковное историко-археологическое общество живет надеждою, что его призыв к изучению местной церковной жизни встретит живой отклик. Жатвы много, и нужны только энергичные работники по изучению церковной жизни местного края. Посему к вам, интеллигентным труженикам и работникам, обращается Бессарабское Церковное историко-археологическое общество с просьбой поработать на обширной, почти незатронутой ниве изучения церковной жизни Бессарабии. Желаящие последовать зову Общества пусть заявят ему о своем желании, дабы в общем собрании членов Общества и лиц, желающих потрудиться по изучению местной церковной жизни, наметить материал и темы для работ; лиц же, избравших для себя известные темы, сообщить их Обществу, дабы при общем содействии и единении работа их была плодотворнее».

Владыка постоянно проповедовал, считая осознанную церковность народа первейшим делом своей архиерейской совести, и его труды в значительной степени воскрешали и оживляли приходскую жизнь. До нас дошло несколько проповедей, сказанных в кафедральном соборе Кишинева в последний год его служения в Бессарабии. 1 мая 1911 года

архиерей сказал:

«Воскресение Христово есть событие, в котором яснейшим образом проявилась Божественная сила Господа, творившая пред Его очевидцами и последователями множество чудес, исцелившая и расслабленного, которого святая Церковь сегодня вспоминает.

Это исцеление произошло в праздник иудейской Пасхи в присутствии народа, собравшегося в Иерусалим со всех стран мира, у иерусалимского источника водного, у водоема, или купальни, названной по-еврейски «Вифезда». Здесь к северу от храма было пять притворов, предохранявших множество лежавших в них разных больных от зноя, холода и непогоды; водоем имел особенную силу: Ангел Господень всякий год раз сходил в воду, возмущал ее, делая ее мутною или, по мнению некоторых, красною, и кто первый из больных — хромой ли, слепой, сухой — входил в купель, исцелялся, какой бы ни был одержим болезнью. Это источник не такой, как минеральный, на который врачи посылают, где не первый [вошедший] выздоравливает, а источник единственный во всем мире.

И вот, Господь, пришедший на праздничное торжество, пришел к купели и устремил Свой взор на 38 лет расслабленного, который все годы искал помощника и не находил. Можно себе представить, до чего истощила его болезнь: он был живым мертвецом, но он не потерял веры и надежды своей на Бога. И вопрошает его Господь, не не зная его желания как Сердцеведец, а чтобы поднять его дух веры: хочет ли быть он здоровым. И отвечает расслабленный: хочу, но не нахожу здесь помощи и сам не успеваю войти первым в купель. Он не ропщет, а только говорит, что нет близкого человека, который бы опустил его в купель. Не странно ли это, что в Иерусалиме было много людей, много тысяч населения, а нужный человек не находился. Никто не говорил к нему до сих пор так участливо и сострадательно, как Благий Господь, Который тотчас сжалился и исцелил страдальца одним словом, чего никак не ждал последний, от чего изумились многочисленные свидетели чуда, как 38 лет больной вдруг совершенно выздоровел, взял свою постель и ушел домой. Какая радость, лакая благодарность была в его душе! Не будем останавливаться на том, как евреи злобствовали и негодовали

на Господа, что это сделано в субботу. Упомянем только, что спустя немного времени Господь встретил исцеленного в храме и предостерег его впредь не грешить, чтобы не было чего с ним хуже.

За это чудо мы и должны прославлять и благодарить Бога и воспользоваться нравоучениями, заключающимися в нем. Как Господь, пришед в Иерусалим молиться, соединяет с молитвой и исцеление больного, так и мы в праздничные дни молитвой нашей окажем всякое добро и помощь нашим больным, бедным и нуждающимся. Слышав о 38-летнем страдании без зависти к здоровым или ропота, и мы безропотно, с терпением перенесем свои страдания. Исцеленный пришел в храм благодарить, будем и мы благодарны Господу за всякое благодеяние Его.

Вифезда, по толкованию святых отцов — святая Церковь, в которой получаем все очищение от грехов. Будем любить святую Церковь, приходить в храм, причащаться и получать залог здесь здоровья душевного и телесного, а там — вечной жизни».

Другая дошедшая до нас проповедь была произнесена

22 мая в том же кишиневском кафедральном соборе:

«Сегодня вспоминаются отцы первого Вселенского Собора, бывшего в городе Никее в 325 году по Рождестве Христовом; он был созван по распоряжению императора Константина, равноапостольного и великого.

До святого царя Константина в Греко-Римской империи проповедь христианства была запрещена, христианство было гонимо; а святой Константин, сам крестившись, разрешил и всем подданным своим креститься, чтобы христианство распространялось среди язычников и иудеев.

Но после недолгого мира из недр Церкви явился враг, хотевший поколебать ее, извратить учение о Богочеловеке. Это священник Александрийской церкви Арий, учивший, что Господь Христос не Единородный Сын Божий, прежде всех веков рожденный от Отца, а Божие творение; что было время, когда не было Его. Все христиане возмутились. И вот царь Константин, по совету приближенных епископов, решил собрать собор, чтобы осудить богопротивное учение Ария.

Среди собравшихся 318 отцов Церкви были замечательнейшие по своей святой жизни Николай

Мирликийский, Спиридон Тримифунтский, Афанасий Александрийский, Иаков Низибийский.

Святые отцы прежде всего совершили молитву и потом в храме Божиим приступили к обсуждению учения Ария; осудили его и изложили в Символе веры православное учение веры — в словах «рожденна, не сотворенна». Арий же, не подчинившийся Собору, был от Церкви отлучен. Вот этих отцов прославляем ныне за верность слову Божию и Преданию. Пусть пример их послужит уроком и для нас с вами, братья и сестры.

Настоящее время — время отрицания и неверия. Говорят, что мир, вселенная и человек явились без Бога, благодаря слепым силам природы, и вся жизнь этими силами совершается; что теперь свободно надо жить, не подчиняясь никому и ничему; что не будет ни Божия суда, ни жизни будущего века; при этом свое учение стараются навязать и другим.

Вспоминая ревность святых отцов, мы должны держаться того же откровенного учения Божия, находящегося в Священном Писании и Предании, которое нам передали святые апостолы и пророки не от себя, а от Святого Духа, где о Боге и о жизни изложено все так же ясно, определено, решительно, утешительно. Поэтому безбожным проповедникам скажем, что не по силам природы все течет, а по воле Бога — Творца неба и земли и всего, что есть в них. Да и разум не может допустить, чтобы создан был природой человек, венец творения, его духовная природа, разумная, свободная.

Отрицающим суд Божий скажем, что, как слово Божие гласит, будет суд и воздаяние праведным и грешным.

Отрицающим власти скажем, что власти от Бога, и противящиеся власти Божию повелению противятся.

Говорящим, что человек должен быть свободным в своих естественных потребностях, возразим, что свободен человек был только в раю, а вне его от разнузданности страстей и чувств люди уподобляются скотам бессмысленным; напомним им слова апостола Павла, что ни блудники, ни пьяницы, ни воры, ни им подобные Царства Божия не наследят.

Всем им противопоставим Божие учение и самую жизнь, Священное Предание, которое отрицается как лишнее, как, например, о соблюдении праздников, постов, посещений церкви и др., между тем как оно обязательно для христианина как

восполняющее то учение Господа и апостолов Его, которое в слове Божиим не заключается. Сам Господь соблюдал праздники; апостолы усиливали в праздничные дни молитву свою и проповедь; необходимость и характер поста также ими указаны и установлены с достаточною основательностью. Святая Церковь устанавливала то, чего нет в Писании, по учению Господа Христа.

Послушаем, как мать, свою святую Церковь, ибо, как сказал один святой отец, кому она не мать, тому Бог не отец. Если же не признаем церковного учения, то отвергнем и Божественное. Если будем, подобно святым отцам, ревностными в вере, то ничто не сможет нас поколебать».

26 сентября 1911 года проповедь, записанная неизвестным слушателем, была посвящена апостолу и евангелисту Иоанну Богослову:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, блаженную кончину которого сегодня празднуем, святая Церковь именует «Христу Богу возлюбленным»; а сам апостол называет себя учеником, «егоже любляше Иисус»; среди других был он преимущественно близким ко Господу апостолом.

В числе трех избраннейших зрителей необычайных небесных явлений во время Преображения Господня на горе Фаворе был и Иоанн; при совершении Господом Иисусом Христом величайшего чуда воскрешения дочери Иаира он присутствовал; на предсмертное моление о крестной своей чаше Божественный Страдалец берет Петра, Иакова и Иоанна; на Тайной вечери один только Иоанн возлежал на персях Господа.

Несомненно, особенная любовь Христа к нему основывалась на такой же любви его ко Господу. Когда при взятии Господа все Его ученики в страхе разбежались, исключительно только Иоанн вошел во двор «архиереев» видеть, что с Ним будет.

Когда Господь был распят на кресте и окружен врагами, среди неистовства толпы один Иоанн стоял и созерцал, что делается, и здесь-то он увидел последнее свидетельство Спасителя к нему, когда Спаситель, указывая с высоты креста на Иоанна, сказал Матери: «Се сын Твой» и, указывая на Матерь Свою, сказал Иоанну: «Се Мати твоя»; очевидно, что из всех учеников Господь выбрал одного Иоанна и вверил ему

одинокую Мать.

Церковная история свидетельствует, что апостол Иоанн, по вознесении Господа на небо, не возвратился к своему ремеслу, которым занимался, а стал безвозвратным Его последователем и продолжал Его дело на земле; он лет пятнадцать, до Успения Богоматери, помогал апостолу Иакову устроить Церковь в Иерусалиме, а потом отправился в другие страны и в Ефес с проповедью Евангелия, везде наставляя и руководя пастырями и пасомыми.

Проповедовать Христа тогда было несравненно труднее. Теперь о Христе можно свободно говорить, а тогда за это преследовали и гнали, как изгнан был и Иоанн из Малой Азии. Трудность благовестия усиливалась и со стороны самих христиан, впадших в ереси, и потому апостолу приходилось не только обращать неверующих, но и бороться с еретиками из веровавших.

Нужно ли при этом вспоминать мне, с какою любовью относился Иоанн к верующим христианам; быть может, известен вам рассказ о юноше, который по небрежности епископа отпал, но был апостолом восставлен; как апостол искал юношу в разбойничьем стане и, нашед, бежал за ним, убегавшим от апостола, пока не остановил его, пока юноша не пал к апостольским ногам, покался и возвратился обратно в христианство; вот доказательство крепкой любви апостола к обращенным христианам, он известен как апостол любви.

Предание говорит, что, когда он не мог ходить, сами верующие приносили его в храм и он одну лишь фразу повторял: «Дети, любите друг друга, как и Христос возлюбил вас». В его посланиях наиболее всего завещается любовь прежде к Богу, а потом к «чадам Его — людям»; «Кто говорит, что Бога любит, а брата ненавидит, тот лжец, и любви в нем нет». Он же говорит: «Не любим словом, а делом», то есть, всякой помощью, добром и благотворением».

Вспоминая ныне столь славного апостола, запечатаем его образ в душах наших и, так же как и он, послужим свою христианской жизнью любви Богу и людям. Аминь».

Но главным образом внимание епископа было приковано к миссионерству, остававшемуся краеугольным камнем его архиерейских трудов. 19 февраля 1911 года на молебне в

митрополии перед открытием миссионерских курсов, владыка сказал о том, как он видит эту проблему, и выразил свое отношение к новым веяниям:

«Церковь наша от начала подвергалась нападениям врагов ее — иудеев, язычников, разных еретиков; и она одержала победы над всеми. Несмотря на 2000-летие ее существования, враги ее увеличились, особенно со дня недавнего указа о веротерпимости в России. Поэтому отныне нельзя по-прежнему довольствоваться одним миссионером, который один ездил и устраивал диспуты. И вот, по мысли нашего выдающегося ревностнейшего архипастыря, Преосвященнейшего епископа Серафима, призван к нам новый епархиальный миссионер, опытный в борьбе с сектантами; он будет совместно с духовенством изучать то из Священного Писания и церковной нашей жизни, что наиболее пререкается сектантами; будут везде избирать более ревностных прихожан для сотрудничества в борьбе; и враги тогда не будут столь страшны, ибо православные дадут отпор им. Таким образом, наше православное миссионерство будет отбивать врагов, отторгающих от Церкви православных, а колеблющихся будет утверждать. И помолимся, да будет это, чтобы Христова Церковь не умаялась, а росла через присоединение и тех, которые отпали от нее».

Служение в Бессарабии епископа Никодима подходило к концу. Повеление императора от 16 ноября 1911 года гласило: «Высочайше утвердить изволил всеподданнейший доклад Святейшего Синода о бытии 1 викарию Кишиневской епархии Преосвященному Аккерманскому Никодиму епископом Чигиринским, вторым викарием Киевской епархии, с переименованием второго викария сей епархии епископа Каневского Иннокентия в 1 викария оной».

По этому поводу в воскресенье, 27 ноября, в кафедральном соборе состоялось чествование владыки Никодима и прощание его с кишиневской паствой. В соборе, где четыре года тому назад епископ Никодим был посвящен в архиерейский сан, собрались почитатели владыки: военные, представители разных ведомств, воспитанники духовных и светских школ и духовенство городских церквей.

Когда владыка прибыл в храм, ключарь собора о. Василий

Гума, встретив его с крестом, произнес торжественную речь: «Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко! Как некогда Авраам верою повиновался призыванию идти в другую страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет, так Вы, тем же духом движимый, еще недавно прибыли в неведомую Вам Бессарабию и в этом новом городе ее и храме впервые из епископов ее возгрели в себе здесь же воспринятую Божественную епископскую благодать; и ныне вот идете отсюда в святой град Киев, где светит ярче славный крест Христов, высоко и твердо водруженный там во тьме язычества святым равноапостольным Владимиром; ибо мы не имеем постоянно пребывающего града, но ищем будущего (Евр. XIII, 14).

Быть может, эта священная наша встреча с Вами уже последняя, сегодняшняя Ваша здесь преосвященническая молитва — прощальная, и многие из нас не увидят больше Вашего кроткого лица; по, владыко, святительский Ваш образ глубоко успел запечатлеться в душах верующих бессарабцев, и они, Ваши признательные ученики, будут поминать Вас как сослужбника и преемника духа и жизни преосвященных Владимира и Аркадия, как первого сподвижника господина нашего Преосвященнейшего Серафима и оставляемого вместо Вас Преосвященнейшего Гавриила; как наставника, благовествовавшего им слово Божие, Божия домостроителя и епископа Христова, который был пред Господом и нами епископ благочинен, честей, тих, миролюбив, не сварлив, не дерзок, не гневлив (1 Тим. III, 2—3). Да будет для Вас Ваше близкое отшествие от нас благословенным залогом достижения блаженнейших Евангельских обетований на земле».

Эту литургию епископ Никодим совершал в сослужении с занявшим его место епископом Гавриилом (Чепуром) совместно с соборным и городским духовенством. Пел архиерейский хор. Во время литургии и молебна духовенство и хор уже титуловали Преосвященного Никодима «епископом Чигиринским». После литургии был отслужен напутственный молебен. Владыка Гавриил пригласил всех помолиться за покидающего Бессарабию епископа Никодима, отправляющегося к киевским святыням, чтобы Господь помог ему достойным образом нести служение Церкви Христовой в новой епархии. По окончании

молебна епископ Никодим вышел на амвон и обратился к пастве с прочувствованным словом. Как повествует епархиальная хроника, со слезами на глазах он просил всех, кого он когда-нибудь и чем-нибудь обидел, — духовенство, «сладкогласных певчих» и «публику» — простить его. Многие из духовенства и молящихся плакали. Поистине, так может прощаться только отец со своими чадами, когда в отношениях нет примеси лжи и лицепрятия, когда все выстроено на добром фундаменте евангельской любви.

Приведем прощальное слово Преосвященного Никодима, обращенное к кишиневской пастве, напитанное любовью и заботой:

«Не имамы zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем». Слова эти святой апостол Павел сказал относительно земной жизни человека. Жизнь эта так непродолжительна, так коротка, что мы не можем считать даже город, в котором мы живем, постоянным пребыванием. Если так коротка земная жизнь человека, то что сказать о наших временных пребываниях в течение этой жизни в разных городах и селениях? Подлинно, — не имамы пребывающего града.

Четыре года прошло, как состоялось назначение меня сюда викарием Кишиневской епархии, и вот я уже слышу голос, призывающий меня в другой город, к другим людям на служение. Сегодня я совершил последнюю литургию в этом святом храме, в последний раз здесь помолился за вас, братие и сестры, за всю паству бессарабскую и за себя. Через несколько дней я должен расстаться с вами, оставить ваш город и эту епархию.

Расставаться с Кишиновом и Бессарабией для меня тяжело. Кишинев первый город моего служения в архиерейском сане. Здесь я, по милости Божией, получил благодать архиерейскую, в этом именно кафедральном соборе совершено было посвящение мое собором архипастырей чрез возложение священных рук их; чрез их молитвы и ваши низведена была на меня благодать Святого Духа.

Какие священные, великие минуты пережиты были тогда мною! С того самого момента этот святой храм стал для меня дорог и останется таким навсегда. Ваше многолюдное участие в этом торжестве моего посвящения в архиерейский сан

посредством молитвы тогда уже сроднило меня, сблизило с вами, возлюбленные братие и сестры. Я никого из вас еще не знал тогда, но ваше многолюдное собрание, ваши молитвы не могли не вызвать к вам сочувствия в душе моей. Таким образом, по самому своему вступлению в архиерейский сан я принадлежу Кишиневу и Бессарабии.

Здесь же, в ваших глазах, братие, совершились первые шаги моего служения, шаги робкие, несмелые, нетвердые, несомненно, с ошибками, с погрешностями, вызываемыми моею неопытностью, моею юностью в этом служении.

Но я замечал все-таки, что с вашей стороны, братие, не было нерадения или пренебрежения к моей юности, вы, очевидно, прикрывали ее своею любовью. Я видел, что храмы Божии, где я служил, наполнялись народом, что вы молились со мною усердно, что слово мое вероучительно и нравоучительно, предлагаемое вам, вы слушали со вниманием. Нередко я получал и выражения благодарности за свое служение или проповедь. Отношу это не к своим достоинствам, а к Божией благодати, действующей через меня, и вашей любви.

Все это ободряло меня, укрепляло меня, придавало мне бодрость, энергию, и я смелее шел по указанному мне пути, более и более привыкая к своему новому служению, более и более сближаясь и сродняясь с вами. Так постепенно рос и укреплялся мой духовный союз с вами, братие и сестры, союз молитвы, веры, надежды и, дерзну сказать, любви. Таким образом, и рождение мое благодатию Святого Духа во архиерейство и первоначальное служение мое в этом сане принадлежит Кишиневу, Бессарабии. Посему я Кишинев могу назвать колыбелью моего архиерейства.

Не могу умолчать и о том, что мои ближайшие начальники — незабвенный бывший архипастырь Кишиневский Высокопреосвященный Владимир и настоящий архипастырь Преосвященный Серафим — мудро, с любовью руководили меня в моем ответственном служении. Помолившись о них сегодня, я с любовью вспоминаю о них в этот священный момент прощания моего с Бессарабией.

За четыре года своей службы здесь я свyksя с своим служением, постиг трудности его, узнал ближайших своих

помощников — пастырей и прочих членов клира, ознакомился с нуждами пасомых, и, сколько трудился над своим делом, оно казалось мне, при помощи благодати Божией, не свыше моих сил. Я был доволен своим положением и в душе своей думал и даже открыто говорил, что искать мне лучшего не надо, что в Кишиневе я готов всю жизнь провести. Но Господь судил иначе. Мне указано иное место служения, несомненно, более тяжелое и ответственное. Уходя отсюда, я многое и многих уже не увижу вовсе.

Как путник, уходящий в далекий путь, прощается со своими присными в той мысли, что он во время пути может погибнуть, умереть, так должен поступить и я. Итак, прости, сей святой храм, обновляемый и украшаемый, а для меня дорогой как место получения мною архиерейской благодати и место преимущественного моего служения и молитвы с вами, возлюбленные братие и сестры.

Простите и вы, священнослужители сего святого храма, мои сослужители и сомолитвенники. Мирно, спокойно, благоговейно служили мы и молились с вами Господу Богу. Надеюсь, что так же мирно и расстанемся.

Простите и вы, сладкогласные певцы, своим прекрасным пением под руководством талантливого регента услаждавшие нас и всех молящихся и много содействовавшие благолепию и торжественности наших церковных служб.

Простите и вы, богомольцы сего святого храма, во множестве приходившие сюда в праздничные дни и дни поста помолиться вместе с нами или приступить к Святым Таинствам.

Вы своим усердием к молитве и службе Божией нередко располагали и нас к более усердной молитве. Ваша любовь к посещению воскресных акафистов в митрополии, когда вы до тесноты наполняли этот обширный храм, весьма трогала нас. Ваше внимание к предлагаемым там поучениям побуждало нас больше трудиться над ними. Общее пение там церковных молитв никогда не изгладится из пашей памяти. Памятны будут нам и религиознонравственные чтения в городской думе, куда вы сходились в таком множестве, что городской зал не мог вместить всех желающих.

Но признаюсь, братие, что я как служитель Божий, как совершитель тайн Божиих, не всегда стоял на высоте своего

призвания, не горел духом к Богу, как это было у апостолов, вселенских учителей, в деле проповеди не подражал пастыреначальнику Христу и Его апостолам, которые учили своих пастырей и пасомых день и ночь; нередко слово мое было слабо, недействительно, не утоляло вашей духовной жажды. Прошу у вас в этом прощения.

Прошу прощения в лице вашем, отцы и братия, священнослужители собора, у всех пастырей и священнослужителей Бессарабии, а в лице вашем, братие и сестры, у всей бессарабской паствы в том, что я, состоя в должности викария и ближайшего помощника епархиального Преосвященного, а иногда и заменяя его, при сношениях лицом к лицу или письменно не всегда был внимателен, быть может, оскорбил кого словом и делом. Я со своей стороны всем и все прощаю. Итак, простите меня, отпустите с миром и помолитесь. Усердно молю Господа, да будет Он всегда милостив к вам. Аминь».

По окончании речи владыки слово произнес кафедральный протоиерей Василевский, а ключарь собора о. Василий Гума преподнес епископу Евангелие от богомольцев с примечательной надписью: «Любимому архипастырю, Преосвященному Никодиму, епископу Аккерманскому, Преемнику Божественного Слова, достойнейшему ученику Христа от любящих его сердец. Кишинев. Ноябрь, 1911 год». А на первом листе Евангелия было приведено известное стихотворение замечательного поэта великого князя Константина Константиновича Романова:

Пусть эта книга священная
Спутница Вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подаст утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной
Пусть в Ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются С чистою Вашей душой.

Затем владыка благословил молящихся и отбыл из собора.

Взаимная любовь была настолько велика, что чествования отъезжающего святителя продолжались несколько дней. Прощаясь с епископом Никодимом, члены совета общества по оказанию помощи нуждающимся в образовании 29 ноября преподнесли ему адрес в красиво оформленной папке с благодарностью за участливое отношение к нуждам учащихся Кишинева и за его материальное пособие обществу. Владыка слишком хорошо помнил свое нищенское детство и скудную юность и в память о своих благодетелях, которые помогли ему выжить и получить образование, никому не отказывал. Всех нуждающихся принимал с неизменной любовью и максимальным личным участием. В зале архиерейского дома 1 декабря бывшим ректором семинарии архимандритом Зиновием от лица городского духовенства, корпорации духовных учебных заведений, преподавателей, городской администрации и многих почитателей было прочитано благодарственное слово:

«Ваше Преосвященство, Прсосвященнейший Владыко.

Настоящее многолюдное собрание долгом поставляет для себя приветствовать Ваше Преосвященство с призыванием Вас на новое высшее служение Церкви Божией и вместе с этим выразить Вам волнующие его мысли и чувства при расставании с Вами.

Непродолжительно было пребывание Вашего Преосвященства в Кишиневе — всего четыре года. Но и в это короткое сравнительно время Вы успели широко проявить свою плодотворную деятельность, тем более что на долю Вашу выпало добрую четверть этого времени управлять обширной Кишиневской епархией. И ныне мы расстаемся с Вами, как недавно передавшим бразды правления епархией Измаильскому архипастырю.

При таком служении Вашего Преосвященства в Кишиневской епархии Вы имели возможность ознакомиться с нею, и не только путем письменных сношений, но и личным посещением даже отдаленных пределов ее.

В непродолжительное пребывание Ваше в Кишиневской епархии успели установиться и определиться отношения Ваши ко всем членам местной Церкви, а этих последних — к Вашему Преосвященству. Да простит нам скромность Ваша, если мы, не

обинуясь, решимся сказать, что Ваше Преосвященство завладели любовью всех не только имевших к Вам служебное отношение, но и тех, которые знали Вас как архипастыря только.

Все они видели в Вас благоговейного совершителя служб церковных, ревностного проповедника слова Божия, усердного молитвенника пред престолом Всевышнего, что так обаятельно действовало на всех без исключения богомольцев, присутствовавших па богослужениях Ваших в кафедральном соборе и митрополии.

Небезызвестно нам, что Вас озабочивала мысль о том, чтобы и живущим на окраинах города и в соседних с ним предместьях, лишенным возможности быть в кафедральном соборе, дать возможность услаждать душу свою архиерейской службой Господу. Для осуществления этого Вы крепко думали о том, как бы приобрести на окраине града приличную усадьбу, устроить в ней новый викариате кий дом и подобающий при нем храм Божий, чего нельзя было сделать, по Вашим соображениям, при существующем викариатском доме.

Не суждено было Вашему Преосвященству осуществить это здесь, в Кишиневе, зато Вы нашли возможным и успели дать высокое святое религиозное удовлетворение скромным поселянам в Курковском монастыре, бывшем в Вашем ведении, где Вы нередко совершали архиерейские службы, сформировав для этого из монастырской братии необходимый штат и хор. Здесь же Вы предположили соорудить новый зимний храм взамен нынешнего, по своей незначительной вместимости лишаящего поселян возможности молиться в зимнюю пору в обители святой.

Оставляете Вы здесь по себе память как администратор осторожный, вникавший во все обстоятельства каждого дела, не чуждавшийся в важных случаях совместного обсуждения вопросов с лицами, стоящими у дел епархиального управления, — администратор, строго последовательный в своих решениях, ровный, беспристрастный.

Местные учебные заведения, к которым Вы близко стояли, в особенности в периоды Вашего управления епархией, всегда видели в Вашем Преосвященстве доброжелательного к ним архипастыря, вникавшего в их внешний и внутренний быт,

разделявшего с ними их радости и скорби.

Духовные учреждения — Христо-Рождественское братство, епархиальный училищный совет, Церковно-археологическое общество, Александро-Невское братство, разнообразные комиссии, председателем и главным деятелем которых Вы являлись, — все они с благодарным чувством будут вспоминать о Вас как о руководителе в высшей степени терпеливом, корректном, предоставлявшем всем свободу высказывать свои мысли и суждения, приводившем их к единству, примирявшем разногласия, преследовавшем одну цель — благо возглавляемого Вами учреждения.

А что должны сказать призреваемые в богадельне Александро-Невского братства, к которым Вы относились с таким сердечным участием, с такою христианской любовью, являясь для них добрым гением? Имя Ваше, мы уверены, будут с благодарностью произносить уста их, а сердца будут возносить о Вас теплые молитвы.

Расставаясь с Вашим Преосвященством ныне и выражая Вам чувства глубокого благодарения за все доброе, что так украшало деятельность Вашу, просим принять от нас на молитвенную память образ местночтимой святыни — Гербовецкой Божией Матери, пред которым всегда, когда это предоставлялось Вам, совершали Вы в воскресные дни акафистное пение. Верим, что Царица Небесная, к Которой Вы благоговейно взывали: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором», вслед повторявшееся, как бы едиными усты и единым сердцем всеми богомольцами на акафисте, будет сопутствовать на всех стезях Ваших, охраняя и защищая Ваше Преосвященство честным Своим омофором».

Депутация от города преподнесла владыке художественную панагию с надписью на обратной стороне: «Кишиневская городская дума всегда будет помнить Вас, Преосвященнейший Владыка Никодим, и Ваше святительское служение в Кишиневе. 1 декабря 1911 г. Кишинев».

Председатель Кишиневского отдела «Союза русского народа» генерал Иваницкий поднес епископу Никодиму икону Георгия Победоносца и сказал приличную случаю речь.

Владыка Никодим, глубоко расстроганный всеми этими знаками внимания, сказал, что у него не было намерения

уходить из Кишинева, и что он полюбил этот город, сроднился с ним и паствой кишиневской, и что нынешний призыв его на служение в более значительном городе он понимает как указание на то, что Бог призывает его к более усердной, энергичной службе. Привычка к известной обстановке делает человека мало энергичным, несмелым в своих действиях, и вот Господь отрешает его от этой привычной обстановки и побуждает на новые подвиги епископского делания. «Еще и то, может быть, Господу благоугодно, — говорил епископ Никодим, — что с моим отшествием отсюда мой жребий приняли люди достойнейшие, могущие восполнить мои немощи и недостатки епископского моего служения; что я не усмотрел, чего я не смог здесь сделать по своей немощи, то Господь имеет восполнить силами других».

Представителям от города епископ Никодим сказал: «Бывает, что такого внимания удостаивают епископов правящих, и то немногих; но чтобы такого внимания удостаивались викарные епископы, это бывает редко, и потому меня особенно трогает это внимание, хотя я чувствую, что его ничем не заслужил».

Прощальный стол был накрыт на 120 персон. Когда подали шампанское, владыка Никодим провозгласил здравицу Императору. Громогласное «ура» и гимн «Боже, Царя храни» были ответом на тост.

Преосвященный Гавриил (Чепур) в своей речи художественно охарактеризовал личность епископа Никодима как архипастыря в высшей степени кроткого.

Вечерним поездом 2 декабря 1911 года владыка Никодим навсегда отбыл из Кишинева, оставляя светлые воспоминания о безоблачных днях своего архиерейского служения в Бессарабии. Его ожидали новые труды и новые испытания.

12 декабря 1911 года Преосвященный Никодим, епископ Чигиринский, прибыл в Киев на место своего нового служения. Почти сразу же он был назначен настоятелем Михайловского Златоверхого монастыря. Объем проблем и реестр обязанностей у владыки на новом месте стали значительно шире.

Ведению второго викария подлежали дела: «а). По консистории - столу второму: 1) увольнение за штат по прошениям священно-церковнослужителей и в отпуск; 2)

определение на места диаконские и псаломщические; 3) назначение помощников благочинных и членов благочиннических советов; 4) о пострижении в монашество и принятии в монастыри; 5) назначение законоучителей в высшие начальные училища; 6) цензура проповедей, произносимых в кафедральном соборе; 7) об учреждении братств и церковноприходских попечительств; 8) о назначении духовенству пенсий; 9) о крестных ходах; 10) погребение самоубийц; 11) погребение на церковных погостах; 12) выдача св. антиминсов; 13) освящение храмов; 14) по столу 7-му — дела единоверческие и присоединение к православию, б). Дела епархиального попечительства и богадельни, в). Распорядительные постановления Правления семинарии по хозяйственной части и дела женских училищ духовного ведомства, г). Псаломщические классы и курсы, д). Епархиальное Св. Владимирское братство, где Преосвященный Никодим состоит Председателем. е). Председательствование в пастырских собраниях духовенства, ж). Наблюдение за преподаванием Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения, а также и в высших начальных училищах. з). Исполнение обязанностей Товарища Председателя епархиального миссионерского совета, Киевского комитета Православного Миссионерского Общества и Киевского отдела Императорского Палестинского Общества». И сверх того, во время отсутствия митрополита Флавиана (Городецкого) в Киеве епископ Никодим давал разрешение на выдачу святого мира в другие епархии, делал распоряжения о совершении торжественных богослужений в кафедральном соборе, входил, в случае нужды, в деловые сношения, как личные, так и письменные, с местными властями. Поистине гигантский объем проблем и обязанностей. Но, помимо всего, возникали ситуации иного, деликатного свойства, требовавшие мудрого и тактичного решения, а порой личного присутствия владыки. Приведем один пример.

Как-то владыка был поставлен перед проблемой: помирить два прихода — села Большая Пятигорка и деревни Обуховки. Вражда возникла из-за икон Божией Матери, обретенных в колодце на обуховской земле крестьянином села Большая Пятигорка Степаном Яремчуком. Иконы были принесены в

пятигорскую церковь. Но обуховское общество считало их своей собственностью, так как они найдены на обуховской земле. Епархиальной властью иконы были переданы в распоряжение Бердичевского братства, и братство, помня, что обуховчане подарили 6 десятин земли для постройки церкви и приюта для круглых сирот воинов и три тысячи деньгами, посчитали своим долгом перенести иконы в обуховскую церковь. Но этому воспротивились жители Пятигорки и однажды, когда духовенство и до 6 тысяч народу, в том числе из Москвы и Киева, прибыли а торжество, тайно взяли иконы из церкви и спрятали их. Назначенное во второй раз перенесение икон тоже не удалось, благодаря сопротивлению пятигорских людей. Тогда братство выстроило часовню у колодца в надежде, что сюда иконы будут перенесены беспрепятственно. Но



пятигорчане воспротивились и этому. В свою очередь, нарастало раздражение и у обуховчан. Назревал серьезный конфликт, который мог разрешиться в любое время с самыми прискорбными последствиями. Вернуть к миру враждующие стороны суждено было епископу Никодиму.

Около 8 часов въехав в Большую Пятигорку и не услышав колокольного звона, епископ Никодим усомнился, ждут ли его в

Епископ Никодим (Кроткое) . Киев

церкви, и задержался в школе, пока не удостоверился, что в церкви есть люди. Войдя в храм и облачившись, владыка сказал слово о вражде и мире среди людей и пригласил присутствующих крепко помолиться Богу.

Молчаливо-угрюмое несогласие уступить дрогнуло. Пока служился архиерейским чином молебен Спасителю и Божией Матери, прибыл крестный ход из Обуховки, подошли и пятигорчане. Облачившись в полное архиерейское облачение, владыка распорядился вынести обретенные иконы. Как бы по уговору, не желая сдаваться, женщины подходили к носилкам, держались за них, становились на колени, не вставая, плакали и причитали. Не без труда удалось вынести иконы из церкви. На погосте также слышались всхлипы и протестующие возгласы. Но чувствовалось, что худшее позади.

Владыка невозмутимо повел речь о явлениях икон и их почитании, все больше и больше овладевая вниманием народа. Протесты становились все реже, и по окончании речи враждующие стороны подняли иконы и понесли их без всякого выражения чьего бы то ни было недовольства. Предстояло пройти пять верст. Преосвященный Никодим шел во главе. Непрестанно пели церковные песнопения. Недавняя вражда осталась позади. У братской часовни владыка совершил освящение воды и окропил здание внутри и снаружи. Затем был совершен молебен с акафистом Божией Матери, после чего епископ Никодим снова обратился к народу с поучением о святости места, о том, что иконы должны быть там, где обретенны. Люди заметно успокоились. И уже через несколько недель после вмешательства епископа Никодима некогда враждующие стороны обменивались иконами, после чего устраивали общественные обеды.

Это не единственный случай, требовавший архиерейского участия, и владыка неумоимо объезжал практически все приходы, нуждавшиеся в архиерейском посещении.

24 января 1912 года на съезде благочинных, созванном митрополитом Киевским и Галицким Флавианом в связи с увеличившейся активностью сектантов, владыка Никодим как опытный миссионер был избран председателем.

Всю работу по миссионерству в Киевской епархии владыка взял на себя. Он следил за деятельностью штатных миссионеров, искал и находил оптимальные формы работы при расширении сектантского влияния. В подольской Петро-Павловской церкви мужского духовного училища и в Вознесенской церкви Байкового кладбища он устроил

регулярные миссионерские вечера, на которых говорил проповеди или делал доклады.

18 июня 1912 года в Черкассах открылся миссионерский съезд духовенства Киевской епархии под председательством епископа Никодима. Приехало много священников с зараженных сектантством приходов Черкасского, Чигиринского и Каневского уездов. На открытии владыка сделал доклад о пастырях достойных и недостойных, указав на миссионерские труды как наиболее важные и актуальные. «После дарования демократических свобод в вопросах вероисповедания, — говорил владыка, — сектантство, до времени находившееся в подполье, стало прорастать буйным цветом. Всякого отходящего от православной церкви или сомневающегося сектанты обращали в новую веру или, по крайней мере, внушали скептическое отношение к Церкви. Слово Божие, проповеданное от сердца, сказанное не по образцам семинарского школярства, а ясно, адекватно тем культурным и научным запросам, вне которых сомневающийся не станет слушать миссионера, — существенная необходимость».

Надо сказать, что епископ не ошибся в своих наихудших предчувствиях относительно разрушительной природы сектантов для Российской государственности. После революции многие псевдорелигиозные образования, почувствовав духовное родство с новой разрушающей стихией, примутся с пафосом, равным большевистскому, за уничтожение всего, что будет им напоминать православную державу. Их роль в разрушении государственности и гонении на Православную Церковь нельзя недооценивать.

Владыка Никодим был музыкально одаренным человеком: пел, играл и разбирался в музыкальных премудростях. Помимо всех своих трудов, он руководил работой класса псаломщиков и регентов при Михайловском Златоверхом монастыре. Курсы проходили, как правило, с 15 июля по 24 августа ежегодно.

Быстро летит время в повседневных трудах. Благополучие великой империи, ускользая с поверхности жизни, на глазах у всех обнажало новую, грозную реальность. Началась Первая мировая война, столкнувшая в небытие две монархии, связанные кровным родством.

4 февраля 1916 года в зале Киевского религиозно-

просветительского общества по инициативе епископа Никодима состоялось собрание городского духовенства, посвященное проблемам войны. Главной темой было создание приютов для беженцев, помощь раненым и издание патриотических листов для армии. 14 февраля владыка отслужил торжественную миссионерскую вечерню с чтением акафиста Пресвятой Богородице.

Всеми доступными средствами святитель пытался помочь страдающему Отечеству, растерянному, смущенному войной и революционной агитацией людям. 1 марта владыка посетил Фастовский железнодорожный поселок и выбрал место для постройки нового храма вблизи станции, чтобы все следующие на фронт и возвращающиеся домой могли прибегать к благодатным таинствам. На следующий день он отправился в Бердичев, чтобы осмотреть школы и побеседовать с законоучителями. Он встретился и обсудил насущные проблемы с главным священником Юго-Западного фронта протоиереем Г'рифцовым, после чего сразу же уехал в Казатин, чтобы там выбрать место для постройки часовни для поминания убиенных православных воинов. Посетил госпиталь, где беседовал с ранеными, прибывшими с фронта. В селе Насташка Васильевского уезда при Свято-Никольском приходском братстве владыка организовал приют для сирот убиенных воинов.

Как председатель Свято-Владимирского братства епископ Никодим призвал всех пожертвовать на подарки к Пасхе воинам действующей армии. А 1 мая 1916 года он сам отправился на фронт, чтобы посетить и ободрить героев и защитников Отечества в боевой обстановке, и привез с собой целый вагон подарков от братства Святого Владимира.

Затем владыка поехал в Тернополь, где присутствовал на богослужении в домовой церкви командующего армией и произнес краткое слово к присутствующим о том, что сейчас вся Россия, а особенно духовенство, молится о даровании победы над врагом, и подарки, которые он привез с собой, «являются выражением любви к защитникам родины от находящихся в тылу сыновей и дочерей ее». Подарки были отправлены на позицию, а владыка в ближайшей к Тернополю деревне отслужил молебен Спасителю и Божией Матери. Он снова

сказал проповедь о том, что надо до конца держаться поставленной цели и не внимать наветам злых людей (революционеров), и, благословив всех солдат, добавил: «Воины не одни, с ними воюет вся Россия».

Владыка одобрительно отнесся к введению сухого закона. 22 мая 1916 года он говорил: «Вышеприведенные обстоятельства (сухой закон. — *Авт.*) весьма много способствовали возвышению благочестия в народе (речь шла о Чигиринском уезде. — *Авт.*). Заметные раньше хулиганские выходки, пороки и преступления почти исчезли. Храмы Божии за богослужением полны молящимися, прибегающими к милосердию Божию и заступничеству Божией Матери и святых угодников. Обнаружением сего явилось благочестивое желание прихожан соорудить <...> иконы Божией Матери, великомученика Георгия Победоносца и Иоанна Воина для торжественного перенесения их крестным ходом по приходу и поставления в храме, чтобы перед ликами сих святых воинов и страстотерпцев молиться за нынешних страдальцев — воинов родной земли».

Все более беспокойными становились настроения в тылу, и неутешительными были известия с фронта. Епископ Никодим неустанно трудился на духовной ниве, желая по мере сил возродить и утвердить дух своей паствы.

11 сентября владыка посетил в Бердичеве храм, который 70 лет не видел архиерея. Настоятель жаловался: псаломщик на войне, молодое население на войне — по этой причине нет хора. Владыка, как всегда, рассказал о наболевших проблемах, но главное — о христианской любви и о том, как она должна выражаться в настоящее смутное время войны.

Далее владыка отправился в село Гришковцы, где среди встречавших его была семья гофмейстера царского двора А.П.Корнилова, потомка севастопольского героя. После совместной молитвы владыка сказал: «Необходимо безропотно нести крест войны и употребить все усилия к благополучному ее исходу».

В Бердичеве к встрече Преосвященного Никодима в Успенский собор прибыл главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант А.А.Брусилов со свитой. Владыка, обращаясь с речью к генералу, благословил его на

ратные подвиги и вручил ему икону Божией Матери в шитой золотом ризе — дар Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. Растроганный до слез генерал с благодарностью принял святыню, облобызал ее и горячо поблагодарил епископа Никодима.

Для ободрения духа находившихся в тылу владыка 25 сентября 1916 года совершил крестный ход с группой прихожан из Марии-Магдалинского прихода и Михайловского монастыря на Шунявку с новоосвоенной иконой Пресвятой Богородицы, которую накануне он сам освятил. После епископ Никодим сказал слово о Пресвятой Владычице как нашей заступнице, молитвеннице и покровительнице во все тяжелые и страшные времена для России.

Владыка не оставлял без внимания и осиротевших детей. Чтобы как-то помочь им, он, по благословению митрополита Киевского Владимира, издал циркуляр от 10 ноября 1916 года к отцам настоятелям приходов Киевской епархии об образовании фонда для воспитания детей-сирот павших воинов, для чего благословил устроить по всей епархии сбор зерна и огородных продуктов. Деньги, вырученные от продажи на месте сбора пожертвований, предполагалось передать в братство Святого Владимира, а также владыка просил разослать в закрытых конвертах воззвания к земледельцам близлежащих приходов о посильной помощи.

На очередном миссионерском собрании в Старо-Киевской Вознесенской церкви, 27 ноября, он говорил долго и вдохновенно, развивая и интерпретируя в контексте военных и революционных событий текст «Восстали спяй и воскресни от мертвых и освятит тя Христос», после чего были розданы листки миссионерско-патриотического содержания.

В начале февраля 1917 года епископ Никодим от имени Свято-Владимирского братства обратился к населению Киевской губернии: «Совет Киевского епархиального Св. Владимирского братства по примеру прошлых лет изготавливает подарки для дорогих защитников-воинов к празднику Святой Пасхи. Памятуя, что воины вынуждены уже третий раз встречать праздник Святой Пасхи вдали от родных, в тяжелых условиях боевой жизни, под постоянным страхом за свою жизнь, — подбодрите их, покажите им крепкую связь с тылом, это принесет великое

утешение в праздник Святой Пасхи. Совет братства обращается к настоятелям приходов, членам причта, православному населению Киевской губернии, учащим и учащимся в церковных и миссионерских училищах, кооперативным обществам и другим организациям и всем добрым людям: привнести и свою лепту на доброе дело помощи воинам, всякого рода пожертвованиями на подарки. Подарки и пожертвования Совет братства просит направлять в Киев, Михайловский монастырь, Свято-Владимирское братство на имя председателя братства».

Общественная жизнь из-за церковной огады видится по-другому, не так, как с высот государственных политических олимпов. Епископ Никодим в феврале 1917 года вместе со своими единомышленниками потребовал от царя роспуска Государственной Думы, за что попал в немилость и был сослан в Саратов, но по настоятельному ходатайству светских и церковных деятелей Киева через три месяца был возвращен на прежнее место.

Война из отечественной стала превращаться в гражданскую, как это и было задумано худшим меньшинством. Густые облака мировой злобы, зависшие над Россией, готовы были в любой момент обрушиться воплощенной злобой и беспрецедентной ненавистью.

В Киеве епископа Никодима застала революция. Разброд и шатания были во всем — коснулись они и церковной дисциплины. Оздоровление духовного климата в обществе и армии стало основной темой воззваний владыки, в которых он раскрывал духовную нищету и пагубность большевизма. Владыка талантливо и не без успеха развернул большую работу по объединению православных людей. По его инициативе были созданы Совет объединенных приходов и Братство приходских советов, в связи с чем он предоставил митрополиту Владимиру рапорт:

«Пастыри г. Киева пожелали объединиться в союз, выработано и положение этого союза на собраниях под моим председательством, каковое при сем представляется. В состав этого союза входят более 50 пастырей г. Киева и 4 киевских викария. На последнем собрании, 28 сентября, председателем общих собраний избран протоиерей Симеон Трегубов, товарищем — протоиерей Михаил Вишневецкий, казначеем —

протоиерей Владимир Богородицкий и секретарем — священник Николай Поройков. Доводя о сем до сведения Вашего Высокопреосвященства, почтительнейше прошу преподать свое Архипастырское благословение союзу трудиться во благо Св. Церкви, к водворению мира и любви среди пастырей г. Киева и епархии».

Митрополит Владимир 10 октября наложил резолюцию: «От всей души призываю Божие благословение на деятельность союза, направленную к водворению мира и любви среди духовенства Киевской епархии».

Союз, организованный епископом Никодимом, неуклонно возрастал, приобретая новых сторонников. Благословение Божие лежало на его начинании, успех был очевиден. Каждое дело, обретая смысл в глазах окружающих, достигало своей цели. Благодаря поистине подвижническим трудам владыки, укреплялась и обновлялась приходская жизнь — основа всякого церковного устройства. Усилия святителя способствовали поднятию духа и осознанному противостоянию разрушителям российской государственности, за что на владыку Никодима были раздражены петлюровцы.

С еще невиданной дерзостью был убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Распоясавшиеся бандиты, воспользовавшись «новой политической ситуацией», имя которой анархия, вывели владыку за стены Киевской Лавры и застрелили.

Великая русская смута только начиналась. Убийство святителя было пробным камнем в череде опережающих друг друга по жестокости и цинизму злодеяний. По свидетельству профессора В.В.Зеньковского (в 1848 году он принял священный сан), уже во время гетманщины на этом месте был поставлен памятник митрополиту Владимиру. В своих воспоминаниях Зеньковский писал: «К этому времени уже вернулся из Москвы первый викарий митрополита Владимира епископ Никодим²,

² Епископ Никодим привез из Москвы Холмскую икону Божией Матери и перевез почти в полном составе Турковицкий монастырь, что по обстоятельствам времени можно было воспринять как чудо. Тогда же с ним приехали два племянника архиепископа Евлогия (Георгиевского) — мальчики лет 9—10. Турковицких монахинь приютил Флоровский монастырь, там же находилась и Холмская чудотворная икона Божией Матери.

человек очень твердый, крайне правый (он был как раз один из той группы в февр[але] 1917 года, которая требовала от государя роспуска Государственной Думы, крайний противник украинского церковного движения. Он повел очень умную политику: не споря с украинцами, он предоставил в Москву доклад о положении Церкви на Украине и настаивал на том, чтобы были поскорее произведены выборы Киевского митрополита <...> до созыва Украинского Собора, которому должно было (и па это вполне соглашалась Москва, недавно лишь благословившая поместный собор...) сопротивляться до последней степени. Официальным кандидатом был выставлен митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий). И так как уверенности в том, что он будет избран, не было (хотя епископ Никодим, хорошо знавший практику дореволюционных выборов, принимал все меры по устранению «неблагонадежных» (по украинству) священников), то епископ Никодим получил от Св. Синала при Патриархе особый указ, коим приостанавливаюсь введение устава, введенного в действие Всероссийским Собором. Дело в том. что иначе как путем выборов нельзя уже было поставить митрополита, а по правилам Всероссийского Собора для выборов епархиального архиерея нужно было 2/3 голосов. В изъятие этого правила, по представлению епископа Никодима, была установлена норма простого большинства для выбора Киевского митрополита. Конечно, в епархии, да и вне ее это все знали. Крайнее раздражение украинских церковных деятелей заострялось упорным отказом со стороны епископа Никодима созвать собор».

Но украинские круги настоятельно требовали от него, чтобы выборы Киевского митрополита как первосвященителя Украинской Церкви непременно были отложены до собора, на котором они надеялись провести свою кандидатуру. Как только В.В.Зеньковский стал министром Исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского. он сразу же отправился с визитом к епископу Никодиму. «С епископом Никодимом у меня был небольшой, но очень характерный разговор. У меня еще не образовалось никакого плана действий, по я сказал епископу Никодиму, что взялся за свой пост исключительно из желания послужить церковному миру и благоустройству, что, войдя в состав правительства, я никогда не стану переходить

компетенции государственной власти в церковных делах, но что надеюсь, что епископат пойдет мне навстречу, считаясь с очень серьезным и политическим, и церковным положением. Епископ Никодим, стремившийся ускользнуть от каких-либо ответственных слов, принимавший меня очень сдержанно и холодно, сказал, что время для Церкви сейчас действительно трудное, но что Церковь полагается на свои силы, что он надеется, что я буду уважать свободу Церкви и не переходить границ государственного вмешательства во внутренние дела Церкви. Я не считал нужным вступать в спор с епископом Никодимом, но мне сразу стало ясно, что я имею в лице его врага, который не пойдет ни на какие уступки, который твердо и упорно будет бороться за те позиции, которые он считает правильными. Меня это не могло смутить, — я достаточно раньше знал епископа Никодима — но показало мне сразу же, каким трудным путем предстоит мне идти».

Епархиальное собрание было назначено на 19 мая. Видя непреклонность владыки и его твердую решимость повести дело в соответствии с волей Патриарха, Зеньковский перед тем, как доложить о положении церковных дел в Совете Министров, считал необходимым в частном разговоре с владыкой найти компромисс. Он предложил на съезде ограничиться обсуждением только епархиальных проблем и не производить выборов митрополита, а перенести эти выборы на Украинский Собор. Он говорил: «Жалобы украинского духовенства побуждают правительство стать на защиту прав Украинского Собора, без всяких оснований попираемых Вами как заместителем Киевского Митрополита». Находя все новые и новые аргументы в защиту своей политики, он заметил, что епископ Никодим слушал его внимательно, но по тому, как он слушал, было ясно, что слова не действуют на него и он твердо и непреклонно стоит на своей позиции. Присутствовавший при разговоре архиепископ Евлогий указал министру, что они выполняют благословение Патриарха и это вопрос уже решенный. «Епископ Никодим стал на формальную точку зрения, — писал В.Зеньковский, — конечно, не потому что был формалистом, а наоборот, он постарался сам создать эту формальную преграду, чтобы за нее укрыться». Епископ Никодим говорил: «Теперь не время созывать Собор, в разгар

лета невозможно получить из деревни ни священников, ни прихожан, а осенью, когда закончатся работы, можно будет созвать Собор. Выборы же митрополита нам абсолютно необходимы, потому что епархия не может жить без ответственного главы ее». Парируя, В.В.Зеньковский пытался указать на то, что он, епископ Никодим, успешно справлялся со всеми проблемами уже четыре месяца и ничего страшного не произойдет, если это продлится до осени, но его аргументы не имели действия. «Я ничего своей властью, — сказал архиерей, — переменить не могу».

Независимость архиерея испугала Зеньковского, и он поспешил сообщить в Совет Министров о нарочитом стремлении епископа Никодима обойти Собор и провести в Киевские митрополиты Антония (Храповицкого). «Совет Министров был крайне возмущен поведением епископа Никодима, — вспоминал Зеньковский, — и кто-то предложил просто полицейски не допустить епархиального собрания, в крайнем случае, даже разогнать его». В результате доклада министру Исповеданий было поручено от имени правительства потребовать не выбирать митрополита.

По приглашению епископа Никодима Зеньковский приехал на собрание, и председательствующий архиепископ Евлогий сразу же как члену правительства предоставил ему слово. Министр еще раз попытался оказать давление на епископат и заявил, что правительство не желает вмешиваться в церковные дела, по в то же время не может быть равнодушным к церковным разногласиям, считает их крайне опасными и просит отложить выборы митрополита. «Я отметил, что правительство желает жить в мире с церковными людьми, по оно сделает, конечно, свои выводы, если его просьба, основанная на серьезных данных, не будет уважена. Епархиальное собрание, конечно, свободно поступить, как оно хочет — но и правительство свободно в случае отказа собрания последовать предложению правительства поступить соответственно».

Но уже через два часа епископы сообщили Зеньковскому, что со стороны правительства производится насилие над Церковью и что указ Патриарха нельзя не исполнить, не нарушая церковной дисциплины. Даже тот, кто шел против линии епископа Никодима, считал неудобным откладывать

выборы. Предвидя давление со стороны правительства, епископ Никодим своевременно добился у Патриарха того, чтобы митрополит в данном случае был выбран большинством голосов, что оказалось решающим.



Епископ Евлогий (Георгиевский) в соборе

Владыка Евлогий (Георгиевский) получил от Святейшего Патриарха Тихона указание провести выборы нового Киевского митрополита. Представлено четыре кандидатуры: митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Платон (Рождественский), бывший Экзарх Грузии, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) и епископ Уманский Димитрий (Вербицкий). Обсуждение кандидатур вызвало немалое волнение у православных Киева. В принятии решения участвовало около 300 человек, и большинством был выбран митрополит Антоний. За него стояло все русское население и украинские центристы, а за епископа Димитрия — «самостийники». Игнорируя результаты выборов, правительство признавало владыку Антония митрополитом Харьковским, а не Киевским, а по всем вопросам Киевской епархии официально обращалось к епископу Никодиму. Такое положение не устраивало правительство, и оно решило обратиться к



**Епископ Димитрий (Вербицкий) .
Киев . 1917**

Патриарху с претензией. Об этом стало известно, и в тот же день к Зеньковскому прибыл архиепископ Евлогий и попытался объяснить, выборы нежеланием сотрудничать с украинским правительством, а невозможностью послушаться Патриарха. Он и другие архиереи сожалеют об этом несоответствии и не теряют надежды на нормализацию отношений. Далее архиепископ Евлогий попросил правительство

не обращаться к
Патриарху о

непризнании собрания законным, так как это нарушит церковный мир, и предложил обо всем договориться в Киеве. Владыке удалось уговорить министра не предпринимать никаких действий. Воспользовавшись перемирием, епископ Никодим отправил в Москву своего доверенного человека (иеромонаха Димитрия из Михайловского монастыря) со всеми официальными материалами о выборах на утверждение Святейшему Патриарху Тихону и Высшему Церковному Совету. Признание выборов законными вызвало большое раздражение в украинском правительстве, и была срочно отправлена телеграмма с просьбой воздержаться от утверждения новоизбранного митрополита до получения от украинского правительства материалов, освещающих официальную точку зрения. Но из этого ничего не вышло. Князь Е.Н.Трубецкой сообщил о том, что, по сведениям «Общественного центра» (антибольшевистская организация в Москве), министром Исповедания назначен профессор Зеньковский, ставший униатом, что ускорило утверждение митрополита Антония. Через несколько недель в Киев пришли документы за подписью Патриарха с подтверждением законности выборов и сообщением Высшего Церковного Совета о невозможности их отмены. И в то же время Патриархия надеется на то, что «гетманское правительство не оставит Православную Церковь без своего содействия и помощи в ее нуждах». В.Зеньковский писал: «Ответ этот закреплял положение, создавшееся еще на епархиальном собрании и делал невозможным никакой компромисс. Церковь и государство на Украине оказались таким образом в войне, и я, конечно, очень тяжело переживал эту ненужную, спровоцированную епископом Никодимом и близким к нему духовенством войну». Исполняя благословение Патриарха, епископ Никодим одержал победу в неравном столкновении с украинским правительством.

Власть гетмана не могла создать армии и не имела никакой реальной опоры. За несколько дней петлюровской осады в Киеве резко поднялись цены на хлеб, и так как помощи ждать было неоткуда, 14 декабря 1918 года министерство вынесло постановление о сдаче города. В тот же день галицийский корпус сичевых стрельцов во главе с Е.Коновальцем, назначенным Директорией командиром «осадного корпуса»,

вошел в Киев, в честь чего на Софийской площади был устроен парад. Произошла очередная — четвертая — перемена власти. Первое, что сделали петлюровские отряды, — расстреляли около стен музея более ста офицеров старой русской армии. На киевлян это действовало удручающе. Как пишет А.А.Гольденвейзер в своих воспоминаниях, «единственное административное мероприятие, которое Директория успела не только декларировать, но и осуществить, было снятие всех имевшихся в городе русских вывесок и замена их украинскими <...>. Русский язык не допускался даже наряду с украинским. Вывески же на иностранных языках не подлежали снятию. Приказ о немедленной украинизации вывесок частным образом мотивировался тем, что галицийские войска, которых Петлюра призвал освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладев наконец Киевом, оказались в совершенно русском городе. Между тем для них-то русский язык был действительно чужд и мало понятен. И вот, уступая чувствам своих войск, атаман Коновалец издал свой исторический приказ, следы которого долго еще напоминали киевлянам об эфемерном владычестве Директории <...>. Весь город в эти веселые дни представлял собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лестниц, ведер с красками и т.п. Особые патрули расхаживали по городу и проверяли, исполнен ли приказ. В случае каких-либо орфографических сомнений они же разрешали их с авторитетностью академии наук».

17 декабря архиепископа Евлогия (Георгиевского) арестовали петлюровские офицеры. За ним пришли прямо в Печерскую Лавру, когда он пил чай с митрополитом Антонием (Храповицким), и отвезли в гостиницу «Версаль», временно обращенную в тюрьму. На следующий день в белом клобуке, с папкой в руках появился невозмутимый митрополит Антоний. Владыка Евлогий бросился с благодарностями к митрополиту, но радость его была преждевременной. Как только решетка затворилась, он понял, что обрел не свободу, а замечательного сокамерника. По коридору ходили солдаты и офицеры. Владыка Евлогий вспоминал: «Один из них спросил митрополита Антония, за что нас посадили. «За православную веру», — ответил владыка. Солдат усомнился: «За веру? За веру не сажают, наверное, какие-нибудь вы злодеи». Но наступила уже

другая эпоха, упразднявшая подобные вопросы: за веру не только сажали, но и расстреливали.

В 23.00 того же дня владык отправили поездом в Галицию. В дороге конвоиры стали заботиться об арестованных, угощать их едой и чаем. Один из солдат собирался ехать в Киев и предложил владыкам передать записку.

По приезде в Тернополь владык разместили в еврейской гостинице, но вскоре перевели в город Бучач в униатский Базилианский монастырь. Записка дошла до Печерской Лавры, после чего духовенство и миряне направились к Петлюре с просьбой облегчить участь архиереев. Но Петлюра хотел одного — чтобы этих владык на Украине больше не было, и освободить их отказался. Однако после долгих переговоров он разрешил им иметь все необходимое для службы. И вот как раз перед Рождеством два лаврских монаха привезли облачения, церковные сосуды и прочее.

В это же время в Киеве был арестован епископ Никодим, и уже на Святках оказался в Базилианском монастыре вместе с арестованными владыками. С ним прибыл иеромонах Николай, беззаветно преданный ему человек, последовавший за владыкой в заключение добровольно. Заботливо и преданно он стал относиться ко всем владыкам: подметал пол, чистил сапоги, исполнял все необходимое без малейшего неудовольствия.

Одну келью занял митрополит Антоний, другую — архиепископ Евлогий и епископ Никодим, а в третьей келии поселились иеромонах Николай, архимандрит Виталий и иеромонах Тихон, арестованные вслед за епископом Никодимом. В одной из келий совершалась служба. Днем узники гуляли по саду, а по вечерам униатские монахи приглашали владык к себе, угощали кофе, вели религиозные беседы. Епископ Никодим был отличным музыкантом и каждый вечер па стоявшей в ризнице фисгармонии исполнял церковные песнопения.

Весной неожиданно появился епископ Алексей (Дородницын), пообещал хлопотать об освобождении, но так ничего и не сделал.

Вскоре приехал профессор филологии Киевского университета Иларион Огиенко. В это время он работал над переводом богослужебных книг на украинский язык. Называя

себя православным, он без смущения причащался с униатами. (С 1919 по 1921 год он был министром просвещения в правительстве Украины. В будущем — архиерей с неординарной биографией.) Его обещания похлопотать об освобождении узников также остались без результата.

Приближалась Пасха. В Великую Субботу неожиданно для всех появился иеромонах Иов из Почаевской Лавры. Он приехал исповедовать узников и привез с собою куличи, пасхи и письма, в которых почаевские монахи писали: «Лобызаем ваши узы».

Это время архиепископ Евлогий вспоминает так: «Не знаю, долго ли продолжалось бы наше заточение, если бы не изменилось политическое положение Украины. Завязалась борьба украинцев с поляками, для украинцев неудачная. Поляки их энергично теснили. Украина разделилась на Восточную (Киевщина) и на Западную (Галиция) и организовала два правительства, объединявшиеся под верховной властью Петлюры. Во Львове, центральном городе Галиции, заседало правительство, составленное из галичан и возглавляемое Петрушевичем, в Киеве — правительство Петлюры. До нас добежал слух, что поляки взяли Львов, что правительство вынуждено бежать на восток. А потом мы узнали, что бежавшие министры вот уже две недели как живут в вагонах на нашей станции».

Заключенных освободили и даже предложили доставить на Волынь. Владыки были в некотором замешательстве, но все же решились остаться на милость и великодушие поляков. Все были согласны, что ехать куда-либо в такое смутное время, когда орудуют вооруженные банды, не стоит.

Под Троицу поляки вошли в город, и уже на следующий день, прямо после литургии арестовав владык, посадили их на грязные навозные телеги и под проливным дождем отправили в местечко Монастыржинско. По прибытии их обыскали и отправили дальше. Недалеко от Станислава толпы пьяных польских солдат и офицеров, окружив телегу, осыпали густой бранью православных архиереев. Один из солдат сорвал с архиепископа Евлогия шапку и очки и бросил в грязь. Все могло бы кончиться трагично, если бы не вмешательство одного офицера.

Прибыв в Станислав, во избежание «непредвиденного»,

владык решили не помещать в казармы и отвезли в «Бельвю» — местный публичный дом. Дали отвратительную грязную комнату. Митрополит Антоний посоветовал не раздеваться, все легли в мокрых рясах и не сомкнули глаз до утра от солдатского топота, бабьего визга и выстрелов...

Наутро митрополит Антоний обратился к униатскому епископу Григорию Хомишину в надежде на его заступничество и помощь, но безуспешно. Комендант также отказался участвовать в их судьбе. Все решилось неожиданно. Н.С.Серебренников, организовавший приют для бывших граждан Российской империи, случайно узнал, что православные архиереи находятся в борделе, и был возмущен до крайности. Он был влиятельным человеком и добился их освобождения.

Но вскоре владык арестовали вновь и отправили дальше во Львов. Там они нашли радушный прием у митрополита Андрея Шептицкого, вернувшегося недавно из русского плена (его освободило временное правительство). Рассказывая о своем плене, он поведал, как при царском режиме приезжал к своему другу графу Красинскому в Витебскую губернию под видом торговца свиньями и рассылал своих эмиссаров скупать русские древности. Будучи большим патриотом Киевской Руси и всего, что связано с ней, он утверждал, что это и есть ничем не замутненная русская стихия, которую нельзя этнографически отождествлять и политически сочетать с Великороссией.

О восточном церковном искусстве он говорил: «Оно чище воплощает христианскую идею, чем западное».

Но и под властью польского владыки они не чувствовали себя в безопасности. Митрополит Андрей Шептицкий порекомендовал обратиться к польским властям через Клемансо, так как в этот момент обсуждался Версальский договор. Шептицкий помог наилучшим образом скорректировать бумаги, которые и были отнесены во французское военное агентство во Львове.

Через несколько дней пришло предписание отправить митрополита Антония, архиепископа Евлогия и епископа Никодима в Краков. Везли их под конвоем и разместили в местечке Беляны, на берегу Вислы, в монастыре монахов-молчальников («samaldules»). Жили монахи не общежителю, а в небольших домиках с огородами. Одежду носили грубую,

донашивая ее до полной ветхости. Приветствовали друг друга неизменным «memento mori, frater». Но архиереев окружали не только монахи. Семь жандармов-пилсудчиков неотступно сторожили их.

Через некоторое время владык отправили в Краков к кардиналу Сапеге. Кардинал сказал: «Ваши имена известны. но они окружены ненавистью, вас держат под охраной. чтобы толпа вас не растерзала».

«Мы добровольно отдали себя в руки поляков, надеялись на их великодушие, — ответил митрополит Антоний по-латыни, — а к нам отнеслись, как к преступникам. У нас на Кавказе есть дикое, разбойничье племя ингушей: если кто добровольно отдастся под их покровительство, тот человек для них священный. А с нами поляки не так». Это вызвало переполох. Вся свита кардинала засуетилась: «Что такое? Какие еще ингуши?» На этом аудиенция закончилась, и архиереев отвезли в монастырь. Вскоре монахи расположились к своим пленникам и разрешили служить. Благо, все необходимое оставалось с ними. Богослужение укрепило и утешило узников.

Пришел ответ из Парижа: французские власти просят пропустить владык в район расположения армии Деники

на и оказать им в пути всяческое содействие. Через несколько дней был подан автомобиль, и архиереи в сопровождении польского офицера, с провизией, подаренной монахами, отбыли на вокзал.

В Черновцах владыки посетили 86-летнего румынского патриарха Владимира Репту. Великолепный дворец, роскошный прием, но теплого общения не получилось из-за симпатий патриарха к Австрии. В Яссах архиереев принял митрополит Пимен.

Через Галат они отправились в Константинополь на пароходе русского торгового флота «Владимир». Константинополь произвел на всех чудное впечатление. Владык принял Местоблюститель патриаршего престола митрополит Дорофей с членами Синода. С ними оказался архиепископ Анастасий (Грибановский), бежавший из Бессарабии от румынских националистов. Прием был официальный и непродолжительный.

Владыка Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Когда в Киеве

меня арестовали, я думал, что мне конец <...>. Весь дальнейший период плена прошел под знаком неволи, бесправия, подавленности <...>. Господь изъяс меня из России в недостижимость. Я был в России фигурой заметной, колющей глаз, и был бы, несомненно, одной из первых жертв террора. Плен сохранил мне жизнь <...>. Дни плена явились цепью чудес — реально ощущаемое вмешательство Божественного Промышления в мою судьбу, и теперь я знаю опытно, что означает возглас: «С нами Бог!»

В той же мере это касается и епископа Никодима (Кроткова). После Успения 1919 года, пробыв в плену 9 месяцев, архиереи прибыли в Новороссийск. Их встретили, как воскресших, с восторгом. Оказывается, прошел слух, что их расстреляли, и по ним даже служили панихиды. Митрополит Антоний и епископ Никодим остались в Новороссийске, а архиепископ Евлогий выехал в Екатеринбург к брату.

Вскоре пришли известия, что в Киеве белые, и митрополит Антоний с епископом Никодимом, невзирая на все сложности, поспешили уехать. Владыка Никодим сразу же принялся за церковные дела. Надо сказать, что ставя выше всего церковные интересы, в политическом отношении он занимал нейтральную позицию. Высказываясь всегда за целостность Церкви и государства, он даже говорить всерьез об автокефалии категорически отказывался. В ярославской тюрьме на последних допросах такая церковная позиция будет расценена как политическое преступление, направленное против советской власти. «Ставить Церковь выше государства — контрреволюция», — скажет следователь. Несмотря на давление петлюровцев, а после и большевиков, владыка отстаивал только интересы Церкви. На последних допросах он так определил свою позицию во время Гражданской войны: «Я стоял за единую неделимую Церковь и Родину, невзирая на то, какая в пей будет власть».

Деникин ушел из Киева, а вместе с ним — митрополит Антоний (Храповицкий). Реальность расправы при встрече с большевиками была слишком очевидна. Но епископ Никодим по благословиению митрополита остался, так как это совпало с его внутренним убеждением: Церковь не должна оставаться без архипастыря. И киевская паства отвечала владыке любовью и

признанием. Впоследствии на допросах такая решимость к самопожертвованию вызовет подозрение и будет истолкована следователем как сотрудничество с деникинской разведкой.

Сразу же по прибытии в Киев владыка отправил к Патриарху Тихону иеромонаха Димитрия с подробным отчетом о положении церковных дел в Польше и Киеве. Иеромонах Димитрий вернулся от Святейшего с одобрением деятельности епископа Никодима и указом о возведении его в сан архиепископа с назначением на Таврическую кафедру.

После шести месяцев пребывания в Киеве владыка, выполняя благословение Патриарха, с риском для жизни пересек линию фронта и в июне 1920 года приехал в Симферополь. Через много лет и этот подвиг послушания станет на предсмертных допросах обвинением в шпионаже в пользу Деникина, а благословение Святого Патриарха Тихона — отягчающим обстоятельством. «Кадровый тихоновец» — это уже само по себе контрреволюция. В Симферополе архиепископ Никодим встретился с митрополитом Антонием, который только что вернулся из Турции, где безуспешно искал поддержки у старых друзей.

Вскоре армия Врангеля под давлением большевиков стала покидать Крым, а с нею — все желающие. Но и на этот раз архиепископ Никодим предпочел не оставлять страждущее Отечество и свою паству. Митрополит Антоний одобрил такое решение. В Крыму также остался архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), ушедший за штат по благословению Святейшего Патриарха Тихона. 21 августа 1921 года он получил указ от Патриарха и поселился в Топловском монастыре, недалеко от Феодосии, где прожил около года.

Приняв дела епархии, архиепископ Никодим с прежней энергией погрузился в церковную жизнь.

В 1922 году советская власть объявила об изъятии церковных ценностей. Голодающее Поволжье стало удобным поводом для нанесения смертельного удара по Православной Церкви. Своей целью большевики ставили не столько изъятие само по себе (они не сомневались, что ценности заберут во всех случаях), сколько уничтожение лучших представителей Русской Церкви, в первую очередь, архиереев и священников. С впечатляющей откровенностью в секретном письме к членам

Политбюро в марте 1922 года В. Ленин писал: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь громадное большинство крестьянской массы будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь значительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету». В письме давалось конкретное указание, как действовать: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». (*Ленин В.И. Письмо Молотову для членов Политбюро*).

28 марта 1922 года в «Известиях» был напечатан список врагов народа, куда по логике большевиков попала лучшая часть российского духовенства. Одним из первых был назван Святейший Патриарх Тихон. В свою очередь, КрымЦИК, чтобы не отстать в столь важном революционном деле, 30 марта издал указ, в котором всем православным храмам предписывалось в 36-часовой срок с момента получения циркуляра все ценности по имеющимся описям опечатать и сдать в Наркомфин. КрымЦИК обязал всех в 6-часовой срок сообщить о результатах выполнения этого своеобразного постановления. Ответственность за проведение циркуляра в жизнь возлагалась на представителей общины. Так как за эти смутные годы практически все храмы Крымской епархии в той или иной степени были уже обворованы или ограблены, предусмотрительные большевики к этому циркуляру сделали дополнение под №38, сообщавшее, что «лица, являющиеся хранителями церковных ценностей по своему юридическому или фактическому положению, будут привлекаться к ответственности наравне с совершителями краж». И даже:

«если они предоставят доказательства своей непричастности к кражам, их все равно будут привлекать за небрежное хранение



Симферополь. Александро-Невский кафедральный собор.

Фото начала XX века

ценностей». В примечании было сказано: «Пользующиеся церковным имуществом обязаны представить старые (до 1917 года) инвентарные книги, описи клиросных ведомостей, независимо от описей, предоставленных при заключении договора с местными Советами, а непредоставление, сокрытие или предоставление этих документов в испорченном виде служит основанием для привлечения виновных к судебной ответственности как за уничтожение или сокрытие указанных документов. Требование: а) опись в трех экземплярах недвижимого и движимого церковного имущества, б) отдельно от указанной — опись в трех экземплярах инвентарного имущества, предназначенного специально для богослужебных целей».

Как и следовало ожидать, крымское духовенство не спешило выполнять эту директиву и напряженно ожидало, что будет дальше. Представители КрымЦИК — революционные дамы Нина Солодова и Евгения Андерсен — пришли к настоятелю

Александро-Невского³ кафедрального собора протоиерею Алексею Назаревскому. Предъявив соответствующий мандат, они рассчитывали на содействие священника, но он, сославшись на свое нездоровье и несогласие прихожан оказывать содействие в сомнительных предприятиях, отослал непрошенных гостей в канцелярию архиерея и без особой уверенности предположил, что, быть может, там они найдут не только «понимание», но и ключи от храма. Но этого не случилось. Не зная, что делать, Солодова и Андерсен обратились за советом к наркому РКИ Азовскому. Получив разъяснения, они снова пришли к протоиерею Назаревскому, но дома его уже не было. Возле храма они встретили дочь протоиерея Николая Казанского, от которой узнали, что отец дома. Но и здесь не нашли сочувствия. «Я с утра занят работой, — решительно заявил священник, — и сейчас тоже еду совершать требы и ничем помочь не могу». И посоветовал обратиться к настоятелю или архиерею.

Архиепископ Никодим, видя неотступность и формальную обоснованность претензий, написал протодиакону Трофиму Хоменко, чтобы тот открыл собор и «оказал содействие». Некоторое время Е.П.Андерсен с протодиаконом искали сторожиху Марию Чупрынину, которая в конце концов и открыла собор. Через час пришел протоиерей Николай Казанский, и Андерсен попросила у него опись, но священник уклонился, сказав: «Как вы и требовали, было составлено три экземпляра описи, и мы их отправили в соответствующие учреждения. А копии нет... не имеем». Тогда неутомимая Андерсен приступила к составлению описи по наличию ценностей. За описью наблюдала сторожиха и пять-шесть случайно зашедших девочек. Ни на минуту не оставляя Андерсен в покое, они непрерывно говорили «обидные» и даже «оскорбительные

³ В декабре 1922 года Александро-Невский собор был закрыт. Позже его превратили в склад церковных ценностей, изъятых из других храмов Крыма. В 1929 году были сняты колокола, а 30 мая 1930 года КрымЦИК принял решение снести храм и передать земельный участок для сооружения музея-панорамы «Взятие Перекопа». Перед сносом удалось перенести захоронения архиепископа Гурия (Карпова), епископа Михаила (Грибановского) на кладбище. В ночь с 26-го на 27 сентября 1930 года собор был взорван.

слова», «ругали, попрекали, всячески мешая производить опись». В это время в храм пришел уполномоченный Скачков и тоже услышал о себе много нелицеприятно. Атмосфера накалилась. Опись в этот день так и не была произведена. Андерсен предупредила «несознательных церковниц», что завтра утром она придет и закончит свою работу. Но утром собор снова оказался закрытым, а вокруг — никого.

Андерсен отправилась к о. Алексею Назаревскому и предложила ему оказать содействие или, по крайней мере, присутствовать при окончании «работы». Протоиерей Алексей категорически отказался, объяснив, что сам, без архиерея и прихожан, он ничего не решает, к тому же в храме есть такие предметы, к которым она не может прикоснуться. Но все зря... Разгневанная Андерсен с провожатыми отправилась к архиерею. После долгих переговоров к 12 часам дня храм все же был открыт, но почти сразу появилась сторожиха Чупрынина с теми же девочками и с прежним задором стала поносить и без того раздосадованную Андерсен и ее власть. Тогда Андерсен как представитель власти попробовала их запугать, оказав психологическое давление, по результат оказался обратным. Девочки начали бить в набат, и минут через 15 храм наполнился православным народом, по преимуществу женщинами. Окружив тесным кольцом Андерсен, они начали единодушно ругать и попрекать ее за кощунственные действия. «Церковь теперь отделена от государства, и из нашего храма никто ничего не вынесет», — кричала толпа. Невзирая на угрозы, накаленную до предела атмосферу и даже реальную опасность быть побитой и выброшенной из собора, Андерсен, видимо, в состоянии одержимости, продолжала свою безбожную работу. Окончив переписывать ценные вещи, она потребовала у о. Николая Казанского ключи от ризницы. Но иссякшее терпение побудило собравшихся женщин, взяв под руки, выпроводить из храма ответственного работника и се подручных.

Через некоторое время Андерсен снова вернулась с представителем власти Ковалевским. Но собор снова был заперт, и вокруг никого не было. Пошли к архиепископу. Он принял их сурово и предложил оставить дело до воскресенья, чтобы все проблемы по изъятию решить с прихожанами. «Со своей же стороны, — сказал владыка, — ничего не могу сделать,

да и не имею на то никаких данных, какими мог бы руководствоваться в этих противоречивых обстоятельствах». Тогда Ковалевский и Андерсен предъявили газету с публикацией воззвания Патриарха Тихона о содействии изъятию и соответствующее распоряжение по Крыму местных властей. Но владыка ответил, что не имеет никаких официальных распоряжений на этот счет.

После продолжительных переговоров храм все-таки был открыт. Протоиерей Казанский и протоиерей Хоменко, ни во что не вмешиваясь, наблюдали со стороны. Когда уполномоченные начали снимать ризу с чтимой Казанской иконы Божией Матери, раздался колокольный звон, на который экспроприаторы не обратили внимания. А между тем минут через десять после набата собор наполнился народом. Поднялся шум, недовольство, угрозы высказывались открыто, и «работа» вновь была прервана. Вскоре прибыл архиепископ с духовенством города, но никаких действий не предприняли. Отойдя в сторону, они наблюдали за полемикой, подбадривая народ своим присутствием. К вечеру все закончилось.

Изъятые ценности были по предложению комиссии сданы в Народный комитет финансов. Заместитель председателя комиссии по изъятию Шведов настоял на продолжении обыска на следующий день. Ему казалось, что в отдаленных шкафах находится что-то ценное, чего так не хватает молодой Советской республике. Но и на следующий день продолжилась та же одиссея с поиском ключей. Взломать дверь, между тем, не решились. Протоиерей Трофим Хоменко ссылаясь на старосту храма Чернетенко, а он дальше, стараясь оттянуть время. В шкафах оказались богослужебные сосуда, как выяснилось, не указанные в предложенной описи. И хуже того, при обыске архиерейской канцелярии был найден рапорт настоятеля собора о предполагаемом изъятии с резолюцией архиерея: «В канцелярию для сведения». Стало быть, к постановлению власти всерьез не отнеслись. Были найдены акты о пропаже ценных вещей из храмов епархии, похищенных в текущем году, что станет еще одним из пунктов (потеря бдительности) в обвинении архиепископа Никодима и духовенства епархии.

В результате настоятель собора о. Алексей Назаревский был вынужден написать властям подробный рапорт о том, что есть

такие церковные сосуды, которые употребляются только в богослужбных целях, а посему сданы быть не могут. С другой стороны, под давлением слишком раздраженного народа во избежание серьезных столкновений власти стали осторожнее.

В ходе полемики возник вопрос: есть ли чудотворные иконы? И члены комиссии, без лености просмотрев все документы духовной консистории, уверились, что таковых на 3 июля 1922 года не имеется. Но из газеты «Наука и религия» от 10 июня 1922 года (№10) выяснилось, что в Александро-Невском соборе есть новаявленная икона, «которая плачет за погибшую от большевиков Россию». Объявилась икона в Шестериковской слободке у еврея-выкреста Фабиерова. Об этом было сообщено архиерею, и он послал комиссию во главе с благочинным о.Николаем Бессоновым и заведующим канцелярией протоиереем Димитрием Игнатенко, после чего икона была перенесена в кафедральный собор.

Так же сложно проходило изъятие и в других храмах. Приведем несколько примеров⁴.

В Петро-Павловском соборе в марте 1922 года изъятие проводила Нина Солодова в присутствии протоиерея Александра Зверева, протодиакона Дмитрия Полежаева, старосты Андроника Великодного и казначея Семена Сидоренко и все с теми же проблемами. Описи не оказалось, куда она делась, выяснить так и не смогли. Протоиерей Александр Зверев был вторым священником, но из-за болезни настоятеля о. Аполлинария Арсентьевича Попова с ноября 1921 года выполнял его обязанности. Отец Александр запретил снимать серебряные ризы с так называемых личиковых икон (то есть тех, где написаны только лики и руки), объяснив, что в таком случае храм утрачивает и саму икону.

Народ, собравшийся в храме, по преимуществу женщины, был неспокоен. Действия комиссии духовенство называло своими именами — кощунством и святотатством. В среде собравшихся высказывались предложения проучить Солодову, что духовенство подчеркнуто не замечало. Впрочем, храм оказался достаточно бедным изза многих бывших накануне

⁴ Документальные описания изъятия ценностей из других храмов епархии даны в *Приложении*.

краж. Это вдохновило ответственных работников на еще одно посещение, после чего в храме осталось лишь то, без чего не могла бы состояться служба. В Свято-Троицком греческом храме (ныне кафедральном) также орудовала Солодова с компанией в присутствии настоятеля Евстафия Дмитриевича Адамиди, Дмитрия Васильевича Кумурджи и члена общины Марии Дракуполо. Описи не оказалось, и комиссии пришлось составлять ее по наличию ценностей. Бывший настоятель этого храма Евгений Эндека⁵, энтузиаст обновленчества, состоявший

⁵ *Евгений Павлович Эндека родился в 1883 году в Карасубазаре. Окончил Таврическую духовную семинарию, как свидетельствуют епархиальные ведомости, в числе последних учеников. Его пробольшевистские усилия в дальнейшем себя не оправдали. Уже в 1923 году его арестовали и выслали из Крыма. По возвращении он относительно благополучно служил в различных храмах Крыма до 16 марта 1936 года, пока его не арестовали как греческого националиста. В то время он был настоятелем греческой Афанасьевой церкви в Керчи. Его душевное состояние само по себе показательно. После первых же допросов он был отправлен в психиатрический диспансер на обследование. Врач 10 октября 1936 года записал: «Со слов Е.П.Эндеки, во время пребывания в заключении он испытывал страх, слышал голоса устрашающего характера: «Смертный приговор», «Его надо убить». Боялся принимать лекарства и пищу, спасаясь, что они отравлены, не спал по ночам. Со стороны психики: формально вполне ориентирован, слабодушен, легко плачет по самому незначительному поводу. Не способен к длительным психическим напряжениям. По временам испытывает ночные страхи. Под следствием переносил реактивные психические состояния». Во время следствия Е.Эндека предал своих ближних и друзей по церкви: Иордана Ивановича Семилиди, Гомера Пахатуриди, Кайтолиди и других, назвав их контрреволюционерами и националистами. Отвечая на вопрос врача, сам Эндека характеризовал свое состояние следующим образом: «После того как я назвал подсудимого (И.Семилиди. — Авт.) контрреволюционером, я слышал голос Семилиди, на меня это очень подействовало, и наутро у меня отняло руку и язык. Я видел следователя, я галлюцинировал, я слышал, как меня вызывают к следователю, который заставил меня дать показания, после этого я еще больше стал галлюцинировать... Меня перевели в общую камеру, меня допрашивали, в это время я тяготился этим, я давал все возможные показания... Я пил, но редко. Я говорил, что я блудник, что я корыстолюбец. Я писал мнимому прокурору заявление. Помню, что я писал на латинском языке некоторые слова... Я чувствовал, что меня посадили якобы к Шакалам, чтобы они меня убили... Я забыл молиться. У меня был животный страх. По временам у меня это бывает. Сейчас я спокоен. Я познакомился с тюремными людьми и их преступлениями».

Несмотря на такое плачевное состояние и былые заслуги перед властью, Эндека был все же осужден 21 октября 1936 года на четыре года лагерей с лишением прав на три года. Его дальнейшая судьба неизвестна.

секретарем комиссии по изъятию, заявил, что, когда он был настоятелем, опись имущества была полной, и в его бытность имелось очень ценное Евангелие, а также большой золотой крест. С первого раза много забрать не удалось. Наиболее доходным оказался третий поход изыскателей — 16 марта, видимо, по чьему-то доносу.

Шведов с секретарем и священником Эндекой в присутствии настоятеля изъяли много ценных золотых и серебряных вещей. Несмотря на кражи, которые были здесь, как и в других храмах, Троицкий собор оставался достаточно богатым.

Все это происходило в Великий Пост. Не умея найти и вынести все сразу, члены комиссии приходили в каждый храм по два-три раза, оставляя в сердцах верующих скверное, гнетущее впечатление. С удивительным усердием и занудством изыскатели выискивали любые свидетельства о материальных ценностях, а так как почти все храмы уже были обворованы, им приходилось подолгу, на ощупь выяснять, что же на самом деле украдено и что от них утаили, нередко пользуясь услугами стукачей.

Вне зависимости от того, кто и насколько подчинился изъятию, все были обвинены в сопротивлении властям, в расхищении, в небрежном хранении и в симуляции хищений.

С 20—24 июня 1922 года была проведена тщательная ревизия архиерейской канцелярии. Помимо председателя комиссии Еленева, возглавлявшего церковный отдел НКВД, и председателя ЦК Помгола Ковалева, участвовал в этом безобразии как представитель инициативной группы «Живая церковь» священник Евгений Эндека. К своему удивлению, комиссия обнаружила, что канцелярии Таврического епархиального совета уже нет и что таковая, согласно распоряжению от 21 ноября 1921 года, владыкой Никодимом закрыта, а вместо нее учреждена канцелярия Таврического епископа, которая именуется теперь канцелярией Правления союза приходских церквей города Симферополя и в которой выяснить что-либо (то есть найти компрометирующий материал) не представляется возможным. По оставшимся документам нельзя было сориентироваться в финансовом и материальном положении епархии. Это вызвало сильное недовольство в комиссии и впоследствии квалифицировалось как пассивное

сопротивление власти. Архиепископа Никодима непрерывно попрекали ужасами голода (искусственно организованного). Обращаясь к его совести, приводили послания Патриарха Тихона, делая акценты на словах Святейшего: «Нам стало известно, что проведение в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей сопровождалось весьма нежелательными явлениями. Прихожане, побуждаемые несомненной ревностью о храме Божиим, но ревностью неправильно понимаемой, допускали активное противодействие власти, причем это противодействие принимало иногда форму прямого насилия и даже кровопролития». Все эти действия Святой Патриарх Тихон осуждал и считал своевременным предупредить, что возбуждение против известной какой-либо национальности (например, евреев) им осуждено еще в 1919 году. В настоящий же момент Патриарх Тихон приглашает «епархиальных преосвященных преподавать подведомственному им духовенству и пастве архиепископские указания в выше упомянутом духе, располагая к посильной помощи голодающим, и выделить что-либо из церковного достояния для указанной цели». К тем, кто и после не подчинится руководящим указаниям своего архипастыря, должны быть приняты меры архипастырского воздействия.

Разумеется, владыка Никодим разослал послания Святейшего всем благочинным епархии.

Вот ситуация, к примеру, в Севастополе. 4 марта 1922 года благочинный округа настоятель Покровского храма протоиерей Павел Пересыпкин был вызван в исполком, где его без всякого промедления принял заместитель председателя в присутствии семи сотрудников. Ему прочитали постановления ВЦИК от 23 февраля об изъятии ценностей, добавив, что на какой-то конференции несколько севастопольских рабочих, в том числе и женщины, предложили безотлагательно исполнить постановление. Благочинному порекомендовали немедленно обратиться к населению с воззванием, на что он ответил: «Ясно представляя все ужасы голода, зная, что на помощь погибающим должно спешить, я все же не могу это делать самостоятельно. Призыв об изъятии не может исходить только от меня. Этот голос принадлежит епископу и народу. Без общеприходских собраний решить такую проблему

невозможно». Работники исполкома возмутились: «Как можно затягивать дело, когда речь идет об умирающих!»

Но священник спокойно возразил: «Все равно не могу принять на себя смелость единолично обратиться к народу и прошу дать мне возможность посоветоваться с духовенством». Исполком согласился, дав день сроку. Получив разрешение на собрание, духовенство и миряне Севастопольского благочиния съехались для решения этих вопросов. После обсуждения, длившегося несколько часов, собрание пришло к выводу: «Изъятие одобрить, но только так, чтобы не были задеты религиозные чувства верующих. Выполним свой долг, а что касается церковных предметов, о них будут судить приходские советы и выдадут им то, что окажется лишним». К этому делу севастопольское духовенство подошло с большой осторожностью: для совета был приглашен известный 70-летний харьковский адвокат, бывший председатель епархиальных съездов. Будучи профессиональным юристом, понимая всю сложность ситуации и серьезность события, он одобрил действия духовенства и содержание воззвания, которое было представлено в исполком и напечатано в крымской Газете «Маяк коммунизма».

Священнослужители Севастополя актом от 5 марта постановили: «Выпустить воззвание с призывом об оказании активной помощи всем голодающим без различия вероисповедания, которое с разрешения исполкома поместить в местных газетах, а настоятелей церквей просить созвать приходские советы и убедительно предложить им принять меры и усилить помощь голодающим пожертвованием церковных ценностей и обратиться к молящимся об оказании помощи своими личными средствами. Сознывая, что право распоряжаться церковным имуществом принадлежит епископам (апостольское правило 38—40), мы все же осмеливаемся постановить противное, так как к этому вынуждают нас современные, не терпящие отлагательства обстоятельства — голод, смерть наших сограждан». Воззвание подписал благочинный и другие священники города.

Воззвание начиналось словами: «Возлюбленные во Хри



Инкерманский монастырь св. Климента Римского

сте братия...» и в ярких красках рисовало ужас переживаемого «нашими гражданами голода», причем там говорилось, что «соввласть, со своей стороны, делала и делает все, что может». Были и оговорки со ссылкой на исторические примеры: «В истории Церкви были случаи, когда церковные ценности отдавались голодающим».

Но впоследствии оказалось: никакая лояльность, никакие встречные шаги и прочее не спасли верующих от обвинений и суда. Властям нужны были не только ценности (они знали, что их получают в любое время), но и головы их владельцев. И уже 19 марта протоиерей Павел Пересыпкин был привлечен к ответственности и обвинен севастопольским трибуналом за расхищение церковного имущества, сокрытие описей и прочее — по уже отработанной схеме.

Одно из первых обвинений, предъявленных архиепископу Никодиму и крымскому духовенству было «нелегальное собрание», назначенное на 31 мая 1922 года. Бывший настоятель Скорбященской церкви протоиерей Евгений Эндека как активный член группы «Живая церковь» был приглашен на пастырское собрание в архиерейский дом. Помимо духовенства, пришли представители церковноприходских советов и миряне-богословы — все хотели послушать доклад Эндеки о «Живой церкви», узнать о ее основных положениях, как это видят и понимают живоцерковники. А также всем хотелось публично обсудить статью Эндеки, напечатанную в газете «Красный Крым»,

о церковных реформах, предлагаемых «Живой церковью» и

о возможном созыве собора. Эндека сразу же ощутил настроение собравшихся как неблагоприятное для своего выступления. Обстановка была действительно напряженной и даже нервной. «В повестке дня собрание было названо «пастырским», — возмущался Эндека, — а на нем присутствуют миряне». Poleмика оживилась настолько, что было принято решение перенести слушание и обсуждение доклада на следующий день. Но этого не произошло. С самого утра по чьей-то наводке явился председатель политуправления, и все собравшиеся были переписаны и задержаны. Председательствовал, как было зафиксировано, архиепископ Никодим. Присутствовали заведующий епархиальной канцелярией протоиерей Димитрий Игнатенко, протоиерей кафедрального собора Александр Сердобольский, благочинный Симферополя протоиерей Николай Бессонов, священник Петро-Павловского собора Александр Зверев, настоятель Трехсвятительской церкви о. Петр Салов, а также заместитель делопроизводства наркомфина Митрофан Иларионович Архангельский, ассистент университета Петр Михайлович Петров, заведующий церковным подотделом, нарком внутренних дел Георгий Павлович Доценко и другие. Собравшихся обвинили в нарушении «обязательного для всех» постановления № 72 наркома внутренних дел Крыма от 20 апреля 1922 года о «представлении повестки в местный отдел управления за три дня до назначенного собрания с неперменным обозначением», какие вопросы будут обсуждаться. Никто, разумеется, виновным себя не признал. Еще неудобовразумительными были постановления советских властей для людей, привыкших к нормальной жизни. Архиепископ Никодим заявил, что собрание назначено им, и, хотя оно было названо пастырским, он все же нашел нужным пригласить мирян, членов приходских советов, образованных и знакомых с церковными делами людей, считая, что в этом случае может руководствоваться разрешением №25 Ревкома Крыма от 16 апреля па устройство собраний представителей приходов для обсуждения нужд чисто религиозного характера.

Священники настаивали на том, что они прибыли на собрание по повестке благочинных, чтобы услышать доклад Эндеки о «Живой церкви», и так как оно было благословлено

владыкой, то не могли на нем не присутствовать. Но было еще и «второе собрание» (как обозначено в обвинительном заключении), вызвавшее большое раздражение властей.

Сделав установку па развал епархии, большевики официально поддерживали живоцерковников и одобряли все то, что может подорвать православие. Во что бы то ни стало им хотелось устранить пользовавшегося большим авторитетом среди народа архиепископа Никодима и его окружение и, конечно же, не допустить на кафедру нового православного епископа. Владыка Никодим, видя, что происходит, не сомневался в своем скором аресте. Его прошлое говорило само за себя, а непокладистость при изъятии ценностей и принципиальное неприятие живоцерковников не оставляли надежды на лояльность со стороны новой власти.



**Архиепископ Димитрий
(Абашидзе) .**

Архиепископ Димитрий (Абашидзе) был в это время под домашним арестом в Топловском монастыре, где ему было разрешено оставаться не более года. Православие в епархии было в критическом состоянии. Обновленцы во главе с Евгением Эндекой с помощью большевиков энергично и не без успеха шли к захвату епархиальной власти. Эндека вообще не гнушался открытого сотрудничества с гонителями Церкви ради своих идейно-преобразовательных пристрастий. Консультировал,

давал советы, как лучше и удобнее поставить православных на колени, обескровить и лишить их прежнего авторитета.

В связи с этим было принято решение рукоположить вдового протоиерея Александра Михайловича Зверева во епископа Мелитопольского, викария Севастопольского. Такое решение было вызвано тем, что обновленцы захватили Таврическое епархиальное управление, и во избежание

путаницы было необходимо дистанцироваться от самозванцев. Протоиерей Александр обладал всеми необходимыми качествами для нелегкого служения в сложившихся экстремальных условиях.



**Протоиерей Александр
Зверев. 1902 год 1**

Поздним вечером 28 августа 1922 года на подворье Космо-Дамиановского монастыря для пострига и архиерейской хиротонии собрались архиепископ Никодим (Кротков) и архиепископ Димитрий (Абашидзе), специально, в тайне от всех, приехавший из Топловского монастыря. Прибыли также протоиерей Димитрий Игнатенко, настоятель кафедрального Александро-Невского собора

протоиерей Симеон Кикоть и протодиакон Петро-Павловского собора Димитрий Полежаев. Присутствовали также настоятельница Топловского Параскевского монастыря игуменья Вирсавия (в миру Матрона Сидоровна Подозникова) и делопроизводитель свечного завода Николай Митькин. Постриг и служба, на которой состоялась хиротония, продолжались всю ночь и закончились около 9 часов утра.

Но меч революционного правосудия уже был занесен и над архиепископом Никодимом, и над всем православным духовенством. Кроме того, большевики не могли и не хотели забыть о деятельности Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ) на юго-востоке России и всего, что с ним было связано. Даже незначительные, ушедшие в прошлое мелочи, никак не относящиеся к настоящему времени, вспоминались и полагались в основу обвинения. Например, молитвы за главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала Врангеля. Была изменена форма поминания на сугубой ектении:

вместо «благочестивейшего Государя нашего» введена формула: «Благоверного вождя и правителя нашего». Не

забыли большевики и другой указ Высшего Церковного Управления на юго-востоке России — о необходимости пробуждения русского юношества и привлечения его к самовоспитанию и самодеятельности в духе религиознонравственного мировоззрения. Приведем отрывок из этого документа, во многом созвучного сегодняшнему дню.



**Протоиерей Димитрий
Игнатенко. 1926 год.**

«Благородное русское юношество!

Вас сделали невольными свидетелями величайших исторических событий. На ваших глазах произошла мировая война <...> и огромной силы революционное движение в России. Вы являетесь свидетелями величайшей, титанической борьбы защитников правды <...> с поставившей Россию на край

гибели гидрой большевизма <...>. В безумную пору обезумели многие и сильные умы <...>, прежде казавшиеся верными сынами Родины, продали свою душу изменникам и предателям. В эту страшную пору особенно величественным становится подвиг значительной части нашего юношества. Когда горсть бесстрашных верных сынов Родины во главе с генералами Алексеевым, Корниловым, Макаровым и Деникиным, называющими себя Добровольческой Армией, вступили в борьбу за честь и спасение Родины, они одни из первых стали примыкать к движению, наши благородные душой юноши. Они восполнили тогда еще редкие ряды Добровольческой Армии, в ней, как и в рядах кубанцев и донцов, они совершили бессмертные подвиги <...>.

Да будут благословенны пред Богом их имена!.. Они оказали Добровольческой Армии могучую помощь. Правда,



**Протоиерей Димитрий
Полежаев. 1923 год.**

некоторая часть русской молодежи не устояла против соблазнов растлевающей большевистской силы и поверила лживой ее проповеди. Но и вы сами как уже сознательные люди не должны и не можете оставаться более пассивными, будучи лишь объектом воспитания и образования. (Полное крушение на практике нашли и глубоко проникнутые материализмом идеи социализма и коммунизма.) Не озирайтесь вокруг себя, почти ни в ком не видя доброго примера, явите сами пример будущим поколениям и покажите себя достойными нашей

великой Родины, которая с любовью и упованием смотрит на вас в эти тяжелые дни испытаний».

Священникам и законоучителям было поручено распространить это воззвание в копиях, прочесть и объяснить юношеству. Но этим деятельность Церковного Управления на юге России не ограничивалась. Пробуждая сознание способных очнуться, понять и увидеть, оно обращалось к совести земледельцев, способных пожертвовать хлеб и другие продукты в пользу братьев, живущих в северных губерниях России, «не имеющих возможности обеспечить себя достаточным пропитанием ввиду длящегося господства большевиков».

Был объявлен сбор пожертвований на предстоящую зиму, но ввиду Гражданской войны решено было обратиться за помощью к Колчаку и Деникину с просьбой о содействии и реализации этой идеи. Крымские коммунисты не удержались, чтобы не сравнить отношение Церкви к голодающим тогда и сейчас с выгодой для «текущего политического момента». Как несомненный акт вины крымского духовенства было приведено еще одно воззвание ВВЦУ.

«Православный русский народ и Христолюбивое воинство!



**Инкерманский монастырь св.
Климента Римс**

Третий год, как мы ведем ужасную войну с жестоким врагом, а между тем враг еще не побежден. Происходит это оттого, что большинство русских людей до сих пор не понимает ни своего врага, ни смысла настоящей войны. Ныне настало благоприятное время сказать вам, что настоящая война есть борьба веры и неверия, Христа с Велиаром и Церкви с сатанинским сборищем. Враги Христа, Спасителя нашего, некогда распявшие Его на кресте и многократно воздвигавшие гонения на Церковь Его, ныне собираются распять

Невесту Его — Церковь Христову. Ныне во главе полчищ безбожников — дьявол, восставший на Церковь. Он оскверняет алтари Господни и убивает служителей Бога Всевышнего. Он кощунствует над святынями православными. Он предаёт огню города и селения русской земли и мечу всех лучших сынов ее. Он это делает для того, чтобы разрушить вначале Россию, а потом — все христианские государства Запада и Востока <...>. Восстанем как один за святую веру и Церковь Православную и за святую правду Божию. Поспешим освободить несчастных братьев наших из тяжелого плена безбожных и безжалостных правителей».

Все эти воззвания были подписаны архиепископом Таврическим Дмитрием (Абашидзе), архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым), епископом Севастопольским Вениамином (Федченковым), протоиереем Сергием (Булгаковым) 17 мая 1920 года в Севастополе.

Не преминули власть предержащие судить крымское духовенство словами Святого Патриарха Тихона, сказанными в 1919 году: «Мы, служители и глашатаи Христовой Церкви, подпали под подозрение носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы на ниспровержение советского строя, но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело церкви, а самого народа <...>, указывает, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном. Но если это бывает, что вовсе не по чину служителей церкви, которые по-своему должны стоять выше всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешательство в политическую жизнь страны, принадлежать каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия оружием политической демонстрации <...>. Не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти».

Но, как выяснилось, само существование Православной Церкви и священнослужителей уже было достаточным поводом, оправдывающим ее подозрительность.

Все раздражение против эмигрировавшего духовенства обрушивалось теперь «пролетарской справедливостью»

на тех, кто остался. В глазах советской власти даже популярность архиепископа Дмитрия среди крымчан вменялась ему в вину, так как крымская паства, ценя и любя своего владыку, обратилась в свое время к Святейшему: «Тяжелы и велики его труды, когда на него было возложено председательство во Временном Церковном Управлении на юго-востоке России. Все это создало крепкую связь с нашим любимым архипастырем, но особо живо почувствовалось и стало неразрывным с того времени, когда владыка решительно отверг официальное предложение покинуть пределы России и остался

самоотверженно на своем посту, а потому паства вся Тавриды желает видеть владыку в сане митрополита».

Митрополитом Абашидзе стать не успел, но быть привлеченным к уголовной ответственности сподобился. Как несомненный факт вины архиепископа Димитрия приводился протокол съезда духовенства и мирян Таврической епархии в 1917 году. Владыка приветствовал «свободную церковь в свободном государстве», после чего в акте говорилось об «отделении Церкви от. государства» и «сохранении за первой прав собственности, просвещения в духе православия и юридических прав». От имени съезда были посланы телеграммы на имя Львова, Колчака и Керенского (последний почему-то назывался «Мининым земли русской»), обещалась им материальная помощь «для защиты от жестокого врага демократии и мира». (Большевики припомнили, что Таврическая епархия пожертвовала Добровольческой армии на 1 декабря 1919 года тысячу рублей.)

Теперь же политический романтизм прежних лет оборачивался серьезными неприятностями. С 22 ноября по

1 декабря 1922 года продолжалось открытое судебное заседание. Верховный революционный трибунал при КрымЦИК судил архиепископа Никодима и крымское духовенство.

Председательствовал Порецкий, членами суда были Максимов и Барышева, секретарем — Терещенко, государственным обвинителем — Фридман. Защитники по назначению — Чарский, Большин, Готольберг, Донской, по соглашению — Айзенштейн, Ямпольский и Гуревич.

Крымское духовенство обвинялось в сокрытии церковных ценностей и «использовании религиозных предрассудков с целью противодействовать изъятию ценностей», а также в «нелегальных собраниях, подделке документов» и кражах.

Архиепископ Никодим на суде держался бодро и независимо и заявил, что о декрете об изъятии церковных ценностей он знает только из газет. Никакие циркуляры и распоряжения правительства ему известны не были. А после опубликования декрета в Симферополе была организована комиссия по изъятию церковных ценностей, которая и приступила к делу, в связи с чем по его благословению было устроено совещание, на которое были приглашены настоятели всех церквей и по два

члена приходского совета от каждой церкви. На совещании обсуждались меры, благодаря которым можно было безболезненно произвести изъятие. Владыка подчеркнул, что «члены Государственной комиссии могли не знать, что епархиальный архиерей может иметь значение в этом деле, но в составе комиссии по изъятию был священник Евгений Эндека, который не мог забыть правящего архиерея, и я сделал вывод, что комиссия считает его лишним, ненужным в этом деле. В то время, когда архиереи других епархий, по имеющимся у меня сведениям, на такие совещания были приглашены, и изъятие там прошло более легко. Невзирая на то, что комиссия не признала нужным мое участие, я все же говорил в храме проповеди о необходимости выдачи церковных ценностей для голодающих и благословлял на это других священнослужителей». Но инициаторы процесса припомнили и тут же процитировали постановление владыки об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания, гласившее: «Святые храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании Святой Божией Церквю, в лице всех православных верующих чад ее, возглавляемой богоугодной иерархией. Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие, а посему на каждом христианине лежит долг: всеми доступными для него силами и не противными духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания. Никто из православных христиан, под страхом церковного отлучения, да не дерзнет участвовать в изъятии из храмов, часовень святых предметов и только лишь могут передавать по требованию мирских властей описи храмов и находящихся в них предметов. В случае явного небрежения или безразличия прихожан к захвату и поруганию своих святынь храмы таковых приходов закрываются распоряжением местного епархиального архиерея, отправление общественного богослужения, а в некоторых случаях и частных треб в приходе прекращается впредь до полного раскаяния виновных».

Владыка продолжал свою речь: «В беседах с сотрудниками «Красного Крыма» я высказывал сочувствие делу изъятия, что и было помещено в этой газете в середине мая. Я же не принимал

участия в изъятии непосредственно, потому что меня никто не приглашал. Но когда я получил воззвание Святейшего Патриарха Тихона, то сейчас же отдал распоряжение о распространении и прочтении его в храмах и один экземпляр отдал сотрудникам «Красного Крыма». Насколько мне известно, изъятие церковных ценностей в Крыму и по всей Тавриде прошло без оказания сопротивления комиссии как со стороны духовенства, так и со стороны прихожан, а посему обвинение в намерении сорвать изъятие считаю неправильным, как и обвинение в противодействии этому изъятию. И более того, изъятию Церковь не только не противодействовала, но и содействовала всеми возможными мерами. Я принимал личное участие в описи ценностей Собора, женщинам, приходившим за советом с церковного старого кладбища, посоветовал выдать властям ценности. И вообще среди духовенства и мирян во время изъятия держался мнения, что власти нужно подчиняться, в особенности в таком деле, как помощь голодающим». Далее владыка говорил, что при изъятии в кафедральном Александро-Невском соборе «толпа на комиссию не насадала. Правда, ее председатель тов. Ковалевский говорил с народом несколько взволнованно, и на его некорректное поведение были жалобы от народа. То, что в каждой церковной вещи и ценности есть пот и кровь умирающих в муках голода рабочего и крестьянина, я согласен. Запрещается ли церковными канонами изъятие ценностей для спасения голодающих — не думаю, хотя всех их сейчас не припомню. Изъять из храмов без ущерба для них можно все, без чего можно обойтись при совершении богослужения, и, полагаю, что обилие ценностей для Бога есть дело безразличное, а смерть голодающих — неприятное. Заповеди, коими Христос заповедал насилие, не припомню, но Церковь христианская заповедует хранить церковное имущество, для чего нанимаются сторожа, коим вменяется в обязанность задерживать людей, похищающих таковые. Полагаю, что Христос не препятствовал бы, если бы была сорвана для голодающих риза с Его Лика. Всем, кто в частном порядке спрашивал меня, можно ли отдавать церковное имущество, говорил, что не только можно, но и должно, и произносил поучения о пользе личных пожертвований, и с моего благословения приходские советы, сестричества и проч.

принимали на себя заботы по сбору денег и питания голодающим».

На следующие пункты обвинения владыка отвечал: «Как председатель Комитета беженцев духовного звания я не спрашивал, не знаю, кто из них бежал от Красной армии. Кто из них остался в Крыму, не помню. Привозили ли они с собою ценности — не знаю.

Мер для безболезненного проведения в жизнь декрета об отделении Церкви от государства не принимал, ожидая действий в этой области от представителей власти.

Когда заведующий церковным подотделом сообщил мне, что начинает передачу церковей верующим, мною было отдано словесное распоряжение, чтобы все к этому было готово. Раньше этими вопросами с моего благословения занималось Правление союза приходских советов.

Был ли сбор пожертвований и передавались ли они в Москву из Крыма Святейшему Патриарху Тихону и голодающим — не знаю, так как тогда стоял не у дел». (Был под домашним арестом и находился в Инкерманском монастыре св. Климента Римского. По свидетельству протоиерея Михаила Польского, уступая напору верующих, гонители выпустили архипастыря для совершения праздничной литургии во Всехсвятском храме Симферополя в день Преображения Господня. За этой службой владыка рукоположил священника для этого храма. Сразу же после литургии святитель был отправлен обратно.) Далее владыка говорил, что «альтруистических чувств священнослужителей, проявляющихся в борьбе с голодом, не тушил. Разрешение на изъятие ценностей севастопольскому благочинному протоиерею Николаю Некрасову послал, причем отдачу ценностей благословлял делать с согласия прихожан, во избежание недоразумения. В просьбе о. Некрасова альтруизма не вижу. Он исполнял декрет соввласти, и разрешение епископа излишнее. Очевидно, о. Некрасов хотел привлечь епископа, так как боялся отвечать за то, что исполнял распоряжение государственной власти. Впрочем, никто, кроме протоиерея Николая Некрасова, не спросил у меня благословения на изъятие».

В ходе судебного разбирательства владыке задавали много вопросов, зачастую не касающихся самого обвинения, но во

всех случаях его ответы для нас интересны. Например, что говорил владыка на открытии памятника Андрею Ющинскому? Владыка ответил: «Находясь в Киеве, в закладке памятника Андрею Ющинскому не участвовал, памятника не видел и речи па могиле не произносил».

Обвинители усмотрели антисоветскую деятельность и в чисто архипастырском служении. Так, объезжая свою епархию, владыка прибыл 17 мая 1922 года в Мелитополь и сразу же, наученный опытом, обратился в исполком, нужно ли ему зарегистрировать свои документы, так как он приехал для ревизии церквей Мелитополя и всего уезда. Местные власти сказали, что регистрация не обязательна, и на следующий день архиерей отправился в дорогу, но уже 19 мая был задержан в селе Терпение, куда прибыл в 8 часов вечера. Подъезжавший к селу правящий архиерей, как и положено, был встречен колокольным звоном. Перед молебном он обратился к народу, убеждая усердно молиться о ниспослании дождя, а после молитвы сказал проповедь: «За неверие в Бога мы несем наказание в виде голода, болезней и прочее, и <...> только потому, что часть современных людей отеклась от Творца и своими несуразными убеждениями сбивает с праведного пути других, страдает вся русская земля». Во время проповеди пришло два стукача посмотреть, послушать и сообщить начальству, что и как происходило.

По окончании молебна, благословившись, народ разошелся по домам, а владыка Никодим со священством, приехавшим из ближайших деревень, отправились ужинать. После трапезы и непродолжительной беседы о положении церковных дел легли спать. После 12 ночи явились представители местной власти и обвинили спящих священников и архиерея в незаконном собрании. Оказалось, райсовет постановил: ходить по селу и собираться дома для бесед кому-либо после 24 часов строго воспрещается. И вот, аккуратно дождавшись заветного часа, местные властители пришли и всех арестовали.

В милиции выяснилось: «Именующий себя епископом не может доказать последнего, т.к. паспорт оставил в Мелитополе. В поздний час (20.00. — *Авт.*) звонили в колокола, не предупредив администрацию, хотя праздника нет», представители власти уже легли спать, но «встревоженные

звоном, подумали, что пожар», а также, что «в проповеди архиерей коснулся политики». Местный священник пытался объяснить, что он своевременно предупреждал власти о приезде архиерея и проповедь была на церковную тему, но все напрасно. После допроса, сопровождавшегося угрозами, у владыки Никодима взяли подписку о невыезде, а на следующий день, 20 мая, доставили его в мелитопольское политуправление. Через несколько дней архиерея освободили, и только он собрался продолжить осмотр своей епархии, как 25 мая был снова арестован в селе Менчикуры за проповедь и отсутствие пропуска, в котором ему отказали в Мелитополе, уверив, что «это излишне». Владыку под арестом продержали достаточно, чтобы он понял «нецелесообразность архиерейских объездов в настоящее время», и он был вынужден вернуться в Симферополь. И вот теперь пролетарский суд истолковывал всякое перемещение архиерея как контрреволюционную деятельность.

Но и это не все. Ненавистники православия тщательно выискивали всякое несоответствие с их представлениями и пожеланиями. Припомнили и «контрреволюционную» проповедь, сказанную владыкой 1 сентября 1921 года в архиерейской церкви против обновленцев, упорно стремившихся захватить епархиальную власть. В ней речь шла о гонениях на христиан при императоре Диоклетиане. Владыка говорил: «Мученики жестоко страдали, но не отрекались, более того, своей любовью ко Христу, подвигом веры многих обращали из язычества <...>. В то время храмы закрывались, книги сжигались, верующие изгонялись, вот и теперь наступило такое время — настоящее гонение на православную веру, новая эпоха в христианстве».

Далее, говоря о «живой церкви», владыка увещевал паству и предостерегал от насильственных действий. «Живая церковь» стремится отнять у православных храмы, и уже, как известно, из Москвы, где нет единения, приезжает епископ, и у нас произойдет разъединение. Новый епископ будет стараться привлечь верующих на свою сторону, и что же получится? <...> Но все же отнеситесь к нему без злобы и нетерпения. Но кто захочет вступить в группу «живая церковь», пусть подумает. «Живая церковь» несет раскол в нашу жизнь, который и нужен

врагу рода человеческого — дьяволу. Вы хорошо знаете сами своих пастырей, их служение Церкви Божией — разберитесь, хорошо подумавши, который из них служит Богу истинно православно. Вы сами должны выбирать! Я со своей стороны прошу вас не делать никакого насилия по отношению к сторонникам «живой церкви», без злобы сохранить полное спокойствие, христианскую любовь и терпение — это моя просьба и завещание». Так закончил свою проповедь архиепископ Никодим. И уже через неделю, 7 сентября, в газете «Красный Крым» появилась статья «Деяния Никодима», обвиняющая владыку в контрреволюционной пропаганде. Архиепископ обратился с жалобой в суд и подал список 25-ти свидетелей, готовых подтвердить, что ничего антиправительственного в его проповеди не было. В связи с этим главный редактор Урановский был привлечен судьей к уголовной ответственности за клевету в печати, но на официальном допросе автора статьи не назвал. На основании этого защитник архиерея Л.Я.Айзенштейн попросил приостановить дело по поводу «аренды» Александро-Невского собора и Четырехсвятской церкви, которые насильственно уже «арендовали» живоцерковники, до окончательного разрешения уголовного дела по обвинению Урановского в клевете.

На суде главный редактор «Красного Крыма» поведал, что к нему пришли деятели группы «Живая церковь» и принесли статью о проповеди архиепископа Никодима. Авторитет принесших он счел достаточным и напечатал ее в своей газете.

По ходу дела на суде выяснилось, что внимание владыки и его предупредительность в отношении живоцерковников отнюдь не были излишними. Страсти накалялись, и просьба быть терпимыми была своевременной. Накануне произошел инцидент. Двадцать человек, в основном женщины, подстрекаемые живоцерковниками, ворвались в квартиру иеромонаха Харитона и потребовали, чтобы он больше не служил в Четырехсвятской церкви при архиерейском доме, так как они уже договорились с властями, и теперь ее арендует «Живая церковь». В противном случае, если о. Харитон и второй священник этого храма о. Иов «не уберутся, то их растерзают на части».

Чтобы лучше представить стратегию большевиков по

отношению к Церкви, приведем документ, составленный партийными аналитиками того времени Б.С. Шведовым и Реденсом.

10.1 1923 г.

Секретно

Всем окружкам

Церковь упорно боролась за свое существование. После Октябрьской революции старалась сохранить в неприкосновенности свою средневековую идеологию, аппарат управления и влияние на невежественные массы населения.

Будучи одной из активных частей старого строя, церковь крайне враждебно встретила революцию и установленную ею Советскую власть, которая не нуждалась в поддержке со стороны церкви и не могла и не хотела этой поддержкой пользоваться. Октябрьский переворот еще не был завершен, как патриарх Тихон, глава православной церкви, призвал к неповиновению новой власти, анафематствовал большевиков и тех, кто их признал и им подчиняется. Этот шаг был рассчитан на духовную темноту крестьянских масс. Выступления Тихона были задатком политике церкви на ближайшие годы.

Действительно, церковь стала гнездом не только присущей пассивной, но и активной контрреволюции. Достаточно вспомнить о целом ряде крестьянских восстаний, где поп играл роль не только агитатора, но и часто организатора, о полках Иисуса Христа, состоявших почти поголовно из священников и монахов, сражавшихся на стороне Колчака, о погромных проповедях священника Востокова «о священном походе» против рабочих и крестьян.

С укреплением Соввласти, ее политическими, военными и экономическими достижениями всякие мечты о ее временности, о возможностях ее свержения постепенно рушились. Часто духовенство, особенно низшее, имевшее постоянное соприкосновение с жизнью, которая протекала в революционных условиях, пришла к выводу, что гнилой аппарат старой церкви нужно применить к условиям современности, что тот кризис, который является результатом противоречий между церковной идеологией и революционной психологией, каким-нибудь путем нужно разрешить — даже, если нужно, ценой некоторых уступок по отношению к изменившимся политическим условиям. Такова была логика незначительной, более современной части духовенства, которая видела, что социальное значение церкви сошло на нет и постепенно приблизилось к гибели.

Из этого положения современным церковникам нужно было найти

выход, нужно было обновить церковь и применить ее к условиям рабоче-крестьянской атеистической России.

Толчком к этому движению послужил декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, который нашел враждебную встречу в официальных церковных кругах только потому, что он исходил от ненавистного церкви правительства. Патриарх Тихон издает послание, в котором указывает на неканоничность (несоответствие основным церковным правилам) изъятия и одобряет укрывательство <...>. На этой почве на многих местах изъятие привело к столкновению между церковью и соввластью, закончившемуся суровыми репрессиями в отношении церковников. Их поведение обнаружило и внутреннее противоречие церкви между христианской любовью и жадностью к церковным сокровищам.

Это внутреннее противоречие было использовано вышеуказанной частью церковников, так называемым прогрессивным духовенством, как главный аргумент доказательства того, что «церковь потеряла свой подлинный характер», что верхи ее враги голодающих только потому, что не хотят совместно помогать с государством, которое, по мнению обновленцев, осуществляет Христово учение о любви к ближнему и т.п. Отсюда обновленцы сделали второй вывод: нужно переменить вехи, создать «Церковь трудящихся» на демократических началах. Прогрессивное духовенство, возглавляемое петроградским протоиереем Введенским, митрополитом Антонином, московским протоиереем Красницким, Калиновским, Новиковым и др. повели широкую кампанию с церковной точки зрения по поводу изъятия, обвиняя противников, прятавших ценности, в измене христианскому учению.

Всероссийский Патриарх Тихон Верховным трибуналом республики был привлечен к ответственности за сопротивление декрету, и судьбу его разделили многие из архиереев. В лице их вся православная церковь была дискредитирована в рядах трудящихся. Нужно было действовать решительно, устранить церковную администрацию, не сумевшую понять дух времени, заменить ее более свежими людьми и, если возможно, создать точки дружеского соприкосновения с государственной властью.

12 мая 1922 года представители прогрессивного духовенства явились к Патриарху на основании того, что его враждебная контрреволюционная политика привела православие на край гибели, требовали отрешения его от патриаршества до созыва Всероссийского Собора, передачи всей церковной власти группе прогрессивного духовенства. Это предложение было отклонено Тихоном, который указал на то, что «явочным порядком передача церковной власти

неосуществима. Однако он отрекся от патриаршей кафедры и передал ее православному митрополиту Агафангелу, но тот, находясь под судом за сокрытие ценностей, не мог явиться в Москву. Осталась единственная возможность, на которую пришлось решиться и патриарху Тихону, — это передать власть группе прогрессивного духовенства. Немедленно после этого группа прогрессивного духовенства образовала в Москве Высшее Церковное Управление (ВЦУ) во главе с Антонином как высший орган управления российской православной церкви до Поместного Всероссийского Собора.

Первая задача ВЦУ была составить программу по духу времени и этим доказать, что «Православная церковь идет в ногу с жизнью, что она не боится даже революционных шагов», что она признает социальную революцию, не противоречащую духу христианства. Малопомалу, лучше сказать, по мере надобности эти лозунги принимали еще более радикальную окраску вроде «капитализм есть величайшее зло для христианства», «Церковь рабочих и крестьян», «Революционная церковь» и т.д. Догматическая сторона церкви первой волной не была затронута, но тем более и острее обсуждались канонические административные вопросы. Та группа, которая самым ярким и определенным образом стала на путь реформ, приняла название «Живая церковь» и не только требовала, но и начала на деле проводить такие реформы, как женатый епископат из белого, не монашествующего духовенства, второбрачие священников, отмена обязательств ношения установленной одежды священников и т.д.

Левизна группы «Живая церковь» очень скоро встретила сопротивление среди самих обновленцев. Митрополит Антонин — сам из монашествующего духовенства — восстал против такого ограничения прав монашества, против канонических реформ (второбрачие и т. д.) и со значительным числом примкнувших к нему священников образовал новую группу под названием «Возрождение», стоя на принципе сохранения монашеского института; новая группа в остальном оставалась реформистской, не менее громко проповедуя «коммунизацию церкви» на древнехристианский лад, «изгнание из нее контрреволюции и сожительства с самодержавием».

Вместо единства действий и совместной борьбы против реакционного духовенства среди обновленцев появилась внутренняя борьба, которая в июне 1922 года принимала очень резкий характер. Но потом, убедившись, что подобная внутренняя грызня на руку противнику, они все же сговорились, и «Живая церковь» сделала некоторые уступки, до решения Всероссийского Собора отказались от проведения в жизнь намеченных реформ. Президиум ВЦУ был избран в виду блока от обеих групп, но все же перевес был на стороне

«Живой церкви». Этим был создан единый фронт против тихоновщины, но дискуссии, недоразумения и ссоры не прекратились. Основная тенденция обновленцев — сохранить церковь при Соввласти путем сближения церковных и революционных принципов (что, в сущности, утопия) — дает себя чувствовать в том, что в реформаторских стремлениях все острее начинает проявляться левизна. В августе 1922 года образовалась новая группа обновленцев под названием Союз Общин Древнеапостольской церкви, которая уже заговорила о догматических реформах. Догматические реформы, как известно, касались уже самих основ церковного учения. Новая группа после некоторой борьбы тоже вошла в президиум ВЦУ. Только эти три группы существуют под настоящим обновленческим флагом, остальные, возникшие позже, как «Свободная Церковь» и другие, являются незначительными попытками реакционных церковников раздроблять обновленческое движение на мелкие течения.

Несмотря на то, что Патриарх Тихон, попав на скамью подсудимых, ушел от управления церковью, те реакционные силы духовенства, которые в обновленческом движении видят влияние реакционной идеологии, подорвавшей основы их существования, всеми силами старались предотвратить «церковную революцию», очевидно, чуя, что в этой фразе больше революционности, чем церковности, и что она неминуемо ведет к тому, что церковь окончательно перестанет существовать даже в так называемых революционных формах. Способы борьбы реакционных церковников, которые были воплощены в верхах — в митрополитах, архиепископах, архимандритах, в так называемых князьях церкви, — были различны в зависимости от того, как условия требовали.

Самым удачным средством к уклонению от признания ВЦУ являлось непризнание его каноничности (то есть церковной законности), объявление отдельных епархий автокефальными, то есть ни от кого не зависящими, в которых епископ является безграничным церковным властелином. Там, где это провести не удалось, в силу того, что епископ вместе с Тихоном попал на скамью подсудимых, он же в виду исключения сам примкнул к обновленцам, там использовались другие методы борьбы. Одним из этих способов была борьба в обновленческой шкуре против самой сути реформы. Реакционное духовенство, особенно в центральной России, стало большими партиями вливаться в группу «Возрождение» как наиболее умеренную, дабы таким путем противодействовать «революционным посягательствам головорезов из «Живой церкви», как один из священников выразился. Кроме этого, было пущено в ход всевозможное оружие реакции: ложь и клевета на обновленцев,

натравливание фанатически настроенных масс и т. д. Борьба продолжается и по сей день, хотя упорство тихоновщины уже в значительной степени сломлено. Окончательные результаты борьбы скажутся только после Собора, ибо широкие массы верующих до сих пор стояли вне событий, не примыкая к обновлениям, а часть их была даже исполнителями воли реакционеров.

Обновленческое движение в Крыму среди духовенства было гораздо более значительным, чем на севере. Здесь остались свежие традиции востоковщины (прот. Востокова, проповедовавшего священный поход против большевиков). Здесь свила себе гнездо вся русская реакция при Деникине и Врангеле. В ожидании репрессий за ярую поддержку контрреволюционных авантюр духовенство с приходом Соввласти старалось казаться вполне аполитичным, было, что называется, тише воды и ниже травы и ничем себя не проявляло.

С появлением декрета об изъятии церковных ценностей — собственно, еще до этого — один из симферопольских священников, Эндека, на столбцах местной газеты заговорит о жертвовании церковным золотом в пользу голодающих. Духовенство осталось совершенно пассивным к зову Эндеки. После издания декрета симферопольский архиепископ Никодим вместо деятельного участия в помощи голодающим ограничивался академическими рассуждениями о каноничности, формах и целях изъятия, не давая никакого распоряжения подведомственным ему благониниям об исполнении декрета, наоборот, как после было доказано, наиболее ценные церковные предметы своей домашней церкви укрывал от изъятия. Рассчитанный саботаж епископа, его тайные директивы на этот счет духовенству делали свое дело. Хроника дней до и после вышеуказанного декрета пестрит постоянными ограблениями церквей, часть коих была инспирирована (как это впоследствии выяснилось, духовными отцами). В результате изъятие ценностей из церквей по Крыму дало только половину того, что оно могло бы дать при ином поведении церковной администрации. Одновременно с этим волны обновленческого движения, докатившиеся до Крыма, нашли живой отклик. Протоиерей Эндека в газете «Красный Крым» помещал ряд статей по этому поводу и сам со всем своим приходом признал новую церковную впасть и начал агитировать за нее.

Инициатива Эндеки, не получившего архиерейского благословения, возмутила архиепископа и всех правоверных духовных лиц, которые сейчас же поняли суть нового движения.

Дабы подорвать авторитет Эндеки в глазах духовенства и влиятельных в церковных делах мирян, архиепископ 13 мая 1922 года без разрешения властей [устроил] пастырское собрание (с участием

мирян — ученых-богословов), куда был приглашен и Эндека с целью публично его допросить и схоластически-церковной диалектикой разбить его доводы. Намеченное собрание было созвано, но накрыто представителями КПУ — и все участники его преданы суду за нарушение положения об устройении соборщ.

После этого Эндека поехал в Москву в ВЦУ для связи и получения инструкций. Вернулся оттуда уже в качестве уполномоченного ВЦУ и как таковой явился к Никодиму с требованием передать епархию ему. Никодим применил упомянутый способ автокефализации и заявил, что ввиду ухода Тихона он никого не признает и епархией управлять будет сам. Имея в виду, что он сам состоит под судом и в случае осуждения обновленцы могут оказаться у власти, а с другой стороны, желая на этот случай создать для реакции новую территорию и базу в северных уездах Таврической епархии, Никодим со спешно вызванным из Топловского монастыря старым архиепископом Дмитрием при соблюдении всех мер предосторожности в первых числах августа ночью тайно рукоположил своего верного приспешника прот. Зверева во епископы и одновременно отдал распоряжение всем своим благочиниям ни в коем случае не признавать еретического ВЦУ.

Энергичное наступление архиерея устрало тех нескольких священников, которые еще в июле месяце примкнули к Эндеке, и они вернулись к Никодиму с раскаянием.

К этому времени из северных уездов прибыли несколько священников-обновленцев, которые сейчас же приступили к агитационно-организаторской работе и вскоре образовали первое Таврическое Епархиальное Управление. С мест первым примкнуло к обновленцам севастопольское духовенство. По мере укрепления обновленческого движения укреплялась и реакция никодимовских кликуш. Наконец, Ревтрибуналом Крыма на основании имеющихся у него в производстве дел по вышеуказанным преступлениям Никодим и несколько главарей с ним были высланы до суда в Инкерманский монастырь. Но Никодим, находясь в заточении, не переставал управлять епархией, вести отчаянную агитацию против обновленцев, и это ему тем более удавалось, что обновленцы не имели своего епископа — канонического главы епархии, ибо ВЦУ, несмотря на неоднократные запросы, вело очень медленную политику, что отчасти объясняется происходившими как раз в это время трениями в самом ВЦУ.

Наконец в первых числах октября прибыл долгожданный обновленцами епископ в лице Петра Рождественского, и Таврическое Епархиальное Управление, которое за это время было переизбрано и пополнено, приняло Епархиальную канцелярию, домашнюю церковь

архиерея, свечной завод и несколько часовен в свое ведение и таким образом обеспечило себе экономический источник существования. Власть обновленцев особенно окрепла в северных уездах епархии, благодаря их энергичной агитации, с одной, и отдаленности от архиерейского гнета, с другой стороны.

5 ноября началось слушание дела православного, а вместе с тем и остального духовенства по обвинению в сокрытии ценностей и т.д. Весь месяц октябрь Эндека находился в Москве и с образованием левой группы общин древнеапостольской церкви — перешел туда и к началу процесса прибыл сюда вместе с прот. Калиновским (член этого же союза), который фигурировал на процессе в качестве эксперта. Процесс привлек внимание широких масс населения, длился до 1 декабря, когда приговором Ревтрибунала архиепископ Никодим был осужден на 8 лет, остальные главари — к различным срокам, а часть обвиняемых оправдана. Епископу Сергию была дана амнистия, после приговора обновленцы начали с ним переговоры по поводу использования его как более авторитетного епископа, но Сергей затягивал переговоры, уклонялся от определенного ответа, в ВЦУ написал письмо, в котором объявил, что скрылся из города неизвестно куда.

Никодимовские кликуши, состоящие из жен старых чиновников, полусумасшедших женщин, некоторые из «истинно русских людей» в лице бывших инженеров архиерейского двора, старых акцизных чиновников и т.д. после осуждения своего «любимого архиерея» всю свою злобу перенесли на обновленцев, в особенности на Эндеку и Калиновского, обвиняя их в том, что они являются инициаторами процесса, что они «погубили владыку, православие» и т.д.

С осуждением Никодима и официальным удалением его с архиерейской кафедры постановлением ВЦУ церковная власть перешла к обновленцам.

Но этот юридический переход власти еще не означал и фактического овладения церквями. Фанатики и кликуши не давали обновленцам служить, по церквям был целый ряд эксцессов, особенно острую форму они приняли в симферопольском соборе, где толпа избивала священников-обновленцев, велась во всех возможных формах антисоветская агитация, пока Нарком дел Крыма не закрыл собор.

Нужно отметить, что самому обновленческому движению в Крыму много вредило нетактичное поведение его руководителей, которые в своей левизне часто доходили до антирелигиозной пропаганды, чем, конечно, подрывали церковный авторитет реформаторов. В настоящее время Эндека и Калиновский уехали в Москву и, по всей вероятности, перестанут быть церковниками.

Положение дел в данное время такое, что борьбу нельзя считать еще законченной. Центр движения, Симферополь, уже преодолел наибольшие трудности. Здесь предстоит лишь борьба с небольшим ядром верующих, которые все еще держатся за старые формы церкви как за единственный остаток былых времен. То же можно сказать и о Севастополе. Но в Севастополе образовывается южнобережное епархиальное управление со своим епископом-викарием, и там зарождается новая епархия. Ялтинское духовенство признало ВЦУ без всякой длительной борьбы. В Керчи недавно создана ячейка обновленцев. В Феодосии движение только началось, но, по-видимому, феодосийский благочинный сам будет руководить движением. Реакционные силы Феодосии изолированы. В Евпатории в этой области еще ничего не сделано. Еще недавно там все духовенство усердно молилось за «пленного архиепископа Никодима».

Из всего вышеизложенного видно, что революция поставила церковь в тупик, откуда нет выхода. Разложение и смерть когда-то могучей церкви началось, и вся социальная ценность обновленческого движения заключается в том, чтобы предсмертная ее агония прошла для нас безболезненно, чтобы она и этот последний период своей жизни перестала быть контрреволюционным гнездом и умерла естественной смертью отживших людей, оставляя яркое доказательство того, что она была необходима только как фактор духовного порабощения угнетенных масс.

Будущему обществу никакая церковь уже не нужна, но в данный момент, когда церковь начала разлагаться, мы должны ускорить этот процесс, используя для этой цели обновленческое движение. Это начинание, несмотря на мечты самих деятелей сохранить церковь в любой форме, ведет к постепенному разложению ее.

История короткого существования этого движения показала, что раскол все более углубляется, под личиной обновленцев появляются все более левые и левые течения, вследствие чего нарастает разочарование широких масс в религиозных верованиях вообще. Наша работа должна сводиться к негласной поддержке обновленцев в своей борьбе против реакционного духовенства путем передачи под законными предлогами в их ведение храмов, часовен и источников церковных доходов, подрывая этим экономическую основу существования черносотенного духовенства. Облегчить обновленцам передвижение с агитационной целью и связь с Симферополем. Предлагать им на все могущие возникнуть обращения, вопросы, просьбы, обращаться в свою высшую инстанцию «Таврическое Епархиальное Управление» в Симферополе. Стараться, чтобы

обновленцы на своих собраниях, съездах, конференциях выносили постановления о признании соввласти, о безусловной лояльности к ней и т.д. Разрешать им всякого рода лекции, диспуты, собрания на церковно-обновленческие темы, не упускать из виду, что под формой «Обновления» могут работать и реакционные элементы, особенно на платформе «Возрождения», а посему, кроме группы «Живая церковь» и союза общин древнеапостольской церкви, никаких других группировок не допускать. Свои действия необходимо координировать с действиями органов КПУ на местах, которые имеют подробные инструкции и план данной работы.

Когда же обновленчество в достаточной мере вытеснит остатки тихоновщины, тогда необходимо будет работу повести дальше, создавая и поддерживая все более и более левые течения среди обновленцев, и таким путем углубить раскол. В углублении раскола можно и надо использовать разных сектантов, но необходимо иметь в виду, что заметное укрепление сектантского движения даже за счет православия не является для нас желательным результатом.

Открытая тактическая линия наша остается прежней: вести борьбу с религиозными суевериями, отметить в сторону всякие разговоры о связи соввласти с обновленческим движением, использовать все средства для дискредитации тихоновщины и временно щадить обновленцев. Когда же старые церковники будут побеждены, наступит момент ударить и по их преемникам — обновленцам.

I декабря 1922 года слушание дела по обвинению архиепископа Никодима и других священников епархии было окончено. Надо отметить, что изъятие ценностей было произведено во всех конфессиях, кроме мусульман. На процессе вместе с православными фигурировали обвиняемые из католических, лютеранских и армяно-григорианских храмов. Были изъяты ценности из синагог и кенасс. Основания были предъявлены те же, что и православным.

Архиепископ Никодим был приговорен к 8 годам лишения свободы по статьям 86, п.1 и 219 и отправлен в Нижегородскую тюрьму. Уклончивому архиепископу Димитрию удалось избежать заключения. О его политической пластичности свидетельствуют следующие письма.

«Гражданину Председателю Совета Народных Комиссаров
Крыма

Заявление

11 апр. с/г я был арестован в с. Топлах, где проживал я в качестве иждивенца — члена Топловской Трудовой артели, и отвезен в г. Феодосию в арестный дом, откуда 17 апр. меня перевезли в г. Симферополь и сдали местной милиции, последняя в тот же день поздно вечером перевезла меня в КПУ, а оттуда 20 апр[еля] препровожден я в больницу ЦИДа, в коей нахожусь и по днесь. При аресте моем в Топлах был произведен у меня тщательный обыск и взята у меня была вся переписка. Ни при аресте, ни после него не было мне объявлено, за что я арестован и в чем я обвиняюсь. Я до сентября 1921 г. был Епархиальным архиереем Таврической епархии и занимал названную должность с 1912 г. и таким образом живу в Крыму 11 лет. Два года тому назад я окончательно заболел; было у меня кровоизлияние — и я лишился зрения в правом глазе. Надвинулась болезненная старость; особенно давали себя чувствовать мои обычные недуги: геморрой, грыжа, атония кишок, склероз. Я потерял трудоспособность и вынужден был отказаться от всякой работы. Не имея решительно никаких средств и возможности выехать из пределов Крыма (я был принят в Киево-Печерскую Лавру, но с отоплением и содержанием на мой счет), я нашел себе убежище в Топловской трудовой артели, оказавшейся милосерднее Лавры. Артель приняла меня, больного старика, на полное свое иждивение. С 22 мая 1921 г. я жил в Топлах, отказавшись от всякой церковно-общественной деятельности. На свое несчастье, в июле 1922 г. я приехал на один день из Топлов в г. Симферополь и принял участие в рукоположении епископа Мелитопольского Сергия. Этот мой приезд оказался для меня роковым. Я был привлечен к ответственности за участие в нелегальном собрании, подвергся суду в ноябре 1922 г., был осужден, приговорен к годичному сроку принудительных работ, но был амнистирован и освобожден от наказания. На другой же день по объявлении мне приговора суда я выехал в Топлы, желая этим засвидетельствовать пред всеми, что я не принимаю и не приму никакого — ни активного, ни пассивного участия в местной церковно-общественной деятельности; и действительно, проживая в Топлах, я знал только свое помещение и церковь,

куда я ходил помолиться, всячески избегая встречаться с кем бы то ни было.

Гражданин Председатель, окажите мне, больному старику, снисхождение, отпустите меня на свободу, верните меня, немощного, в Топлы, где бы я спокойно встретил смерть. Гражданин Председатель, не намерен я оправдываться, скажу лишь кратко, что в настоящее время я представляю из себя «ничто» — и пи в каком отношении не могу быть вредным для государственного организма. Сознаю я вполне ясно, что я стал лишним человеком, лишним грузом для общества, что я дармоед, но что я могу сделать с собою? Я очень и искренно хочу умереть, но не умираю! Вот в этом моя вина!.. Я умирающий, разбитый преждевременной старостью человек и лгать не стану ни пред вами, ни пред другими. Я признаю советское правительство законной властью моего Отечества России и подчиняюсь ей и ни словом, ни делом не намерен создавать каких бы то ни было препятствий для власти, признаю и подчиняюсь ей не за страх, а за совесть. В прошлом моем, несомненно, найдется немало поводов к обвинению моему, но в настоящее время, со дня вступления Советской власти в Крым, смею смело заявить, что за собой не знаю и не признаю никаких проступков пред Советской властью. что, если бы я заранее знал, что приезд мой в июле

1922 г. мог быть не одобрен властью гражданской, я ни за что не стал бы принимать участие в рукоположении, не стал бы выезжать из своего пристанища.

Гражданин Председатель! Обратите внимание на меня — хилого, беспомощного! Может ли быть речь о моей контрреволюционной деятельности?! Я не был таковым и не желаю иметь это позорное прозвище. Я хочу лишь умереть, есть у меня пристанище — и прошу Вас вернуть меня туда. Если же вопреки моему самочувствию в том, что я не могу быть ни в каком отношении ни вредным, ни полезным деятелем, будет найдено нужным выслать меня как вредного члена общества из пределов Крыма, то прошу Вас, гражд. Председатель, вышлите меня куда-либо на юг России. Я сам грузин, всю жизнь провел на юге России, на севере никогда не жил, поэтому могу ли я теперь, когда я стал совершенно бесполезным, беспомощным, жить там?.. Дайте возможность мне умереть зрячим. Один глаз

потерян. Месяц тому назад я на несколько дней лишился речи, не мог писать, т.е. у меня была афазия. Холод, непривычный для меня север, вне всякого сомнения, вновь вызовет удар — и я еще больше стану тяготить общество, ведь подобные мне калеки живут целые годы. Все это побуждает меня беспокоить вас, гражданин Председатель, и просить о снисхождении к моей старческой немощи.

Архиепископ Димитрий

г. Симферополь
ЦИД. 1923 г. 3 мая
В Народный комиссариат
Внутренних Дел Крыма

Арестованных в ЦИД
духовенства и мирян
4/У-1923 г.

Заявление

Еще в 1918 г. прозвучал великий акт Революции — «Декрет об отделении Церкви от государства». Возвещена была власть народа, свобода совести, и, к нашей общей радости, были сняты с Церкви и служителей Церкви компрометирующие их полицейские обязанности и зависимость. Ярко загорелась для нас всех перспектива чистого и всезахватывающего нас служения народу и Истине.

Связанные с народом, мы и раньше переносили его невзгоды и горести, а в годину тяжелого испытания — голода — мы всеми силами, голодая сами, делили с пасомыми последнее.

Красною нитью через истекший год прошел ряд церковных процессов, но, наконец, потрясения нашей Церкви успокоились, и мы как граждане Советской республики, считаясь и уважая законоположения последней, считали и себя не пасынками ее. Но в настоящее время умиротворение нарушено — мы лишены прав граждан и, вопреки революционной законности, в особом порядке изъяты от семьи, дела и лишены самого высшего завоевания революции — свободы. Нет и не может быть причин нарушения свободы совести; мы, не нарушив законов, невинно обречены на тяжелое наказание - арест и заключение, а впереди якобы предстоит применение 46-й ст. Уголовного кодекса — наша высылка.

Нет, не хочется верить, что пролетарская законодательная власть отвернется от нас, и мы будем вне ее защиты! Вот почему мы обращаемся в Народный Комиссариат Внутренних Дел Крыма с убедительнейшей просьбой снять с нас тяжелое наказание и возвратить нас к своим семьям и жилищам.

Радостно прозвучал по всей стране призыв Советской власти объединиться всем в день праздника 1-го Мая, объединяющего всех трудящихся, и мы верим, что Советская власть откроет темницы и даст свободу и прощение заключенным, вернув их к общей радости строительства Родины. Наш призыв к власти должен быть услышан ею, и мы верим в удовлетворение настоящего нашего ходатайства.

Протоиерей Димитрий Игнатенко

Протоиерей Евгений Эндела

Протоиерей Владимир Поляков

Священник Димитрий Полежаев

Священник Иван Зинченко

Протоиерей Трофим Хоменко

Н.Чернетенко, С.А.Кожемякин

Архиепископ Димитрий Абашидзе».

Настойчивые обращения не подействовали на большевиков, и владыка уже через несколько дней был вынужден написать следующее обращение.

«В НКВД Крыма

Архиепископа Димитрия

Заявление

Вчера вечером, 14 мая, предложено было мне официально указать город для своего постоянного жительства вне пределов Крыма. Местом жительства своего мною указан г. Киев. Не смея беспокоить НКВД Крыма своими заявлениями и уверением в совершенной моей невинности пред государственную власть, я покорнейше прошу Крымскую гражданскую власть оказать мне последний раз в моей земной жизни следующую милость. Я два года безвыездно жил в Топлах, иждивенцем Топловской трудовой артели, где и был арестован 11 апр. с/г и увезен оттуда с небольшим количеством багажа, поэтому все мои вещи остались там.

Сейчас, покидая навсегда Крым, мне необходимо самому съездить в Топлы, собраться и выехать обратно в Симферополь.

Сделать все это в данный мне семидневный срок я не в состоянии, а вследствие этого прошу позволить мне оставаться на территории Крыма в продолжении трех недель и дать разрешение на бесплатный провоз багажа не более пяти пудов.

Архиепископ Димитрий

1923 г. 15 мая

ЦИД Симферополь».

По дороге в тюрьму владыка Никодим заболел тифом и оказался в тюремной больнице. Но Господь сохранил святителя для будущих трудов.

До нас дошло письмо владыки к неизвестному протоиерею Мелитополя.

«Досточтимый о. протоиерей!

Проезжая через Мелитополь, я вспомнил, как несколько месяцев тому назад был у Вас и пользовался Вашим гостеприимством, молился в Вашем храме. Тогда скорби были, а ныне их у меня еще больше. Я осужден на восемь лет тюремного заключения, около 2-х месяцев сидел в симферопольской тюрьме. Теперь меня высылают из Крыма в нижегородскую тюрьму. Вместе со мною едут туда же

о. Н.Мезенцев, о. Н.Казанский, о. К.Молчанов и Е.В.Сальков. О суде нашем Вы, вероятно, слышали, кратко скажу, что прокурор в заключении своей речи сказал: если бы храмы были пусты, мы просили бы оправдать обвиняемых, но так как храмы полны богомольцами, то мы просим осудить обвиняемых. Просим Вас при расставании с Таврией оповестить духовенство и мирян о нашей участи, усугубить свои молитвы о нас; просим Вас твердо держаться православия вместе с мирянами.

Божие благословение посылает Вам, семье Вашей и пастве
Архиепископ Никодим.

10/23. 1.1923 г.»

Заключение длилось недолго. Уже в начале сентября

1923 года владыка и священники были отпущены по амнистии. До Москвы ехали вместе. В столице архиепископ Никодим решил задержаться, чтобы лучше познакомиться с положением церковных дел, в то время как соузники владыки отправились в Крым. По приглашению Святейшего Патриарха Тихона архиепископ Никодим принял активное участие в работе

Синода.

Находясь в Москве, владыка писал своим близким в Крымскую епархию.

«Ваше Высокопреподобие досточтимая матушка игумения!

Податель сего обещает лично быть у Вас, посему я решил написать Вам с ним. Живу я еще в Москве, ожидаю более благоприятного момента, ибо слышу, что на местах не вполне благополучно. Здесь собралось до 50 епископов, высланных с мест, вышедших из тюрем, вновь поставленных и опасующихся выезжать из-за репрессий. Высылки все не прекращаются. Такая обстановка побуждает и меня выжидать. Тяжело это, но делать нечего. Подвергать себя новым репрессиям не хотелось бы, и пользы от этого никакой нет. Меня зачислили в Синод при Св. Патриархе, по прежнему это большая честь, а ныне это может сопровождаться неприятностями, посему я неохотно принимаю на себя это звание и при первой возможности откажусь.

О.Дамаскин возведен в епископа г. Глухова Чернигов, губ. Отпустить пришлось его, ибо у нас положение его небезопасно, а там, быть может, и дадут ему поработать; хотя отпускал я его с сожалением, ибо очень деятельный человек. Радуюсь я, что Вы поправились от болезни. Слава Богу; приятно, что обитель Ваша цела и невредима; да хранит ее Господь и Матерь Божия и впредь, равно и вас всех. Письмо Ваше я получил. Подробности о моей жизни передаст Вам податель сего, равно и о церковной жизни здешней. Думаю, что Вы лучше знаете, как существуют другие обители наши, я рад бы был узнать что-нибудь о них, особенно о Космо-Дамиановской; правда ли, что около Вас Кизилташский мужской монастырь уничтожен совсем? Прошу передать мой привет матушке Сергии и прочим сестрам обители. Как здоровье матушки Сергии? Будьте здоровы и благополучны, да хранит Вас Господь. Божие благословение посылает Вам *Архиепископ Никодим* и просит Ваших молитв.

11/24. XI. 1923 г.

Досточтимый о. Ефрем!

Меня очень интересует положение дел в Вашем Петро-Павловском приходе. Я слышал, что о. Архимандрит опять находится в тюрьме, та же участь постигла и Марью Ал., и других членов прих[одского] совета. Очень печально это; как

отражается заключение на их здоровье? Чем вызвано это заключение, за что такая напасть постигла их? Очень жаль заключенных! Спаси их Господи за их подвиги, страдание, за веру и Церковь Христову. Как Вы живете без о. Архимандрита? Слышно было сюда, что у вас среди братии не было ладу, что вы действовали не единодушно. Вот эти разногласия и распри губят нас. Этим пользуются «живые», особенно, если кто-н[ибудь] из наших к ним склоняется, того они ласкают, а храм забирают в свои руки, сажая в тюрьмы не признающих их. Первое условие в настоящее тяжелое время — это мир и согласие в нашей среде, единодушная работа. Если кому придется и пострадать, другие без него будут действовать в том же духе. Вы все должны действия свои согласовывать. О.Архим[андрит] как старший должен руководить другими и все д[олжны] подчиняться ему. Но и он должен советоваться с другими. Ничего, что среди вас одни более даровиты, другие менее, каждый трудись по мере своих дарований. Кому больше дано, тот должен и трудиться больше, не превозносясь пред другими.

Прошу вас ради Господа, действуйте единодушно, в мире и согласии между собою, и Господь сохранит Вас.

О. Архимандрит старше всех, но страдает больше всех за дело Христово, спаси его Господи.

Прошу передать мой привет и благословение всей братии вашей и прихожанам. Как держит себя севастопольское духовенство? У вас появился красный епископ, и отцы соборяне признали его и стали «живцами» для сохранения себя, за это<...> получают.

Горе наше! Слышал, что и Жора Ваш служит красному епископу. Жаль. При случае напишите. Будьте здоровы и благополучны. А[рхиепископ] Н[икодим].

14/27. XI. 1923 г.

Получил Ваше письмо, глубокоуважаемая Вера Георгиевна, весьма благодарен Вам, что вспомнили о моих именинах, и получил письмо к дню Ангела, т[аким] о[бразом] знал, что есть душа христианская в Крыму, которая молится о мне в этот день. Спасибо Вам за это. Получил я приветствия из Киева от родных и знакомых, известных Вам, а вчера я был очень обрадован

письмом от своего двоюродного брата, священника Костромской г[убернии]. Я не получал от него писем более года, думал, что он уже умер, но вот он оказался здравствующим. Он молодой овдовел, к нему я ездил на каникулы из Академии, и он меня навещал везде, где я служил в мирное время; мы с ним были очень близки. Так что весточка от него была для меня очень радостна. Он живет с сестрой, вдовой св[ященни]ка, оба уже старики. Может быть, и съезжу к ним, еще не решил. Свои именины я правил и по новому стилю, и по старому. Новый стиль был введен на Капельках; я там и отслужил один, как св[ященни]к, это было в будний день. А по ст[арому] ст[илу] служил в Даниловом монастыре, где настоятельством земляк мой архиепископ Феодор, уже по-настоящему. Там штат братии большой, архиерейские служения часто бывают и в будние дни. Там живет постоянно и о. Дамаскин, ныне уже епископ Глуховский, викарий Черниговской епархии. Хиротония его была в прошлое воскресенье в Донском монастыре, совершал ее Св. Патриарх, участвовал и я. Мне жаль было отпускать его от себя, такого живого и деятельного чел[ове]ка, но и задерживать неудобно, раз ему предоставляют более широкое поле деятельности. Он помалорусски говорит, там его не знают, может быть, там и удастся ему поработать. Я живу пока по-старому. Новое есть то, что меня избрали членом Синода. По прежнему это большая честь, но ныне наоборот <...>. К Св. Патриарху относятся по-прежнему ведь нехорошо. Он было выпустил послание о введении в Церкви нового стиля, но его засыпали просьбами разрешить служение в храмах по старому; к тому же, получилось известие, что восточ[ные] патриархи остаются при старом стиле. Посему Святейший приостановил введение нового стиля.

Как вы здравствуете и как здорова семья? Дай Бог, чтобы все было благополучно. Где служит А.И. и хорошо ли? Знаю, получил от него письмо. Уж очень теперь дорога жизнь. Вам с семьей нужны большие средства. На Вас лежит тяжелая ответственность умелым ведением домашнего хозяйства облегчать его труды. Помогите Вам Господи в этом. Труды и заботы для семьи — это святая обязанность хозяйки дома, так что этим, между прочим, Вы достигаете своего спасения; что Вы читаете теперь? Несогласия среди верующих ужасно меня

огорчают. Если слышите, что к Вам относятся враждебно другие, по заповеди Господней, молитесь за своих врагов и не питайте к ним злобы. Больше этого ничего не могу посоветовать.

О. Ив. написал, что мои вещи он оставил у известных Вам лип. Мне нужно бы рясу плюшевую, пару или две белья, носки и портянки, перчатки, шапку афонскую. Если можно, пришлите с кем-нибудь, но не почтой, может пропасть.

Был здесь Н.М.С-м. Вы, очевидно, не знали об его поездке, с ним можно бы послать. Гера может переслать, я думаю, поговорите с ним. У м. Магдалины (Пензенское подворье) тоже ездит какой-то знакомый или родственник, может быть, через него можно будет переслать. Если через них нельзя будет и Вы никого не найдете, может быть, мне удастся найти такого человека, я напишу Вам. По поводу враждебных отношений можно сказать и то, что ведь и Господь Спаситель, несмотря на Свою святость, не мог избежать врагов. Ученик Его Иуда явился предателем, книжники и фарисеи как ненавидели и клеветали на Него. Значит, испытывать враждебные отношения от других неизбежно на земле, без этого нельзя прожить. Так и нужно смотреть на это как на неизбежное что-то. Но наш долг при этом не увеличивать неприязни, а стараться прекращать ее всеми мерами. Стремиться и Вы к этому, и Господь поможет Вам победить неприязненные отношения. Конечно, без боли душевной это не обойдется, что делать! В молитве и чтении полезном Вы найдете успокоение и от этого, а равно и в труде. Карточка у меня. Сейчас заходил Дьяковский, где-то живет здесь временно, пошел к Татьяне Ал-не; поговорили с ним о прежней жизни; у него отец живет недалеко от Киева; он зовет меня туда. Может быть, и соберемся, если нельзя будет ехать на свое место скоро. Мне теперь приходится искать для себя облачение, а между тем свое лежит. Есть ли в С[имферопо]ле какое-нибудь архиерейское облачение? Вероятно, «живые» забрали все. Приедешь, пожалуй, и служить будет не в чем. Служу я по преимуществу на Капельках, стесняю очень о. А-ра; но спасибо, они привечают, хорошие люди. Написал брату, чтобы прислал им что-нибудь, я уже больше месяца живу у них. Я вспомнил, что у брата я оставил рясу плюшевую новую, теперь я прошу его прислать ее мне, но не знаю, цела ли она,

не пропала ли. Так что, пожалуй, Вы пока не высылайте, у Вас ряса моя очень ветхая. Вместо нее лучше пришлите валяные сапоги. Если же брат не вышлет, тогда буду просить Вас выслать. Вчера пр. Д-н хотел выехать, но билета ж.д. •не получил, думает выехать в четверг. Получил письмо от Ал. Ив. сегодня. Слава Богу, что он получил место, только жаль, что в Севастополе], а не в Симферополе], на два дома труднее жить. Прошу передать ему привет и детям. Будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам *Ар[хиепископ] Никодим.*

14/27. XI. 1923.

Глубокоуважаемая Надежда Михайловна!

Получил Ваше письмо, спасибо за память; двух Ваших писем прежних не получал, не знаю, где они затерялись. Очень рад, что Вы здравствуете; трудитесь, конечно, много по-прежнему с уроками. Помогай Вам Бог. Давно ли Вы были в Инкерманском монастыре; правда ли, что монашествующие присоединились к Жив[ой] церкви? Если правда, больно слышать о сем. Всюду в церк[овной] жизни приходится слышать о разделении и о преследовании живоцерковцами не присоединившихся к ним. Я на свободе с 7-го сентября по ст[арому] ст[илию], но вот сижу теперь в Москве, опасаюсь вернуться в свой город их же; сижу здесь без дела; скучаю и тягочусь своим положением. Здесь теперь живет до 50 епископов из разных городов, они опасаются ехать на места. Вот какое время настало на святой когда-то Руси. Был я вчера у Св. Патриарха, он здравствует, в прошлое воскресенье служил с ним в Донском монастыре. Он написал послание о переходе на новый стиль, и в Москве уже начали его вводить. Но получились сведения о том, что прочие православные патриархи остаются при старом стиле, посему и наш Патриарх вернулся к старому, введение нового стиля приостановлено. Как у Вас в Севастополе служба в храмах отправляется — по новому или по старому стилю? Слышу, что аресты верующих еще есть у вас. Как это больно слышать! Арестовывают даже женщин. А в Москве сидят в тюрьме еще и епископы да и в ссылке немало находится. Так что гонение продолжается. Я адреса Вашего не знаю, посылаю с оказией на имя о. Иоанна, он Вам передаст. Погода здесь очень

испортилась, дождь идет и грязно, у Вас, думаю, теплее и яснее, хорошо бы перебраться к вам.

С удовольствием вспоминаю прошлогоднее пребывание в Инкермане. Будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам Ар[хиепископ] Н[икодим].

Получив и последнее Ваше письмо через М.Н., написал о Ефр. осторожно, какое впечатление произведет на него?

Сердечно благодарю, дорогой о. Иоанн, за приветствие и добрые пожелания, получил Ваше письмо и с приложением. Очень беспокоило оно меня тем, что у Вас не все благополучно, что и о. Ар[химандри]т и другие члены общины не на свободе, да и над Вами собираются тучи. Сохрани Вас Господи от всяких неприятностей. Всех ли прочих батюшек освободили? В моих добрых отношениях к о. Архимандриту и юным помощникам Вашим не сомневайтесь, что можно, всегда сделаю; убеждайте только их, чтобы твердо стояли на своем пути и стремились к лучшему. К сожалению, я здесь засел надолго, хочется поскорее выбраться, но обстоятельства задерживают; они те же, что были и прежде. Податель сего объяснит Вам их подробнее. В прошлое Воскресенье я служил с Св. Патриархом в Донском, была хиротония Архим. Дамаскина во епископа Глуховского, викария Черниговского. Святейший здравствует. Меня назначили членом Синода. Ждем, что положение наше улучшится, но пока этого нет. Вот это и задерживает меня здесь. Хотелось бы мне получить кое-что из одежды; жалею, что всю отослал ее. Нужно бы пары две белья, носки и портянки, теплую рубашку хоть одну и хотя бы плюшевую рясу. Пишу об этом и В.Г., если у нее находится моя одежда. Не лишними были бы и валяные сапоги. Хорошо было бы прислать мне эти вещи с надежным человеком. Очень жаль, что приходится хлопотать о сем. О стиле я написал Надежде Мих[айлов]ие, если удастся достать послание Святейшего, пришлю Вам его. Я живу на прежнем месте, пишите по тому же адресу, можно и по другому: Сивцев Вражек, дом № 12, кв. 12. Екатерине Николаевне Фокиной. У нас еще тепло, но грязно очень, дожди идут. Вы не написали мне своего адреса, то же и Н.М., ее адрес лучше бы сообщить. Передайте мой привет братии Вашей и прихожанам и сами будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам Ар[хиепископ]

Н[икодим].

Глубокоуважаемая Елизавета Ефимовна!

Получил Ваше скорбное письмо, очень огорчен тяжелым положением о. Димитрия и в особенности угрожающей ему высылкой. Я готов сделать все, что возможно. Послал письмо Ваше к одному <...> поверенному для ознакомления, он имеет кое-какие знакомства, надеюсь, он укажет нам, что можно сделать для облегчения их участи. В понедельник я получу ответ и все напишу Вам, что нужно сделать. А пока я посоветовал бы Вам действовать в Харькове, Крым ведь находится в тесной связи и, кажется, зависимости от этого города, в особенности Мелитополь и Екатеринослав. Там, мне кажется, и нужно ходатайствовать о заключенных. Была здесь дочка владыки Сергия, хлопотала, но уехала пи с чем. Ялтинских батюшек, по слухам, удалось избавить от высылки, хлопотали о них здесь. Бог милостив, освободятся и Ваши; молитесь крепко Ему. Письмо думаю послать Вам с оказией: это более верный путь. Насильственные действия в отношении к о. Димитрию и другим совершенно невинным людям заставляют и нас выжидать и не спешить ехать в Крым, ибо это значило бы подвергать себя напрасным страданиям, а равно и верующих. Посему пусть не сетуют, что я не спешу. Получил такие сведения: пришлите сюда заявление на имя председателя ВЦИК М.И.Калинина, в нем изложите обстоятельства дела, корректно и без тона жалобы на местную власть, пишите от своего имени как жены и пришлите через кого-н[ибудь] сюда или на мое имя, или на имя своего брата, я вспомнил, что он у Вас здесь, о. Н.Мезенцев ходил, помнится, к нему. Если пошлете брату, пусть он, подавая, сообщит мне; я кое-кого попрошу. Если на мое имя пошлете, я передам через миссионера, который подавал уже прошение о мне. Присылайте прошение и о Преосв. Сергии, и о протодиаcone от их родных. Будем ходатайствовать о всех, авось, Господь поможет. Здесь зима настает, снег падает, да уже и время. Будьте здоровы и благополучны, передайте привет верующим. Божие благословение посылает Вам *Архиепископ*] Н *[икодим]*.

По прошествии некоторого времени, желая вернуться на свою кафедру, владыка наткнулся на запрет всеявного Е.А.Тучкова. Как выяснилось, органы внимательно следили за деятельностью архиерея, и уже к началу 1924 года он оказался под полным контролем спецслужб. 14 января 1924 года архиепископа Никодима арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму. К тому времени владыке было 55 лет. Годы страданий и недавно перенесенный тиф подорвали его здоровье. Тюремный врач записал 31 января в своей карточке: «Боли в сердце, геморрой и слабость в ногах после тифа».

Не выпущенный Тучковым из Москвы архиепископ Никодим руководил своей крымской паствой не только через письма. К нему постоянно приезжали курьеры выяснить те или иные вопросы и получить благословение на конкретные действия. По оперативным данным ГПУ, архиепископ Никодим продолжал из Москвы руководить движением священства и мирян, направленным против засилия обновленцев, которые в своей наглости доходили до рукоприкладства. В одном из своих писем о. Константин Молчанов рассказывал, как во время богослужения его ударил обновленческий диакон.

Новое «дело» владыки возникло на основании приведенных перехваченных писем «реакционным элементом, как-то: игумении монастыря, священникам и т.д., в кото

рых он, Кротков, распространяет провокационные слухи о гонениях духовенства и религии советской властью, называл заключенных церковников и высланных за контрреволюцию страдальцами за веру и Церковь Христову». Далее говорилось: «Кротков регулярно распространял также слухи о связи Живой церкви с ГПУ. Опрошенный на дознании гр. Кротков в инкриминируемом ему обвинении по 73 ст. УК виновным себя не признал, причем добавил, что он писал указанным выше лицам только о церковных делах.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также то, что гр. Кротков является социально опасным элементом, полагаю: его подвергнуть административной высылке в Туркестан на два года. Дело представить на утверждение комиссии НКВД по административным высылкам, следствие

прекратить и сдать в архив VI отд. СО ОГПУ.

18 февраля 1924 г.»

Агентурных данных и перехваченных писем оказалось достаточно для того, чтобы сотрудница VI отдела ОГПУ Якимова, ведущая дело архиепископа, пришла к выводу о виновности подследственного.

28 марта 1924 года суд постановил: архиепископа Никодима Кроткова как социально опасного, «считаясь с его болезненным состоянием», подвергнуть высылке в Туркестанский край на два года.

Срок ссылки закончился 13 марта 1926 года. В Москву владыка добирался мучительно долго и, прибыв только 26 июня, поселился на частной квартире. Его приглашали на различные приходы послужить и произнести проповедь, и владыка использовал каждую возможность говорить о Христе и Его Церкви духовно угнетаемому народу, за что в скором времени и последовал очередной арест. 14 июля 1926 года нагрянули сотрудники ОГПУ, и после обыска архиепископ был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму.

Духовная дочь владыки Екатерина Иосифовна Гаврилова начала хлопоты о его освобождении. Ей порекомендовали обратиться в общественную организацию «Осведомление и экспертиза по делам религиозных течений» к Владимиру Григорьевичу Черткову, и она отправила ему письмо.

«Просьба

о Николае Васильевиче Кроткове, архиепископе Таврическом Никодиме.

Н.В.Кротков, 57 лет, в 1922 году был выслан из Симферополя в Инкерманский монастырь, затем около года просидел в Нижегородской тюрьме и 2 года пробыл в ссылке в Красноводске, в Туркестане.

13 марта 1926 года он отбыл все сроки наказания и в июне приехал в Москву совершенно разбитым, больным стариком. Прогрессируют все болезни, большие проблемы с ногами.

В данный момент он снова арестован и ему грозит высылка. Если невозможно его оставить в Москве, прошу выслать в Саров. Если и этого нельзя, — в один из южных городов СССР, считаясь с его желанием.

Причем, прошу предоставить ему право свободного проезда за свой счет, но только не в арестантском вагоне, чего старик уже четвертый раз не выдержит.

Е. И. Гавришова».

Чертков живо откликнулся на ходатайство и, приняв сердечное участие в судьбе гонимого святителя, обратился с личной просьбой к чиновнику ОГПУ Реброву, от которого зависело принятие решения. Владимир Григорьевич писал:

«Многоуважаемый Петр Германович!

Прилагаемую просьбу меня просили доставить Вам лично, отказать в чем я не считаю себя нравственно вправе.

Подписавшаяся под просьбой Гаврилова — одна из искренних почитательниц того жестоко преследуемого за свои религиозные убеждения старика, о котором она пишет.

Искренне уважающий Вас
В. Чертков

Между тем, допросы, начавшиеся сразу же после ареста, шли полным ходом. Пытаясь сконструировать сколько-нибудь убедительное обвинение, следователь интересовался всякими подробностями: с кем владыка встречался, где служил и о чем проповедовал. Не видя в этом ничего предосудительного, последственный рассказал, что по приглашению архимандрита Стефана 27 июня и 4 июля совершал литургию в Даниловом монастыре, 11 июля — в Кожевниках (у Троицы) и, кроме того, еще служил два раза по будням в том же Даниловом монастыре. Следователь расспрашивал владыку и выяснил, о чем он говорил на проповедях: «В первое воскресенье — о сошествии Святого Духа на апостолов, а в следующее воскресенье также говорил на тему праздника о всех святых и через неделю, соответственно, — о всех русских святых».

Следователь заинтересовался:

— Почему необходимо выделять «всех русских святых» в особую группу, уже после празднования памяти всех сразу?

И владыка объяснил:

— Это делается по постановлению Собора 1917—1918 гг. Я считаю, что празднование выделено ввиду множества русских святых как момент национального сознания. Проповедь моя была в последнем случае тоже на тему праздника. После 4 июля

я служил в будни, или, вернее, в местные праздники. Говорил проповедь в честь празднования иконы Владимирской Божией Матери, во втором случае тоже на тему праздника. Последнее воскресенье

11 июля (в Кожевниках, у Троицы) говорил проповедь о св. Кире и Иоанне.

Но следователя более всего заинтересовала проповедь о русских святых, сказанная в Даниловом монастыре, о чем он попросил рассказать подробнее.

— Проповедь моя в этот день, как и обычно, касалась праздника, то есть именно русских святых. Говорил я, руководствуясь составленным на Поместном Русском Соборе канонем. Как я уже говорил, этот же Собор установил и само празднование, а вернее, восстановил. Мысль моя была такова: я перечислил всех наиболее известных (чтимых) русских святых. Упомянув представителей всех сословий — князей, бояр и т. д., говорил об Ольге и Владимире, о князьях Новгородских и благоверном князе Александре Невском и Данииле, Московском князе, а также о Довмонте, князе Псковском, Михаиле, князе Тверском, и святых из духовенства, о святителях Петре, Алексее, Ионе, Филиппе, о преподобном Сергии и преподобных Германе, Зосиме и Саввати. Говорил также о св. Патриархе Гермогене и о святых из других сословий, например, о Симеоне Верхотурском (портном), о Виленских мучениках за веру Антонии, Евстафии и Иоанне. Говорил и о других, сейчас не припомню, о ком. Я указал, что все эти святые в равной степени постигли Евангельские добродетели, вернее, старались их точно выполнить. Равным образом указал, что всем перечисленным святым была присуща любовь к своей Родине, и они так или иначе способствовали укреплению и развитию мощи державы Российской, каждый по своим возможностям: князья в заботах об устройении, святители — в помощи им и так далее. Давал ли характеристики отдельным лицам, не помню; если давал, то одним словом. Затем следовало заключение с призывом всем подражать во всем русским святым, в добродетелях их, включая сюда и любовь к Родине.

Далее следователь попросил рассказать содержание проповеди, произнесенной в Даниловом монастыре о пророке Иоанне Предтече.

Архиепископ Никодим продолжал:

— Общее содержание проповеди таково: я говорил о жизни Иоанна, рождении, бегстве в пустыню, спасении от царя Ирода; о смерти отца Иоанна, Захарии, убитого между алтарем и храмом тем же Иродом, так что кровь его оставалась в виде застывшей массы. Затем говорил о подвигах пророка Иоанна в пустыне, о его посте, одежде, о его выступлениях с обличительной проповедью против книжников и фарисеев, духовных руководителей народа, о его обличениях царя Ирода за его преступления против еврейского религиозного учения, нравственности (незаконное сожительство с родственницей) — за что и был казнен пророк и Предтеча Иоанн. Сделав вывод и нравоучение, я развил особо ту часть проповеди, которая касалась аскетического подвига Иоанна, предлагая подражать ему. Но я, во всяком случае, не призывал «говорить правду власти, не боясь ничего». Я этого не выделял и не подчеркивал, а говорил о необходимости твердого соблюдения правила безотносительно, говорить правду всем, кто бы он ни был. В проповеди об Иоанне коснулся не только книжников и фарисеев, царя Ирода, но и также воинов, которым он советовал никого не обижать, не злоупотреблять своим положением, довольствоваться своим жалованьем и т. д.

Видимо, ощутив непонимание следователя, архиепископ Никодим в конце добавил:

— Просил бы дать возможность высказаться по существу. Что касается канона всем русским святым, то он читался, как я уверен, во всех православных храмах Москвы, даже более того, и во всех православных храмах республики. Посему меня удивляет обвинение в контрреволюционной деятельности. Характеристики святым я приводил в редакции канона. Указание же мое на «упадок любви к Родине» не содержало никакого специального смысла.

Русские святые и отношение к ним представляются следователю как серьезная идеологическая проблема, имеющая политическое значение. Чтобы лучше сориентироваться, где в проповеди патриотизм и национальные симпатии, а где прямые указания церковных канонов, следователь изучает службу всем русским святым. В «дело» как существенный факт помещает и выписку из деяний Собора от 26 августа 1918 года о

восстановлении празднования памяти всех святых, в Руси просиявших, в первый воскресный день Петрова поста, видимо, как подтверждение контрреволюционности самого Собора.

2 августа 1926 года уполномоченный VI отдела СООГПУ А.В.Казанский записал в постановлении: «В Даниловом монастыре Кротков выступил как проповедник, причем его проповеди носили определенно выраженный характер монархической пропаганды. Особенно выделяется в этом отношении его проповедь об Иоанне Крестителе <...>. 4.VII — праздновался день русских святых, праздник этот установлен контрреволюционным Собором 1917 года как момент национального сознания. По словам Кроткова <...>, составители этого канона имели в виду подчеркнуть роль Церкви как поборницы старого строя, с одной стороны, и ее борьбу с революционной властью — с другой.

Как видно из самого канона, он пестрит мольбами ко всем святым «от бед лютых Отечество наше избавить», «молить Христа Бога нашего за земное Отечество», «всю землю русскую от бед спасти» путем низложения и посрамления «всех являющих рабом твоим злая» и восстановление прежнего порядка «в стране нашей падшей». Как видно из показания Кроткова, он, перечислив все добродетели каждого святого, указал на то, что эти святые имели одно общее достоинство, а именно: способствовали укреплению и развитию мощи державы Российской, каждый по-своему: князья — в устроении и управлении, а другие — в добром с ними сотрудничестве, независимо от класса, к которому принадлежали. Упомянув об «упадке любви к Родине в настоящее время», Кротков предложил слушателям последовать всем их добродетелям, и не только в отношении стойкости в гонениях, но и «в любви к Родине». Характеризовал святых Кротков по тому же канону; образцом же имеющих в каноне характеристик может служить характеристика, данная Гермогену как погибшему в борьбе с «грехолюбивыми мятежниками» и «строителю православного царства». (Примечательно: большевики догадывались, а наиболее проницательные понимали, что они и есть та «лютая беда для Отечества», о которой говорилось в каноне, и в то же время смертельно обижались за малейший, даже опосредованный намек на историческую роль своих идейных

предшественников и свое роковое значение в судьбе России. — *Авт.)*

Во второй из упомянутых проповедей, а именно: об Иоанне Крестителе — Кротков призвал учиться у последнего смелости обличения кого бы то ни было и не бояться мученичества, хотя, по его словам, очень резко этого пункта не выражал. Резюмируя свои показания, Кротков заявил, что чтение этого канона должно было бы проходить по всей республике.

Принимая во внимание все изложенное, полагаю: обвинение Кроткова по статье 69-й УК считать доказанным.

Уполномоченный СООГПУ *Казанский* Одобрил *Е.Тучков»*.

Антихристианская и антинациональная природа советской власти раскрывается в этом документе с предельной ясностью.

27 августа 1926 года, в канун Успения Божией Матери, постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ архиепископ Никодим был приговорен к высылке и отправлен в Кызыл-Орду, а затем в Турткуль.

Отбыв срок, владыка не мог вернуться в столицу, так как та же Коллегия ОГПУ решением от 5 июля 1929 года лишила архиепископа Никодима права проживать в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, в означенных губерниях и округах, а также в УССР. Владыка избрал местом своего нового изгнания село Тезино Кинешемского района, куда и был отправлен властями 23 сентября 1929 года.

10 июля 1932 года архиепископ приехал в Москву, где получил назначение на Костромскую кафедру. 23 ноября того же года Синод Русской Православной Церкви за труды и стояние в истине наградил архиепископа Никодима правом ношения креста на клобуке.

Со временем восстановились прежние церковные связи, впрочем, никогда полностью не прерывавшиеся. Владыка поддерживал материально своих бывших крымских клириков — иеромонаха Серафима (Вейдемиллера) и иеромонаха Нона (Капусту), которые, отбывая ссылку в КомиАССР, сильно нуждались, и по возвращении из ссылки пригласил их в свою епархию, регулярно помогал священнику Александру Крохалеву и семье ссыльного феодосийского священника Петра Маковеева.



Православные иерархи и клирики в Среднеазиатской ссылке.
В 1-м ряду второй слева митрополит Арсений (Стадницкий).
Рядом с шляпой в руках архиепископ Никодим (Кротков). 1927 год

В июле 1936 года произошла трогательная встреча владыки с иеромонахом Серафимом. Он рассказал о всех невзгодах ссылки и о том, что тяготится жизнью в миру. С умилением вспоминал своего старца-наставника, иеросхимонаха Софрония (Дубинина), который был выслан в Чернигов в 1927 году и мирно скончался там в 1928 году.

После закрытия храмов и монастырей, отбыв ссылку или тюремное заключение, из разных уголков страны к архипастырю приезжали священники, близкие ему по духу, такие, как архимандрит Андрей (Сухенко), добрые отношения с которым сохранялись еще со времени пребывания владыки в Крыму, иеромонах Никандр из Умани, иеромонах Палладий из Подольска, иеромонах Герман (Белый), которого владыка знал по Киевскому Михайловскому монастырю. Приехал игумен Вениамин (Махнюк), бывший эконом митрополичьих покоев в Киеве. Из Крыма, где к 1933 году были закрыты все монастыри, прибыл иеромонах Топловской обители Ювеналий (Литвиненко), которого владыка знал еще при Врангеле как ревностного монаха (впоследствии он хорошо держался на допросах и, невзирая на пытки, никого не предал), а также старый друг и

единомышленник игумен Августин (Малашко), которому во время пребывания того в ссылке владыка регулярно оказывал помощь. Владыка поддерживал связь с сосланным на север бывшим епископом Ростовским Евгением (Кобрановым).

В 1934 году из ссылки приехал профессор Николай Ильич Серебрянский, старый дореволюционный друг владыки по Киеву. Когда он работал в Ленинградском отделении Академии наук, его обвинили в контрреволюционной деятельности и осудили; с тех пор владыка не оставлял его своей заботой.

Одним словом, под святительский омофор собирались все близкие и родные по духу люди. На последнем следствии это будет фигурировать как «сколачивание контрреволюционной повстанческой группы реакционных церковников, ставивших своей целью свержение соввласти». И эта группа, якобы «ожидая капиталистическую войну против большевиков, распространяет гнусную контрреволюционную клевету».

Костромские власти были раздражены церковной активностью архиерея. Он не желал «сидеть тихо», как это ему неоднократно «рекомендовали». Опираясь на твердое духовенство, он не давал закрывать храмы, боролся за каждую возможность укрепить приходы и внутреннюю жизнь Церкви. Наиболее активные верующие посылались ходоками к советской администрации, ездили в Москву с ходатайствами, организовывали собрания, протестуя против закрытия церквей.

Это были ужасные годы гонений на православных. Осквернялись и разрушались храмы, публично сжигались иконы и церковные книги, подвергались поруганию православные святыни. В 1934 году безбожники взорвали Костромской Успенский кафедральный собор — уникальный архитектурный памятник Верхнего Поволжья. Около восьми веков в этом храме пребывал чудотворный образ Феодоровской иконы Божией Матери, перед которым молились благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской и многие поколения православных людей. Всероссийская святыня стараниями владыки была спасена.

Сомнения архиепископа в демократичности новой конституции и в том, что при ней будет жить лучше, не остались тайной для НКВД. Секретарь владыки священник Николай Иванович Бобровский предоставил следствию

необходимые «сведения». Сам уже будучи священником (и из семьи священника), он привлекался за революционную деятельность еще в 1903 году, был осужден по царским меркам сурово — месяц тюрьмы и один год надзора полиции. «Революционная сознательность», видимо, не без участия следователя, проснулась у батюшки снова, и он поведал, что наибольший недостаток правящего архиерея

— это всемерное сопротивление закрытию храмов, в связи с чем владыка называл большевиков «злодеями» и «подстрекал церковный народ бороться всеми силами до последней возможности, лишь бы сохранить приходы». А также, по показаниям священника Бобровского, архиепископ утверждал, что «новая конституция ничего <...> не несет, кроме репрессий», и тут же он в присутствии прот. Николая Успенского в доказательство стал приводить имена епископов, которые были арестованы за последнее время. «В 1935—1936 гг. мне неоднократно приходилось слышать от Кроткова разговоры с приходившими к нему за советами представителями церковных общин из разных мест Костромской епархии по вопросу о закрытии церковью органами Советской власти. Почти всегда в разговорах с этими представителями Кротков дискредитировал органы местной власти и за то, что они закрывают церкви, называл мерзавцами и заставлял ходяков жаловаться обязательно в центр. Еще говорил: «Фашисты в Германии делают то же, что и коммунисты в Советском Союзе, если за границей фашисты сажают народ в т[ак] называемые] «трудовые лагеря», то у нас тоже коммунисты народ заключают в концлагеря».

В ночь на 4 декабря 1936 года, под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, владыку арестовали за преступление, предусмотренное ст. 58-10 УК РСФСР. При обыске были изъяты 93 листа переписки, 10 записных книжек и 2 тетради с разными записями. А кроме того, книга «Свобода совести и религиозные гонения» Гинзбурга, «Слова и речи» Миртова монархического содержания, оставшиеся после смерти архиепископа Костромского Севастьяна (у следователя к этой книге были особые претензии) и 120 антиминсов, в связи с чем «обыскиваемый Кротков заявил возражения против изъятия антиминсов в протоколе как святынь, которые не должны

трогать миряне». Началось восхождение на Голгофу православного архиерея. Постановление об аресте подписал уполномоченный Костромского УНКВД капитан Раевский. На допросах владыка держался твердо и старался не давать следствию запутать себя. Власти припомнили ему всю его архиерейскую жизнь, с дореволюционного периода. В вину вменялось все, что не проходило в игольное ушко советского законодательства. Приведем один из допросов.

— У вас при обыске были изъяты извещения на ваше имя о поступлении из-за границы вам денег. Скажите, откуда и от кого вы получали эти деньги?

— Из Германии, от Берлинской посылочной конторы «Фиат и Бриллиант».

— Назовите лиц, которые посылали вам эти деньги.

— Я их не знаю.

— То есть как не знаете?

— Так и не знаю.

— Получали несколько раз деньги и не знаете, от кого?

— Да.

— Этого же не может быть.

— Иначе я ответить не могу.

— Иначе не желаете ответить?

— Нет, это не так.

— А как же?

— Повторяю, что лиц, которые посылали мне из Германии деньги, я не знаю.

— А мы повторяем, что этого не может быть!

— Ну, я не знаю, что на это ответить.

— А зачем, для чего вам высылали из Германии деньги?

— В качестве материальной помощи.

— Откуда вам это известно?

— Ниоткуда мне это не известно, а я только предполагаю, что это именно была мне материальная помощь.

— Почему именно так предполагаете?

— Иначе и не могло быть.

— Что не могло быть?

— Не могло быть никакого иного назначения этим получаемым мною из Германии деньгам.

— Почему же?

— Я не вижу никаких иных причин к посылке мне этих денег.

— Если считать, что эти деньги высылались вам в виде материальной помощи, то высылавшие их должны были знать о вашей нуждаемости. Так ли это?

— Да, я считаю, что высылавшие мне деньги лица должны знать о моей нуждаемости, иначе они не могли высылать деньги.

— А в период получения вами этих денег или до этого вы испытывали действительно материальную нужду?

— Нет, материально я не нуждался. У меня были всегда достаточные доходы.

— Материально вы не нуждались, следовательно, не нуждались и в материальной помощи?

— Да, не нуждался. Я еще сам другим помогал.

— Таким образом, ваше предположение, что деньги вам из Германии высылали в качестве материальной помощи, неосновательно. Так на основании чего же вы предполагаете, что деньги из Германии вы получаете в качестве материальной помощи, а не в качестве чего-то иного?

— У меня нет для этого оснований.

— Нет оснований, а все-таки хотите, чтобы следствие приняло ваше объяснение об этих деньгах как соответствующее действительности, думая, что такое объяснение будет для нас безобидно.

— Я не знаю, что мне на это сказать.

— Вы продолжаете еще утверждать, что деньги высылались вам из Германии не иначе как в качестве материальной помощи?

— Нет, я теперь отказываюсь так утверждать и предполагать.

— Для чего вам высылали деньги?

— Не знаю совершенно.

— Деньги высылали по вашему адресу в Кострому.

— Да, в Кострому, но только не в мой лично адрес, а в адрес моего секретаря священника Бобровского.

— Таким образом, в Берлине знают не только вас, но и вашего секретаря.

— Выходит, знают.

— В Берлине известен и ваш адрес, и даже адрес вашего секретаря?

— Выходит, известен и мой адрес, и адрес моего секретаря.

— Объясните, как это могло произойти.

— Не знаю.

— И не предполагаете?

— Затрудняюсь сделать какое-либо предположение.

— Из ваших показаний следует, что не имея никаких знакомых в Германии, не имея никаких связей с Германией, однако там каким-то образом у кого-то оказался ваш и даже вашего секретаря адрес, и кто-то по неизвестному для вас поводу высылал вам несколько раз деньги. И вы думаете, что эти ваши бессмысленные, лживые объяснения мы можем принять всерьез?

В конце концов следователь выяснил, что у архиепископа есть знакомые за границей (в частности, и в Германии): митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Феофан (Быстров), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), архимандрит Тихон (Лященко), профессор богословия из Киева Прозоров.

Следователь пытался выяснить любые компрометирующие архиепископа подробности. Выясняя его прошлое, он делал особый акцент на знакомстве владыки Никодима с митрополитом Антонием (Храповицким) и митрополитом Евлогием (Георгиевским).

— Вы были в непосредственной связи с Антонием и Евлогием?

— Да, Антоний в начале революции был митрополитом Киевским, а я в Киеве был викарным епископом и находился у Антония в подчинении. У меня с ним были близкие связи, то же и с Евлогием.

— Кроме служебных связей, у вас были с ними связи по антисоветской деятельности?

— Нет.

— Почему?

— Они не привлекали меня к антисоветской деятельности.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы что, не пользовались у них доверием?

- Нет, я пользовался у них доверием.
- Если это так, то непонятно, почему Антоний, проводивший столь большую работу по организации церковников на борьбу с Советской властью, не привлекал вас к этой борьбе, оставил вас в стороне.
- По поводу этого я затрудняюсь дать объяснение.
- В периоды, когда Киев занимали белогвардейцы, оккупанты, вы там проживали?
- Да, когда Киев находился под властью белогвардейцев и оккупантов, я оставался там.
- И в эти периоды вас Антоний не привлекал к контрреволюционной деятельности?
- Не привлекал.
- Почему?
- Не знаю.
- Странно, как вы могли тогда занимать такое исключительное положение, когда все церковники, тем более высшее, как вы, духовенство, вовлечены были в активную борьбу с Советской властью?
- Я затрудняюсь объяснить это.
- Потрудитесь объяснить.
- Я затрудняюсь подобрать могущий удовлетворить сколько-нибудь следствие ответ на этот вопрос.
- Когда Антоний и Евлогий уезжали за границу, вы где в то время были?
- Перед их выездом я был в Киеве.
- А потом?
- Я вместе с ними был вывезен из Киева за границу.
- То есть как вывезен? Ведь выше вы показали, что Антоний и Евлогий и др. выехали за границу вместе с остатками белогвардейской армии, как белоэмигранты?
- Выше я об этом показал неправду.
- Почему? Зачем?
- Просто я не обдумал, вот и показал относительно выезда Антония и Евлогия из Киева неправду. А в действительности Антония, Евлогия и меня вывезли из Киева в январе 1919 года петлюровцы в г. Бучач, находившийся тогда под властью не то галичан, не то поляков.
- Почему вас вывезли из Киева петлюровцы?

— Я, Антоний и Евлогий мешали петлюровцам в Киеве в проводимом ими объединении Приднепровской Украины и Галиции в самостоятельное государство. Я, Антоний и Евлогий стояли за единую неделимую Россию.

— Что это за «единая неделимая Россия», за которую вы стояли?

— Мы стояли за сохранение России в прежних границах.

— Ас каким политическим строем?

— Политический строй для меня лично был безразличен.

— Для вас было безразлично — Советская ли власть или власть русской или иностранной буржуазии была бы в «единой неделимой России»?

— Да, лишь бы Россия сохраняла прежнюю свою целостность.

— А какой взгляд был на это у Антония и Евлогия?

— Они тоже стояли за единую неделимую Россию, но' вместе с этим стояли против установившейся в России Советской власти. В этом у меня была разница с ними.

— Разница в том, что они стояли против Советской власти, а вы за Советскую власть?

— Нет. Я не стоял за Советскую власть. Я относился к ней безразлично: ни за, ни против Советской власти.

— Значит, по-вашему выходит, что у вас с ними были различные отношения к Советской власти: у них враждебные, а у вас безразличные.

- Да.

— И вы с этими различными отношениями к Советской власти, а это значит — с различными политическими взглядами, поехали все вместе из России, за которую вы стояли, за границу?

— Нас увезли петлюровцы.

— Выше вы показали, что вы, Антоний и Евлогий мешали петлюровцам в проводимом ими объединении Приднепровской Украины с Галицией в самостоятельное государство. Скажите, в чем это выражалось с вашей стороны?

— Я, Антоний и Евлогий открыто выступали перед верующим народом против этой политики петлюровцев.

— А что вы противопоставляли в своих выступлениях этой политике петлюровцев?

— Ничего.

— Это же неверно. Вы вместе с Антонием и Евлогием поддерживали деникинцев, стояли за деникинскую «единую и неделимую Россию».

— Да, Антоний и Евлогий поддерживали Деникина и выступали за деникинскую «единую и неделимую Россию», а я не выступал с поддержкой Деникина.

— Но вы тоже, как сами говорите, выступали за «единую неделимую Россию»?

— Да, выступал.

— За деникинскую «единую неделимую Россию»?

— Нет.

— А за какую же?

— За «единую и неделимую Россию», независимо от того, какой в ней был бы политический строй.

— Независимо от того, если бы в ней и была власть Деникина?

— Выходит, так.

— То есть как выходит? Это было в действительности так?

— Да, так. Я был не против того, чтобы в «единой неделимой России» была власть Деникина.

И так далее.

Помимо прочего, архиепископа обвинили в том, что он допускал на службу детей: его двум жезлоносцам было не более 14—15 лет.

13 декабря 1936 года начальник НКВД по Ярославской области майор Государственной безопасности Ершов составил обвинительное заключение: «Кротков, проживая в Костроме, вел среди населения контрреволюционную агитацию, выступал с контрреволюционными выпадами против новой Конституции и коммунистической партии, а также распространял контрреволюционные провокационные слухи.

Одновременно с этим Кротков, группируя вокруг себя реакционно настроенное духовенство, проводил среди них линию, враждебную существующему строю, высказываясь за необходимость проведения «твердой церковной политики» с целью оказания сопротивления соввласти. К участию в церковной службе Кротков привлекал детей, школьников, которых обрабатывал в антисоветском направлении.

На протяжении 1934—1936 гг. Кротков поддерживал связь с находящимися в ссылке контрреволюционными церковниками, как-то: бывшим Ивановским митрополитом Павлом (Тальковским), епископом Евгением (Кобрановым), архимандритом Августином (Малашко), иеромонахом Серафимом (Вейдемиллером), иеромонахом Ионом (Капустой) и другими, которым оказывал материальную помощь.

В 1934 году Кротков имел связь с фашистской Германией и через германскую посылочную контору «Фиат и Бриллиант» получал материальную помощь (митрополит Евлогий в это время находился в Берлине; он в течение двух лет через знакомых разыскивал архиепископа Никодима и, когда нашел, то, имея материальную возможность, четыре или пять раз присылал по 400—500 рублей. Впрочем, имени своего открыто не указывал, чтобы «не повредить» старому другу. — *Авт.*).

На основании изложенного обвинения архиепископ Никодим Кротков по согласованию с прокурором направляется в особое совещание при Народном комиссариате внутренних дел Союза ССР для внесудебного разбирательства.

г. Ярославль».

27 марта 1937 года владыка Никодим (Кротков) был приговорен за «контрреволюционную деятельность» к высылке в Красноярский край сроком на пять лет без ссылки на закон. Состояние его здоровья резко ухудшилось. Еще 11 февраля 1937 года тюремный врач поставил диагноз: перерождение сердечной мышцы, нестойкая компенсация, подозрения на грудную жабу, артериосклероз, эмфизема легких, недержание мочи. В таком состоянии владыка едва ли мог быть отправлен в ссылку.

3 сентября 1937 года без возбуждения уголовного дела Управлением НКВД Ярославской области исповеднику было предъявлено новое обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР). На этот раз сотрудники НКВД Кочетов и Ильичев, не выходя за пределы прежних вопросов, допрашивали с пристрастием. Обвинительное заключение было следующим: «Формирует из духовенства контрреволюционную группу, которая распространяет антисоветскую гнусную клевету, сеет среди верующих сомнения в колхозном строительстве, ждет

капиталистической войны и готовит повстанческие организации для борьбы с советским государством».

Архиепископа Никодима оставили последние силы. Издевательства, пытки и ночные допросы сделали свое дело. В тюремной больнице Ярославля на семидесятом году жизни 21 августа 1938 года в 14 часов 30 минут владыка Никодим умер от острого катара кишечника при явлениях нарастающей сердечной слабости — паралича сердца (справка начальника тюрьмы от 21/VIII 1938 года № 6359).

21 августа, когда верующие ярославской земли праздновали обретение Чудотворного образа Толгской иконы Божией Матери, закончилась многострадальная жизнь мученика и исповедника, пронесшего с доблестью нелегкий крест архиерейского служения в наиболее страшные годы в истории Православной Церкви.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Никодим, архиепископ Костромской и Галичский, причислен к лику святых, и память его совершается 5 февраля в день Собора святых, в земле Костромской просиявших, и 21 августа, когда последовала его мученическая кончина.

ТРОПАРЬ, глас 4-й

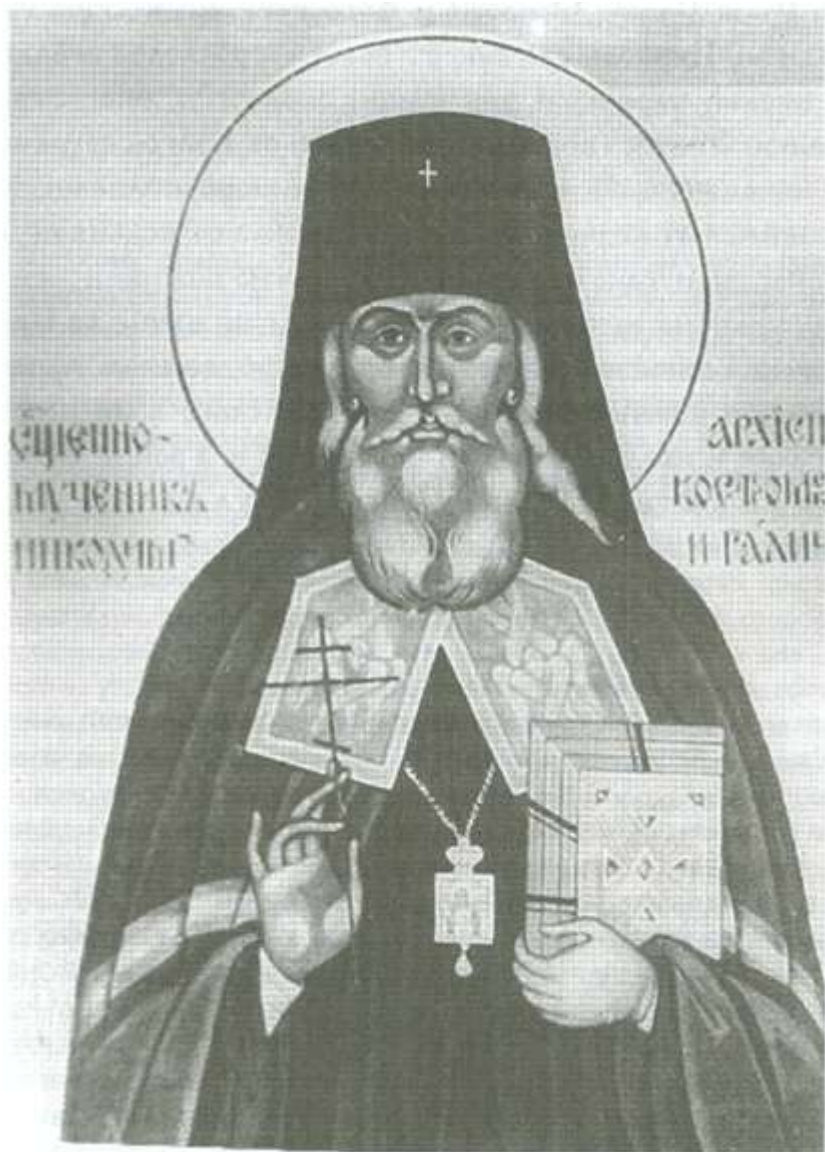
Костромскаго края украшение, новомучениче святителю Никодиме, веру православную твердо исповедуя, от безбожных неправедно осужден бысть. И заточении многая страдания претерпев, венец мученический восприял еси. Ныне же предстои престолу Божию со Пречистою Богородицею и всеми святыми, усердно Христу молися даровати нам веры отеческия утверждение, мир и велию милость.

КОНДАК, глас 2-й

Мужественный Российский исповедниче, истинный подвижниче благочестия, священномучениче Никодиме, избранниче Божия Жатери, днесь светло прославляется. Мы же дерзновенно ему возопим: моли Христа Бога спасти души наша.

МОЛИТВА

Святыи новомучениче, святителю Никодиме! Дивный пастырю и доблестный воине Христов! Ты всю душу от юности заповеди Божии возлюбил еси. Неленостно словесам Христовой истины внимая, иным многим добрый наставник был еси. Темже Господь яви тя приемника апостолом Своим. И во дни гонения лютаго на веру православную яко истинный пастырь явился еси, крестный путь с паствою своею пройдя ссылки, заточения и страдания смиренно претерпевый и тако венец мученический восприял еси, и обрете благодать молитися за ны. И ныне, о ходатаю наш пред престолом Царя Славы, испроси у Него веру отеческую утвердити, Церковь святую от ересей и расколов оградити, верных укрепити, заблудших обратити, многострадальное Отечество наше умирити и от врагов сохранить ненаветно. И молитвами твоими укрепляеми, да избавимся от козней лукаваго, избегнем от всякия беды и напасти, и тако на земли благочестно поживше, жизни вечныя на небеси сподобимся, идеже вкупе со Пречистою Госпожею Девотою Богородицею, сонмом преподобных и богоносных отцев Костромскаго края покровителей и всеми святыми прославим в Троице славимого Бога Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков Аминь.



Священномученик Никодим,
архиепископ Костромской и Галичский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Константино-Еленинская церковь

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником наркомата РКИ Трушицыным по мандату от 9 марта 1923 года за № 144/С того же числа и месяца. Старой описи не оказалось. Предъявленная новая опись была составлена без обозначения качества предметов, и при осмотре всей церковной утвари серебряной оказалась только ложечка, которая и была оставлена, так как не было другой. При производстве дополнительного изъятия было обнаружено четыре малых ризы с икон, лампада и ложечка, каковые были изъяты, причем на вопрос комиссии, состоящей из зампреда Шведова и члена Ковалевского, об инвентарной книге, присутствовавших при первом изъятии, так и при втором священником Масловым и старостой Черняховским было объяснено, что украдены, равно как и все ценности из утвари, но акта по заявлению настоятеля о краже не составлялось. Все ценное было заменено металлической утварью из предметов, взятых со свечного завода. Ящик, в коем должны храниться эти предметы, открывался, все хранилось в беспорядке, в изломанном виде; имущество свечного завода должно было храниться в запечатанном ящике до особого распоряжения совета приходских церквей. На запрос угрозыска относительно кражи последовал ответ, что заявления о краже из Константино-Еленинской церкви не поступало. При ревизии канцелярии архиепископа найден рапорт настоятеля Маслова без даты о том, что 18 февраля сего года ограблена Константино-Еленинская церковь и унесены: малая чаша с диском и звездицею, дарохранительница, два небольших руконосных креста, маленькая тарелочка, ковшик и копье — все серебряные, и два Евангелия — с резолюцией епископа от 7.III.1922 года <...>.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель, он же председатель приходского совета Константино-Еленинской церкви, протоиерей Маслов Василий Степанович в: а) сокрытии описей церковных] ценностей, б) небрежном хранении ценностей, в) симуляции кражи ценностей и г) ведении пассивной обороны против изъятия.

2. Староста Черняховский Михаил Родионович и

3. Секретарь приходского совета церкви Ланг Мария Васильевна в; а) сокрытии описей и церковных ценностей, б) небрежном хранении цер[ковных] ценностей и в) симуляции кражи цер[ковных] ценностей. Виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не

признали и объяснили:

1. Обвиняемый Маслов Василий настоятельно с апреля 1921 года, описи при приеме должностей не принимал, церковь в одно время была полковой 33-го пехотного полка белых, при уходе которого из нее было выбрано все, что имело какую-либо цену; в его бытность в церкви, кроме сосудов для богослужения, других ценных предметов не было, и в 1921 году по требованию союза приходских церквей была составлена опись, копия которой хранится при церкви, в которой было означено все, что было до кражи. Старой описи не могло быть, так как до декабря 1922 года церковь была домовою. Кража произошла в его отсутствие, он был в командировке и узнал о ней на третий день, и подал рапорт епископу, действительность ее может подтвердить гражданин Горбатовский. Хранить вещи было негде — отсутствовали шкафы, а сделать их было не за что, брались вещи свечного завода по распоряжению Епархиального совета, и при изъятии помогал.

2. Черняховский Михаил старостой состоит с января 1921 года. Церковное имущество по описи не принимал и последней не было, так как церковь была домовою. Составлена опись в 1922 году. Имущество находилось в беспорядочном состоянии ввиду бывшей кражи в средних числах февраля 1922 года, гражданин Горбатовский подтвердит действительность ее. Когда узнал о краже и пришел на место, церковь была опечатана милицией. Имущество из свечного завода было принято без описи и впоследствии таковая не составлялась.

3. Обвиняемая Ланг Мария секретарем церковноприходского совета с 1921 года. Ни описи, ни церковного имущества не принимала, при изъятии не присутствовала и о краже узнала в тот же день, когда пришла к вечерней службе.

Допрошенный в качестве свидетеля Горбатовский Евгений Константинович — комендант здания КрымВМД — о краже в храме показал, что по приходе со службы домой в квартиру, находящуюся при Константино-Еленинской церкви, он услышал шум в последней. Сначала не обратил на это внимания, но, когда услышал падение железного запора от двери, ведущей в храм, вышел в коридор и увидел, что дверь, ведущая в храм, никогда раньше не открывавшаяся, открыта, и в ней неизвестный, который при его оклике захлопнул дверь искрылся в храме, тогда он побежал и заявил в милицию. Что пропало из храма, он не знает.

Спасская церковь

Изъятие производилось 10 марта 1922 года представителем КрымЦИК Трушицыным в присутствии настоятеля храма протоиерея Матушевского Крискента, священника Ачкасова Николая, дьякона Пустовойта Василия, церковного старосты Дремина Митрофана и членов приходского совета: Панченко Петра и Лавринского Андрея. Инвентарная книга была представлена, но опись утвари в ней оказалась без обозначения качества предметов, каковые представителем КрымЦИК выяснились при проверке наличия, причем оказалась недостача ценных предметов из 27 — 17, каковые и указаны в акте изъятия, согласно заявлению причта: «Недостающие предметы были украдены злоумышленниками в ночь с 18 на 19 февраля 1922 года», — и что об этом имеется акт. Эксцессов при изъятии не было. 29 марта приходским советом храма в письменном объяснении о причинах несоответствия наличия с описью указано, что серебряные лампы и пять икон серебряных не были внесены в опись как принадлежащие прихожанам, давшим им в храм на хранение, причем из лампад три были сданы в ЦК ПОМГОЛ, а иконы не находились в храме, так как были забраны собственниками. В оправдание последнего обстоятельства к объяснению приложены расписки на пять икон с датой незадолго до изъятия. К делу же был представлен и акт от 1 февраля 1919 года за подписью председателя приходского совета, всех членов и секретаря о краже, из чего видно, что воры проникли через главные двери, открыв замок, кража главным образом произведена в алтаре, на престоле и на жертвеннике, где все оказалось в разбросанном виде и валялись окурки папирос, наименование и число ценных предметов по акту совпадает с указанным в недостаче по акту изъятия. При первом изъятии в храме было оставлено только две лампы и одна икона, когда же было произведено дополнительное изъятие зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским, ввиду отсутствия инвентарной книги, сданной РКИ для проверки, тщательно обследовали храм, и было обнаружено 29 малых серебряных риз с икон, дарохранительница, две чаши, два диска, три тарелочки, одна ложка, один ковшик, накладка с Евангелия и только одна лампа. Большинство предметов оказалось со свечного завода, и при изъятии присутствовавший причт отстаивал иконы, ссылаясь на принадлежность их прихожанам, а на вопрос, не имеется ли еще ценностей, ответили, что нет. Между тем, недели через две члену комиссии Ковалевскому стало известно, что под храмом в склепе находятся вещи со свечного завода (что

подтвердилось и откуда было изъято указанное выше значительное количество ценностей, причем на одном из Евангелий не оказалось обложки). Согласно заключению секретаря комиссии по изъятию Эндека все принимаемое от прихожан на хранение в опись не вносится. О принятии выдаются квитанции, каковых у причта Спасской церкви не оказалось. Из отношения угрозыска на запрос видно, что о краже в храме было заявлено 24 мая 1922 года.

При ревизии канцелярии епископа были обнаружены два рапорта о краже в храме: первый от 5 февраля, в котором указывается, что кража имела место в ночь на это число, второй — от 3 мая. При второй краже ценностей забрано не было. Допрошенный по делу в качестве свидетеля преподаватель первой семилетней школы Семенец Андрей Иванович, подписавший акт осмотра храма, показал: что он в пятницу 4/17 февраля был в храме на вечернем богослужении, ушел вместе со священником Ачкасовым, которому сторож Пипин, заперев храм, передал ключи. Когда же он пришел к службе в субботу утром 5/18 февраля, Пипин объяснил, что в храме была кража, о чем он после достоверно узнал от священника Ачкасова и прихожан, а затем убедился сам, когда зашел в алтарь, где был полный разгром, и на престоле и около валялись окурки папирос.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель храма протоиерей Матушевский Крискент Павлович в: а) сокрытии ценностей, б) ведении пассивной обороны против изъятия и в) симуляции кражи.

2. Помощник настоятеля священник Ачкасов Николай Никифорович — в том же.

3. Дьякон Пустовойт Василий Яковлевич в: а) в соучастии в сокрытии ценностей и б) симуляции кражи.

4. Староста Мальвастро Андрей Антонович — в том же и

5. Замстаросты Дремин — в том же.

Виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не признали и объяснили:

1. Обвиняемый Матушевский Крискент, что представителям КрымЦИК было предложено дать из ценностей те, без коих можно обойтись при богослужении, что и было сделано, и выдано было все, что возможно из ценной утвари, оставшейся после кражи в ночь на 5/18 февраля 1921 года: часть предметов и ризы с некоторых икон не были выданы потому, что первые взяты из вещей свечного завода, а вторые, то есть иконы, принадлежали прихожанам, давшим их в храм на хранение. Сопротивления ни словом, ни делом не оказывали. При втором изъятии пришел, когда уже производился подсчет ценностей и был составлен акт. Тогда были выданы все ценности, оставшиеся от

первого изъятия, и о том, что комиссией не было осмотрено подвальное помещение, узнал после ее отъезда. Иконы, отданные в храм прихожанами или бывшими учреждениями (жандармским полицейским управлением и почтовой конторой) и, может быть, навсегда оставленные в храме, в опись не записаны как не принадлежащие к церковному имуществу. Ни сокрытия ценностей, ни обороны не было, симуляции кражи не было. Кража была в ночь с 17 на 18 февраля, о чем был составлен акт в присутствии инспектора угрозыска Яковлева в двух экземплярах, — один остался у него, о чем на нашем акте им была сделана справка.

2. Обвиняемый Ачкасов Николай: при первом изъятии было выдано все согласно предложению представителя КрымЦИК, при втором сам указывал ценности, помогал снимать ризы с икон, на вопрос о подвальном помещении сказал, что там могилы частных лиц, каковой ответ был дан не с целью сокрытия ценностей <...>.

3. Обвиняемый Пустовойт Василий при первом изъятии присутствовал потому, что изъятие производилось как раз после богослужения, при втором пришел к концу, о склепах ничего не знал.

4. Обвиняемый Мальвастро Андрей при изъятии не присутствовал, так как с января по 15 июля был в отпуске, замещал Дремин, акт о краже подписал, когда приезжал на заседание приходского совета, дней через 7 после кражи, удостоверив своей подписью список похищенного.

5. Обвиняемый Дремин Митрофан — акта в день ограбления церкви составлено не было, так как священник Матушевский спешил уехать на требы, кроме того, налицо не было описи, каковая находилась на квартире Матушевского, за невозможностью установления похищенного акт об ограблении церкви был написан через несколько дней и прочитан на общем собрании церковноприходского совета, специально для этого созванном. В день ограбления в Крымрозыск было подано заявление. Случайно в день венчания, как говорил нам Ачкасов, к нему заходил инспектор угрозыска Яковлев, которого попросили осмотреть храм и составить акт об ограблении.

Введенская церковь

(Берковского женского подворья при Бахчисарайском Успенском мужском монастыре)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК, сотрудником Наркомата РКИ Трушицыным по мандату от 9 марта сего года за № 143/ С в присутствии настоятеля храма иеромонаха Иринарха и

иеродиакона Иоакима и во второй раз — в присутствии тех же и старосты Циркуля. Описи представлено не было, согласно заявлению причта она сдана в церковный подотдел. В первый раз были изъяты излишки, во второй изъятие произведено в силу постановления ЦК ПОМГОЛа от 16 марта; должно было быть изъято все оставленное в первый раз, но это не удалось ввиду того, что тому воспротивились настоятель иеромонах Иринарх и староста Циркуль. Оставлены были две ризы на иконах иконостаса, чаша, тарелочка и дарохранительница и, кроме того, согласно заявлению приходского совета от 31 марта 1922 года в РКИ, в ночь с 16 на 17 марта была совершена кража в церкви и были похищены серебряные предметы: дарохранительница, тарелочка, две иконы с серебряными ризами, о чем было заявлено в угрозыск 20 марта за № 2111. При третьем дополнительном изъятии, произведенном заместителем председателя комиссии Шведовым и членом Ковалевским, были обнаружены ценные предметы, не входившие ни в одну из предыдущих описей, причем некоторые из принадлежащих свечному заводу.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель, он же председатель приходского совета храма, иеромонах Иринарх (Иляков Иван Васильевич) в: а) сокрытии описи церковных ценностей, б) симуляции кражи и в) ведении пассивной обороны против изъятия.

2. Игуменья Ксения — она же Романовская Ксения Валентиновна — в симуляции кражи ценностей.

3. Казначей Егорова Александра Ивановна — в соучастии в сокрытии церковных ценностей.

4. Товарищ председателя приходского совета Ермаков Авраам Давидович в: а) сокрытии описи церковных ценностей, б) симуляции кражи и в) ведении пассивной обороны против изъятия, — виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не признали и объяснили:

1. Обвиняемый иеромонах Иринарх, Иляков Иван Васильевич, назначен в Введенскую церковь в декабре 1922 года. Тогда подворье принадлежало Бахчисарайскому Успенскому мужскому монастырю, теперь это подворье женское. Описи и церковного имущества не получал, кражи не симулировал, так как она имела место у игуменнии Ксении, у которой в то время, уже находились ключи, имеется оправдательный документ, изъятию противился.
2. Обвиняемая игуменья Ксения (Романовская Валентина) — кража имела место в ночь с 16 марта до принятия ею ключей и имущества церкви.
3. Обвиняемая Егорова — член приходского совета, состоит с 1920 года. Ни описи, ни имущества не принимала, подписывала одну опись для

сдачи в Ревком. 4. Обвиняемый Ермаков Авраам на должности товарища председателя Совета с декабря 1921 года. Имущество Совет принимал по новой описи, так как старой описи не оказалось, а новая должна быть у иеромонаха Иринарха. Кража действительно была, на что имеется документ. Присутствовал только на последнем изъятии, на первые не приходил, так как не знал о них. Согласно показанию допрошенного в качестве свидетеля по делу священника церкви Верютина Ильи Ивановича, опись должна быть в Бахчисарайском монастыре. При изъятии в таковом описи Введенской церкви не оказалось, как видно из показаний зампреда комиссии Шведова; к делу представлена справка о заявке в угрозыск по поводу кражи 20 марта сего года и о смерти старосты Циркуля.

Мартиниановская церковь

Изъятие производилось согласно мандату от 9 марта сего года представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Лазаревым 9 марта 1922 года в присутствии настоятеля храма протоиерея Кикоть, протоиерея Федорова, церковного старосты Шестерикова и представителя общины церкви. Старой описи не оказалось. По заявлению настоятеля они были сданы в КрымЦИК. По новой описи все оказалось налицо, но в одном экземпляре. Ввиду отсутствия предметов для замены все найденное было оставлено в храме. Производивший изъятие сотрудник Наркомата РКИ Лазарев не допрошен по делу за смертью. При вторичном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским, была представлена опись; духовенство шло ей навстречу и только просило о замене изъятого. Спрошенный в качестве обвиняемого настоятель храма и председатель Совета протоиерей Кикоть Семен Евстафьевич в предъявленном ему обвинении в сокрытии ценностей и ведении активной обороны против изъятия виновным себя не признал и объяснил, что была представлена своевременно опись 1912 года, и выдал ценности без прекословий. Как видно из акта, изъятие производилось тем же представителем КрымЦИК <...> Лазаревым 9 марта 1922 года в присутствии заместителя настоятеля храма священника Шпаковского и члена приходского совета Крупко Ивана. Старой описи предъявлено не было, и священником Шпаковским было заявлено, что имеющиеся в церкви иконы и ризы только посеребрённые, но не серебряные. Производивший изъятие сотрудник Наркомата РКИ Лазарев по делу не допрошен за смертью. При дополнительном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским в присутствии заместителя настоятеля священника Шпаковского и старосты Никитченко и замстаросты Крупко было обнаружено гораздо больше ценностей, чем

при первом изъятии. Духовенство всячески старалось противодействовать изъятию, затягивать работу, отказываясь помочь снять ризы с икон и ссылаясь на принадлежность последних прихожанам, но оправдательных документов не представило. К делу при заявлении настоятеля в Наркомат РКИ было прислано две расписки приходских советов деревень Чистенькое и Збурьевки о получении для церквей означенных деревень утвари из Всехсвятской церкви и подписи приходского совета о том, что в 1915 году по распоряжению епархиальной власти из Крыма для приходской военной церкви были взяты дискос и лжица, каковые расписки и подписи подтверждаются справкой из епархиальной канцелярии.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель храма, он же председатель приходского совета священник Шве́ц Николай Федорович в: а) сокрытии описей и ценностей и б) ведении пассивной обороны против изъятия. 2. Священник Шпаковский Степан Яковлевич в: а) сокрытии описей и ценностей, б) ведении активной обороны против изъятия. 3. Диакон Изотов Тимофей Спиридонович в: а) соучастии в сокрытии описей церковных ценностей и б) ведении пассивной обороны против изъятия. 4. Староста Крупко Иван Андреевич в соучастии в сокрытии описи и ценностей. 5. Староста Никитченко Дмитрий Иванович в: а) сокрытии описи и ценностей и б) ведении пассивной обороны <...>. Виновными себя в предъявленных выше обвинениях не признали и объяснили: 1). Обвиняемый Шве́ц не получал предписания от властей, не представил ценности сам, а ждал комиссию для сдачи ценностей, опись не скрывал, был в деревне за 7 верст, где и живет, опись была под замком, ключ же находился у него, но его не уведомили о приходе комиссии, вследствие чего он отсутствовал при изъятии, но не потому, что вел пассивную оборону. 2). Обвиняемый Шпаковский Степан как второй священник исключительно для треб при изъятии присутствовал ввиду отсутствия настоятеля, инцидентов не было, народу тоже, за исключением сторожа и двух-трех случайных прихожан. Все время при изъятии не мог быть, отлучался на требы и к малолетним детям, оставленным без присмотра. Активной обороны не могло быть, так как советом прихода было постановлено сдать ценности. О том, что в архиве была опись, не знал. При первом изъятии заявил, что не знает, какие предметы ценные, если бы было сказано, что целью прихода было изъятие ценностей, то послал бы за настоятелем нарочного, чтобы составить более точную опись. 3). Обвиняемый Изотов Тимофей — соучастия в сокрытии ценностей и описи не принимал, не только не сопротивлялся изъятию, но даже помогал, подавал иконы с престола и прочее. 4). Обвиняемый Крупко Иван — староста с июня 1922 года, а

потому не мог быть соучастником в сокрытии ценностей. 5). Обвиняемый Никитченко Дмитрий — старостой с 1919 года, никакого имущества не принимал, описи не видел, инструкции старостам не получал и не читал, не присутствовал при изъятии потому, что не знал о нем, а не потому, что вел оборону. Допрошенный по делу в качестве свидетеля сторож кладбищенской церкви АлексаноКолочков Алексей Никитич показал, что комиссия сама снимала ризы с икон, но почему, не может сказать.

Благовещенская церковь подворья Космо-Дамиановского монастыря

Изъятие производилось 10 марта 1922 года представителем КрымЦИК товарищем Попандопуло в подворье Космо-Дамиановского монастыря в присутствии иеромонахов Иннокентия и Николая, представителя общины Митькина Никиты, сестер-монашек Вирсавии, Мелитины и Евгении. Вместо старой описи была предъявлена копия новой описи. Со стороны причта было сочувственное отношение, и изъята была только часть церковных ценностей из наличности, соответствовавшей копии новой описи, причем в акте в графе «Примечание» было отмечено, что недостающие предметы — две чаши с полным прибором, два креста напрестольных — переданы в деревни Мамак и Марьино. 21 марта сего года в объединенный совет православных церквей города Симферополя было подано заявление, в котором объяснено, что на требования совета представить в двухнедельный срок инвентарную опись церковного имущества таковая не может быть представлена, так как церковь основана только в 1907 году, очень бедная, инвентарной книги не заводилось, и только в феврале месяце 1922 года по требованию советской власти была составлена опись церковного имущества и в трех экземплярах представлена в церковный подотдел Крымского Ревкома. При втором дополнительном изъятии было сделано тщательное исследование храма в присутствии старосты и секретаря совета и были обнаружены ценности, не вошедшие в акт первого изъятия, а также ценности и имущество, принадлежащие свечному заводу. Но акта о приеме на хранение не было, и нельзя было установить, все ли взятое в целости.

Согласно заключению секретаря комиссии Эндекса, старая опись должна быть. Если ее не оказалось, то она должна находиться при монастыре. Из рапорта настоятеля Марии-Магдалининской церкви протоиерея Медведкова видно, что часть имущества также была передана в Благовещенскую церковь, и на вопрос о количестве принятого была представлена копия описи с указанием, что все

предметы металлические.

Опрошенные в качестве обвиняемых:

1). Настоятельница Космо-Дамиановского монастыря игумения Варсонофия, она же Акулова Ксения Герасимовна. 2). Ризничная и зав. подворьем — Вирсавия, она же Подозникова Матрена Сидоровна. 3). Письмоводительница зав. канцелярией Евгения, она же Тищенко Параскева Яковлевна. 4). Бывшая зав. подворьем Мелитина, она же Карташева Марфа Ивановна — в сокрытии описей и церковных ценностей виновными себя не признали и объяснили: 1). Обвиняемая Варсонофия: что при Благовещенском храме описи никогда не было и все необходимое для подворья бралось из монастыря и . I по миновании относилось обратно в монастырь, где имелась инвентарная книга, в которую заносилось имущество, находящееся в том или ином подворье, и что эта книга пропала при ограблении монастыря. 2). Обвиняемая Вирсавия: что описи и утвари при Благовещенском храме не было и что опись была общая на монастырь с подворьем и хранилась при монастыре. Обвиняемые Евгения и Мелитина I показали то же самое.

Допрошенные в качестве свидетелей иеромонах Иннокентий и Николай показали, что, хотя они и присутствовали при изъятии, но как священнослужители, и что ответственность за церковное имущество несут настоятельница монастыря Варсонофия и заведующие подворьем Мелитина и Евгения, и что опись одна общая на монастырь с подворьем и должна находиться при монастыре.

Космо-Дамиановский монастырь

21 мая 1922 года изъятие производилось членами комиссии по изъятию церковных ценностей в Космо-Дамиановском монастыре в присутствии благочинной Еликониды, пономарки Магдалины и иеромонаха Тихона. По словам присутствующих, настоятельница монастыря Варсонофия уехала в Симферополь на подворье, куда ею и увезена опись, а потому таковая представлена быть не может, и изъятие производилось по наличию, причем на некоторых иконах риз не оказалось, в том числе и на большой иконе «Благовещение». Как пояснили присутствовавшие, эти иконы были доставлены в монастырь без риз. Во время прибытия комиссии в монастырь пономарка Магдалина уносила спрятанную под платком икону, на которой была серебряная риза, и гвозди, прикреплявшие ризу к иконе, были частью вынуты. И, как пояснила смущенная Магдалина, икона переносилась для богослужения в другую церковь, а гвозди сняты потому, что риза чистилась мелом, но во все время пребывания комиссии, около трех

часов, служба не совершалась. Кроме того, монастырская обстановка произвела на комиссию удручающее впечатление. Среди старых монашек и молодого здорового иеромонаха находились почти дети — девочки лет от 12 до 16, изможденные, изнуренные, прячущиеся от мужчин. Монастырские кельи часто посещают неизвестные личности, спускающиеся с гор для того, чтобы покушать и даже иной раз переночевать, что создает впечатление, что это не монастырь, а притон для бандитов, подворье в Симферополе — связующее звено бело-зеленых. Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, в монастыре должна быть опись всех подворий, а копия описи — при каждом подворье.

После изъятия ценностей настоятельница монастыря Варсонофия прислала на имя зампреда ЦК ПОМГОЛа по изъятию ценностей объяснение, в котором говорится: а) что опись церковного имущества унесена бандитами при ограблении монастыря 8 сентября 1921 года, о чем своевременно доносилось властям г. Алушты и епархиальной власти в Симферополе; б) что новая опись составлена не вскорости потому, что после ограбления монастыря бандиты еще посещали монастырь, и хотя в меньших количествах, но ограбили его. Не указав, что именно было унесено бандитами при повторных налетах и что имеется вчерне новая опись, к составлению которой приступили в конце февраля 1922 года, но еще не закончена к июню, и в) перечисляется количество и качество предметов, унесенных бандитами вместе с описью церковных ценностей; причем перечисленные в объяснении предметы не соответствуют рапорту на имя епархиальной власти от 10 сентября 1921 года, в коем указано гораздо меньшее количество церковных ценностей, чем в объяснении <...>.

В предъявленном им обвинении <...> себя виновными не признали и объяснили: 1). Обвиняемая Варсонофия: что при ограблении монастыря была взята и опись, которая хранилась в ризничном ящике в алтаре и после ограбления монастыря 8 сентября 1921 года новая опись не составлялась. В рапорте на имя архиепископа Никодима не были перечислены все церковные ценности, взятые грабителями, только лишь потому, что грабители сказали: «Если только вы донесете об ограблении, камня на камне не останется». Неправда, что иконы были без риз. Все иконы были с ризами, кроме «Благовещения», которую прислали без ризы. 2). Обвиняемая Еликонида: что <...> при ограблении монастыря были и посторонние лица в числе 5—7 душ, из коих один мужчина, не считая двух объездчиков, которых привели бандиты, и одного из них — Гарбузова — убили, а другой, оставшийся в живых, Стеймах,

свидетелем быть не может, потому что все они были заперты грабителями на кухне, и что опись взята в город Симферополь игуменьей Варсонофией, могла сказать молодая монашка Ариадна, которая не понимает, что такое опись, решив, раз игумения в городе, значит, и опись в подворье. Малолетние девочки находятся в монастыре одни потому, что их бросили родители, а другие просто полечиться, и никто из неизвестных кельи монастыря не посещает и не ночует, а если кто и ночует, то для таких имеется гостиница. 3). Обвиняемая Магдалина: что опись при ограблении монастыря 8 сентября 1921 года была взята бандитами. Икону в день святого Николая приблизительно с 12 до 2 часов дня как особо чтимую переносила в другой храм дня служения. После ограбления монастыря 8 сентября 1921 года были еще налеты на монастырь, но что было забрано грабителями, не помнит. На вопрос, составлялась ли после ограбления новая опись, отвечает: да, составлялась, но не помнит, когда, и не знает, где она хранится <...>. Впоследствии отказывается от своих показаний и заявляет, что она ничего не знает. На вопрос, почему она сказала членам комиссии по изъятию церковных ценностей, что опись монастырская хранится в Симферополе в подворье, Магдалина ответила, что она не говорила, а впоследствии заявила, что она не помнит. Риза на иконе была прикреплена, и никто гвоздей не вынимал, и кроме иконы «Благовещение», на которой не было ризы, все иконы были с ризами. 4). Обвиняемая Наталья: что опись хранилась в ризнице в ящике, и после ограбления была составлена опись (акт) похищенного, которая хранится в монастыре в ризнице, и о том, составлялась ли другая, новая инвентарная книга монастыря, должна знать Евгений; опись же церковных ценностей подворья хранится в подворье, а может быть, и в монастыре, но в ризнице монастыря ее не было. Налеты на монастырь после 8 сентября 1921 года были, но не на церковь <...>.

Преображенская церковь

Когда сотрудник Наркомата РКИ в качестве представителя КрымЦИК Попандопуло предъявил священнику Молчанову мандат от 9 марта 1922 года за № 144/С на право изъятия им ценностей и попросил представить старую опись, настоятель заявил, что без собрания верующих ничего сделать не может, и просил прийти в 8—9 часов вечера. В назначенное время в храме оказалась масса народу, перед которым на возвышении стоял настоятель. Священник Молчанов, представив сотрудника прихожанам, заявил, что после краткой молитвы можно будет приступить к изъятию. Прихожане

смотрели на сотрудника весьма недружелюбно, и, когда после молитвы священник спросил их, что они могут дать, ответом был полный отказ с заявлением, что они сами голодают и т. д. Обсуждение длилось около получаса, и, когда один из присутствующих вступил в защиту голодающих, сотрудник предложил священнику предъявить старую опись, на что получил ответ, что старой описи нет, а есть новая, а на вопрос сотрудника к прихожанам, дадут ли они что-либо, священник вспомнил, что в архиве есть старые ризы с икон, каковые и можно выдать без ущерба. Присутствовавший староста Салтиссек все время шнырял около прихожан и шептал им что-то на ухо. Был составлен акт, подписанный настоятелем, старостой и дьяконом Злюченко, председателем приходского совета и двумя представителями мирян. Изъято было пять риз с икон из 17 и пять светильников из семи. Утварь оказалась не ценной. Заявлено в акте о двукратном ограблении церкви, когда и была унесена ценная утварь; опись составлена в декабре 1921 года, и о выдаче указанного был составлен протокол общего собрания прихожан. К делу приобщено отношение приходского совета настоятеля Молчанова в Президиум союза правления церквей г. Симферополя от 23 марта сего года за № 32 с приложением акта приходского совета от 21 марта сего года о том, что старая опись и летопись пропали при выселении причта из квартиры и что ценная утварь была унесена во время имевших место в храме краж в сентябре 1921 года и феврале 1922 года, о чем сообщалось в угрозыск.

При втором дополнительном изъятии, давшем, кроме 23 риз с икон разных размеров, 6 лампад и обложки с Евангелия, произведенном заместителем председателя комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским. Когда комиссия решила снять ризы с икон главного алтаря, священники всячески препятствовали этому, выражая негодование, называя это кощунством, заявляя, что к таким мерам власть никогда не прибегала, и выражали сомнения в цели изъятия. Так как все это действовало возбуждающе на все увеличивающуюся толпу народа, комиссия была вынуждена предупредить священника, что он будет взят заложником, если не уймется, после чего он успокоился, а толпа стала расходиться. Когда потребовались мешки, то дали только по настоянию комиссии. При ревизии канцелярии епископа был обнаружен рапорт священника Молчанова о краже ценной утвари и других вещей в храме 16 сентября 1921 года. На запрос в угрозыск получена справка, что об ограблении Преображенской церкви было заявлено 4 марта 1923 года.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

- 1) настоятель храма, он же председатель приходского совета

священник Молчанов Константин Васильевич в: а) сокрытии описи и церковных ценностей, б) агитации против изъятия церковных ценностей, в) сопротивлении изъятию церковных ценностей, г) ведении активных мероприятий против изъятия, д) подстрекательстве прихожан против изъятия церковных ценностей. 2) дьякон, он же секретарь приходского совета Зинченко Иван Макарович в: а) соучастии в сокрытии церковных ценностей, б) ведении пассивной обороны против изъятия. 3) сторож Зискин Антон Аверьянович, 4) сторож Качанов Дмитрий Зиновьевич — в том же <...>.

Трехсвятительская церковь

Изъятие производилось по мандату от 9 марта за № 144/С представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Попандопуло 10 марта в присутствии настоятеля храма священника Маркова и представителя прихожан Монастырлы Харлампия Афанасьевича, Углицкого А.Н., Герасимовой А.А. Была предъявлена опись 80-х годов, по которой налицо не оказалось много ценной утвари и предметов. По заявлению настоятеля, часть предметов была украдена 13 декабря 1921 года и в ночь на 9 марта 1923 годаги часть конфискована Особым Отделом 4-й Армии при размещении военного госпиталя в помещении санатория, в каковом находилась церковь.

Оправдательные документов предъявлено не было. Отношение к изъятию было сочувственное, и священник Марков отказался от серебряной утвари, заявляя, что он может служить при металлической. При втором, дополнительном изъятии зампредом комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским присутствовал один настоятель священник Марков. Было взято все оставленное при первом изъятии, все находилось на квартире настоятеля, объяснившего это опасением кражи, так как таковая имела место недавно, и в церкви был действительно непорядок. Согласно заключению комиссии по делу изъятия Эндека, церковь эта старая, в ней должны быть ценности, но охранялась она слабо и потому бывали кражи. Согласно справкам угрозыска о краже в Трехсвятительской церкви в ночь на 9 марта было заявлено и возбуждено дело у нарсудьи 2-го участка.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1) настоятель храма, он же председатель приходского совета священник Марков Дмитрий Константинович, 2) староста Монастырлы Харламбий Афанасьевич, 3) помощник старосты Герасимова Анна Александровна в: а) сокрытии церковных ценностей и небрежном хранении их — виновными себя в вышеуказанных преступлениях не

признали и объяснили: 1) обвиняемый Марков Дмитрий при изъятии заявил ввиду отсутствия ценностей, что часть была конфискована Особым Отделом 4-й Армии до его вступления в должность в январе

1921 года, а затем остальные унесены при кражах: в декабре 1921 года и в марте 1922-го, и о последней краже представил акт в угрозыск. Ввиду того, что при первой краже не заявил в милицию, признавая, что действительно допустил оплошность, готов, если трибунал согласится и помогут прихожане, внести стоимость украденного <...>.

Допрошенный по делу в качестве свидетеля механик — шофер Крымского военкомата Лабейт Оскар Августович показал, что он был членом группы содействия в РКИ при госпитале и участвовал при осмотре помещения семинарии, где была обнаружена комната, замкнутая за церковной печатью. В ней оказалось церковное имущество. Тогда было сообщено в Особый Отдел 4-й Армии, и церковное имущество было передано в Центральное управление курортами Крыма. Последний на таковое ответил, что документов на поступление к ним ценностей в политчасти не имеется. При ревизии канцелярии епископа обнаружен рапорт священника Маркова по краже в декабре 1921 года.

Николаевская церковь (бывшая Военно-Гарнизонная, ул. Розы Люксембург)

Командированному для изъятия представителю КрымЦИК сотруднику Наркомата РКИ Алексею в первый день не удалось собрать лиц, ведающих церковным имуществом. На следующий день, 10 марта, был приглашен настоятель Апексandro-Невской церкви протоиерей Игнатенко, оказавшийся временно прикомандированным исполнять обязанности священника при Николаевской церкви. Изъятие было произведено в присутствии председателя приходского совета Волкова, старосты Корчагина и прихожан З.Н.Капаева и Ховращенко и А.Ф.Александрова (настоятель церкви священник Бычковский так и не явился). Старой описи не оказалось. Была представлена новая опись, в которой качество предметов было не обозначено. Ценности выдавались по решению собравшихся прихожан, большей частью женщин, за спинами которых прятались представители храма. Подтверждая решения прихожан, заметно было стремление дать как можно меньше. Приходилось торговаться, например, несмотря на то, что для замены серебряной чаши была металлическая позолоченная, серебряную пришлось оставить, равно как и другие ценные предметы церковной утвари. При производстве второго дополнительного

изъятия, произведенного заместителем председателя комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским, настоятель Бычковский отсутствовал и в этот раз. Присутствовали протоиерей Игнатенко и староста Корчагин. Выяснилось, что наличие даже не совпадало с недавно составленной старостой описью, а в пономарке было найдено 23 иконы, с 19-ти ризы уже были сняты неизвестно кем и незадолго до изъятия. А кроме того, оказалось, что староста припрятал два серебряных венца и дарохранительницу. Венцы были запряты за иконой «Моление о чаше», а дарохранительница — в алтаре на Горнем месте, о чем и был составлен протокол и сообщено в ГПУ, и церковь была опечатана. При обыске у старосты обнаружено письмо на имя Корчагина священника Троицкого, из которого видно, что он выехал из города Симферополя в Москву в 20-х числах февраля

1922 года. Кроме того, что настоятелем церкви Николаевской был Баженов Сергей, что ключи от ризницы находятся «на окне, где книги», и там же в ризнице хранится опись имущества, и что недостающие ценности, в том числе иконы и серебряный крест, взяты Баженовым, на что имеются расписки, а список украденных из церкви вещей находится у епископа. Список других вещей передан Корчагину. В сторожке остались таз и кувшин, а другой кувшин взят каким-то «Борисом Ивановичем». О том, что он оставил все в порядке, просит сообщить в совет. Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, в том храме хранились ценности другой полковой церкви и военнокладбищенской. Должно быть много серебряных вещей, серебряных напрестольных крестов и Евангелий. При белых храм охранялся караулом, так что кражи в то время не могло быть.

При ревизии канцелярии епископа обнаружено два рапорта: 1) настоятеля храма Бычковского и бывшего настоятеля Троицкого о кражах 6 июля и 10 марта сего года. О кражах в угрозыск заявлений не поступало, хотя в рапортах указано, что таковое было сделано.

Допрошенные в качестве обвиняемых <...> виновными себя не признали и объяснили: 1). Обвиняемый Бычковский Анатолий Константинович назначен заместителем священника Троицкого 7 марта, состоял таковым до 8 апреля 1922 года. Ни старой описи, ни церковного имущества не принимал, не считал себя настоятелем. Принял по описи, составленной при изъятии, и руководствовался ею. Кражи произошли между 19 и 22 марта, так как ценности похищены не были, то не может быть обвинен в симуляции. Активной обороны не вел. 2). Обвиняемый Игнатенко Дмитрий [Феофанович] во время первого изъятия присутствовал совершенно случайно, будучи приглашен с улицы старостой. Сняв с алтаря и ризницы ценные предметы, показал их комиссии и ушел, отказавшись от дальнейшего

участия в деле изъятия и подписи акта как лицо постороннее. В эту церковь с ведома епископа был приглашен старостой для богослужения и треб, и никаких других обязанностей ни тогда, ни теперь по церкви не имел. Как настоятель другой, Александро-Невской церкви и как временно прикомандированный к первой до возвращения из Москвы священника Троицкого <...>, был приглашен на второе дополнительное изъятие и подписал акты. Сам же заявил комиссии, что в пономарке имеются иконы в большом шкафу, чем скорее способствовал делу изъятия. О спрятанных церковным старостой вещах не знал. Присутствовал при третьем изъятии потому, что после второго изъятия ключи комиссией были переданы ему <...>.

Скорбященская церковь

Все ценности, находившиеся в означенной церкви, были сданы согласно постановлению членов общины церкви от 15.XI.1922 г. до прихода комиссии по изъятию.

Церковь Рождества Богородицы (при больнице Таранова-Белозерова)

Изъятие производилось 11 марта 1922 года представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Алексеевым на основании мандата от 9/II с.г. за № 144/С в присутствии настоятеля протоиерея Мезенцева, товарища председателя приходского совета Якимова и члена Мазанько. Старой описи не оказалось, была предъявлена опись, составленная 28 сентября 1921 года, по каковой и производилось изъятие. Настоятель, пригласивший для неизвестной цели на изъятие сиделок и сотрудников больницы, без прихожан не решался выдать ценности, в силу чего и заявил, что часть вещей украдена 21 февраля сего года, чаша и дискос необходимы для богослужения, что часть икон принадлежит прихожанам; изъято было незначительное количество ценностей. 12 же марта состоялось собрание прихожан в числе 54 человек, на коем было постановлено выдать лом серебра в незначительном количестве и 8 риз с икон, сосуды же, необходимые для богослужения, икона Тихвинской Божией Матери, киот с 7-ю небольшими иконами и иконы прихожан признаны не подлежащими изъятию. Первая как пожертвованная при учреждении больницы, вторая — устроителя богадельни при больнице и третьи — как сданные на хранение прихожанами и им принадлежащие. Согласно этому постановлению, не было 13 марта тем же представителем КрымЦИК произведено изъятие. Во время производства дополнительного изъятия комиссия в лице зампреда Шведова и члена Ковалевского встретила протоиерея Мезенцева и решила сейчас же пойти для вторичного обследования его храма, но настоятель заявил,

что идет на кладбище и дополнительное изъятие было установлено произвести в 10 часов утра следующего дня. Когда комиссия около 7 часов вечера возвращалась с работы и опять проходила мимо больничной церкви, подойдя к ней, нашла застекленную дверь и церковь запертой, а деревянную — открытой. В храме был свет, и на стук показался настоятель Мезенцев, сказав «сейчас», ушел внутрь храма, хотя ключ был в дверях. Когда один из членов комиссии подошел к другой, застекленной двери, ведущей в коридор больницы, в нее кто-то заглянул изнутри храма и спрятался. По возвращении его к первой двери последняя уже оказалась открытой, и другой член комиссии, Ковалевский, вошел в храм, где были священник, его сын лет 13, пономарь и уборщица. Около свечного ящика валялась кружка, ящики, на кассе — бумага, свертки, и священник объяснял это подготовлением для облегчения работы комиссии, каковая немедленно приступила к изъятию по временной описи, за отсутствием инвентарной книги, причем священник всячески противился изъятию, делая заключения, что они будут бесконечны, а когда комиссия предложила ему помогать изъятию, он, называя таковое кощунством и поношением, отказался, и только после заявления, что он будет взят заложником в случае дальнейшего противодействия, вынужденный, стал помогать. Когда понадобились инструменты и по настоятельному требованию комиссии пономарь пошел за ними, а уборщица вошла одновременно в дверь, ведущую в коридор больницы, не прошло и двух минут, как раздался набатный звон. Священник заявил, что он не знает, что это, и в то же время в храм стали заходить возмущенные граждане, а на вопрос, кто ударил в набат, вошедшая женщина заявила, что она, так как ей сказали, что церковь грабят, а кто сказал, не указала, заявив, что это для комиссии безразлично. Узнав, что в храме комиссия по изъятию, граждане разошлись. Ударившая в набат была задержана, и оказалась заведующей хозяйственной частью больницы. При проверке свертков в кассе в них оказались деньги из кружек с надписью «в пользу голодающих», в которых еще оставались медные деньги. Надписи «в пользу голодающих» были надломлены и наполовину сняты. Была обнаружена кладовая при коридоре больницы, в которой были свежие следы снятых икон и иконы, с которых были сняты ризы. Согласно заключению секретаря комиссии по изъятию Эндека, Мезенцев служит в храме лет 20. Должен был следить и знать обо всем, как и за описями. Храм должен быть богат.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

<...>1). Обвиняемый протоиерей Мезенцев Николай: ризы с икон и сосуды не были выданы при первоначальном изъятии согласно

постановлению прихожан от 12 марта, вынесенному после литургии. Никаких сотрудников в храм при изъятии не приглашал. Опись до 1917 года представить не мог потому, что таковая находилась у старосты — устроителя больницы Панченко, а по его смерти в 1919 году

— у его сына, который в 1920 году при вступлении красных войск в Крым уехал неожиданно за границу, а имущество его было реквизировано, и опись пропала. На предложение встретившихся членов комиссии Шведова и Ковалевского сейчас же произвести изъятие ответил, что должен идти на кладбище и условился приступить к изъятию в 10 часов утра следующего дня, а когда сообщил об этом псаломщику, то решили оба, как служащие в учреждениях, приготовить все ценности с вечера, чем и занялись, а когда пришла комиссия, то пошел взять ключи, чтобы впустить ее членов. В это время в церкви производилась уборка. Свертки бумаги были вынуты из ящиков, чтобы достать находившиеся под ними иконы. Кружки были на замках. Там было около 12 рублей медью, собранных еще с 1914 года в пользу голодающих. Деньги не были сданы в ПОМГОЛ, так как говорили, что медь не принимают. Набатного звона даже не слышал, а Прокофьева сказала, что звонила, так как сообщили, что церковь грабят. Входили в церковь служащие больницы. Преппирательств не было, не называл изъятие кошунством, не говорил, что изъятия будут бесконечны. Просил, чтобы не снимали ризы с икон — дар устроителя больницы Панченко, так как в скором времени должно было быть 100-летие больницы, а икона была единственной памятью. Также и с другой иконой как данной на хранение, на что представил расписку, но комиссия не обратила на нее внимания. Ризы с икон в кладовой были сняты во время первого изъятия, оставленные иконы и поломанные лампадки давно были снесены туда уборщицей, и она уже забыла о них. Сын Сергей, служивший по мобилизации у добровольцев, расстрелян в Севастополе в 1920 году.

2). Обвиняемый Базеев Михаил Ефимович, псаломщик: при первом изъятии он не был, но священником было заявлено собранию верующих, что 12 марта состоится изъятие, и прихожане после литургии вынесли постановление: просить комиссию оставить дары устроителя больницы и другие предметы. Когда возвращались с кладбища, священник сообщил, что на следующий день в 10 часов утра состоится второе изъятие, и сожалел, что не будет никого из членов приходского совета, и просил его прийти, но он отказался как состоявший тогда на службе в учреждении. Тогда Мезенцев предложил прийти сейчас же в церковь и приготовить ценности, где в это время шла уборка. Какие ценности имелись, обвиняемый не знает,

так как к этому делу он как псаломщик и регент не причастен. Ему священник предложил заняться разборкой шкафчиков с нотами, книгами и металлическими подсвечниками, а сам стал разбирать свечной столик. Но не прошло и 10 минут, как кто-то постучал. Священник узнал, кто, взял ключ и открыл дверь.

Допрошенная в качестве свидетеля Мазенко Анна Ивановна показала, что с улицы вошли человек 10—12 и возмущались изъятием, но священник сказал, чтобы не мешали, и возмущавшиеся ушли, а затем и остальные. Прокофьева, когда у нее спросили про звон, сказала, что звонила на чай <...>.

Николаевская церковь (Екатерининская улица)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Бондаренко 9 марта 1922 года в присутствии настоятеля церкви протоиерея Бессонова, членов приходского совета Ермакова Тихона Кузьмича, Комбурля Александра Петровича, Кудрякова Тихона Сергеевича, причем, согласно данным инвентарной книги, оказалась недостача: крестов — 3, сосудов — 2, дарохранительниц — 2, которые согласно заявлению причта были похищены, в подтверждение чего был представлен акт, подписанный настоятелем, старостой и двумя прихожанами с заявлением, что о краже было сообщено в угрозыск, что подтвердилось сообщением угрозыска на запрос, но ввиду незначительного количества изъятых в этой церкви ценностей первый раз, 12 марта 1922 года было произведено дополнительное изъятие и найдено значительное количество церковных ценностей, в числе коих оказались и два напрестольных креста; и неделю спустя настоятель Бессонов явился в комиссию и заявил, что у него на складе имеется церковное имущество закрытых трех церквей: тюремной, Адлербергской и Фабра, и при осмотре того же числа, то есть 19 мая, из этого имущества было изъято значительное количество ценностей. На вопрос, почему он, настоятель, не заявил об этом при дополнительном изъятии, то есть 12 мая, протоиерей Бессонов ответил, что у него не был подготовлен материал, списки и расписки о передаче части этого имущества другим церквям, обещал их подготовить. К делу представлены заявления церквей из округа о предоставлении им необходимых богослужебных предметов из поименованных выше закрытых церквей с резолюциями епископа о выдаче после опубликования декрета об отделении церкви от государства, но с неудовлетворительными документами в получении хранимого, причем все имущество закрытых церквей было принято настоятелем Николаевской церкви, но сдано на хранение

приходскому совету.

Спрошенные в качестве обвиняемых <...>:

1) .Обвиняемый Бессонов Николай Иванович: представителю КрымЦИК была представлена подробная опись 1912 года, но изъятию по его заявлению подлежат предметы, без которых можно обойтись при богослужении, и, несмотря на это, полный евхаристический прибор, который ни в одной церкви Симферополя в первое изъятие изъят не был, был сдан. Производивший изъятие в Архиерейской церкви поставил в пример Николаевскую. Сдана была риза с иконы особо чтимой Иверской Божией Матери, по указанию обвиняемого снятая членом совета Яковлевым. Выдано было единственное кадило, которое нечем было заменить. С 24 апреля в храме было прочитано послание Патриарха Тихона о содействии изъятию, и в этот же день состоялось заседание приходского совета, на котором постановлено было выдать, если потребуется, ценности. Был устроен сбор, давший пять миллионов рублей, и, кроме того, как благочинный Симферопольского округа, организовал сбор по другим принтам, давшим пятнадцать миллионов рублей в пользу голодающих. Все деньги сданы по квитанции представителям комиссии ПОМГОЛа второго изъятия, хоть и не нужно было, так как у нее была опись, указывавшая на бывшую в 1921 году кражу как на причину недостающих ценностей по описи. Акт тоже был у комиссии. Ухищрений никаких не проявлял, и не было смысла, так как все было на виду. Не клялся, что ценностей больше нет, просто сказал, что нет, и сказал правду, так как действительно в церкви их не было, что же касается имущества ликвидированных церквей, то оно дома в особом помещении, и я считал это особым делом, где так оно и значилось у члена комиссии Шведова. Имущество этих домовых церквей при приходе советских войск <...> было брошено на произвол судьбы,, и он, Бессонов, как благочинный сохранил его. На своих плечах переносил, составил описи и хранил. Не заявил еще и потому, что нужно было привести в порядок документы, касающиеся этого имущества, сам заявил о нем, и имущество было сдано 19 мая, причем сдана большая ценная риза с иконы приходского совета, ранее нигде не записанная, если бы было желание укрыть, то возможно было бы, но этого не сделано. 3 июня сдана была еще одна серебряная риза. 21 декабря 1921 года было служение в церкви, и, так как должна быть вечерняя служба, то ключи оставил у сторожа Алехина, но часа в 4 он пришел и заявил, что он пошел убрать церковь и заметил беспорядок в ней, вещи разбросаны по полу, когда пришли в церковь, там была картина разрушения: двери, запиравшиеся изнутри, выходившие во двор, оказались открытыми. Послал за старостой, она заявила в

ОРТЧК, сказали, не их дело, заявление в милицию и розыски оказались бесплодными. Агент не явился, и только на второй день привели все в порядок. Воры вошли через парадную дверь, и двое мальчиков, проходивших мимо храма около 5 часов, видели, как какой-то мужчина вынес узел из храма.

Вторая кража была 5 мая, и взяты были преимущественно металлические вещи и серебряный напрестольный крест <...>.

Четырехсвятительская церковь (крестовая при архиерейском доме)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Бондаренко по мандату от 9 марта 1922 года за № 144/С в присутствии настоятеля иеромонаха Герасима, секретаря приходского совета Салькова и членов Тигрова и Чеха по представленной описи, но из числящихся по таковой ценных предметов налицо оказалась только одна чаша с полным прибором, оставленная в храме. Все остальное по заявлению присутствующих представителей храма было похищено в ночь на 23 ноября 1921 года. При дополнительном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским, кроме оставленной в первое изъятие чаши с прибором, были обнаружены две пары серебряных обложек с Евангелия. Эксцессов при изъятии не было.

Согласно заключению секретаря комиссии Эндекса, старая опись при церкви должна быть. На запрос во второй рейд Симферопольской гормилицией, куда по заявлению присутствующих при изъятии было подано заявление о краже в храме в ночь на 23 ноября 1921 года, отвечено, что заявления не поступало. При произведенном в ризнице храма обыске были обнаружены только аннулированные денежные знаки бывших правительств. По выяснении, что при церкви, кроме указанных в описи ценностей, должны быть еще большая серебряная риза с иконы Божией Матери «Троеручица», серебряный кувшин с блюдом для омовения и посох с серебряными украшениями, и что об этих ценностях должен знать бывший эконо и настоятель церкви. Настоятель Инкерманского монастыря в Севастополе архимандрит Венедикт следователем был вызван к допросу и представил сообщение епископа Никодима от 9 августа с/г за № 967 о том, что всем, проживающим в архиерейском доме, предъявлено обвинение в сокрытии кувшина, блюда и ризы с иконы Божией Матери «Троеручица», что кувшин и блюда он ни разу не видел и просит сообщить, где они находятся, и адресованное в Таврический Епархиальный Совет за № 182 от 28 октября 1921 года сношение,

отпечатанное на пишущей машинке с подписью: «Епископ Севастопольский Вениамин» в той же должности с довоенной печатью и орлом, сообщение о том, что риза с иконы Божией Матери «Троеручица»,

кувшин и блюдо, находившиеся в его пользовании с прошлого года, забраны им за границу для богослужения. Вызванный для сравнения подписи на этом документе с подписью «еп. Вениамин» под резолюцией его от 9 июня 1919 года на воззвании Патриарха эксперт из Наркомпроса Рожков П. пришел к определенному заключению, что подписи эти сделаны не одним и тем же лицом.

Означенное выше воззвание — единственный документ с подписью Вениамина — было обнаружено при епископской канцелярии, где был приведен и доклад эконома иеромонаха Герасима (без даты) о краже посредством взлома внешней церковной двери со двора храма с перечислением похищенных священных предметов с резолюцией епископа «Канцелярии для сведения» от 26 ноября 1922 года.

Допрошенная по делу в качестве свидетельницы бывшая сотрудница Ревтрибунала Васильева Ольга Алексеевна показала, что в начале декабря 1921 года при отправке архивных дел понадобилась свеча, и она вызвалась пойти в архиерейский дом попросить у иеромонаха Иринарха таковую, где нашла что-то делавших при помощи молотка у входной двери церкви со двора. Она узнала, что у них ночью были воры и сломали дверь и унесли две чаши, репиды, дикирии, трикирии и другие мелкие вещи.

Свидетель иеромонах Харитон, он же Кравец Харитон Тимофеевич, показал, что в первых числах декабря 1921 года он по распоряжению епископа с очередным сторожем храма в 6 часов утра обнаружил, что дверь со двора приоткрыта и заперта на один извод, ключа в дверях не было. Дал знать эконому Владимиру, заместителю, эконома отцу Герасиму и все трое — епископу. От этой двери было два ключа: один находился у монаха Владимира, другой — у иеромонаха Герасима. Изнутри дверь запиралась деревянным стержнем и снаружи не могла быть открыта. Когда производили осмотр, то владыка будто был доволен кражей. В храме были следующие ценные предметы: ризы иконы «Троеручица», кадила, дикирии и трикирии, три креста, один золотой, два серебряных, десять лампад, из коих часть была серебряных, одна лампада у иконы «Троеручица», три чаши с приборами и две репиды и дарохранительница, кувшин, поднос и посох, две дюжины чайных ложек, две дюжины столовых, две дюжины вилок и две дюжины ножей — все серебряное. И о всех предметах знает епископ Никодим, настоятель, а также эконом Герасим, монах

Владимир, иеромонах Феодосий и иеромонах Варсонофий, бывший эконо́м Венедикт, Сальков и иеромонах Иов. Свидетель видел, как уезжал епископ Вениамин, ничего он с собой не брал, да и времени на то не было, так как спешил спасти самого себя от вступивших в Крым красных. Беженцы, к которым принадлежат епископ Никодим и иеромонах Герасим, явившись в Симферополь, делали и брали, что хотели, завоевав себе положение при Врангеле, даже забрали себе жен духовенства. При сдаче имущества церкви и дома Вениамина иеромонаху Герасиму, кроме последнего, присутствовали монахи Владимир, секретарь приходских советов Тигров. Свидетель, будучи священнослужителем около 10 лет, был отстранен епископом Никодимом за то, что обвинял его, Никодима, в том, что он замотал кружку.

Свидетель иеромонах Иов, он же Волощук Иларион Гаврилович, показал, что кража могла быть тогда, если бы был сломан деревянный стержень, закрывавший вход изнутри церкви.

Допрошенные в качестве обвиняемых:

1) архиепископ Никодим, он же Кротков Николай Васильевич, в хищении церковных ценностей и симуляции кражи таковых, 2) секретарь церковноприходских советов Сальков Евгений Васильевич в сокрытии описи, хищении ценностей и симуляции кражи таковых, 3) староста монахи Владимир, он же Акиншин Василий Васильевич <...>,

4) псаломщик церкви иеромонах Варсонофий, он же Татиевский Венедикт Дорофеевич, 5) настоятель Инкерманского монастыря архимандрит Венедикт, он же Чеботарев Владимир Максимович — в подделке документа в целях сокрытия церковных ценностей, 6) настоятель Ново-Георгиевского монастыря архимандрит Дамаскин, он же Цедрик Дмитрий Дмитриевич — в подделке документа с целью сокрытия ценностей — виновными себя в предъявленных обвинениях не признали и объяснили:

1). Обвиняемый Кротков не знает и не помнит, какие были ценности в храме, какие были украдены, кто принимал, кто сдавал. Настоятелем храма состоит иеромонах Герасим, обвинение монаха Харитона считает сведением личных счетов.

2). Обвиняемый Каежко — к архиерейской церкви прикомандирован временно, хотя и числится настоятелем, имущества и описей не принимал, опись до его вступления пропала в квартире бывшего настоятеля Венедикта Чеботарева.

3). Обвиняемый Сальков — секретарем совета с 1919 года. Все документы церковные находились у бывшего настоятеля архимандрита Венедикта, в том числе и опись, пропавшая по выселении его из квартиры. О краже сам ходил заявить в милицию, где дали агента,

производившего дознание. О столовом серебре слышал, но где оно — не знает.

4). Обвиняемый Акиншин — староста 40 лет. Никакого отношения к церковному имуществу не имел. Столовое серебро хранится у него, об этом никто не знал, а если узнали бы, то растащили, так как со времен революции кто что хотел, то и делал.

5). Обвиняемый иеромонах Варсонофий, он же Татиевский, в архиерейском доме служит с 1916 года, никаких ценностей не видел и ничего не знает. Стержень, которым запиралась входная дверь и храм со двора, был деревянным, и под напором открывающего дверь при краже стержень не сломался, а выскочил из скоб.

6). Обвиняемый архимандрит Венедикт Чеботарев — экономом и настоятелем церкви был до августа месяца 1921 года. Кувшин, блюдо и ризу с иконы «Троеручица» забрал епископ Вениамин. Представленную при этом расписку Вениамин взял с собой, а не сдал при сдаче имущества храма новому настоятелю Герасиму, потому что не знал, что это нужно было сделать. Все имущество сдал по описи. О расписке Вениамина знает его личный секретарь Тигров. Столовое серебро должно храниться у иеромонаха Герасима.

Обвиняемый Чеботарев в присутствии благочинного города Симферополя Бессонова сознался в том, что расписка Вениамина подложна, что его, Чеботарева, впутали в это дело, но затем при допросе и на очной ставке с Бессоновым отказался от этих слов.

7). Обвиняемый архимандрит Дамаскин Цедрик — он передал Венедикту письмо епископа Никодима относительно кувшина, блюда и ризы, содержание коего полностью узнал при прочтении его Венедиктом. Последний ответил епископу письмом и советовался с ним, Цедриком, насчет редакции этого письма.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший секретарь епископа Вениамина Тигров Владимир Иванович показал, что пишущей машинки в то время, когда помечена расписка Вениамина, то есть в октябре 1920 года, у них не было, он расписки Вениамина на кувшин, блюдо и ризу не печатал. Никогда Вениамин не подписывался так, как в расписке, да и подпись не похожа на его.

(Изъятия продолжались и в последующие годы. — *Авт.*).

Херсонесский монастырь

Настоятель о. Вениамин, настоятель Херсонесской общины архимандрит Дионисий (Чудновец).

16 ноября 1922 года был заключен договор с общиной верующих. Но товарищ Богданов (завотуправ) на основании того, что монастырь

и его имущество имеют историческую, художественную и прочую ценность, и на основании декретов отделения церкви от государства и постановлений НКВД — монастырь должен быть ликвидирован «в целях более рационального использования находящихся зданий в районе городища, который с каждым днем разрушается... Недопустимо, что по городищу ходят посторонние, то есть верующие, а в соборе совершается даже богослужение. Апрель, 1924 год».

Из отзыва о ходе работы церковного стола Севастопольского горрайисполкома за октябрь 1924 года. Запрос в ГПУ Крыма 25.XI.1924 года.

4) . В ликвидированном Херсонесском монастыре есть два ковчега с мощами «святого Владимира и мучеников». Верующие просят их им выдать. Сообщите, как поступить. Может быть, создать комиссию и приступить к вскрытию мощей в присутствии самих верующих, дабы разоблачить обман.

Руководитель церковного стола *Канавин*

17/X. 1924 года В ЦАУ

Секретно

Крымнарпрос просит ЦАУ назначить комиссию для передачи соборов в бывшем Херсонском монастыре, равно дать распоряжение с высылении из монастыря всех монахов и посторонних Охрису лиц. Основание: постановление КрымСНК от 27/VIII с.г. №63 и Президиума КрымЦИК № 28 от 2.X.1924 года.

Наркомпрос *Ногаев*

Зав. КрымОхрис *Полканов*

Секретарь НКП *Сальков*

24.X.1924 года Севастопольскому исполкому

Срочно

О высылении монахов

Во исполнение постановления СНК Крыма от 26/IV. 1923 года (протокол № 43 и 18) ЦАУ Крыма сообщает, что Вам надлежит выслать из бывшего Херсонесского монастыря всех проживающих в нем монахов и посторонних Охрису лиц.

По исполнении сообщить.

Нач. Центр. Адм. Упр. Крыма

Лаубе

Нач. Административного отдела

Крымский

Инструктор церковного стола

Тавровский

X



Херсонесский монастырь. Фото начала XX века

24 октября 1924 года

Совершенно секретно

Нач. ЦАУ тов. Лаубе Препровождая отношение ТЕУ за № 532, просим оказать содействие в отпуске указанных вещей ТЕУ, так как без этих вещей обновленцы обойтись не могут.

Зам. председателя ГПУ Крыма

Торопкин

В Центральное Административное Управление Крыма

Начальник 1 отделения

Рождественский

Тавр. Епархиальное Управление 16.X. 1924 г.

№ 532

Ввиду закрытия церквей в бывших монастырях Херсонесском и Георгиевском, ТЕУ просит ЦАУ сделать распоряжение о передаче ТЕУ имеющегося в означенных церквях архиерейского облачения и предметов, употребляемых при архиерейской службе, а именно: ризы, митры, мантии, репиды, дикирии, орлецы, книгу «Чиновник», архиерейские ковры, дорожки, кресла. Предметы эти крайне необходимы для Симферопольского кафедрального собора. Председатель ТЕУ *подпись*

(Соответственно Лаубе, Крымский, Тавровский принимают решение о выдаче означенных вещей обновленцам. Православные обращаются к ним же с просьбой оставить им храм Семи Священномучеников, не представляющий ни исторической, ни художественной ценности. — *Авт.*)

13.XII.1924 г.

В ЦАУ

Секретно

В ответ на ваш запрос от 25/XI сего года за № 4229/С сообщаем, что малый храм, так называемый Семи Священномучеников,

находящийся на территории бывшего Херсонесского монастыря, ни в коем случае не может [быть] представлен группе верующих по следующим соображениям.

1. Означенный храм находится на вполне изолированной (кругом стена) территории бывшего Херсонесского монастыря, каковой считается ликвидированным и переданным в ведение КрымОхриса. Проникновение внутрь изолированной монастырской усадьбы посторонних лиц (молящихся) ставит под угрозу сохранность расположенных там археологических памятников, имеющих мировое значение, что отчасти и наблюдалось (засорение и порча древних базилик и других памятников).

2. В означенном храме музейный отдел предполагает разместить один из отделов Херсонесского Археологического музея.

Зам. зав. КрымОхрис

Бирзгал

Зам. секретаря Стол. СНК

Е.Лурье

5.XII. 1924 г.

Абсолютно секретно

Лично

Председателю Севастопольского райгорисполкома С сообщением о необходимости вскрытия мощей св. Владимира и мучеников и о создании для этого комиссии.

По вопросу Севастопольского исполкома о разрешении передать верующим города Севастополя мощи святого Владимира и мучеников, находящиеся в бывших церквях бывшего Херсонесского монастыря, Центральное Административное Управление Крыма считает необходимым создать авторитетную комиссию в следующем составе.

1) . Одного представителя Исполкома — беспартийного, но пользующегося авторитетом и доверием.

2) . Одного врача, пользующегося авторитетом у местного населения.

3) . Одного представителя Таврического Епархиального Управления.

4) . Одного представителя священнослужителей церквей бывшего Херсонесского монастыря.

5) . Двух представителей прихожан этих церквей.

Комиссии в означенном составе приступить к вскрытию мощей и составлению соответствующего акта. О результатах поставьте в известность ЦАУ Крыма.

Нач. Центрального Административного Управления КССР

Паубе

Нач. Административного отдела

Крымский

5.XI. 1925 г.

Крымскому Центральному Исполнительному
Комитету по запросам о хранении вскрытых мощей

Центральное Административное Управление Крыма сообщает, что в бывшем Херсонесском монастыре близ города Севастополя находятся вскрытые мощи.

В настоящее время в связи с окончательной ликвидацией этого монастыря стал вопрос о дальнейшей судьбе вскрытых мощей.

Передавать их верующим, как и всякое чисто культовое имущество не имеет никакого смысла, так как это даст возможность служителям культа на деле побудить верующих к отрицательному отношению к власти и будет служить поводом к разжиганию религиозного фанатизма. Места хранения мощей в Крыму нет, а потому Центральное Административное Управление Крыма просит выяснить во ВЦИК и сообщить, не имеется ли в центре специального места их хранения, и в утвердительном случае сообщить, каким образом их туда доставить.

Нач. Центр Административного Управления Крыма *Лаубе*
Начальник Административного отдела *Кигатов*
Руководитель Стола религиозных культов *Тавровский*

(Монастырь окончательно передан музею 25 ноября 1925 года.

— Авт.).

9.XII.1925 г.

Председателю

Севастопольского Исполкома

Совершенно секретно

С запросом о проверке наличия
мощей в бывшем Херсонесском монастыре.

По имеющимся в ЦАУ Крыма непроверенным сведениям, в бывшем Херсонесском монастыре к моменту вскрытия мощей было больше мощей, чем имеется в настоящее время.

Ввиду изложенного ЦАУ Крыма просит Севастопольский РИК совместно с местным отделом ГПУ проверить изложенное выше и о результатах поставить в известность ЦАУ Крыма.

Начальник ЦАУ *Лаубе*
Начальник Адм. отдела ЦАУ *Кигатов*

Рук. Стола Религ. культов *Тавровский*

31 .XII.1925 г. ЦАУ Крыма

Секретно

Секретариат Президиума КрымЦИК согласно отношению ЦИК № 123 а/кс от 22. XII. 1925 года сообщает, что вскрытые мощи в бывшем Херсонесском монастыре должны быть оставлены в нем же, ввиду того, что Херсонесский монастырь перешел в ведение Главнауки как музей.

Секретарь КрымЦИК

Япиев

Зав. секр. частью

Сергеев

1.11.1926 г. В административный Отдел ЦАУ Крыма СовРИК сообщает, что по описи собора бывшего Херсонесского монастыря числятся мощей: 1). Палец Владимира, 2). Доска с разными частями (в количестве 94 частиц) и 3). Маленький металлический крест, в котором хранится частица неизвестного святого. Секретарь РИК Зав. орг. частью

Мичулин

Тэц

Выписка из протокола № 10 заседания Центральной Церковной (культовой) Комиссии при Президиуме КрымЦИК г. Симферополь. Слушали:

4)Ходатайство верующих о передаче им 4). 10 декабря 1926 вскрытых мощей из бывшего Херсонесского года постановили: монастыря — ныне музей для посещения — ходатайство в одну из церквей г. Севастополя верующихотклонить, (заявление верующих № 15970 и заключение Севастопольского

РИК

В.Ибраимов

Тавровский

от 23. IX. 1926 № 13/356/с) Председатель

Рук. ст. религиозных культов

Источники

Владикавказские епархиальные ведомости. — 1902. № 19. С. 243.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1907. № 46. С. 1601 — 1604, 1605—1609.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1908. № 11. С. 431 — 432; № 12. С. 473—474; № 22—23. С. 888; № 46. С. 1665—1667; № 50. С. 240—241.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1909. № 9. С. 378—381.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1911. № 18. С. 351; №

21. С. 836—837; № 25. С. 964—965; № 40. С. 418—419; № 50—51. С. 1685—1688, 1692—1696.

Киевские епархиальные ведомости. — 1916. № 21. С. 183; № 26. С. 357; № 45—46. С. 974—975.

Киевские епархиальные ведомости. — 1917. № 10. С. 111; № 44—45. С. 50.

Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. — М., 1994. 620 с.

Революция на Украине; По мемуарам белых / Сост. С.А.Алексеев,— М.; Л., 1930. С.48—49.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917—1943. Сб.: В 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. — М., 1994. 1064 с.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: В 2 ч. — Джорданвилль, 1949—1957. Ч. 1 и 2.

Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая—19 октября 1918 г.): Воспоминания.— М., 1995. 240 с.

ЦА ФСБ РФ. — Арх. № Р-31086, л. 11—17, 32—33. Арх. № Р-30340, л. 25—27, 29—76.

Архив УФСБ РФ по Костромской обл. —Арх. № 11-43-С, т. 1— 2, л. 4—12, 15.

Архив СБУ по Крыму. — Дело по обвинению Эндеки Е.П. № Р-4808, Р-06383, 014914, 07739, 03455.

ГААРК. — Ф. 1, оп. 1, д. 232, л. 152—160. Д. 269, л. 69—79, 209—211.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОКОПИЙ, АРХИЕПИСКОП ХЕРСОНСКИЙ И СВЯЩЕННИК ИОАНН СКАДОВСКИЙ

23 декабря 1877 года в праздник Рождества Христова в городе Кузнецке Томской губернии в семье священника Семена Титова родился младенец, названный в честь Московского святителя Петром. С первых дней своей жизни он был погружен в атмосферу родительской любви и церковного благочестия. Первоначальное образование Петр получил дома, в своей семье, потом поступил в духовное училище, а по его окончании — в Томскую духовную семинарию, которую окончил в 1897 году. В 1901 году Петр Семенович Титов окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и в скором времени был назначен учителем Томского духовного училища. 21 августа 1901 года в Успенской обители города Уфы Петр Семенович Титов принял монашество с именем Прокопий, после чего был переведен заведующим в церковно-учительскую школу, где проработал пять лет — до 1906 года, когда был назначен на преподавательскую должность в Иркутскую духовную семинарию, ректором которой в то время был архимандрит Евгений (Зернов). Проповедь, углубленное и вдохновенное учительство, орошенное опытом Духа, пастырское кормление останутся на всех путях и крутых тропах его многотрудной жизни.

В 1909 году иеромонах Прокопий принимал активное участие в подготовке материалов, необходимых для прославления третьего епископа Иркутска, Преосвященного Софрония (Кристалевского, 25.XII.1703 — 30.III .1771), молитвенное почитание которого началось непосредственно после его кончины. Не тронутые тлением мощи в силу разных обстоятельств многократно освидетельствовались.

Происходившие от них исцеления и чудеса убеждали жителей Иркутска и всей Восточной Сибири в святости владыки Софрония. 19 июля 1909 года было произведено официальное освидетельствование специальной комиссией, в составе которой были архиепископ Тихон (Троицкий-Донебин), епископ Иоанн (Смирнов), протоиерей кафедрального собора Фивейский и иеромонах Прокопий (Титов).

С 1909 по 1914 год в сане архимандрита о. Прокопий служил в Житомире под началом епископа Гавриила (Воеводина) помощником начальника училища пастырства и был для всех примером «в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. IV, 12).

В преддверии мировых потрясений Господь призвал Своего избранника к высшему иерархическому служению. Архиерейская хиротония архимандрита Прокопия состоялась 30 августа 1914 года. Преосвященный Прокопий был назначен викарием Херсоно-Одесской епархии с титулом Елисаветградский. С первых дней архипастырского служения владыка снискал уважение и признание среди духовенства и мирян, вверенных его святительскому окормлению. С удивительной легкостью и душевной простотой он выполнял заповедь Христа — «кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. XX, 27). Его смирение легло в основу той удивительной любви херсонской паствы к своему архиерею, которую не смогли разрушить ни гонения, ни долгие годы ссылки и тюрем. Замечательная работоспособность епископа поражала всех. Он часто совершал богослужения, обстоятельно проповедовал. Посещая отдаленные приходы, владыка, не считаясь со своим временем, подолгу беседовал с народом и при всякой возможности оказывал помощь.

Зловещий 1917 год обернулся для миллионов людей беспрецедентными потрясениями. Но, невзирая на войну, разруху и государственные перевороты в 1917—1918 годах, Православная Церковь созвала Поместный Собор, на котором был избран Святейший Патриарх Тихон. На этом Соборе епископ Прокопий прочитал доклад о святителе Иркутском Софронии (Кристалевском) и поставил свою подпись вместе с другими иерархами Русской Православной Церкви под Деянием о прославлении святителя Софрония в лике святых от 5(18)

апреля 1918 года. Иркутскому архиерею было поручено составить службу и написать икону святого. «Церковные ведомости» подробно сообщали о прославлении Сибирского чудотворца.

Тогда же, на Соборе, владыка Прокопий был назначен наместником Александро-Невской Лавры. 26 января (8 февраля) 1918 года он был назначен епископом Николаевским, викарием Одесской епархии, а в 1921 году — епископом Одесским и Херсонским.

В условиях Гражданской войны многие епархиальные архиереи не могли напрямую обращаться к Патриарху Тихону, в связи с чем Святейший издал указ о временном самоуправлении на местах. Некоторое время владыка исполнял обязанности управляющего Екатеринославской епархией, и тогда он возвел в сан архимандрита Онуфрия (Гагалюка), будущего священномученика. До 1923 года владыка Прокопий оставался в Херсоне, и это время оказалось для него поистине самым светлым и радостным. Именно в Херсоне с замечательной полнотой раскрылись его духовные дарования. Всегда мудрые и уместные советы неизменно достигали своей цели, и многие усомнившиеся не только обращались к Христу, но и становились преданными духовными чадами святителя. Личный пример бесстрашного, всепоглощающего служения Христу и Его Церкви вдохновил многих людей к принятию священного сана в, казалось бы, совсем не располагающих к тому обстоятельствах.



Архиепископ Прокопий (Титов)

В 1922 году архиепископ Прокопий познакомился с иереем Иоанном Скадовским, и эта встреча стала началом большой духовной дружбы, сохранившейся до самой смерти.

О личности священника надо сказать отдельно. Иван Георгиевич Скадовский родился 30 мая 1875 года в Херсоне в семье потомственных дворян, которая была в родственных отношениях с основателем города Скадовска. Отец его был известным помещиком, уездным предводителем дворянства, имел усадьбу, домашний скот, сельскохозяйственные орудия, 14—15 тысяч десятин земли, часть которой отдавал в аренду, остальную обрабатывали наемные рабочие, которых он содержал круглый год. С 1888 по 1890 год Иван Георгиевич учился в реальном училище. В 1896 году окончил сельскохозяйственное училище. Около двух лет прожил у отца и в 1899 году поступил учиться на высшие курсы по химии и виноделию в Ялте, которые окончил в 1902 году, после чего вернулся домой и помогал отцу в хозяйстве. В 1905 году Скадовский служил чиновником по особым поручениям у генерал-губернатора, с 1906 года занимал должность земского начальника в Херсонском уезде, а в 1909 году, выйдя в отставку, занялся сельским хозяйством, которое, как он говорил, полностью увлекло его своей патриархальностью. От отца ему досталась усадьба с 750 десятинами земли, сад в 20 десятин, каменный дом, 40 лошадей, 6 волов, 10 коров, сельскохозяйственные орудия, веялки, косилки, мощный двигатель в десять лошадиных сил и другое имущество. В распоряжении Ивана Георгиевича было 7—8 постоянных наемных рабочих, а в период сельскохозяйственных работ он принимал еще 60—70 человек.

В 1916 году Скадовского призвали в армию рядовым в 457-ю пешую Таврическую дружину, которая стояла в Херсоне в ожидании отправки на фронт. Но вскоре по старости и в силу революционных событий от военной службы он был освобожден, и в 1918 году вернулся домой. Усадьба к тому времени была разграблена, все имущество конфисковано советской властью. Нетронутым остался только жилой дом и небольшая часть сельскохозяйственного инвентаря. Все происшедшее Иван Георгиевич воспринял как прямое указание послужить Богу. По его признанию, он и раньше стремился ко

всему церковному, а сейчас, под воздействием обстоятельств, в которых он однозначно увидел призыв свыше, решил полностью переменить свою жизнь.

Оставшееся имущество Скадовский раздал крестьянам, и в скором времени был рукоположен во иерея Одесским митрополитом Платоном (Рождественским), который назначил его в Благовещенский женский монастырь, находившийся недалеко от Херсона, но от назначения Скадовский отказался и был направлен в архиерейскую церковь Херсона.

С 1922 по 1925 год о. Иоанн служил третьим священником в херсонском кафедральном соборе. Когда собор заняли обновленцы, он перешел в кладбищенскую церковь, где оставался до 1926 года. «В том же году, — вспоминал о. Иоанн, — я из церкви ушел лишь потому, что был принят певчий из обновленческого хора без соблюдения установленного на это чина приема. С этого момента я оставался без места». Вокруг священника как наиболее стойкого сторонника Патриаршей Церкви собралось около пятидесяти или шестидесяти православных, не желавших идти на компромиссы с совестью. Отец Иоанн Скадовский регулярно совершал богослужения у себя дома (в то время он жил у дьякона Михаила Захарова по ул. Пролетарской, 55), говорил проповеди, ободрял малодушных, решительных готовил к подвигу исповедничества. Все это происходило по благословию архиепископа Прокопия. Благодаря его усилиям и личному примеру, в Херсонской епархии сохранялось ясное представление о том, какими должны быть пастыри и пасомые во время гонений. Духовному подвигу о. Иоанна последовали лучшие священнослужители и миряне во всей округе. У него была особая, данная Богом способность: чем хуже были внешние обстоятельства для церкви и верующих, тем отчетливее умел он видеть и извлекать из них духовную пользу, не оглядываясь ни на что постороннее. Атеистическая власть, вытесняя верующих из общества, смещала их на обочину жизни, в перспективу лишений, гонений, тюрем и лагерей, и не хотела оставить им даже надежды на сопротивление. Но она не умела отнять у верующих иной возможности: в тягостных обстоятельствах своей жизни рассмотреть действия Промысла Божия и вопреки человеческому страху и даже здравому смыслу сделать шаг

навстречу Христу, ожидающему Своих избранных на пределе (а порой и за пределами) человеческих возможностей. В крайних обстоятельствах о. Иоанн умел не знать ничего, кроме «Христа, и притом распятого» (1 Кор. II, 2). Рожденное опытом отчетливое представление, что есть исповеднический подвиг, передавалось пасомым, транслировалось от сердца к сердцу, становясь вожаемой очевидностью для тех, кто его окружал.

В 1923 году в Херсоне активно стали действовать так называемые живоцерковники, на борьбу с которыми епископ Прокопий употребил все свои силы, за что и был арестован 16 февраля того же года. Большевики обвинили владыку в том, что он несколько лет тому назад устраивал торжественные молебны для белых и собирал для них пожертвования. Но это не вполне соответствовало действительности. Не ища никаких политических выгод, владыка не выходил за пределы благословения епархиального архиерея Алексия (Баженова). В 1925 году епископ Алексей «пересмотрел» свои взгляды и стал обновленческим митрополитом, отчего некоторое время воспринимался большевиками как «свой». (Его расстреляют в 1938 году в Симферополе.)

В тюрьме владыка Прокопий держался независимо, с тем смиренным достоинством, которое, как правило, раздражает низких и подлых людей. Отсутствие страха перед палачами, тюрьмой и даже самой смертью нервировало и злило чекистов, и они решили воздействовать на своего подследственного, по их мнению, «сокрушительным» оружием. В то время в Херсоне была известна в определенных кругах некая Сонька — рыжеволосая красавица-еврейка, профессиональная воровка с нестандартным стилем поведения. В очередной раз арестованная за какие-то проделки, она была поставлена чекистами перед выбором: «Если соблазнишь этого архиерея, дело будет закрыто». Не отягощенная моралью, она тут же оценила перспективу данного предложения. Ее поместили в камеру к епископу Прокопию. В первый день, с усердием отбатывая доверие начальства, она употребила все свое искусство обольщения, рассказывала, чего лишается тот, кто пренебрегает ее расположением, и прочее. Следующий день, проведенный подобным образом, также не принес желаемого для нее результата. Все ее старания натывались на кроткое

молчание, светящееся сердечной молитвой; казалось, он за что-то ее жалеет. Почувствовав расположение к сокамернику, она стала его расспрашивать, кто он и за что арестован. Завязалась беседа, и с каждым словом становилось все очевиднее: не она, а ее побеждают, но как-то не больно, необидно и незаметно для ее обостренного самолюбия. Перед ее глазами раскрывался необъятный, удивительно притягательный христианский мир, в котором и для нее было место. Ее там ждали. Слушая владыку, она не могла в этом усомниться. В таких беседах прошло несколько дней. Когда чекисты вызвали ее на допрос, то услышали в свой адрес напористую брань рыжеволосой Соньки: «Что вы за гниды, если у вас в тюрьмах сидят такие люди!» Замысел чекистов провалился. В скором времени на удивление многим Сонька превратилась в рабу Божию Софию, стала постоянной прихожанкой херсонского собора и духовной дочерью епископа Прокопия.

24 августа 1923 года владыка Прокопий был перевезен в Одессу, где состоялся суд. Архипастыря обвинили в моральной и материальной поддержке русской Добровольческой Армии, а также в сборе пожертвований для солдат и служении общественных молебнов и приговорили к расстрелу. Это был поистине черный день для всей херсонской паствы, все ощутили себя сиротами. Но, по милости Божией, смертная казнь была заменена высылкой за пределы Украины. Владыка жил в Москве, сохраняя титул епископа Херсонского. Определенного прихода у него не было, и он служил по приглашениям. Епископ вспоминал: «В этот момент велась подготовка к созыву Синода. Патриарх Тихон возбудил ходатайство об организации учреждений Синода. В числе кандидатур в кандидаты членов Синода Патриархом был выдвинут и я. Но с учреждением Синода вопрос был в то время не разрешен, так как в это время внезапно умер Патриарх».

На похоронах Святейшего Патриарха епископ Прокопий служил панихиду с сонмом духовенства, согласно «Расписанию служб при гробе Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России», висевшему на стене в алтаре большого собора Донского монастыря.

В течение десяти месяцев владыка находился в Москве и принимал активное участие в церковных событиях. Он



**Патриарх Тихон и митрополит Петр
(Полянский) 1924 год**

присутствовал при оглашении завещания Святейшего Патриарха Тихона, в котором говорилось, кто будет Местоблюстителем Патриаршего Престола до законного выбора нового Патриарха. Первым был назван митрополит Кирилл (Смирнов), в случае его ареста таковые права переходили митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Если же и он не сможет их воспринять, то Патриаршие права переходили к митрополиту Петру (Полянскому).

Ознакомившись с этим документом, архипастыри Русской Православной Церкви сделали следующее, закрепленное собственноручной подписью, заключение: «Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти, и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них выше

приведенным документом обязанностей, мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Этот документ среди других иерархов Русской Православной

Церкви был подписан и епископом Прокопием (Титовым). В июне 1925 года владыка Прокопий был возведен в сан архиепископа.

«19 ноября 1925 года я был в числе других⁶ вместе с митрополитом Крутицким Петром арестован, — говорил впоследствии архиепископ Прокопий, — и было предъявлено обвинение в принадлежности к контрреволюционной группе духовенства и мирян. Конкретных контрреволюционных действий мне предъявлено не было, возможно, не понравились мои разговоры, которые бывали с Тучковым, представителем ОГПУ, который бывал на наших совещаниях. После проведенного расследования мне было дано три года Соловков».

В Соловецком лагере архиепископ Прокопий в последний раз встретился с бывшим своим начальником по Иркутской семинарии, уже епископом Приамурским и Благовещенским Евгением (Зерновым). Отбыв на Соловках с 1926-го по 3 декабря 1928 года, владыка был отправлен на Урал в трехлетнюю ссылку. Вначале он оказался в Тюменском округе, а после по указанию местного ОГПУ был направлен в распоряжение Тобольского окружного отдела ОГПУ.

«Из Москвы из числа знакомых мы в Соловки попали вместе с Полянским епископом Амвросием. Вместе с ним и приехали из Соловков в ссылку. Когда мы ехали из Соловков в ссылку, нас от Ленинграда сопровождала Скадовская Екатерина Владимировна, которая приехала из Херсона послужить нам. Дорогой мы шли etapом, а она ехала свободно. На остановках — в доме заключения — приносила нам передачи. И так от Ленинграда с нами доехала до г. Тобольска.

В Тобольске нас всех троих — меня, Полянского и Скадовскую — арестовали и предъявили обвинение в антисоветской агитации и, главным образом, в том, что мы будто бы ругали местное духовенство, что оно бездействует. Тут же, при аресте, во время обыска была найдена церковная литература — рукописная и напечатанная на машинке, которая

⁶ Были также арестованы епископ Парфений (Брянских), епископ Гурий (Степанов), епископ Пахомий (Кедров), епископ Дамаскин (Цедрик) и другие священнослужители и миряне.

характеризовала общее состояние церковной жизни по отдельным течениям, и, конечно, касалась и существующего политического строя в вопросе об отношении Церкви и государства. Эту литературу привезла Е.Скадовская <...>. У нас с нею было много разговоров о церковной жизни, так как мы, будучи в Соловках, от церковной жизни были оторваны, а она, как находилась на свободе и интересовалась этими вопросами, была в курсе последних данных, особенно о Херсоне».

В Тобольске архиереев продержали в изоляторе полтора месяца. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления, и их отправили в Обдорск в ссылку, а Екатерина Владимировна вернулась в Херсон. В Обдорске они прожили месяц, после чего архиепископа Прокопия определили на жительство в село Мужы, а епископа Амвросия — в село Шурышкары.

В Мужах владыка прожил недолго, 5—6 дней, и был отправлен в Новый Киеват, где было всего пять домов и где ему пришлось жить с 1929-го по июль 1931 года. Но и там полностью отрезанного от церковной жизни архиепископа дважды приезжали обыскивать работники ОГПУ. В Мужах владыка познакомился с Христиной Терентьевой, членом церковного совета, и договорился с ней о том, чтобы она получала на почте всю его корреспонденцию и переправляла ему, чем оказывала неоценимую услугу. Находясь в ссылке, владыка поддерживал контакт с другими ссыльными архиереями, в частности, с митрополитом Петром (Полянским).

«Ко мне в Н.Киеват приезжала Скадовская Екатерина Владимировна из города Херсона в октябре 1929 года. Она мне тогда привезла продуктов, церковное облачение и церковную утварь, в том числе и антиминс. Антиминс она взяла для меня в моей епархии, и мне отказать по существу никто не может, так как я никем не отстранен от управления епархией и не лишен сана Архиепископа Херсонской епархии. Когда я был с ней в Тобольске, я ее просил привезти или с кем другим послать церковную утварь и антиминс, который мне в ссылке необходим. Она мне привезла антиминс и церковную утварь, а также и епископу Полянскому, а также и облачение, которое оставила у меня, а я передал Полянскому <...>. По церковному законоположению антиминсы на руки никому не давались, а в

связи с войной и последними событиями мы разрешили духовенству иметь антиминсы на руках».

Пробыв у святителя до 21 января 1930 года, Екатерина Владимировна выехала обратно в Херсон, но по дороге была арестована и отправлена в Тобольск, и только после многих лютых мытарств была препровождена в Херсон. Там она содержалась под стражей вместе со своим мужем о. Иоанном, дьяконом Михаилом Захаровым и некоторыми монахами и мирянами, арестованными во время ее отсутствия.

Несмотря на расстояние и положение ссыльного, владыка оставался реальным главой своей епархии. Глубокая моральная и духовная связь, возникшая однажды между архипастырем, духовенством и народом, поддерживалась с обеих сторон. В Херсоне образовалось духовное ядро единомышленников владыки во главе с о. Иоанном Скадовским, являвшее собой удивительный пример духовного единства. Оно и было основой и той золотой нитью, которая связывала херсонскую паству с архиепископом Прокопием. Верующие регулярно собирали для своего архиерея посылки и передачи, и духовные чада, ставшие ему родными людьми (в первую очередь, священник Иоанн Скадовский и его жена, дьякон Михаил Захаров и другие), доставляли ему передачи и многочисленные письма, благодаря которым святитель был в курсе всех епархиальных дел. Невзирая на заключения, этапы и непрекращающиеся ссылки, архиепископ Прокопий при первой возможности отвечал на все письма, и в своих ответах он не только утешал скорбящих, но и делал распоряжения, давал советы, благословлял. Владыка регулярно увещевал своих священников, чтобы они не принимали ни под каким видом раскольнических епископов и всячески уклонялись от расколов, хранили верность Патриаршей Церкви. Причиной тому было образовавшееся в Одесской и Херсонской епархиях течение, желавшее примкнуть к митрополиту Иосифу (Петровых). Владыка запретил предпринимать в этом отношении какие-либо шаги. На кафедру до смерти святителя так и не был назначен другой архиерей; имя владыки неопустительно поминалось во время богослужения вплоть до его мученической кончины.

В свою очередь деятельность о. Иоанна Скадовского не осталась незамеченной Херсонским ОГПУ, и в 1928 году

священник и его сподвижники были арестованы. Помощник уполномоченного секретно-политического отдела ОГПУ Тарасюк рассмотрел дело № 72 по обвинению граждан:

«1) Скадовский Иоанн Георгиевич, дворянин, священник.

2) Захаров Михаил Иванович, дьякон. Родился в 1879 году, уроженец Цюрупинска, из крестьян, активный помощник о. Иоанна Скадовского и архиепископа Прокопия Титова.

3) Ходанович Мария Григорьевна — монахиня, родилась в 1888 году в Одессе.

4) Клименко Дмитрий Григорьевич — родился в 1896 году, кустарь сапожник.

5) Кулида Константин Яковлевич — родился в 1870 году, крестьянин, раскулачен.

6) Кулида Анна Кирилловна — родилась в 1887 году, монахиня.

7) Кобылкина Мокрина Игнатъевна — монахиня Митродора, родилась в 1882 году».

Следствие установило, что эта группа поддерживала отношения с архиепископом Прокопием, собирала деньги, посылки для помощи сосланному духовенству. В 1926 году о. Иоанн ездил в Москву, а в 1928 году — в Кемь с целью увидеться с архиепископом, но последняя поездка оказалась неудачной, так как свидания не дали. Жена о. Иоанна Екатерина Владимировна ездила в Обдорск к владыкам Прокопию и Амвросию (Полянскому) в 1928 и в 1929 годах с особыми поручениями. Но главная вина священника Иоанна Скадовского, по мнению Херсонского ГПУ, состояла в том, что вместе с дьяконом Михаилом Захаровым он «организовал нелегальную религиозную общину из числа антисоветски настроенных элементов <...>, куда входило более 100 человек <...>, устраивал богослужения на квартире <...>, агитировал верующих против коллективизации, ликвидации кулачества как класса и утверждал, что соввласть есть власть богоборческая».

Православные люди, осмысляя новую власть, ее отношение к Церкви, задавали вопрос священнику: какое отношение к ней не будет погрешительным. «За 1928 год мною было получено из различных источников значительное количество анонимных посланий религиозно-политического характера, в которых трактовался вопрос об отношении к Советской власти, к ее

мероприятиям по отношению к Церкви».

Действительно, нравственное воздействие группы, возглавляемой священником Иоанном Скадовским и диаконом Михаилом Захаровым, было ощутимо для местных властей и в известной мере мешало пропаганде коллективизации и другим коммунистическим затеям.

На допросе 16 января 1931 года священник не стал отрицать своего влияния: «Вокруг меня группируется несколько десятков мирян в г. Херсоне <...>, от названия лиц и количества людей я уклоняюсь по причине нежелания быть предателем по отношению к ним».

Виновным себя никто не признал. Отцу Иоанну и диакону Михаилу дали восемь лет лагерей. Д.Г.Клименко и К.Я.Кулида получили пять лет, а все остальные были осуждены к трем годам концлагерей.

Отца Иоанна Скадовского и диакона Михаила Захарова отправили в Вишерский концлагерь, где они находились 1,0 февраля 1933 года. В 1934 году заключение в лагерь было заменено ссылкой. Получив запрет на проживание в двенадцати городах страны, Скадовский был определен на место жительства в город Камышин. Там уже находился православный епископ Иоасаф (Попов)⁷, с которым они были знакомы еще по Вишерским лагерям.

30 июля 1931 года были арестованы архиепископ Прокопий и епископ Амвросий. На допросах владыка Прокопий держался твердо. Обвинения следователя в мнимых преступлениях отрицал, заявляя прямо: «Проводимая политика со стороны существующего политического строя по отношению к религии стесняет церковно-религиозную деятельность, в чрезвычайно тяжелые условия ставит духовенство, обременяет налогами,

⁷ Епископ Иоасаф (Попов Петр Дмитриевич) родился 16 января 1874 года в селе Ольховатка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии в семье дьякона. В 1904 году окончил екатеринославскую духовную семинарию. Служил в сельских храмах. С 1916 по 1920 год был настоятелем храма в Новомосковске. В 1923 году возведен в сан архимандрита, настоятель Николаевского монастыря в городе Самаре. В 1924 году в Харькове хиротонисан во епископа Бахмутского и Донецкого. В 1931 году арестован в Новомосковске и приговорен к пяти годам лагерей. 17 марта 1935 года вновь приговорен к пяти годам. Расстрелян в 1937 году.

[производит] ограничение церковных процессов, закрытие храмов при наличии небольшой группы верующих <...>; срок ссылки духовенству неопределенный <...>; к нам, духовенству, власть относится по-иному, нежели к другим ссыльным <...>. По общему сложившемуся порядку мне после Соловков дали ссылку, а после ссылки полагается минус». На вопрос о его взгляде на современную церковную жизнь владыка ответил: «Болезненность переживания новых условий церковной жизни <...> зависит, несомненно, от того, что пересматривается вся жизнь, меняются все условия, к которым еще не применены формы религиозной жизни. Я никогда не давал херсонцам совета не иметь общения с митрополитом Сергием, напротив, сдерживал их в этом отношении».

Показания архиепископа Прокопия не давали основания для обвинения его в контрреволюционной деятельности. Но, как часто это случалось в то время, необходимую услугу оказал следствию сокамерник Ибрагимов, присутствовавший при разговоре владык. Он и сообщил следствию о «контрреволюционном» разговоре архиереев: «Все законы, изданные ВЦИКом, коммунисты не считают обязанными исполнять, если будешь требовать от них исполнения закона, тебя арестует ОГПУ. Коммунисты надоели народу, нет продуктов, крестьян хотят перевести в крепостное право. Рабочие не являются хозяевами положения. Ни в какой капиталистической стране нет такой эксплуатации. Законы хулиганские, от них переполнены все тюрьмы». Другие «свидетели» дали аналогичные показания, на основании которых уполномоченный Ямальского окружного отдела ОГПУ Уралобласти Фомин 29 сентября 1931 года состряпал дело, в котором говорилось: «Административные ссыльные епископы Полянский и Титов, находясь в ссылке в селе Н.Киеват, устраивали с местными зырянскими и туземным остяцким населением беседы на религиозные темы, придавая им антисоветский уклон, и одновременно совершали богослужения на дому. Впоследствии уполномоченным ОГПУ Полянский был переведен в с. Шурышкар, а Титов — в деревню Н.Киеват, где продолжали ту же самую деятельность, после чего темные массы, которые с ними общались, стали выступать против закрытия церквей, против коллективизации».

«Произведенное расследование установило следующее: 1) Полянский, архиепископ Амвросий (Александр Алексеевич) 53 лет, холост, русский, уроженец с. Петелино бывшей Тамбовской губернии, Елатомского уезда, сын священника, с высшим духовным образованием. С 1903 по 1906 год состоял преподавателем Киевской духовной семинарии, а затем ректором последней до октября 1918 года, а с этого времени до 1923 года состоял Винницким епископом Подольской епархии. В 1923 году был выслан из Украинской ССР в Москву на 3 года за контрреволюционную деятельность. Постановлением Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 21 мая 1926 года был заключен в Соловецкий концлагерь сроком на три года. По отбытии этого срока постановлением того же совещания от 6 октября 1928 года выслан на Урал сроком на три года, который отбывал до апреля 1929 года в Тюменском округе, а затем в Обдорском районе (ныне Ямало-Ненецком). 2) Титов, архиепископ Прокопий (Петр Семенович) <...>. Находясь в ссылке, Полянский и Титов имели тесную связь с местным зырянно-остяцким населением и резко настраивали последних против Советской власти». И далее идет перечень преступлений православных архиереев: «убеждение местного населения не поддаваться атеистической агитации», не давать закрывать храмы, пропаганда о зле коллективизации и «закрепощении крестьян», «Церковь отделили от государства, но не перестают вмешиваться в дела Церкви» и т.д. Архиепископу Прокопию была дополнительно вменена в вину переписка с Херсонской епархией.

Архиереи виновными себя не признали. Особое Совещание при коллегии ОГПУ 14 декабря 1931 года постановило: «Полянского епископа Амвросия⁸ (Александра Алексеевича) и архиепископа Прокопия Титова (Петра Семеновича) выслать <...> в Казахстан сроком на 3 года, считая срок с 23 июля 1930 года». В ссылке владыка Прокопий заболел малярией, но Господь сохранил Своего избранника.

⁸Епископ Амвросий был сослан в Туркестан, куда прибыл в конце лета 1932 года. Там он общался с монахинями Марфо-Мариинской обители. Вскоре ОГПУ определило местожительство владыки, до которого было 120 километров. Путешествуя по пустыне, владыка получил солнечные ожоги, в результате чего скончался в больнице.

По окончании срока ссылки владыка побывал в Москве, где останавливался у брата. Некоторое время он жил в Томске у своей матери, но климат ему не подошел, и он выбрал местом поселения Камышин, где находился в ссылке священник Иоанн Скадовский, его ближайший сподвижник и друг. В Камышин святитель прибыл 16 сентября 1934 года и поселился у Дарьи Алексеевны Фунтиковой, где жил о. Иоанн Скадовский и высланный с Украины епископ Иоасаф (Попов). По всем церковным вопросам они были единомысленны и единокорны. И здесь связь с Херсонской епархией не прерывалась. Владыка был в курсе всех херсонских событий. Письма регулярно передавались через монаха Афанасия (Стореуса). Снова и снова святитель увещевал свою паству стоять до конца в православии и не слушать никого, кто бы ни «пришел к ним со стороны», пусть даже в архиерейских облачениях.

В Камышине владыка и о. Иоанн, как и везде, организовали домашнюю церковь и, полагая все свое упование на милосердного Творца, всецело предавались молитве.

Нового ареста не пришлось ожидать долго. Нашлись провокаторы и стукачи. Владыка Прокопий так же, как епископ Иоасаф и о. Иоанн, не особенно скрывал свою церковную позицию и свой взгляд на происходящее. Ища повод для очередного ареста, органы НКВД воспользовались «услугами» священника Георгия Чудновского, имевшего сомнительную репутацию. Незадолго до этого он был запрещен в священнослужении епископом Сталинградским Петром (Соколовым) за драку в алтаре из-за денег. Он сбежал в Камышин, устроился в местный храм и параллельно пытался по рекомендации органов войти в доверие к епископу Иоасафу (Попову), в чем на некоторое время преуспел. По требованию органов НКВД он дал необходимое лжесвидетельство, на основе которого и было сфабриковано новое обвинение. В конце октября 1934 года архиепископ Прокопий, епископ Иоасаф, священник Иоанн и священник Евстафий Маркович Норич, приехавший по чьей-то рекомендации из Харькова искать место, были арестованы. Вместе с ними был арестован и священник Георгий Чудновский.

Архиепископ Прокопий и епископ Иоасаф не признали себя виновными.

Отец Иоанн Скадовский на допросах вел себя с удивительным мужеством и бесстрашием. Не приспособившись к обстоятельствам, тающим в себе смертельную опасность, не ища снисхождения от власти имущих безбожников, он прямо отвечал на вопросы следователя, являл всем своим обликом красоту исповедничества.

Вот один из допросов, который проводил помощник начальника секретно-политического отдела УНКВД Э.А. Али 28 ноября 1934 года.

— Чем вы занимались перед тем, как вас арестовали в Камышине?

— Ничем определенным я не занимался, существовал на то, что собирал милостыню. Кроме того, мне из Херсона присылали посылки мои бывшие прихожане.

— Чем объяснить, что вы, человек со специальным высшим образованием, занялись сбором милостыни, а не попытались поступить на работу, соответствующую вашим знаниям?

— Во-первых, я стар и болен, и работать мне трудно. Во-вторых, поступив на какую-нибудь ответственную работу, я тем самым должен был бы содействовать утверждению социалистического строя, который враждебен Церкви и в конечном счете преследует задачу ее полного уничтожения. Я как представитель Церкви не считаю для себя возможным содействовать каким бы то ни было образом ее падению.

— Что вы можете сказать по существу предъявленного вам обвинения?

— Мне предъявлено обвинение в ведении контрреволюционной пропаганды. Возможно, что я что-либо и говорил не совместимое с лояльным отношением к советской власти, однако делал я это необдуманно и несерьезно. Конкретных случаев я сейчас припомнить не могу. Бывало, что я рассказывал в кругу своих знакомых антисоветские анекдоты, [но] никакого, однако, ущерба совласти я этим принести не хотел. Мои представления об идеальном социально-политическом строе не совпадают с идеями, лежащими в основе советской государственности. Добиваться, однако, осуществления своих идеалов путем политического переворота я не считаю для себя возможным. Тот общественный строй, который я считаю идеальным, возможен только при

восстановлении в обществе патриархальных отношений. Между тем, независимо от характера тех политических группировок, которые могли бы прийти к власти в случае политического переворота, возрождения патриархальных отношений не произошло бы, и установившийся строй был бы мне одинаково чужд.

— Что вы имеете в виду под идеальным социальнополитическим строем?

— Я имею в виду теократическое государство, то есть строй, при котором во главе общества стоит пользующийся неограниченным авторитетом вождь, представляющий на земле волю Бога и сосредоточивающий в своих руках регулирование всех общественных функций. Из исторических примеров наиболее совершенным, на мой взгляд, является государство древних евреев, с его царями и пророками, и их только [царей и пророков] в общественной жизни как представителей высшей Божественной власти.

— Как вы относитесь к дореволюционной России?

— Я националист и люблю Россию. Я люблю Россию в том виде, в каком она существовала до революции, с ее мощью и величием, с ее необъятностью, с ее завоеваниями. Произошедшее после революции дробление России и, в частности, выделение Украины, Белоруссии и т. д. я рассматриваю как явление политического упадка, тем более печального, что для этого дробления нет никаких оснований. Украинцы и русские всегда составляли единое целое. Украинцы и русские один народ, одна нация, и выделять Украину в какой бы то ни было форме из общего целого нет никаких оснований.

— Как совместить ваши утверждения, что вы убежденный христианин — противник насилия, с вашим заявлением, что вы любите Россию в ее старом виде, с ее завоеваниями, то сеть плодами насилия, совершенного над целыми народами?

— Это, конечно, нелогично, по я человек, и мне не чужды человеческие слабости. Кроме того, не все территориальные приобретения России должны рассматриваться как факты насилия. К такому, например, акту, как участие в разделе Польни, определение насилия применено быть не может. Польша в XVIII веке представляла угрозу международному спокойствию, и действия против нее России, Австрии и Пруссии

являлись актами самообороны, обеспечившими общественный порядок в Восточной Европе., Должен сказать, что теперь, когда Польша не представляет угрожающего международному спокойствию фактора, я являюсь сторонником ее независимости. Если я как русский человек являюсь противником выделения Украины в особое национальное формирование, то выделение из России Польши после революции я, наоборот, приветствую.

— Говоря, что вы любите дореволюционную Россию <...>, что вы можете сказать о внутреннем строе царской России и вашем отношении к нему?

— Лежащую в основе российского монархического строя идею сосредоточения у императора — помазанника Бога, неограниченной власти я рассматриваю как идею положительную. В этом смысле дореволюционный строй в России близок моим представлениям об идеальном общественном строе, и я являюсь его сторонником. Должен, однако, оговориться. Если я являюсь сторонником российской монархии, то это не значит, что я сторонник монархии вообще. Я сторонник такой монархии, в которой монарх является именно помазанником Бога. Такие, например, монархии, как бывшая Германская империя или Испанское королевство, где монархи не помазанники, мне чужды.

Являясь сторонником российского монархического строя, я отнюдь не являюсь сторонником тех извращений и искажений лежавшей в его основе идеи, которые имели место на практике. Я имею в виду подчинение государству Церкви, погоню представителей государственной власти за личным благополучием в ущерб благосостоянию масс, падение национального русского духа и так далее. Эти обстоятельства являются следствием извращений монархического строя и самой монархической идеи как таковой порочить не могут. Строй (монархический) тут ни при чем. Извращения эти являлись результатом исторического падения нравственности в России, приведшей в конце концов к появлению в России враждебных монархии политических течений и образованию антимонархических партий эсдеков, эсеров и так далее, и к свержению монархии революцией.

— Приходилось ли вам высказывать ваши политические

взгляды в беседах с вашими знакомыми в Камышине и с кем именно?

— О том, чтобы я высказывал свои политические взгляды кому-либо в Камышине, я не помню, хотя допускаю, что это могло быть <...>. Я мог говорить о церковных делах. Кроме того, я рассказывал некоторые эпизоды из жизни императора Александра III, рисовавшие его как человека с сильной волей и благородными чертами характера, высоко поднявшего за время своего царствования международный престиж и величие России. У меня в последнее время ослабла память, и я не помню многих обстоятельств, относящихся даже к последнему периоду.

— Считаете ли вы, что каждый последователь «Истинно Православной Церкви» должен являться сторонником российской монархии?

— Да, я считаю, что истинный последователь Церкви Православной должен быть сторонником российской монархии.

— Считаете ли вы, что для последовательного сторонника ИПЦ недопустимо лояльное отношение к советской власти?

— Да. Истинный последователь Православной Церкви не может относиться лояльно к советской власти, не может вступать в какие-либо компромиссы с ней, участвовать в советском строительстве.

— Следовательно, увеличение числа последователей ИПЦ есть увеличение числа лиц, монархически настроенных, относящихся отрицательно к советской власти?

— Да. Увеличение числа истинных последователей Православной Церкви есть увеличение числа сторонников российского монархического строя и противников каких-либо компромиссов и лояльного отношения к советской власти.

— И, несмотря на это, ИПЦ и вы как ее представитель ставите своей задачей увеличение числа последователей ИПЦ?

— Да. Православная Церковь и я как ее последователь ставим своей задачей распространение нашего учения и увеличение числа истинных сторонников Православной Церкви. Должен сказать, однако, что непосредственно задачу увеличения числа монархистов и вообще политических задач я не преследую.

В результате 17 марта 1935 года архиепископа Прокопия и

о. Иоанна Особое Совещание при НКВД СССР осудило и выслало в Каракалпакию сроком на пять лет. Архиепископ Прокопий и его верный сподвижник о. Иоанн с женой Екатериной Владимировной оказались в городе Турткуле. В непрекращающихся ссылках смысловым центром их жизни стала молитва. В новом городе, осмотревшись, они организовали домашнюю молельню, доступную для местных жителей. Те, кто внушал доверие и внутренне был расположен к православию, находил в лице исповедников деятельное участие и духовную поддержку. До нас дошло свидетельство некоего Николая Ивановича Придни о том, как он попал в молитвенное сообщество владыки: «Будучи религиозным, я случайно узнал, что в городе Турткуле по Чимбайской улице, в доме № 40, организована молельня, в которой происходят богослужения. В один из воскресных дней в начале августа 1937 года я отправился в эту молельню для того, чтобы прослушать литургию. Прежде чем допустить меня в церковь, священник Скадовский спросил меня, давно ли я говел, и когда я ему ответил, что лет десять тому назад, то он на литургию меня не допустил, а предложил в один из ближайших дней прийти на исповедь. Через несколько дней я пришел на исповедь, и Скадовский, допустив меня в молельню, стал меня исповедовать. Во время исповеди Скадовский <...> говорил: «Надо быть мужественным и храбрым <...>, власть коммунистов, большевиков не от Бога, а от антихриста. Титов <...> предупредил меня о том, чтобы все, что он со Скадовским мне говорил, хранил в строжайшей тайне».

Жили ссыльные все на те же самые пожертвования из Херсонской епархии. Отцу Иоанну еще оказывала помощь родная тетя Ольга Львовна Скадовская-Пикар, проживавшая в Англии, в Манчестере, и регулярно высылавшая ему денежные переводы. Во избежание неприятностей Скадовский ограничивался уведомлениями о получении переводов. Но и этого было вполне достаточно, чтобы архиепископа Прокопия и священника Иоанна снова арестовали. Через два дня после ареста, 26 августа 1937 года, оперуполномоченный НКВД Олсуфьев начал проводить допросы.

— Вы обвиняетесь в том, что вместе со священником Скадовским организовали в городе Турткуле нелегальную

молельню, в которой вели контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли вы себя виновным?

— Нет, не признаю, так как контрреволюционной агитации я никогда не проводил и не вел. Проживая в Турткуле вместе со священником Скадовским, я действительно принимал участие при совершении им богослужений. В беседах с приходившими к Скадовскому верующими я действительно вел пропаганду, но исключительно религиозного содержания.

— При проведении бесед с верующими касались ли вы вопроса о ваших разногласиях с обновленцами и другими ориентациями?

— При проведении бесед с верующими в городе Турткуле я действительно поднимал вопрос о моих разногласиях с духовенством обновленческого направления <...>. Тех верующих, которые раньше придерживались этих религиозных направлений, я и Скадовский не допускали до совершения вместе с нами религиозных обрядов без исповеди.

— Как формулировали вы в беседах с верующими ваши разногласия с обновленцами?

— Свои разногласия с духовенством обновленческой ориентации я мотивировал тем, что последователи этих ориентаций нарушили церковные каноны и содействовали антицерковной политике советской власти. Беседы с верующими в городе Турткуле не были групповыми, а имели одиночный характер.

— Вы отвечаете неточно. Так, в беседе с верующими вы формулировали ваши различия с духовенством обновленческой ориентации, а именно в том, что это духовенство признает советскую власть в декларативных заявлениях об отказе от борьбы с ней, вы же стоите совершенно на противоположных позициях. Подтверждаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю, а заявляю, что в беседах с верующими я о непризнании советской власти ни с кем разговоров не вел.

Так же энергично, не скрывая своей церковной позиции, отвечал на вопросы следователя священник Иоанн Скадовский.

. — Вы обвиняетесь в том, что вместе с архиепископом Титовым организовали в городе Турткуле нелегальную молельню, в которой среди верующего населения проводили

контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли вы в этом себя виновным?

— Нет, не признаю, и по существу дела показываю: совершал религиозные обряды и богослужения я в своей квартире, причем при богослужениях действительно облачался в ризы. При совершении мною богослужений иногда, кроме моей жены и архиепископа Титова, присутствовали и посторонние верующие, желающие помолиться. По просьбе приходивших ко мне верующих я действительно совершал религиозные таинства: исповедь, крещение, служил молебны, панихиды и так далее. За отправление этих треб верующие, правда, не всегда, платили мне деньги. Даваемые мне верующими деньги я рассматривал не как плату за требы, а как помощь. Контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

— Следствием установлено, что при совершении таинства исповеди вы исповедающимся задавали вопросы о том, не примыкали ли они к обновленческому движению, причем, пропагандируя против обновленцев, вы говорили, что одним из основных вопросов разногласий с ними является то обстоятельство, что они признают советскую власть. Признаете ли вы это?

— При совершении таинства исповеди я задавал вопрос о том, не посещали ли они молитвенных учреждений не нашего направления <...>, в том числе и обновленческого толка. Никакой пропаганды против обновленцев я не вел и о разногласиях наших с обновленцами среди верующих не рассуждал.

— Зачитываю вам показания свидетельницы Мигулиной Т.Г., изобличающие вас в том, что вы вели систематическую контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю и заявляю, что контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

Но сами по себе ответы уже не имели значения и оставались простой формальностью в перспективе безбожной пятилетки. Следователь составил обвинительное заключение: «Прибыв в город Турткуль в 1935 году, Скадовский совместно с ссыльным Титовым П.С. организовали нелегальную молельню, в

которой занимались совершением религиозных обрядов и среди верующих вели контрреволюционную монархическую агитацию, призывая к активной борьбе против советской власти, и распространяли провокационные слухи о том, что якобы советская власть в скором времени будет свергнута.

Допрашиваемый в качестве обвиняемого 26 августа 1937 года Скадовский виновным себя не признал и пояснил, что он религиозные обряды совершал в своей квартире, но антисоветскую агитацию не проводил.

Однако его вина доказана свидетелями по делу Мигулиной Т.Г. и Придней Н.И., которые присутствовали на молебнах, где Скадовский проводил контрреволюционную агитацию.

Свидетель Мигулина Т.Г. показала: «При совершении религиозных обрядов Титов и Скадовский систематически проводили контрреволюционную агитацию. Скадовский стал мне говорить о том, чтобы я ни в коем случае не примыкала к обновленческому церковному движению, и заявил, что обновленцы признают советскую власть — власть антихриста, и нам ни в коем случае не нужно признавать советскую власть».

Полагал бы дело № 392 по обвинению Титова П.С. и Скадовского И.Г. по ст. 66 УК УзССР предоставить на рассмотрение тройки при НКВД Узбекистана.

Оперуполномоченный 4-го отдела НКВД *Олсуфьев*.

Начальник 4-го отдела НКВД лейтенант Госбезопасности *Мельникову*).

27 октября 1937 года тройка при НКВД постановила: архиепископа Прокопия (Титова) и священника Иоанна Скадовского расстрелять, лично им принадлежащее имущество конфисковать».

В один и тот же день, 23 ноября 1937 года, святитель Прокопий и священник Иоанн были расстреляны.

Последовательно и тотально уничтожая христиан, безбожная власть, сама того не подозревая, вписывала имена священномучеников в книгу жизни и золотые страницы российской истории.

24

28 • ORIGIN 1997

1. INTRODUCTION: Background Considerations

В. ПИЩАКОВИЧ ПИЩАКОВИЧ

● 100 个 5 元 5 角 5 分

RECEIVED 13 APR 1962

1971 год
 Подполковник Иван Михайлович
 1937 год
 392
 23
 349

1889 2/2/18

ТРОПАРЬ, глас 4-й

И нравом и делами апостолом уподобивыйся, слово истины проповедаю, пострадад еси даже до крове, священномучениче Прокопие, моли Христа Бога спастися душам нашим.

КОНДАК, глас 1-й

На земли благочестно пожив и мучения за Христа прияв, безбожия тьму победил еси и предстатель у Престола Божия херсонской пастве явился еси, богомудре. Темже ты почитающе, тако вопием ти: от бед избави нас присно твоими мольбами, отче наш Прокопие.

Молитва

О преславный священномучениче Прокопие, страстотерпче непреодоленный, Архирею Божий, о Церкви Херсонской ходатаю. Призри на моление нас, почитающих святую память твою. Испроси нам у Господа Бога прощения грехов наших, да не до конца прогневается на нас Господь. Согрешихом бо и недостойни явихомся милосердия Божия. Моли о нас Господа Бога, да ниспослет мир на грады и веси наша, да избавит нас от нашествия иноплемеников, междоусобныя брани и всяких раздоров и нестроений, утверди, священномучениче, веру и благочестие во всех чадех Православныя Церкви, и да избавит нас Господь Бог от ересей, Расколов и всякого суетверия.

О милостивый предстателю! Молися за ны ко Господу, да сохранил нас от глада и всяких болезней, И ДА подаст вся на потребу человекам полезная. Нанпаче же да сподобимся молитвами твоими Небесного Царствия Христа Бога нашего, емуже честь и поклонение подобает со Безначальным Его Отцем и Пресвятым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Источники

Архив КГБ Узбекистана.— Арх.№ П-35209, л. 10—12, 24 — 26.

Архив УФСБ РФ по Волгоградской обл.— Арх. № 22319-ПФ, № 5647ПФ. Л. 87—92, 153, 159.

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. —Арх. № 2612. Л. 70, 76.

ЦГАООУ. — Ф. 263, оп. 1, д. 657044, т. 16.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е.Губонин. — М., 1994. 1064 с.

Шкаровский *М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. — СПб., 1999. 400 с.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРКАДИЙ, ЕПИСКОП ЛУБЕНСКИЙ

Есть удивительные люди, подобные ангельским существам, предызбранные Богом к особому служению. Они от рождения исполняются духовной радостью и вечно неутомимой ревностью о славе Божией. Одним из таких светочей Русской Православной Церкви был епископ Лубенский Аркадий (Остальский). Знакомясь с его жизнью, невольно удивляешься той духовной бодрости и легкости, с которой он нес необхватный крест, данный ему Богом, без ропота, смущения и даже недоумения о мере выпавших на его долю страданий. Ни тюрьмы и лагеря, ни советские застенки, ни зауженная уплощенность воинствующего атеизма не смогли воспрепятствовать его огненному духу жить в бездонных глубинах православия на безграничных просторах Вселенской Церкви.

В апреле 1888 года в селе Яковицы Житомирской губернии в семье священника Иосифа Остальского и Софии Павловны родился сын Аркадий. По окончании в 1910 году Волинской семинарии и Киевской Духовной Академии Аркадий Иосифович был помощником епархиального миссионера. После принятия в 1911 году священного сана с назначением в собор Староконстантинова он не оставил миссионерских трудов. Его душа искала подвига ради Христа, и миссионерство представлялось ему как единственно верное, дарованное Богом служение. Отец Аркадий был прирожденным миссионером. Проповедовал просто и ясно, так, что огонь любви к Богу, горевший в его сердце, воспламенял ревность о благочестии у всех, кто находился рядом. Религиозный опыт не оставался его внутренним, частным делом, но с удивительной ясностью изливался в благодатных словах. Не умея быть равнодушным ко всему, что касалось спасения души и блага Церкви, он увлекал за собой способных слышать Евангельское благовестие и жаждущих реальной жизни во Христе.

Свои впечатления от встречи с сектантами во время миссионерских поездок о. Аркадий описывал в отчетах, которые печатались в «Епархиальных ведомостях».



вясценник Аркадiй Осталыскiй

«Глубоко поучительный случай наказания Божия отступника от православия В деревне Адомове Велико-Цвильского прихода Новоградволинского уезда проживает мещанка Мария Дудкевич, сорока лет. Рожденная и воспитанная в православии, она по убеждению штундо-баптистов назад тому три года перешла к ним. Вскоре у Марии Дудкевич стали наблюдаться проявления тихого умопомешательства, а спустя немного времени она совсем сошла с ума. В

минуты, когда несчастная приходила в сознание, ее посещали православные той же деревни, которые и убеждали ее возвратиться в лоно Православной Церкви, говоря, что и самое ее умопомешательство тогда пройдет. Долго штундо-баптисты удерживали у себя больную, но последняя увидела, что с переходом в штунду она не только не приобрела «нового знания» и «озарения свыше», но и потеряла тот природный ум, которым она обладала в православии. И вот Мария Дудкевич решила перейти в свою родную веру. Будучи привезена к родным в местечко Горошки Житомирского уезда, она дала тамошнему священнику обещание перейти в православие, что действительно исполнила. К радости православных, живущих в нашем обуреваемом штундой крае, над Марией Дудкевич опять проявилось действие Всемогущего Бога — больная вдруг стала выздоравливать. Но, к несчастью, это продолжалось недолго;

штундо-баптисты, пользуясь отдаленностью деревни Адомова от ближайшей церкви (село Великая Цвилья в десяти верстах), начали опять подговаривать Марию Дудкевич перейти к ним. Мария Дудкевич, поддерживаемая односельчанами — православными, некоторое время оставалась истинной овцой Православной Церкви, но потом начала посещать собрания штундо-баптистов и мало-помалу опять перешла к ним; отступница от православия стала открыто хулить православную веру и ее святую Церковь, доказывая, что только у «евангеликов» (штундистов) вера Христова — истинная. Дерзость отступницы доходила до того, что на собраниях она вступала в споры с православными миссионерами и защитниками родной веры и, заглушая всех, кричала о своей новой, правой вере. Но это продолжалось недолго; Бог Сам решил спорный в Адомове вопрос — у кого истинная вера

— у нас ли, православных, или у штундистов. Мария Дудкевич опять впала в умопомешательство, сначала в тихое, а потом и буйное. Православные тогда опять, в минуты умственного просветления больной, уговаривали ее покаяться и возвратиться в православие. Благодаря частым посещениям больной православными ревнителями той же деревни последняя дала обет навсегда отречься от штунды. Дивный в Своих делах Бог скоро опять сподобил обещавшую обратиться к Нему Своей милости — у Марии стало наблюдаться умственное просветление, и спустя немного времени Мария Дудкевич стала чувствовать себя уже настолько здоровой, что стала приготовляться ко святому причастию, каковое и сподобилась со слезами принять 10 сентября в Велико-Цвильской церкви.

Дай Бог, чтобы вышеописанное поучительное событие предостерегло «колеблющихся всяким ветром учения» от увлечения этой богомерзкой и антихристовой ересью, называемой штундой, а зараженных уже ею заставило бы подумать о том наказании, которое может постигнуть их еще на земле и которого уже никак не избежат они в жизни загробной.

Поездка к сектантам

30 июля сего года я, по поручению отца архимандрита Митрофана, прибыл в село Ничпалы для беседы с живущими недалеко оттуда сектантами. Нарочно для своей поездки я

выбрал воскресенье, чтобы на беседу собралось как можно больше людей. Но тут же узнал я, что мое желание — провести публичную беседу — не осуществится. Сектанты живут от ближайшего православного селения — деревни Конотоп — в четырех верстах и, конечно, в Конотоп на беседу не придут, равно как и конотопские православные не пойдут для слушания беседы к сектантам на хутора. Поэтому я решил беседу с православными отложить до более удобного весеннего или зимнего времени, а пока познакомиться с сектантами.

На другой день, после утрени, в сопровождении студента академии Константина Струменского я выехал к сектантам. Дорога предстояла убийственная, которая и отняла у нас немало времени; так что, несмотря на наше желание и неимоверное усилие лошадей, к сектантам мы приехали около часу дня, когда собрание уже окончилось. Не зная, как отнесется к нашему визиту проповедник штундистов, я послал к нему кучера, прося позволения зайти в дом его. Хозяин ответил согласием, и мы, вооружившись Библией, вошли во двор сектанта. У дверей дома нас встретил сам проповедник и пригласил в свою квартиру. Комната, в которую мы вошли, предназначалась для религиозных собраний, что и видно было по священным изречениям, заключенным в рамки и висящим на стенах, а также и по ряду скамей для слушателей. Собрание недавно окончилось, а потому стол был завален массой русских и немецких книг. Встретившая нас хозяйка вышла и скоро вернулась в сопровождении еще нескольких сектантов. И так составилось у нас маленькое, из человек десяти-двенадцати, религиозное собрание. Я повел беседу по обычному методу.

«Как вы, так и мы веруем в одного и Того же Господа; как мы, так и вы читаем одно и то же Слово Его, но вера у нас разная. И мы, и вы, люди разных вер, носим одно и то же имя — христианина и свою веру называем Христовой. Христос же принес не две, а одну веру. Итак, одна из этих вер не истинная, не Христовая, не евангельская. Христовой и евангельской верой можно назвать только ту, в которой исполняются все слова евангельские. Кто называет себя евангеликом, тот должен стремиться выполнять все слова Евангелия».

Отсюда я перешел к самому трудному для сектантов месту,

Луки гл. I, ст. 48 о почитании Богоматери. «Вот вы называетесь евангеликами, — сказал я, — а Богоматери не почитаете, то есть, другими словами, нарушаете евангельские слова. Что скажете на это?» Проповедник по обыкновению начал говорить о внутреннем только почитании Богородицы. Когда же его доказательства в пользу внутреннего почитания Богородицы оказались малоубедительными, то он напал на православных, что и они в праздники не Богородицу почитают, а с особенной страстью предаются грехам и «прославляют и угождают самим себе».

После получасовой беседы о почитании Богородицы, не имея возможности защитить свое лжеучение, проповедник сел на излюбленный сектантами конек — о недостойных пастырях и о платах «за требы». На эту излюбленную и настоящим проповедником тему последний говорил очень много, выводя на сцену многих наших «недостойных» пастырей, пасущих свое стадо «из-за гнусной корысти»: очевидно, здешний защитник сектантства стоит, что называется, в курсе настоящего дела, собирая сведения о различных дефектах жизни и деятельности православных пастырей.

Покончивши и с этим вопросом и указавши, что и между святыми апостолами нашелся грешный Иуда, а также обративши внимание сектантов на слова апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. VII, 19), я доказал, что и недостойных даже учителей и пастырей нужно слушаться (Мф. XXIII, 3), ибо и через них действует благодать Божия (Ин. XI, 51).

После этого мы стали беседовать о почитании святых и о их за нас молитвах, говоря, что если грешник в аду мог молиться за своих живых братьев (Лк. XVI), то тем более право на это имеют праведники, молитвы которых угодны Богу (Иак. V, 16).

А что это так, видно из того, что Сам Бог иногда требует молитв за людей у святых Своих. Так, по Его требованию Иов молится за своих друзей, по его же приказанию и Авраам молится за фараона. Правда, тут живые молятся за живых, но у Бога нет мертвых, «ибо у Него все живы» (Мф. XXII, 32; Лк. XX, 38). Но если молитвы праведников еще здесь, на земле живущих, имеют цену в очах Божиих, то сколь ценнее молитва

праведного, увенчанного венцом славы. Неизбежно за этим последовала беседа о неканонических книгах, каковых, кстати сказать, не оказалось в сектантской Лондонского издания Библии, и окончилась она ответами моими на предложенные сектантами (проповедник остался недоволен и в конце говорил мало) вопросы религиозного, нравственного и житейского характера.

В пять часов мы выходили от сектантов, напутствуемые различными их благопожеланиями и извинениями...

На мой вопрос у сопровождавшего нас православного из деревни Конотоп — как православные относятся к сектантам, последний ответил, что православные мало сообщаются с ними и потому не испытывают на себе сектантского влияния, так что число сектантов — тридцать человек — уже давно стоит па точке замерзания.

Из Староконстантиновского уезда

Через несколько дней после своего водворения в Староконстантинове я посетил самое ближайшее и опасное для православия село Капустин. С первого же своего знакомства с этим пунктом я пришел к заключению, что Капустин — самое страшное и требующее наблюдения село, и потому положил себе за правило как можно чаще в него наведываться. И в этом мне Бог помогал: за истекший год Капустин я посетил около десяти раз. Несколько раз служил я там, сопровождая служения двумя, а иногда и четырьмя проповедями. Здесь же мною в помещении церковной школы велись несколько раз миссионерские беседы. Сектанты, несмотря на мои просьбы, бесед не посещали и только в октябре во время четырехдневных курсов впервые пришли. В Капустине мною за весь год было роздано до двух тысяч листов. В общем в Капустине за 10 весь год мною было произнесено около тридцати бесед на все важнейшие пререкаемые сектантами пункты православного учения.

После Капустина на первом плане я поставил Лажевую, в которой был пять раз. В Лажевой пока ист ничего страшного, но, не дай Бог, там может приютиться хлыстовство, ибо к крестьянам, жаждущим, как нигде в других селах, живого слова, стал появляться лжемонах, который уже начинает

проповедовать безбрачие и воздержание от некоторых видов пищи. Приезжая в Лажевую, я каждый раз вел религиозно-нравственные беседы и раздавал листки, выписанные или же перепечатанные мною. В последнее же свое посещение Лажевой я вел беседу при помощи световых картин. В ограждение от могущей быть опасности в соседнем селе Багляях я тоже вел с световыми картинami беседу.

В верстах пятнадцати-двадцати от меня находится и село Сквородки, в котором насчитывается до шестидесяти пяти штундистов. Это село я посетил пять раз, но беседы удалось вести только два раза, один раз в волости при незначительном количестве слушателей и другой раз два дня подряд в церкви (во время Великого поста). Был же и в приписном к Сквородкам селе Новоселице, где во время освящения церкви беседовал о храме и обличал сектантов, не имеющих храмов.

По приглашению отца Яковкевича служил и беседовал в селе Западинцах, где собралось несколько тысяч богомольцев. Был также в селе Кобыльи, расположенном на границе с Подольской губернией и уже испытывающем влияние тамошнего сектантства. Литургисал и проповедовал в селе Пашковцах, хотя и не зараженном, но соседнем с Капустиным селе. Во всех этих вышепоименованных селах обильно раздавал самую разнообразную литературу, которого наделили меня отцы Митрофан и Виталий и которую я выписал или даже сам печатал. Наконец был приглашен я и на освящение церкви в селе Воронковцы (восемь верст от Сквородок), где тоже проповедовал слово Божие.

На границе нашей епархии в соседстве с пресловутой сектантской Ярославкой находится село Самчики. в котором уже года три проживает штундист. Великим постом Бог помог мне посетить и этот пункт. Там я прожил четыре дня, утром и вечером посещая многолюдные (благодаря прекрасному служению отца Недельского и хору матушки — Недельской) службы и знакомя православных с обличением сектантства.

Удалось мне заглянуть и в отдаленные пункты, м. Купель и село Зарудье. В Купеле провел четырехдневные курсы и удостоился два раза совершать литургию при пении прекрасного хора, организованного учителем Сиверским. В

Зарудье же я был два раза: в первый раз совершал литургию (возвращаясь от Козац[ких] могил), а во второй раз ездил нарочно на трехдневные курсы. В оба моих приезда являлись и сектанты, но после первой же беседы уходили.

С Божией помощью я побывал два раза в Адомовс Цвильского прихода, совершал литургию и проповедовал. Возвращаясь же из Цвили, посетил я и м. Рогачев, Смолдырев и Майдан Лабунский. Во всех этих местах беседовал и раздавал обильно листки. Два раза мною было посещено село Конотоп Ничпальского прихода. В первый свой приезд я посетил проповедника баптизма Ковальчука, а во второй — беседовал при более чем тысячной аудитории. На беседу поприходили люди за десять-пятнадцать верст. Были и сектанты, вернее, полусектанты, которые робко возражали мне. Но Бог помог мне — и православные были очень довольны. В Решневке Изясл. уезда был один раз. Сектантство там почти что неизвестно (один случайный сектант), и потому там провел беседу догматико-нравственного характера».

С началом Первой мировой войны о. Аркадий стал военным священником и служил в 408-м Кузнецком пехотном полку. В 1917 году он прибыл с фронта в Житомир и стал настоятелем храма преподобного Серафима Саровского, а затем — маленькой Свято-Николаевской церкви в центре города, при которой основал братство.

Начавшиеся гонения на Церковь только умножили ревность о. Аркадия, и со всем пылом молодой, глубоко религиозной натуры он устремился на защиту православной веры. Его проповеди, как духовный меч, рассекая первые завязи всероссийской смуты и насильно внедряемой лжи, помогли многим сориентироваться и не погибнуть в это страшное для православия время. С каждым днем в его храме становилось все больше и больше братчиков и молящихся. Ежедневно совершая богослужения, о. Аркадий говорил пламенные проповеди, внося духовную радость в измученные и охладевшие сердца людей, вместе с братчиками он предпринимал пешие паломничества к православным святыням. Дорогой пели акафисты и псалмы. Это были переходы по двести и более километров. Невзирая на все внешние трудности, народ с радостью принимал участие в этих

крестных ходах. Среди всеобщего нестроения и разрухи такие паломничества помогали найти опору и душевное равновесие.

Отец Аркадий отличался особой добротой и даже жертвенностью, выходящей за пределы понимания простых людей. Как-то раз прихожане, зная его нужду, сшили священнику шубу, но он, надев ее не более двух раз, подарил бедной вдове, у которой дети болели туберкулезом. На вопросы близких, где шуба, поначалу о. Аркадий отвечал уклончиво, но в конце концов был вынужден признать, что распорядился подарком по своему усмотрению. Однажды он вышел из Житомира в сапогах, но, встретив на пути какого-то бедняка, поменялся с ним на лапти и уже в них пришел в Киев. В другой раз он отдал бедняку свои брюки, а чтобы это было незаметно, зашил полы подрясника, чтобы они не распахивались. Порой его чрезвычайной добротой пытались воспользоваться нечестные люди. Так, один пьющий человек, прикинувшись нищим, выпросил у него новый подрясник, но через некоторое время был замечен прихожанами на базаре продающим именно этот подрясник, который пришлось выкупить и вернуть о. Аркадию. В его комнате практически не было никаких личных вещей.

Гонения на Церковь шли по восходящей, и работа братства с каждым днем становилась все труднее и опаснее. ЧК с дьявольской неустойчивостью преследовало верующих, закрывало церкви, увольняло с работы за религиозные убеждения. Но сгустившийся мрак лишь отчетливее оттенял Божию благодать для всякого желающего спасения. По свидетельству протопресвитера Михаила Польского, братство помогало бедным, хоронило умерших, обучало детей Закону Божию. Воодушевляемые о. Аркадием все члены братства были полны энтузиазма. Число молящихся увеличилось настолько, что он был уже не в силах исполнять все требы, особенно исповедь, и это вынуждало его иногда, подобно праведному Иоанну Кронштадтскому, прибегать к общей исповеди, которая представляла собой умирительное зрелище. С амвона о. Аркадий призывал к покаянию, а исповедующиеся, стоя на коленях перед Крестом с Распятием, со слезами на глазах каялись в совершенных грехах.

Декрет об изъятии церковных ценностей стал первой

скорбной ступенью в полной испытаний жизни иерея Аркадия Остальского. Исполняя благословение Святейшего Патриарха Тихона подчиниться властям по рассуждению христианской совести, о. Аркадий отказался сдать богослужебные сосуды. Карающий меч революции не заставил себя ждать. В один из дней, после совершения Божественной литургии, о. Аркадий при выходе из храма был арестован. Большевики еще не научились искусству удушать своих противников вдали от посторонних глаз, за что тут же и поплатились. Огромная толпа молящихся, на глазах которых происходил арест, двинулась вместе с

о. Аркадием к зданию ЧК. Разъяренные чекисты, оттесняя толпу к забору, держа ружья наизготовке и угрожая стрельбой, потребовали разойтись. Но православные, прижавшись друг к другу, затаив дыхание от страха, не двинулись с места.

Протопресвитер Михаил Польский пишет: «Но вот выступает монахиня Серафима и смело говорит: «Нет, мы не уйдем, пока вы не отпустите нашего батюшку, или берите всех нас вместе с ним». Солдаты опустили винтовки, и нас всех, — рассказывает свидетельница, — повели в подвал ЧК. Было жутко и радостно. Весть о событии с о. Аркадием мгновенно облетела весь город. В ЧК стали присылать бесчисленное множество посылок. Арестованные были сыты, также как и конвой. Под руководством монахини А. в подвале ЧК пели церковные песнопения. Изредка через окно видели о. Аркадия, выведенного на прогулку во дворе. Отец Аркадий украдкой осенял нас крестным знамением. Так прошло два дня. Наконец, в камеру пришел начальник ЧК Потапов и спросил нас, долго ли мы будем упорствовать? Снова монахиня Серафима выступила от лица всех и сказала: «У вас, товарищ начальник, такое доброе лицо; вы, наверное, никому не хотите зла. Отпустите нам нашего батюшку». Начальник улыбнулся и приказал выходить поодиночке к следователю. Следователь предлагал каждому из нас подписать уже приготовленную бумагу, в которой о. Аркадий обвинялся в сопротивлении советской власти и в возбуждении народа против нее. Я отказалась подписать эту фальшивку, но следователь заявил, что, если я не согласна с ее содержанием, нужно сделать оговорку. Так я и сделала, написав, что люди пошли за о. Аркадием по

собственной воле, а вовсе не по его наущению».

Через некоторое время состоялся открытый суд. Множество свидетелей говорили об о. Аркадии как о замечательном, прекрасном человеке, бесребренике, священнике, сумевшем всю свою жизнь отдать на служение Богу и людям; приводилось много примеров его исключительной доброты и самоотверженности. Житомирским обывателям казалось, что после таких блистательных отзывов любимый пастырь непременно выйдет оправданным, но прокурор, самоуверенный молодой коммунист, доходчиво объяснил собравшимся, что все характеристики, данные священнослужителю Аркадию Остальскому, не только не оправдывают, но, более того, усугубляют его вину. И что идеи, проповеданные и проводимые в жизнь священником, не только не нужны молодому советскому государству, но и крайне вредны.

В период Гражданской войны, невзирая на все шатания и расколы, о. Аркадий строго придерживался патриаршей церкви. На допросе он говорил: «В период пребывания па Украине Петлюры часть духовенства Житомира вошла в состав автокефальной Украинской церкви и отделилась от нас. Эта группа поддерживала петлюровское движение. Я ничего общего с этим направлением церкви не имел и поддерживал Тихоновское направление <...>. В беседах с отдельными гражданами я выражал недовольство соввластью, но церковно-публичных выступлений у меня не было». Священника обвинили в возбуждении людей против соввласти, в то время как он умышленно не затрагивал в своих проповедях и выступлениях политические темы. По воспоминаниям верующих, когда суд приговорил священника к смертной казни и зачитывались обвинительное заключение и приговор, о. Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были разбудить его и сообщить, что он приговорен к расстрелу. «Ну что ж, — сказал священник, — для меня смерть — приобретение».

Его верные чада употребили все силы, чтобы добиться отмены этого приговора, и он был заменен тюремным заключением, которое владыка отбывал в Житомирской тюрьме.

Позже о. Аркадий вспоминал: «В 1922 году, перед изъятием церковных ценностей, я прочел в церкви послание Патриарха

Тихона, полученное нашим архиереем. Это послание перечисляло те предметы, которые нельзя было отдавать в пользу голодающих. За это я был осужден к пяти годам заключения. В заключении был около двух лет». Архимандрит Аркадий

Выйдя из заключения, о. Аркадий поехал в Дивеевский монастырь и Саров помолиться. Там блаженная Мария Ивановна сказала ему: «Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь». Там же, в Саровской Успенской пустыни, он был пострижен в мантию с тем же именем (его жена, чисто светская женщина, еще когда он был в тюрьме, вышла замуж за какого-то чиновника).

Через некоторое время церковь, где служил о. Аркадий, была закрыта, но братство продолжало работать тайно, собираясь то на квартире его матери, Софии Павловны, то у кого-либо из членов братства. Отец Аркадий некоторое время жил в Харькове, Москве, других городах — в зависимости от того, как складывались обстоятельства.

После принятия монашества о. Аркадий с еще большей ревностью погрузился в молитву и аскетические труды, а все свободное время отдавал братству. Смысл и цель христианской жизни в этот период раскрылись перед ним как никогда ясно и определенно, исчерпывающе выраженные преподобным Серафимом Саровским. Стремление к святости, стяжание Святого Духа отныне стало его единственной и возделенной целью. Чем больше и неотвратимее разрушался внешний мир под ногами у миллионов русских людей, тем крепче о. Аркадий держался за единственно несомненную твердыню церкви — опору и упование православных христиан. Желая спастись он говорил, что борьба с грехом не может быть прекращена до смерти. «На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: «Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным».



Архимандрит Аркадий

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведен в сан архимандрита, а 15 сентября того же года в Москве был хиротонисан митрополитом Сергием (Страгородским) в сослужении с другими архиереями во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии.

В октябре 1926 года, практически сразу после хиротонии епископ Аркадий был арестован и выслан в Харьков. Въезд в Лубны был ему строго запрещен ГПУ, но он решил пренебречь этим и отслужить пасхальное богослужение. Об этом было предупреждено соборное духовенство и в преддверии пасхальной службы ожидало своего архиерея. Но и к одиннадцати часам вечера никто не появился. Абсолютно тайно выехав в Лубны, около половины двенадцатого он появился в алтаре. Одетый в пальто, в затемненных очках, он вызвал недоверие, и дьякон собора попытался прогнать незнакомого человека: «Мы ждем назначенного к нам архиерея, и вам сейчас не место в алтаре». Но тот потребовал вызвать настоятеля, которому сообщил, что он и есть назначенный к ним архиерей, после чего облачился и началось пасхальное богослужение, но вскоре стали появляться представители власти, и дальнейшее пребывание владыки в соборе грозило арестом. Ему пришлось скрыться. Это была единственная архиерейская служба епископа Аркадия в своей епархии.

Владыка Аркадий отличался внутренней последовательностью в своих религиозных взглядах и был противником привнесения политических страстей в церковную жизнь. Но мудрая воздержанность и предусмотрительная лояльность не спасли его от новых репрессий. В начале мая 1928 года сотруднику ОГПУ Храмову был выдан ордер на арест епископа с любопытной припиской: «Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения. 3 апреля 1928 г. ОГПУ Г.Ягода».

Но 9 мая 1928 года епископ сам пришел в ОГПУ, чтобы объяснить с властями, и там же был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Допрос епископа Аркадия, как и само дело, оказался даже для того мало сообразующегося с правовыми нормами времени предельно кратким. Выяснив минимум необходимого (формально уже известного — фамилию, год рождения, сан и прочее) и не вдаваясь в подробности, следователь повел разговор о



Владыка Аркадий, епископ Лубенский

том, что волновало молодую советскую власть и ее представителей в первую очередь. Дело было в следующем. «В 1927 году, после того как появилась декларация митрополита Сергия, один из священников моего епископата, — рассказывал владыка Аркадий, — обратился ко мне с письмом, в котором заявил, что отказывается от меня и митрополита Сергия из-за декларации, потому что декларация и применение ее по существу есть измена православию. Я священнику ответил личным письмом, разъясняя ему ошибочность его взглядов. Он взял из моего письма отдельные мысли, несколько переработал их и от моего имени выпустил послание, направленное против митрополита Сергия. Когда же меня в ОГПУ спросили, кто эти воззвания выпустил, я проявил сожаление к автору, отцу многодетного семейства, и не указал его фамилию». Письмо, написанное владыкой и доработанное о. Александром, оказалось многим созвучно и получило большое распространение в православной среде. Через некоторое время письмо попало в ОГПУ с подписью: «Аркадий, епископ Лубенский», что и привело последнего к аресту.

Следователь прочитал начало этого «Обращения к православным»: «Возлюбленные о Христе! Так как я не имею возможности лично беседовать с вами, то доставлю себе удовольствие это настоящим письмом». Последовал вопрос:

— Каким епископом Вы считаетесь?

— Лубенским.

— Зачитанное послание составлено Вами?

— Это, во-первых, первоначально было частное <...> письмо, принадлежащее мне. Писано было в Новом Афоне в ответ на письмо священника, поддерживавшего меня материально. Письмо мое ему (ответное) начиналось словами: «Дорогой о. Александр», за каковым обращением следовало поздравление с Ангелом. Кончалось письмо передачей поклона жене и детям. Остальной текст тождественен, насколько я помню. В предъявленном мне документе откинута почему-то начало и конец, заменены так, как видно в показанном мне документе. Никакого поручения превратить мое частное письмо в «обращение» общественного характера я никому не давал. Сделано это без моего ведома.

— Как фамилия этого священника Александра?
— Назвать ее не могу.
— Почему?
— Не желаю, чтобы он отвечал. Пусть вся ответственность лежит на мне.

— Вы согласны, что в вашем письме есть места непосредственно антисоветского характера?

— Согласен.

— Значит, отказываясь назвать фамилию распространителя, притом самовольно распространявшего документ, вы хотите укрыть антисоветского деятеля?

— Не хочу выдать и не хочу укрыть. Предоставляю этот вопрос времени.

Сейчас трудно четко разделить, где подлинный текст владыки, а где корректура и дополнения о. Александра, непримиримо настроенного против митрополита Сергия, но во всех случаях этот документ, получивший в свое время широкую огласку, несомненно, достоин внимания.

«Обращение к православным Возлюбленные о Христе!»

Так как я не имею возможности лично беседовать с вами, то доставлю себе удовольствие это настоящим письмом. Конечно, моя речь будет о текущих церковных событиях. Много печального происходит в наши дни. Особенно печально то, что наши первоиерархи ведут Российскую Церковь к потере свободы и к рабской зависимости, и все это делается так хитро и топко, что пока их «деяния» нельзя подвести ни под какие каноны. Ни для кого уже не секрет, что наши архиереи назначаются не митрополитом Сергием и патриаршим Синодом, а кем-то иным. Не секрет и то, что все многочисленные перемещения архиереев (вопреки канонам) сделаны не для пользы Церкви, а по указке кого-то слева. Разве нам не известно, что назначенный Москвой архиерей, по приезде своему на место служения, должен явиться к местным «вершителям судеб церковных», у них выдержать нечто вроде экзамена, и только после этого легализуется епископ.

Мне известны случаи, когда епископы, присланные Москвой

с соответствующими бумагами, все-таки не были допущены к управлению своими епархиями. Те же, кои допущены, — имеют ли они право свободного объезда своих епархий? Не испрашивают ли они на каждую поездку разрешения и не отдают ли они отчета в своей деятельности и органам гражданской власти? А как происходит теперь назначение епископами епархиального управления и отцов благочинных? И свободны ли в этой области епископы? Не получают ли они указаний, а то и приказаний, кого назначать и кого увольнять <...>. Хотя эти и подобные им многие «деяния» нельзя подвести ни под какие каноны, но от такой «легализации» веет ужасом. Говорили мне, что будто бы член Синода архиепископ Филарет (Гумилевский) сказал: «Мы будем делать все возможные уступки, но, когда дело коснется веры, тогда ничего не уступим». Но так ли говорили и поступали святые? Не умирали ли святители за свободу Церкви, за ее священные предания, уставы, даже священные книги и сосуды?.. Что касается поминаения за богослужением власти, то, хотя это «деяние» митрополита Сергия и не нарушает какого-либо церковного правила, оно осуждается голосом христианской совести. Как возношение в ектениях имени своего епископа, так и поминаение власти есть нечто иное, нежели молитва за них. Если мы за богослужением поминаем своего епископа, то этим выражаем свое подчинение ему; иначе разрешалось бы, наряду со своим епископом, возносить имена и других епископов иноепархиальных; однако это нигде не делается; для желающих молиться об иноепархиальных епископах и имеется прошение: о милости, жизни, мире, здравии...

Подобно сему наша Российская Церковь до революции возношением за богослужением имени императора выражала свои молитвы о нем, а вернее всего, свою зависимость от него как от блюстителя ее интересов и до некоторой степени главы ее <...>. Каково же настоящее отношение Православной Церкви к советской власти, чтобы помянуть ее за богослужением?.. Если мне возразят, что Христос заповедал молиться о врагах и гонителях, то на это отвечу: пусть нам укажут молитву о власти, а не пользуются для этого прежней формулой возношения. Притом для меня непонятно, как быть со следующим за сим

прошением: «О пособити покорити под нози его всякого врага и супостата?» Ведь оно доселе никем не отменено?.. Быть может, и его читать? И тогда о чем мы молим и против кого направляем свои прошения?.. Удивления достойно то обстоятельство, что молиться о властях нас заставляют тогда, когда этого моления не желает ни сама власть, ни верующие. Почему тогда же ратуют о сем наши архипастыри? Не думаю, чтобы от них требовала сего советская власть, ибо безбожникам не нужны и молитвы; что же касается духовенства и народа, то у них предполагаемое поминовение за богослужением совласти вызывает одно только негодование и возмущение. Быть может, наши первоиерархи пришли к убеждению в необходимости молиться о власти, тогда пусть они возьмут на себя труд составить такие прошения, которые были бы применяемы верующими и в устах их были бы действительно молитвами; так, например: «Еще молимся о еже во власти сущих, да Господь Бог избавит их от всех бесовских наваждений, приведет к покаянию, исправлению, возглаголет в сердцах их мир и благое о церкви своей святей...». Итак, положение Церкви тяжелое. Но как быть нам? Можем ли мы подчиниться тем первым иерархам, которые стали на опасный путь, ведущий Церковь Христову к новым великим страданиям? Прежде всего нужно хорошо уяснить то обстоятельство, что для Церкви Христовой не может быть большего зла, чем раскол. Никакие гонения и насилия не могут нанести Церкви такой раны, как раскол. Раскол — это вечно ноющая, вечно мучающая Церковь рана. И горе тому, кто ее наносит Телу Христову. Недаром святые отцы говорили, что грех раскола не смывается даже мученической кровью. Посему на решительные действия с душевной болью можно идти только тогда, когда испробованы уже все иные пути и средства спасения верующих. Итак, мы ни в коем случае не можем чинить раскола. Мы должны стоять на страже чистого православия и прилагать все возможные меры любви и обращения к совести тех, кто сознательно или бессознательно ведет Российскую Церковь к новому расколу. Мы не совершим раскола, но если увидим, и уже видим и свидетельствуем, что нашими первоиерархами нарушается самый дух православия: легализованная церковь превращается в один из отделов СОЧИ

(секретная особая часть при ГПУ), пастыри связываются неприемлемыми их совести требованиями, тогда с сердцем, облитым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и сказать: «Архипастыри и пастыри, мы отходим от вас, ибо вы уже отошли от правды Божией, вы создали новое направление Церкви Божией <...>, от этого нового направления, от этого раскола мы и уходим. Грех раскола лежит на вас». Но вы спросите, как же все это можно провести на деле? Кто должен взять на себя почин? Может ли это сделать каждый христианин? Кто и когда правомочен объявить верующим, что настал час разрыва с первоиерархом? Осуждать еретиков правомочна одна только Церковь, «и если Церковь преслушает, да будет же тебе, яко язычник и мытарь» (Мф. XVIII, 17). Выразителем же воли церковной является Собор. Но как быть в то время, когда Собору нельзя собраться? Тогда суждение по поводу того или иного церковного желания произносят епископы. Их же суждения не есть еще окончательный приговор, но есть авторитетный голос в Церкви, они являются стражами Церкви, и ими в междоусобный период управляется Христова Церковь. Следовательно, и в настоящем деле почин и решение принадлежат епископату. Но как это можно провести? Епископы, видя нарушение духа и буквы канонов, в одиночку или группами должны послать свои протесты митрополиту Сергию, моля его свернуть с неправого пути. Если эти протесты не возымеют действия, тогда они, согласавшись между собой (можно и через посредство переписки), сообщают митрополиту Сергию, что они отселе не считают его уже заместителем Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное направление и отделяются от него. То же объявляется и всем верующим. С. этого момента совесть духовенства и верующих становится свободной от всякого рода действий (приказаний, запрещений) митрополита Сергия и состоящего при нем «синода». Отошедшая же от митрополита Сергия Православная Церковь может управляться одним из старейших иерархов или, как это было во время заключения Патриарха Тихона, каждая епархия самостоятельно своим архиереем <...>. Какую же роль во всем этом должны нести священники и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не могут; не могут они

также без епископов отходить от епископата. Но это не значит, что они должны бездействовать. Как воины совместно с вождем, так все (вместе с епископами) должны бороться за Истину и защищать ее. Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но, приходя из разных мест разведки, сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдет опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и материально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили слово Истины. Молитесь же... За своих архипастырей и пастырей, возьмите на себя заботы об их семьях, дабы пастыри видели, что их семьи не будут нищенствовать без них, тогда смело, с любовью, а когда потребуется, то и с настойчивостью, сообщайте ему мнения и суждения верующих по разным вопросам церковной жизни. Опираясь на ревность и любовь своей паствы и понуждаемый ею, пастырь будет истинным стражем православия. А это залог правого пути церковного. Есть и другой, менее болезненный путь. Так как митрополит Сергей не есть Патриарший Местоблюститель, а только заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого, и заместительство он несет как послушание нынешнему главе Российской Церкви митрополиту Петру, то для каждого ясно, что митрополит Петр когда угодно может освободить митрополита Сергея от его послушания и возложить оное на другого архипастыря. Точно так же сами собой падают все права и обязанности митрополита Сергея как заместителя Патриаршего Местоблюстителя в случае смерти митрополита Петра. Вот те мысли, которыми я считаю нужным поделиться с вами, моля Господа о вашем умудрении и укреплении. Благословение Божие буди со всеми вами, братие. Аминь.

Аркадий, епископ Лувенский».

Далее следователь выяснил, что владыка, приезжая в Москву в сентябре—октябре 1927 года и в феврале 1928 года, останавливался у Веры Константиновны Костомаровой. У нее болел отец, и по вечерам она читала ему, близким и знакомым, приходившим его проведать, толковое Евангелие от Марка. Несколько раз на подобных встречах присутствовал владыка.

Следователь А.В.Казанский пытался представить эти чтения как подпольное религиозное общество с общецерковными целями и задачами. Однако здравый смысл все же победил, и 15 мая 1928 года следствие предъявило обвинение, что «таковой (то есть епископ Аркадий Лубенский. — *Авт.*) совместно с другим лицом, которого епископ Аркадий назвать не пожелал, издал и распространил (нелегально) документ, имеющий цель использовать религиозные настроения верующих масс в антисоветских целях, доказывая наличие гонений на веру, призывая к мученичеству и т. д.»

14 июня 1928 года тот же следователь, анализируя письмо, нашел достаточное количество «неправильных», с его точки зрения, «мнений и выражений» и сформулировал состав преступления следующим образом: «Послание предлагает взять пример с мучеников, которые «умирают за свободу Церкви, за ее священное предание и даже за книги и сосуды», и утверждает, что Церковь подвергается гонениям за веру со стороны совласти, а народу предлагает поддерживать стойкость и мужество попов, заботу об их семьях, и, в случае чего, подталкивает попов на активность». На основании этого пришел к выводу: «Антисоветскую деятельность Остальского считать доказанной». И подписи — А.В.Казанский и П.Тучков.

23 июля 1928 года «дело» было рассмотрено, и владыку осудили на пять лет лагерей. Уже 3 сентября епископ Лубенский Аркадий прибыл на Соловки. В лагере владыка сохранил твердость и бодрость духа, оставаясь во всем верным архиерейской присяге. Миссионерский дух, возгретый с ранних лет молитвой и ревностью о чистоте православия, не оставлял епископа Аркадия даже в самых сложных и жестоких условиях лагерной жизни.

Режим на Соловках был относительно «свободным», бежать с острова на материк по техническим причинам не представлялось возможным, и потому администрация разрешала выходить из барака, но не далее положенного расстояния. На острове оставались вольные монахи, которые могли свободно перемещаться и совершать богослужение. По мере возможности епископ Аркадий тайно приходил к ним помолиться и поговорить. Они, в свою очередь, кормили владыку, снабжали

его хлебом и всем, что имели. На Благовещение епископ Аркадий возглавил Божественную литургию в часовне на втором этаже в сослужении священника Михаила Савченко и восьми вольных монахов — Ювеналия Мошникова, Константина Травина и других. На службе присутствовало не более 20 человек. В конце богослужения епископ Аркадий произнес слово утешения, в котором так нуждались все живущие на Соловках — вольные и плененные. Владыка долго и проникновенно говорил о гонениях на христианство и о том, как в древности православные прятались в катакомбах от своих преследователей. Образно и убедительно сравнивал древнее время с настоящим, что было так созвучно общему настроению и понятно всем присутствующим.

В лагере владыка пользовался большим авторитетом у заключенных священнослужителей, конечно же, православных. Но украинские автокефалы и обновленцы, невзирая на жестокость лагерных условий, уравнивающих всех перед неотвратимыми страданиями, и здесь оставались непримиримыми к православному архиерею. Некий Степан Андреевич Орлик, автокефальный священник, еще в Житомире вступал с епископом Аркадием в ожесточенные публичные споры, обвиняя его в ереси. И вот, спустя столько лет, «оппоненты» встретились на Соловках. Неприязнь Орлика к православному епископу была столь велика, что и здесь, где, казалось бы, верующий в Бога заключенный священник должен забыть о своих пристрастиях, он донес на епископа Аркадия администрации.

Действительно, владыка не вписывался в лагерный порядок: организовав вокруг себя православных священников, он внимательно следил за их дисциплиной, благочестием и за тем, чтобы никто не утратил бодрости духа и молитвенного настроения. Для священнослужителей, не имевших никакой поддержки от близких и родственников, он организовал кассу взаимопомощи. Невзирая на опасность, владыке иногда удавалось совершать у вольных монахов службу архиерейским чином. В 1930 году, на Введение Божией Матери во храм, он сказал проникновенную проповедь о значении церкви в жизни верующих, о том, что, «только лишившись возможности

посещать храм, мы по-настоящему оцениваем, что потеряли». На одной из таких служб епископ Аркадий возложил палицу на священника Михаила Савченко, которой он был награжден митрополитом Михаилом (Ермаковым), о чем пришло известие с Украины. Это был ревностный, во всем единомысленный с владыкой священник из Полтавы, который помогал организовывать молитвенные собрания, а также распределять средства для поддержания в лагере «необеспеченного» духовенства.

Нигде, даже в пучине соловецкого ужаса, человек не мог ощутить себя достаточно защищенным от новых лишений и еще больших страданий. Кошмар настоящего сам по себе не предполагал, что завтра не будет хуже. Лагерное начальство, поднаторевшее в искусстве ломать беззащитных заключенных, отлично представляло, какую уже не физическую, а нравственную муку приносит заключенному, ожидающему окончания срока, отнятие шанса выйти на свободу. Срок епископа заканчивался 9 мая 1933 года, но таких людей, как он, советские безбожники особенно не любили выпускать на свободу, и 18 мая 1931 года против епископа Аркадия было выдвинуто новое обвинение. Началось новое внутрилагерное «дело». Зная, с кем имеет дело, владыка на допросах был немногословен и все обвинения отрицал. Как и на предыдущих допросах, защищая многодетного о. Александра от неминуемого ареста, владыка и здесь, в лагере, ограждал ближних своей жертвенной отцовской любовью от подозрений следователя. С предельной убедительностью он говорил о своем полном одиночестве и отсутствии любых контактов: «С группой священников в поселке Савватьево я никакой связи, кроме случайной, не имел. Также советов им не давал и давать не мог, так как я своими воззрениями им чужд как украинец. Бессонова я знаю; Дмитриева и Ильина я тоже знаю, так как я одно время с ними стоял сторожами, других я не знаю.

На службе у вольных монахов, которая у них была постоянной в своем помещении, я был также случайный посетитель, в службе я участвовал всего один раз, проповедей я там никаких не читал; разговор о создании кассы взаимопомощи я не вел и вести не мог, так как сам у них

пользуюсь продуктами. Виновным себя признаю только в посещении службы вольных монахов, но па это я даже не знаю, существует ли запрет. Больше я показать ничего не могу. Все записано верно и мне прочитано.

Еп[ископ]А[ркадий] Остальский

К вышеизложенному считаю необходимым добавить нижеследующее: в посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в поселок Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартирах. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929 и 1930 годов я провел на острове Анзер, и, когда после длительного перерыва пришел в поселок Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; оттого я понял, что и вход к ним не возбранен, тем более, что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что все они работают вместе с заключенными и потому находятся в непрерывном с ними общении.

Что же касается духовенства, живущего в поселке Савватьево, то наши с ним отношения были таковы: знаком я только с тремя-четырьмя священниками, фамилии которых я уже упоминал; других же я не знаю даже в лицо. Со священниками я держался весьма осторожно, не знакомился с ними, ибо слышал, что большинство их антисергиапцы (то есть не признающие митрополита Сергия, которому я подчиняюсь) и автокефалисты-украинцы, порвавшие с нами духовное общение в 1919 году. С теми священниками, с которыми я был знаком, отношения наши были весьма поверхностны, ибо многое нас разделяло, а именно: а) они — великороссы, я — украинец; нравы, обычаи, условия жизни, а отсюда и взгляды на жизнь у нас разные; б) они — семейные, а я бессемейный; в) они — священники и смотрели на меня как на представителя того епископата, который некогда их утеснял, и иногда давали мне это почувствовать. Это было мне неприятно, и я не только отходил от них, но и при первой же возможности занял место

вещкаптера на участке Овсянка, чтобы не быть с духовенством вместе. Ввиду всех вышеизложенных причин, приходя из Овсянки в хозбюро Савватьево я весьма редко и мало



Барак для заключенных на Поповом острове.
Фото 1999 года

разговаривал со священниками и даже чай пить или вообще подкрепиться пищей ходил к сотрудникам хозбюро, а не к духовенству. Если же со священниками и говорил, то из приличия, чтобы не быть грубым и не казаться злым на них.

Епископ Аркадий (Остальский)
1931 г. 18 мая».

К этому времени относится описание внешности епископа Аркадия, занесенное в «особые приметы»: «Рост 165. Волосы и брови черные, с проседью. Глаза карие, нос обыкновенный. Особых примет нет». По своей трудоспособности отнесен к «категории 2-я общая». По прибытии в лагерь на каждого заводился некий формуляр, в котором в точности фиксировалось место работ и отношение к труду. Такой формуляр сохранился, и мы можем проследить динамику «трудовых успехов» епископа.

По



Епископ Аркадий. Следственный изолятор. Поселок Кремль.
Соловки. 1931 год

«12.УШ.1928 г. — общие работы.

10.IX. 1928 г. — сторож.

16.IX. 1928 г. — поведение хорошее. Отношение к труду и дисциплинированность соответствуют требованиям служебных обязанностей.

11 .VI. 1929 г. — ничем себя не проявил.

Голгофа. 12.VII. 29 — взысканиям не подвергался, поведение и отношение к труду удовлетворительное. Религиозного убеждения.

Февраль. 30 г. Троицкая — служ[итель] культа (епископ). Порядкам не подчиняется по религиозным убеждениям, работу выполняет, поскольку находится в условиях лагеря.

6. VII. Троицкая обслуга — епископ лаграспорядку не подчиняется. Настроен антисоветски, группировал вокруг себя служителей культа, ведя среди них агитацию против обновленческого направления православной церкви. Требует строгой изоляции и неуклонного наблюдения.

4. X. 30 г. Грота Савватьево сторож — (епископ). Поведение хорошее, работу выполняет, так как находится в лагере, дисциплинарным взысканиям не подвергался, среди служителей культа имеет большое влияние; религиозного убеждения.

29.VII. 31 г. Общее, участок Овсянка — (епископ). Дисциплинирован. К труду относится неудовлетворительно, работу выполняет по-казенному, хитрый, осторожный, среди заключенных явно показывает себя, выражая недовольство новым проведенным мероприятием культурных перевоспитаний и лагерной жизнью вообще».

Заключенный 4-го отделения поселка Савватьево Роман Петрович Погорелов донес о том, что группа заключенных священников, таких, как Константин Иванович Бессонов, Александр Васильевич Вознесенский и другие (всего 15 человек), возглавляемая епископом Аркадием Остальским, проводит под видом религиозных бесед агитацию, направленную на дискредитацию советской власти. Было начато внутрилагерное дело № 58/2280. «Произведенным расследованием установлено: заключенный Остальский пользуется среди заключенных священников званием епископа, группирует вокруг себя последних в лице Савченко М.Д., Вознесенского А.В., Ильина В.С., Травина К.П., Дмитриева Ф.Д. и других в их среде. Под видом религиозных бесед проводил антисоветскую агитацию. С этой целью проводил сборище заключенных в помещении вольных монахов. Так, 21 ноября 1930 года заключенный Остальский, собрав группу заключенных священников и рядовых верующих, после совершения с

присутствующими религиозных обрядов — исповеди и причастия, произнес проповедь, в которой указал, что верующая масса и духовенство в данное время подвергаются гонениям так же, как и христианство подвергалось гонениям в первые века. Аналогичную по содержанию беседу Остальский провел в праздник Крещения в 1931 году.

Заклученный Остальский с целью создания себе авторитета среди окружающих его заключенных, помимо исполнения обрядов с антисоветским оттенком, занимался награждением заключенного духовенства и призывами организации материальной поддержки нуждающихся заключенных верующих деньгами, продуктами и одеждой.

Так, Остальский торжественно в присутствии вышеуказанного духовенства и рядовых верующих наградил заключенного священника Савченко Михаила палицей, причем во время выдачи награды последнему произнес следующую речь: «Приходит конец мира. Настала власть сатаны; духовенству нужно объединяться, поддерживать друг друга материально, для чего надо производить сбор денег, продуктов и одежды, привлекая к этому и рядовых верующих».

Заклученное духовенство, находившееся под влиянием Остальского, в свою очередь, распространяло антисоветские слухи, в общем сводившиеся к тому, что советская власть своей политикой разорила крестьянские хозяйства и что при создавшемся тяжелом положении в стране должна быть перемена власти.

Подобные антисоветского характера разговоры, дискредитирующие советскую власть, группа проводила при всяком удобном случае, как-то: во время чток в бараках газет, докладов и бесед воспитательного характера».

И далее идет персональное перечисление проступков лагерного священства. Например: «Заклученный священник Вознесенский Александр Васильевич в присутствии заключенных говорил, что за границей о положении в советской стране знают все; для советской власти, вероятно, наступит такой момент, какой потерпел царь Николай. Во время сбора средств па дирижабль заклученный Вознесенский со злобой сказал: «Скоро ли большевики заткнут свое горло, все берут, берут и никак не

удовлетворяются». В одном из разговоров о народном образовании Вознесенский высказал, что раньше духовенство массе давало лучшее образование, чем дает в настоящее время советская власть.

Заклученный священник Изгородин Василий Павлович в разговоре с группой заключенных обновленческой ориентации духовенства доказывал последним, что при проведении лекции среди заключенных на тему «Чистота — залог здоровья» Изгородин, выступив по существу лекции, высказал с иронией: «Какая бы чистота ни была у свиней, по если их не кормить, пользы не будет, и лучше бы было, если бы нам, заключенным, давали бы больше хлеба, чем кормили подобными лекциями».

Заклученный священник Ильин Василий Степанович 23 января 1931 года в присутствии заключенных высказал: «В данное время советская власть дает по 10 лет только с той целью, что ей нужен бесплатный труд для выполнения пятилетки». И тому подобная мозаика из критических высказываний священников, окружавших епископа Аркадия.

В «Заклучительном постановлении» записано: «Поведение остальных участников группы Остальского — закл. Травина, Коновалова-Ларского, Сахарова, Гундяева, Седова, Телухина, Оегостурова и Александрова выразилось: первых двух, то есть Травина и Коновалова-Ларского, совместно с епископом Остальским в совершении религиозных обрядов, а со стороны остальных — в посещении нелегальных собраний».

Большинство священников виновными себя не признали. Несмотря на это, все были заключены в штрафизолятор па шесть месяцев. Кто никак не высказывался, был тихим и лояльным, но поддерживал отношения с епископом Аркадием, получил по три месяца штрафизолятора.

Владыку Аркадия обвинили в том, что он: «1) Сгруппировал вокруг себя заключенных из духовенства и религиозно настроенных мирян с целью подрыва авторитета советской власти, также и лагерной администрации, систематически проводил под видом исполнения религиозных обрядов антисоветскую агитацию. 2) С целью создания себе авторитета среди заключенных организовал через заключенное духовенство сборы пожертвований для якобы нуждающихся

заклученных. Кроме того, торжественно в присутствии многих заклученных наградил палицей заклученного Савченко <...>, то есть в преступлених, предусмотренных статьей 58-10 ч. 2 УК».

Дело владыки было направлено в тройку ОГПУ на внесудебное рассмотрение. А до решения тройки Остальский был переведен в следственный изолятор поселка Кремль и содержался там с 7 апреля по 7 мая 1931 года. Внутрилагерный суд, осуществляемый тройкой ОГПУ на основании доноса, определил владыке дополнительный срок — еще пять лет.

Отбыв срок сполна, епископ Аркадий (Остальский) в феврале 1937 года стал ожидать от митрополита Сергия (Страгородского) назначения на кафедру. Средств к существованию практически не было. Вот свидетельство самого владыки: «Жил я на деньги, вырученные от продажи художественной литературы, — русских классиков, за которую я выручил около 2000 рублей. Более четырех месяцев я жил в Касимове (у священника Николая Правдолюбова и его матушки Пелагеи Ивановны. Сам о. Николай и его брат Сергей были на Соловках, где и подружились с владыкой. — *Авт.*). Общался со священниками Михаилом и Федором Дмитриевыми, они очень интересовались своими племянниками, находящимися на Соловках. Две недели жил в Калуге, три раза за это время жил в Москве по три—четыре дня, иногда у двоюродной сестры Натальи Константиновны Асетницкой — одинокой вдовы, работающей машинисткой. Заходил, но очень редко, к Надежде Алексеевне Гринвальд, а также бывал у Веры Алексеевны Костомаровой. Все они являются моими близкими знакомыми по церкви, еще с 1926 года».

Еще до последнего ареста и высылки на Соловки владыка бывал и служил в Пименовской церкви и поддерживал добрые отношения с ее настоятелем о. Николаем Баженовым. Останавливался неподалеку, в Пименовском переулке, №3, у благочестивых старушек Марии Николаевны и Ольги Николаевны Цветковых. Но сейчас, наученный горьким опытом и достоверно зная, что любой его визит, а тем более проживание, непременно обернется большими неприятностями для хозяев, старался осторожнее посещать старых знакомых. Побывав у о.

Николая Баженова в 1937 году, епископ Аркадий рассказал о своих злострданиях. Отец Николай спросил, чем он собирается заниматься. Владыка ответил: «Я много выстрадал за время пребывания в лагере, но я снова горю желанием работать над укреплением Православной Церкви и разъяснять верующим смысл происходящих событий в жизни русского народа, укреплять веру в народе, хотя бы мне и снова пришлось пострадать за это. Я готов на все».

Высказывая свои заветные мысли, владыка продолжал: «Я как христианин не могу спокойно смотреть на происходящий разгром Православной Церкви и физическое уничтожение веры в народе. Церковь отдана на растерзание антихристианской власти, и стоящие во главе церкви некоторые епископы и духовенство помогают в этом. Верующих надо объединить вокруг Церкви. Епископы и священники должны первые подать свой голос в защиту Церкви, тогда и народ пойдет за нами. Я много страдал за свои убеждения и сейчас готов принять любое наказание, я этого не боюсь и буду снова работать над укреплением Церкви».

В другом частном разговоре епископ Аркадий, говоря о нестроениях, расколах, обновленчестве, смятении внутри самих православных, пытался найти иную, не внешнюю, а внутреннюю, духовную альтернативу: «В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал мне вопрос: что необходимо сделать для укрепления Церкви? Я ответил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь. О том, что нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви и что другими средствами мы не можем располагать, я пришел к убеждению в 1935 году, когда на Соловки прибыл епископ Петр (Руднев), который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять

епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме, а если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание с тем, чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, кто и какие люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с советской властью какими-то физическими или иными средствами я давно перестал и думать вследствие того переворота, который я лично пережил. И сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает [религию] гибкой для сопротивления наступающему неверию <...>. Нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих ничуть не противоречит смыслу Конституции. Свобода исполнения религиозных обрядов предполагает нравственное усовершенствование верующих и укрепление самой Церкви. В этом смысле мы можем использовать легальные возможности, предоставляемые нам Конституцией».

Но не только нравственное совершенствование заботило владыку. Он неустанно посещал своих духовных чад в Москве и других городах. Его преданность Церкви и решимость пострадать за Христа передавались его пастве. Одно его присутствие трезвило и давало духовную надежду и радость. Всем своим существом владыка протестовал, не мог и не хотел согласиться с разгромом Православной Церкви безбожными властями. Как-то, в 1937 году, возле Пименовской церкви епископ Аркадий встретил священника Степана Маркова и в беседе с ним сказал: «Приехал в Москву навестить своих духовных чад. К управлению церковному меня не допускают, боятся, что я снова буду будировать народ и Православную Церковь. В этом не раскаиваюсь, если придется пострадать за Христа, я готов к этому. Правительство взяло курс на уничтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика. Это я говорю по опыту. Стоит только епископу появиться в деревне или в городе, моментально вокруг тебя собирается народ. И как на молитве держат себя верующие —

это тоже характерно: тишина, торжественное благоговение, порядок». И действительно, где бы ни появлялся епископ Аркадий, тут же вокруг него образовывался определенный круг ревнителей Церкви и ищущих духовного окормления в столь трудное не только для православных время. Духовный опыт, смиренномудренное терпение, приобретенные во многих гонениях и ссылках, решимость отдать всего себя на служение Церкви притягивали к нему людей. Он говорил: «Я не верю в то, чтобы русская нация совершенно сошла со сцены. Нет, национальный дух живет в русском народе, и придет время — он себя покажет». «Меня хотят насильно оторвать от Церкви. Умышленно не дают место, но я все равно буду работать над укреплением Церкви и веры в народе».

Во тьме безбожной пятилетки такой светильник веры и благочестия не мог долго оставаться на свободе. Владыка находился в Калуге, когда был арестован местный архиерей Августин. Епископ Аркадий отправился в Москву к Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой назначить его на эту овдовевшую кафедру, но доехать так и не смог. 22 сентября 1937 года по дороге из Калуги в Москву прямо в поезде его арестовали. Это был последний арест в его многострадальной жизни. Оставалось одно — взойдя на Голгофу, претерпеть страдания и смерть за Христа.

17 октября 1937 года офицер НКВД В.М.Леон начал допросы. Претензии следствия были несерьезными, но их опасность для жизни архиерея не вызвала сомнений. Решительность, с которой взялись власти за «окончательную подчистку религиозных атавизмов», не оставляла надежд на относительно благоприятный исход.

На допросе следователь поставил вопрос-обвинение: «Вы, являясь последователем Истинной Православной Церкви, по существу стали в ряды самой реакционной части духовенства, ведущей борьбу против Соввласти и не признающей таковую. Дайте показания по существу». На что владыка ответил: «Я являюсь последователем Православной Церкви по своим религиозным убеждениям, политическая же моя программа и отношение к совласти основаны на предсмертном завещании Патриарха Тихона от 1925 года и на декларации митрополита

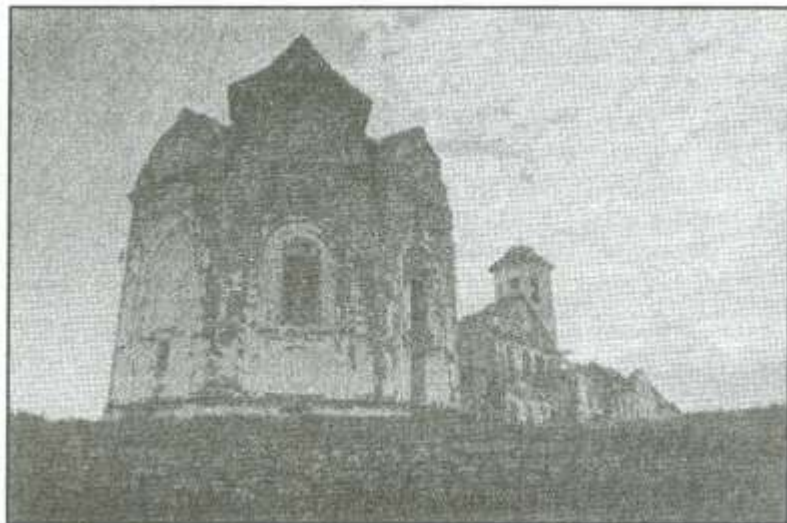
Сергия от 1927 года и его интервью от 1930 года». И дальше, желая объяснить свою позицию, епископ Аркадий сказал:

«Я горю желанием служить Церкви, то есть совершать богослужения <...>; я готов быть на должности любого рядового московского священника. Мне как последователю Православной Церкви необходимо быть в Церкви и служить Богу». Епископ Аркадий пытался объяснить свою невраждебность к советской власти и подчеркнуть только заветное (конституционное) желание «всего себя отдать служению Православной Церкви и религии». На вопрос следователя: «Ваше отношение к религии?» — он ответил открыто и мужественно: «После 15 лет, проведенных в ссылках, на сегодняшний день я остаюсь несогласным с соввластью по вопросу религии и закрытия церквей <...>, и только в этом вопросе имеется та идейная борьба, о которой я говорил выше».

Но для хозяев жизни, временно облеченных властью принимать решение — жить или умереть, — оставаться православным архиереем, болеть всем сердцем за Христову Церковь и было наихудшим политическим преступлением, не предполагавшим снисхождения. Помимо различных высказываний о несправедливостях власти по отношению к Православной Церкви, ему вменяют в вину полученную от незнакомца напечатанную через копирку молитву Кирику и Иулите, «которую можно истолковать в контрреволюционном духе».

Как следователь ни старался, на все его попытки заставить признаться в антисоветской деятельности епископ Аркадий отвечал: «Свою контрреволюционную деятельность категорически отрицаю». Но это не помешало майору Якубовичу в начале декабря утвердить обвинительное заключение по делу № 3393 по обвинению Остальского Аркадия Иосифовича по статье 58-10 УК РСФСР.

В 4-й отдел УГБ УНКВД Московской области поступили сведения о том, что «возвратившийся из концлагерей епископ Остальский Аркадий Иосифович продолжает вести контрреволюционную, погромно-повстанческую агитацию, восхваляет фашистский строй и распространяет всякого



Остров Анзер. Святотроицкий и Голгофораспятский скиты, превращенные в тюрьму

рода ложные контрреволюционные провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели советской власти, о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство».

«Дело» было направлено в Москву на рассмотрение судебной тройки. Вещественных доказательств по «делу» не оказалось. Владыка Аркадий содержался в Бутырской тюрьме.

7 декабря 1937 года епископ Аркадий (Остальский) был приговорен к расстрелу. 29 декабря владыка был расстрелян недалеко от Бутово и погребен в общей могиле.

Как искусный шлифовальщик заставляет алмаз сиять еще ярче, так и Промысел Божий поставил Своего избранника в исключительно трудные обстоятельства. Из 20 послереволюционных лет 15 епископ Аркадий провел в тюрьмах и лагерях, и все это по любви к Христу перенес с удивительной кротостью и смирением.

ИСТОЧНИКИ

Волынские епархиальные ведомости. — 1910. № 46. С. 825.

Волынские епархиальные ведомости. — 1911. № 39. С. 757—758.

Волынские епархиальные ведомости. — 1913. № 4. С. 64—65.

Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. — Арх. № П-15353, л. 79, 158.

ЦА ФСБ РФ,—Арх. № Р-29741. Л 7, 12, 13, 26, 50, 70, 106, 136.

Архив СБУ по Житомирской обл.— Арх. № 25517-П, л. 9—11, 14—15, 19, 26—30.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: В 2 ч,— Ч. 2. С. 85—87.

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн.

3. — Тверь, 1999. С. 443—468.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. — Erlangen, 1979— 1989. Т. 1. С. 349.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МАКАРИЙ, ЕПИСКОП ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ

Священномученик Макарий (в миру Григорий Яковлевич Кармазин) родился 1 октября 1875 года в местечке Меджибаз Винницкого уезда Подольской губернии в семье землемера. По окончании Подольской духовной семинарии 23 августа 1893 года Кармазин был рукоположен во иерея к церкви села Витковец Каменецкого уезда Подольской губернии, где прослужил семь лет, и 21 апреля 1900 года был переведен в село Бандышевку Ямпольского уезда той же губернии. В 1902 году о. Григорий Кармазин стал военным священником 8-го запасного кавалерийского полка. С 4 мая 1912 года он числился военным священником 152-го пехотного Владикавказского полка. Во время Первой мировой войны, 2 марта 1915 года, о. Григорий был контужен, через несколько месяцев (21 июля) был вторично контужен и ранен, в связи с чем эвакуирован в госпиталь. По излечении 8 сентября того же года он вернулся в полк. За пастырские труды и личное мужество о. Григорий Кармазин был возведен в сан протоиерея и получил назначение в 729-й пехотный Новоуфимский полк. В качестве военного священника он служил в Брест-Литовске, Галиции, Риге и других местах.

С 1918 по 1922 год о.Григорий служил священником па разных приходах Киевской епархии. В 1922 году, приняв монашество с именем Макарий, был хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии Экзархом Украины митрополитом Михаилом (Ермаковым).

Для Православной Церкви наступили чрезвычайно тяжелые времена. С одной стороны — открытое гонение новой власти с ее богоборческой идеологией и конечной целью вообще уничтожить православие, с другой — натиск обновленцев, раскольников, самосвятов, воспользовавшихся революционными свободами для достижения своих целей. Большевики отличались мастерством сталкивать и провоцировать, и появилась

настоятельная необходимость осторожно и мудро повести церковный корабль сквозь все рифы новой политической реальности, дипломатично балансируя между чужими интересами и своими задачами, правильно оценивая ситуацию, наметить стратегию Православной Церкви в новых для нее условиях.

Незадолго до занятия Киева частями Красной Армии в 1919 году в наиболее дальновидных церковных кругах начала проговариваться мысль о создании группы иерархов, которая в случае неблагоприятных перемен могла бы контролировать и направлять церковную жизнь. Вдохновителями этой идеи были известные своей активностью митрополит Одесский Платон (Рождественский), профессор Киевской Духовной Академии Николай Корольков и епископ Каневский, викарий Киевской епархии, ректор Киевской Духовной Академии Василий (Богдашевский), а также некоторые киевские священники.

В 1922 году в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в числе многих украинских иерархов был арестован митрополит Киевский Михаил (Ермаков). Вся тяжесть ответственности за Киевскую епархию легла на викарного епископа Макария (Кармазина).

В скором времени в силу замечательных административных и организаторских способностей, неиссякаемой энергии и всепоглощающей преданности церковному делу епископ Макарий стал пользоваться авторитетом не только в Киевской епархии, но и за ее пределами. С 1922 по 1925 год по причине отсутствия Экзарха и в связи со сложившимися обстоятельствами ему, как правопреемнику, приходилось решать проблемы, выходящие за пределы Киевской епархии, что делало его фигуру в церковной ситуации на Украине во многих отношениях ключевой.

Вокруг него стали консолидироваться сторонники Патриаршей Церкви на Украине. Происходящее в стране владыка оценивал трезво и ясно, не претываясь об идеологические заверения власти, и умел адекватно обстоятельствам защищать церковные интересы. Объем церковных проблем был так велик, что епископ Макарий пришел к выводу о необходимости рукоположения новых архиереев,

которые смогли бы понести тяготы архипастырского служения в новых, для православия неблагоприятных обстоятельствах. Не сообразуясь с мнением и пожеланиями представителей власти и втайне от них, вместе с ближайшим другом и единомышленником епископом Ананьевским Парфением (Брянских), епископ Макарий совершил хиротонии наиболее твердых и верных сторонников Святейшего Патриарха Тихона, способных к активной и плодотворной церковной работе. По инициативе епископа Макария было создано не подконтрольное ГПУ церковное управление, душой которого он являлся до ареста в 1925 году. Именно в этот период шла кропотливая и напряженная работа по созданию жизнеспособных церковных групп, состоящих из духовенства и мирян и действующих независимо от безбожной власти.

Ближайшей помощницей епископа Макария была Раиса Александровна Ржевская⁹. Это был верный и преданный человек, на которого можно было положиться в самых трудных и ответственных обстоятельствах; с ее помощью и при ее участии владыка осуществлял самые важные секретные церковные дела. Во время арестов и ссылок у нее хранились вещи, бумаги и адреса владыки. Она поддерживала нужные церковные связи, передавала ему в ссылку необходимую информацию о положении дел в Церкви.

Врач Георгий Александрович Косткевич был не менее близким, но, как выяснилось позже, менее твердым помощником епископа Макария. «С миром церковным, — говорил о себе Косткевич, — я столкнулся в 1922 году на погребении моего отца. Тогда я познакомился со священником Анатолием Жураковским и затем бывал у него со священником Константином Константиновичем Стешенко, архимандритом Гермогеном (Голубевым) и архиепископом Георгием (Делиевым), а также с Р.А.Ржевской. Весной—летом 1923 года после ареста и ссылки Жураковского и Голубева Раиса Ржевская познакомила меня с епископом Макарием (Кармазиным), приезжавшим из

⁹Раиса Александровна Ржевская — дворянка, вдова главного врача санитарного поезда имени Императора, двоюродная сестра епископа Макария.

Умани в Киев. Мне было тогда 19 лет. Я стал интересоваться церковной жизнью, обновленческим движением, много говорил о нем со знакомыми мне духовными лицами и таким образом входил в круг и курс церковной жизни. Тогда же я прочитал в журнале «Новь» статью против обновленчества и послание митрополита Агафангела Ярославского, ранее читанное мною и ходившее по рукам в церковной среде Киева <...>. В течение 1923—1924 годов, познакомившись ближе с епископом Макарием, бывая у него, я стал выполнять разные поручения мелкого характера — переписывать во многих экземплярах разные бумаги, разносить его письма <...>. Переписываемые бумаги носили секретный характер и давались мне как лицу доверенному. Они состояли из различных обращений, посланий, открытых писем и пр. Как я потом узнал, они широко распространялись по Украине. Письма, которые я разносил, были также, очевидно, не простые письма, а секретные, которые должны были попасть прямо в руки адресатам, да притом через доверенное лицо, каковым был я. Помню, что с таким письмом я был один раз у Марианны Николаевны Бурой по улице Театральной №3, где жил епископ Парфений (Брянских). С другим письмом я ходил вечером к киевскому священнику Козловскому на Львовскую площадь у Вознесенской церкви, где я застал что-то вроде собрания духовенства. Меня долго не хотели пускать, и лишь узнав, что я от епископа Макария, впустили. Как впоследствии, в 1925 году, я узнал от самого епископа Макария, в это время (осенью 1923 года) происходили тайные собрания духовенства Киева, обсуждавшего вопрос об избрании тайных епископов, об отношении к обновленчеству, а затем епископ Макарий (Кармазин) и епископ Парфений (Брянских) и совершили эти тайные посвящения. Тогда же, как мне потом говорил епископ Макарий, он был фактическим главой Украинской Церкви — к нему обращались с Полтавщины и Черниговщины, и с Волыни, и с Подолья и даже из Одессы и Днепропетровска. Не будучи в силах руководить сам, хотя он работал вместе с епископом Парфением, он поставил себе тайных помощников в лице епископа Сергия (Кумииского), епископа Филарета (Линчевского), епископа Федора (Власова), епископа Афанасия

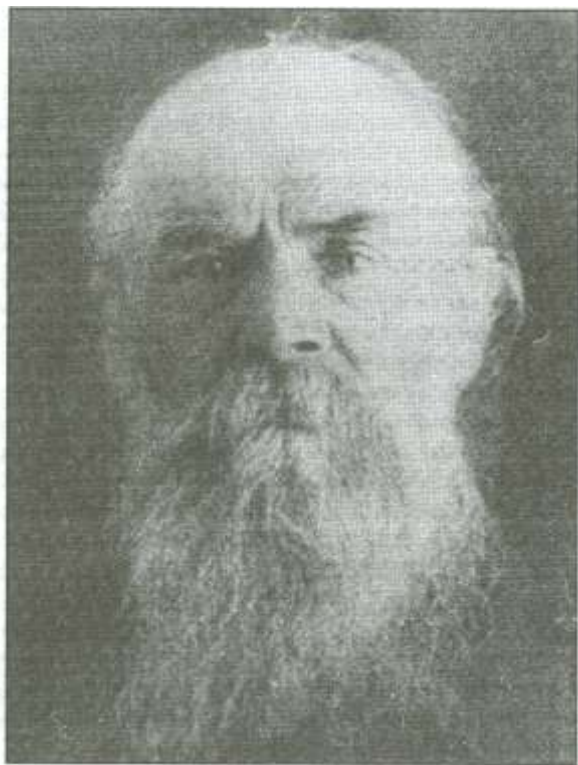
(Молчановского), епископа Варлаама (Лазаренко). Первые четверо должны были руководить частями Киевщины и примыкающей к ней Подолией, Волынью, Черниговщиной, а последний

— Полтавщиной. Все осуществляемое ими руководство было законспирировано, в их работу был посвящен лишь круг доверенных лиц на местах, с которыми они и поддерживали связи. Так же конспиративно совершали они свои поездки по вверенным им округам, являясь лишь к определенным посвященным лицам; осуществляя таким образом тайное руководство, епископ Макарий <...> назначил особую функцию епископу Федору (Власову) — он не вмешивался в дела руководства, жил в Киеве и представлял из себя нечто вроде резерва, запасного члена, долженствующего приступить к своим обязанностям лишь в случае ареста остальных. Все эти подробности я узнал впоследствии, в 1924—1925 годах, от епископа Макария и епископа Сергия. Как я узнал от Кармазина, в 1926—1927 годах таким же порядком должны были быть тайно посвящены в 1924 году на Днепропетровщину Попов и Серафим Игнатенко, но посвящение не состоялось ввиду отзыва Перевозникова об их недостаточной надежности. Его телеграмму из Днепропетровска показал мне тогда Кармазин.

В Киеве собирались у протоиерея Козловского, иногда у протоиерея Василия Александровича Долгополова и обсуждали ставимые епископом Макарием вопросы. Особо доверенными лицами епископа Макария были Р.А.Ржевская, А.В.Шуварская и М.Н.Бурая. Наиболее деятельными священниками в Киеве в окружении епископа Макария были магистр богословия, профессор высших женских курсов протоиерей Евгений Зотикович Капралов, протоиерей Владимир Демьяновский, протоиерей Козловский и протоиерей Александр Должанский. В разное время эти священнослужители выполняли ответственные поручения. Например, в 1924 году о. Евгений Капралов вместе с епископом Сергием по просьбе епископа Макария ездили в Москву, чтобы урегулировать вопрос о ставропигии Лавры. На квартире у протоиерея Козловского в 1923 году не раз избирались кандидаты для тайных хиротоний. Священник Александр Должанский был особенно близок к епископу

Макарию и епископу Сергию и по их поручению хранил разные секретные бумаги, а также часто ездил в Харьков, Полтаву, Москву с особыми поручениями. Обладая всеми необходимыми данными, протоиерей Владимир Демьяновский по благословению владыки выступал перед подольским духовенством в 1923 году при обсуждении вопроса об отношении к обновленчеству». Протоиерей Виктор Вельмин вспоминал, что он «был участником двух собраний в 1923 году у протоиерея Василия Долгополова, где по первом, бывшем вскоре после Пасхи аресте всех киевских епископов обсуждался вопрос о необходимости поставления тайных епископов на случай арестов. Были намечены уже кандидатуры. Священник В.Демьяновский взялся наладить отношения с епископом Макарием и епископом Георгием (Делиевым), находившемся в Тараще.

Другое собрание в июне было у о. Василия Долгополова, где присутствовал епископ Макарий и почти все духовенство благочиния; протоиерей Николай Гроссу, протоиерей Евгений Капралов, протоиерей Василий Долго



Епископ Макарий

полов, протоиерей Владимир Демьяновекий, которые выступали активно в прениях, и другие священники и диаконы».

Административно высланный из Ананьевска в 1923 году епископ Парфений (Брянских) на лето перебрался в Святошино к о. Виктору Вельмину. Жил крайне замкнуто, но вел обширную переписку, хотя писем на святошинский адрес не получал. Не более двух раз за лето приезжала к нему неизвестная женщина из Ананьевска с письмами из епархии и М.Н.Бурая из Киева, через которую епископ Парфений вел отношения с епископом Макарием.

В 1923 году за активную деятельность епископа Макария арестовали и четыре месяца продержали в Киевской тюрьме.

Малософиевский собор в Киеве оставался у православных (большая Софиевская церковь была захвачена украинскими самосвятами), и там формировался сильный приход,

руководимый епископом Макарием. Как свидетельствовал Владимир Иванович Воловик, собрания проходили у вдовы ротмистра Юлии Васильевны Давыдовой¹⁰ по инициативе протоиерея Ивана Николаевича Церерина и протоиерея малого Софиевского собора Хрисанфа Дементьевича Григоровича, который обладал огромным организаторским талантом.

По благословению епископа Макария специально собирались средства для ссыльных епископов. Для этого владыка выдал Н.Е.Недзвядовской специальное письморазрешение, чтобы проводить сборы по всем киевским приходам. Но были и отдельные люди, специально назначенные для сбора средств для архиереев, конечно же, когда они были в ссылке или тюрьме. Так, в случае необходимости за материальную помощь епископу Парфению (Брянских) отвечала М.Н.Бурая, митрополиту Михаилу (Ермакову) — А.В.Шуварская, епископу Афанасию (Молчаповскому) — Поздеревянская, архиепископу Димитрию (Вербицкому) — Пудловская и Ильина и т.д.

По совету епископа Макария Г.А.Косткевич в Москве

¹⁰ До нас дошли имена церковных активистов, входивших в киевскую группу, существовавшую при малом Софиевском соборе. Это священники Е.Капранов, И. Златовверхников, И. Церерин, Х.Григорович, А.Г.Хадзицкий, Брайловский, протоиерей Феодор Поснеровский и архимандрит Филадельф. Связь с епископом Макарием поддерживал настоятель о. Александр Должанский. Им помогали прихожане того же храма: бывший главный бухгалтер Киевской Городской Думы Алексей Семенович Чернявский, Леокадна Эдуардовна Мороз, председатель Софиевской общины Александр Федорович Щербак, инженер Мина Иванович Шкаруба, бывший прокурор Александр Матвеевич Будовский, бывший полковник Белой армии Николай Владимирович Кривицкий, Д.Д.Неверович и бывший военный чиновник Николай Николаевич Додонов. Именно они играли решающую роль в принятии того или иного решения среди мирян. Благодаря их стараниям и трудам до православных Киева своевременно доходила нужная информация, формировались и вырастали новые достойные кандидаты для рукоположения, осуществлялась связь с селами, которую контролировал архимандрит Аверук, живший в то время в Умани и только изредка приезжавший получать корреспонденцию у Вельмина. С Чернобыльским и Радомысльским округами отношения поддерживал И.Волков (председатель), а также Шпичак, Златкевич, Собакевич и Шмигельский, и они же, в свою очередь, связывались с новыми группами в масштабах отдельных приходов всей епархии.

связался с В.А.Невахович, которая целенаправленно занималась организацией помощи арестованным епископам. Косткевич регулярно сообщал ей о высланных в Москву с Украины епископах, и она вместе со своими сподвижницами А.С.Лепешкиной и монахиней Любовью (Голициной) носила им передачи. В 1926 году, когда в Бутырской тюрьме сидел епископ Сергей (Куминский), именно они снабжали его всем необходимым.

В январе 1925 года епископ Макарий был арестован. Его обязанности принял на себя архиепископ Георгий (Делиев), и Косткевич, войдя к нему в доверие, стал выполнять его поручения. Так, например, в конце марта 1925 года по благословению архиепископа Георгия он ездил в Москву; конспирация соблюдалась настолько строго, что даже своих родных он не должен был ставить в известность о поездке. Впоследствии на допросах он говорил: «Делами Украины ведал епископ Парфений, с ним и надо было поддерживать связь и к нему я должен был явиться. Архиепископ Георгий просил сообщить ему об аресте епископа Макария (Кармазина) и о том, что он вступает в исполнение его обязанностей.

В Москве я виделся с епископом Парфепием в Даниловом монастыре, где он жил, передал поручения и на следующий день получил пакет для Делиева и на словах обещание, что вопрос о ставропигии будет пересмотрен и что Делиев утвержден. Вернувшись в Киев, я передал пакет и устные сообщения архиепископу Георгию (Делиеву).

В течение весны 1925 года, бывая постоянно у архиепископа Георгия в Михайловском монастыре, где он жил, встречал там епископа Сергея (Куминского), епископа Филарета (Линчевского) и епископа Афанасия (Молчановского). Я убедился, что Делиев играет роль руководящую, они же, как и при епископе Макарии, помогают ему.

Кажется, в мае 1925 года в Киеве организовалась «прогрессивная группа» духовенства, стремящаяся добиться легализации церковного управления. Одновременно возник и другой вопрос — группа епископов во главе с украинским епископом Павлом (Погорилко) рассчитывала созвать в мае 1925 года всеукраинский съезд в Лубнах в целях той же

легализации. Приглашения на этот съезд были разосланы всем епископам, в том числе и Делиеву, Куминскому, Линчевскому и Молчановскому. Из Полтавы и Харькова архиепископ Георгий получил в это время сведения, что там тоже образуются «прогрессивные группы» и что тамошние епископы, в частности епископ Григорий (Лисовский), склонны поддерживать Лубенский съезд. Дабы выяснить эти вопросы, достичь единомыслия, единой тактики поведения, архиепископ Георгий столь же конспиративно, как и прежде, послал меня в Полтаву, Харьков и Москву. В Полтаве я должен был выяснить все эти вопросы у епископа Григория (Лисовского), в Харькове у епископа Константина (Дьякова) и епископа Дамаскина (Цедрика) и в Москве у митрополита Петра (Полянского), епископа Парфения (Брянских) и епископа Николая (Добронравова). Сущность поручений, данных мне архиепископом Георгием, сводилась к тому, чтобы выработать единый фронт, крепче связать Киев с Полтавой и Харьковом, обменяться адресами для переписки <...>. Конкретно это сводилось к мысли о роспуске сепаратных «прогрессивных групп», бойкоту Лубенского съезда. Кроме того, мне же поручалось обсудить вопрос о новых тайных епископах. Кандидатами такими для Подолии архиепископ Георгий считал Порфирия (Гулевича) и Варлаама (Козулю) и для Черниговщины Феодосия (Ващинского).

Вновь никого не посвящая в свою поездку, я отправился в Харьков с остановкой в Полтаве. В Полтаве я виделся с епископом Григорием (Лисовским) на его квартире по улице Загородией. Изложив ему мысли архиепископа Георгия, я получил от него ответ, что он присоединяется к точке зрения Делиева и обещает ее поддерживать, считает, что связь с Киевом надо поддерживать и ничего не решать без предварительного соглашения. Эту связь он обещал поддерживать не по почте, а присылая в Киев специальных курьеров к архиепископу Георгию. По вопросу о пополнении кандидатов он высказался за посвящение на Полтавщину протоиерея Василия Зеленцова и Иоасафа Жевахова.

В Харькове я виделся с владыкой Константином (Дьяковым) на его квартире на Конторской улице и епископом Дамаскиным

(Цедриком) на его квартире по улице М.Панасовской. Оба они также присоединились к точке зрения архиепископа Георгия и дали мне адрес для переписки по почте. Я же дал им для переписки с Делиевым свой адрес. Епископ Дамаскин, кроме того, дал мне поручение церковного характера к архиепископу Пахомию (Кедрову) в Москву.

В Москве, куда я поехал из Харькова, я виделся с епископом Парфением (Брянских) и епископом Амвросием (Полянским) в Даниловом монастыре, с епископом Николаем (Добронравовым) и архиепископом Пахომием (Кедровым) на их квартирах, а также с митрополитом Петром (Полянским) на его квартире в Бауманском переулке №3/5.

Все перечисленные лица подтвердили правильность взятой Делиевым линии. Настаивали на немедленном роспуске



Слева направо: епископы Павел (Кратиров), Константин (Дьяков), Борис (Шипулин), Евгений (Зернов), Онуфрий (Гагалюк), Дамаскин (Цедрик), Антоний (Панкеев), Харьков 1927год

«прогрессивной группы» и на полном бойкоте Лубенского съезда. Они пообещали, что добьются и церковного запрещения этого съезда <...>. Мысль о пополнении кадров тайно поставленными епископами они также одобряли, и Гулевич, Козуля, Ващинский, Зеленцов и Жевахов не встречали их возражений. Они лишь настаивали на предварительном церковно-административном утверждении их митрополитом Петром. Митрополит Петр, которому я сообщил мнение епископов Парфения и др., согласился.

Вернувшись в Киев и привезя Делиеву пакет от епископа Парфения, я сообщил ему о результатах своей поездки. Встретился я с ним, как было условлено, в Зверинецком скиту, для чего встал с поезда у железнодорожного моста. Всего в дороге я пробыл 6 дней, затратив один на Полтавщину, два на Харьков и два на Москву. Билет у меня был бесплатный, т.к. я служил на железной дороге, деньги же на расходы дал мне архиепископ Георгий.

Через несколько дней по просьбе архиепископа Георгия (Делиева) я подготовил доклад о своей поездке и прочитал у него на квартире в присутствии епископа Сергия (Куминского), епископа Филарета (Линчевского) и епископа Афанасия (Молчановского). Тогда же по поручению Делиева я известил по почте епископа Григория (Лисовского), епископа Константина (Дьякова) и епископа Дамаскина (Цедрика) о результатах своей поездки в Москву. Затем священник Пискановский объехал остальных украинских епископов, и после этого акт осуждения лубенцев рассылался для широкого распространения по Украине».

Осенью 1925 года в Москву из Ташкента вернулся из ссылки митрополит Михаил (Ермаков). Несколько позже, зимой, был освобожден епископ Макарий (Кармазин). «Деятельность епископа Макария, — вспоминал В.И. Воловик, — была чрезвычайно реальна и действенна. Еще будучи в Киеве, параллельно с деятельностью руководящих ячеек епископ Макарий создал так называемую пятерку общекиевского масштаба из .В.Кривицкого, А.Г.Феокистова, Волошинова, М.Н.Петренко, И.П.Мельникова. В задачи этой пятерки входила координация всех киевских групп».



Сидят, слева направо: епископ Сергей (Куминский), епископ Димитрий (Вербицкий), архиепископ Василий (Богдашевский), епископ Георгий (Делиев). Стоят: епископ Филарет (Линчевский), епископ Афанасий (Молчановский). Киев, Малософийский собор. 1 мая 1926 год

Выйдя из тюрьмы, епископ Макарий получил отказ от архиепископа Георгия передать ему дела. Вначале Кармазин намекнул, а потом прямо сказал, что архиепископ Георгий ведет свою корыстную политику и не заслуживает больше прежнего доверия и может быть вполне заподозрен в контакте с ГПУ. (В это время у архиепископа Георгия наметилась явная тенденция к соглашательской политике с советской властью. К сожалению, худшие предположения епископа Макария оправдались, и в результате показаний Делиева многие лишились не только свободы, но и жизни.)

Сочтя нападение лучшей защитой, архиепископ Георгий стал обвинять епископа Макария и епископа Сергея и других в неправильной линии поведения, говорить о каком-то предательстве и даже послал в Москву А.В.Шуварскую с секретным письмом к митрополиту Михаилу (Ермакову), стремясь возбудить недоверие Экзарха к ближайшим и

проверенным сподвижникам. Он уговаривал «приехать в Киев и здесь на месте решить все дела», загадочно намекая на какие-то обещания сотрудника ГПУ Карина. Заверяя митрополита в своей преданности, Делиев, указывая на конкретных лип, давал понять, что его хотят лишить кафедры.

В это же время, когда епископ Макарий вышел на свободу и стал разбираться в сложившейся ситуации, архиепископ Георгий поставил Косткевичу условие — поддерживать связь либо с ним одним, порвав отношения с епископом Макарием и другими, либо лишиться его доверия. Не видя оснований для разрыва с епископом Макарием и его окружением, Косткевич стал реже бывать у архиепископа Георгия, а тот, в свою очередь, перестал посвящать его в свои дела. В результате ситуация изменилась. Под влиянием епископа Макария — а оно было неизменно большим — многие архиереи стали с недоверием относиться к архиепископу Георгию; он утратил свой прежний авторитет и остался в одиночестве.

В 1925 году владыка Макарий был назначен епископом Екатеринославским¹¹ и Новомосковским, а в декабре того же года снова арестован и после десятимесячного заключения выслан в Харьков, где пробыл по март 1927 года без права выезда. Той же зимой 1925 года из Киева был выслан епископ Афанасий (Молчановский).

Когда произошел григорианский раскол, епископ Макарий благословил священника Николая Пискановского строго конспиративно объехать украинских епископов в Киеве, Харькове, Полтаве, Житомире и других городах, чтобы те высказали свое осуждение, и результаты опроса отвезти в Москву. Одновременно по почте из Харькова епископ Макарий высылал Косткевичу рукописные обращения, воззвания и прочие документы, направленные против ВВЦС, а также послания митрополита Сергия (Страгородского) и его переписку с лидерами ВВЦС. В Киеве эта литература размножалась на пишущих машинках и распространялась епископом Сергием (Куминским) и Косткевичем среди духовенства и мирян через группы, организованные епископом Макарием.

¹¹ Екатеринослав – ныне Днепропетровск

В 1926 году вместе с другими архиереями Украины епископ Макарий возвысил и свой голос против григорианского раскола, подписав «Обращение Украинских православных иерархов к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) по вопросу об осуждении организаторов ВВЦС»:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

. Ваше Высокопреосвященство! Милостивый Архипастырь и Отец!

В чрезвычайно трудное для Церкви Божией время Промыслом Божиим вручено Вашему Высокопреосвященству духовное окормление всей Поместной Российской Православной Церкви, на правах Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, вследствие заключения в узы Патриаршего Местоблюстителя, Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого.

От всей души молим Господа Пастыреначальника, да укрепит Он Вас и даст силы многие для плодотворного служения Церкви Божией!

С великой скорбью узнали мы о появлении нового церковного раскола ВВЦС, который, по нашему мнению, является одним из средств разрушения устоев нашей Святой Православной Церкви. Познакомившись с каноническими мероприятиями Вашего Высокопреосвященства как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Поместной Всероссийской Православной Церкви в отношении к раскольническому ВВЦС, мы считаем эти мероприятия вполне правильными и вместе с Вами:

1) предаем всех членов ВВЦС (архиепископа Григория Янковского, Екатеринбургского, архиепископа Константина Булычева, бывшего Могилевского, епископа Бориса Рукина, Можайского и др.) и их единомышленников соборному суду архиереев за нарушение правил Святых Апостол 34 и 35; Антиохийского Собора 10, 11, 38 и др.;

2) все служебные действия архиереев, признающих юрисдикцию самочинного ВВЦС (рукоположения, назначения, награды и всякие по службе распоряжения), начиная с 9 (22)

декабря 1925 года и далее считаем недействительными;

3) всех архиереев, признающих юрисдикцию вышеназванного ВВЦС, как преданных суду за тяжелое нарушение канонов, подвергаем запрещению в священнослужении и устранению от управления вверенными им епархиями или викариатствами впредь до раскаяния и письменного заявления их Вашему Высокопреосвященству (или же Вашему законному заместителю) о выходе из общения с ВВЦС или до церковного суда над ними и

4) всех вступающих в молитвенное общение и принимающих таинства от архиереев, признающих юрисдикцию вышеупомянутого раскольнического ВВЦС, признаем подлежащими наказанию по 10-му правилу Святых Апостол.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца, смиренные богомольцы:

1. Смирный Михаил [Ермаков], митрополит, Экзарх Украины.

2. Смирный Константин [Дьяков], епископ Сумской, управляющий православными приходами Харьковской епархии.

3. Смирный Онуфрий [Гагалюк], епископ Елисаветградский, управляющий Одесской епархией.

4. Смирный Антоний [Панкеев], епископ Мариупольский.

5. Смирный Стефан [Адриашенко], епископ Александровский и Павлоградский, временно управляющий Екатеринославской епархией.

6. Смирный Макарий [Кармазин], епископ Уманский, викарий Киевской епархии.

7. Смирный Василий [Богдашевский], епископ бывший Прилукский.

8. Смирный Григорий [Лисовский], архиепископ Полтавский.

9. Смирный Борис [Шипулин], временно управляющий Подольской епархией.

27 февраля (12 марта) 1926 года».

Зимой 1925—1926 года в Харькове находились архиепископ Борис (Шипулин), архиепископ Онуфрий (Гагалюк), епископ Константин (Дьяков), епископ Макарий (Кармазин), епископ Стефан (Адриашенко) и епископ Антоний (Панкеев),

исполнявший обязанности секретаря. С ними в постоянном контакте были епископ Василий (Зеленцов), епископ Филарет (Линчевский) и епископ Сергей (Куминский), архиепископ Аверкий (Кедров), епископ Максим (Руберовский) и епископ Леонтий (Матусевич). Эти архиереи в значительной мере



Епископ Василий (Зеленцов)

влияли на церковную жизнь на Украине.

Предвидя возможность ареста, епископ Сергей (Куминский) и епископ Филарет (Линчевский) стремились организовать свою работу в Киеве таким образом, чтобы церковь не утратила своей

позиции в случае их отсутствия. Владыка Сергей по совету Кармазина до своего ареста в ноябре 1926 года создал окружные пятерки, обладавшие широкими полномочиями. Документы, то есть акты формального назначения с определением обязанностей и прав, были заготовлены епископом Сергием и отданы на хранение его келейнику вместе с другими текущими бумагами. Права и обязанности пятерок-комиссий были официально написаны и неофициально подразумеваемы. Первые сводились к тому, что комиссии предоставлялось право самостоятельно решать внешние церковные проблемы. К подразумеваемым относились: порядок преемства в руководстве комиссии на случай ареста, увольнения и взыскания, отношения с епископом Макарием, находящимся в Харькове, а также обмен информацией через Косткевича. В течение осени 1926 года обдумывался и обговаривался вопрос о необходимости тайно рукоположить новых епископов, как и в 1923 году. Для согласования епископ Сергей той же осенью послал в Харьков Косткевича, который встретился с епископом Макарием, епископом Константином и др. Соображения епископа Сергия (Куминского) были одобрены, так как аресты приобретали массовый характер. Избрание кандидатов происходило в Харькове, и акты, подписанные епископами Украины, утверждались митрополитом Сергием (Страгородским). Архиереев объезжал, как и прежде, доверенный епископа Макария протоиерей Николай Пискановский. Как избрание, так и хиротония совершались конспиративно, без предварительного оповещения властей. В результате были рукоположены во епископы Аркадий (Остальский), Феодосий (Ващинский), Стефан (Проценко), Варлаам (Козуля)¹² и Иоасаф (Жевахов)¹³.

По мере арестов и высылки одних епископов их места занимали другие, каждый из которых окормлял определен

12 Епископа Варлаама (Козулю) поставили во епископа Бердашей тайно ездившие туда епископ Сергей (Куминский) и епископ Феодосий (Ващинский).

13 Потомок святителя Иоасафа Белгородского князь Владимир Давидович Жевахов был пострижен в мантию 26 декабря 1924 года епископом Макарием в Зверинецком скиту.



Епископ Дамаскин (Цедрик). Соловки 1

ный регион и те конспиративные группы, какие там были. Так, владыка Константин (Дьяков) ведал Харьковщиной, архиепископ Борис (Шипулин), епископ Феодосий (Вашинский), епископ Варлаам (Козуля) и священник из Ольгополя Поликарп Гулевич (впоследствии священномученик Порфирий, епископ Симферопольский и Крымский) — Подolieй, епископ Макарий (Кармазин) и епископ Антоний (Панкеев) — Днепропетровщиной, епископ Дамаскин (Цедрик) и епископ Стефай (Процнко) — Черниговщиной.

«Все осуществляемое ими руководство было

законспирировано, в их работу был посвящен лишь круг доверенных лиц на местах, с которыми они поддерживали связи. Так же конспиративно совершали они и свои поездки по вверенным им округам, являясь лишь к определенным посвященным лицам», — сообщал Косткевич. При арестах и ссылках обязанности перераспределялись. Например, владыка Константин (Дьяков) ведал в 1927 году Днепропетровщиной, Полтавщиной и Черниговщиной. Связи осуществлялись посредством курьеров и переписки по условным адресам. В Киеве таким контактным местом был дом Марианны Николаевны Бурой по ул. Театральной, 3, у которой некогда жил епископ Парфений (Брянских).

«В конце февраля 1927 г. я получил от епископа Макария предложение приехать в Харьков, — вспоминал Косткевич, — ввиду его предстоящего отъезда в ссылку. В Харькове я узнал от него, что целью моего вызова является вопрос о привлечении архиепископа Василия (Богдашевского) к работе центра ввиду того, что с отъездом епископа Макария остаются люди малодетельные и, главное, не способные проводить достаточно твердо церковную линию. По этому поводу мне пришлось участвовать в двух совещаниях <...>, одном на квартире епископа Макария на ул. М.Панасовской, где присутствовал архиепископ Борис (Шипулин) и случайно проезжавший через Харьков архимандрит Гермоген (Голубев), и другом — на квартире епископа Константина (Дьякова), на Конторской улице, где также присутствовал архиепископ Борис. На обоих совещаниях обсуждался вопрос об участии архиепископа Василия (Богдашевского), и это было признано желательным. Связь возлагалась на меня. Тогда же я получил условные адреса для переписки — с архиепископом Борисом (Шипулиным) на имя Розенберг и с епископом Константином (Дьяковым) на имя его иподиакона Антоши <...>. Я также должен был сообщить архиепископу Василию мнение о кандидатах в тайные епископы Селецком, Цуйманове и Скрипке и затем его отзывы передать в Харьков. Наконец, на этих совещаниях обсуждался вопрос о желательности и необходимости установить связь с границей, передать туда для опубликования сведения о происходящих арестах епископов

в СССР с просьбой выступить в защиту Церкви <...>. В связи с этим я получил от архиепископа Бориса (Шипулина) список ссыльных епископов¹⁴.

По возвращении моем в Киев я сообщил архиепископу Василию обо всем, и затем, переписываясь с архиепископом Борисом и епископом Константином, поддерживал связь между ними и архиепископом Василием.

В этот же период я установил связь с находившимся в ссылке епископом Сергием (Куминским) и, ставя его в известность о событиях в его округах и в Харькове письмами по условному адресу в Краснококшайск, служил связующим звеном».

В 1927 году владыку Макария арестовали и отправили в ссылку в Горно-Шорский район Томской области. По окончании срока епископ с 1933 года проживал в Костроме, позже служил в селе Селище Ивановской области.

Лишения и ссылки только укрепили огненный дух епископа Макария. Все пережитое им ради Христа, становясь основой душевного устроения, давало ему легкую и благодатную осознанность, что и как должен делать архиерей в условиях тотального гонения на веру. И он продолжал создавать домовые церкви, где подготавливались кандидаты для рукоположения. Оставаясь, как и прежде, непримиримым борцом с обновленцами, он непрестанно проповедовал.

Осенью 1934 года оперуполномоченный Кирьянов

14 В апреле-мае 1927 года Косткевичу через М.О.Сагатовскую удалось передать в Киеве польскому консулу Бабинскому полученные архиепископом Борисом (Шипулиным) фото группы архиереев, высланных на Соловки, и письмо, содержащее директиву, выработанную епископами на совещании в Харькове. Фото соловецких епископов Косткевич получил от архимандрита Гермогена (Голубева), и по его совету зимой 1928 года передал через польское консульство А.П. Вельмину, который уже был за границей: 1) декларацию митрополита Михаила (Ермакова) с поправками представителя ГПУ Карина; 2) протоколы двух епископских съездов, прошедших в Киеве в 1928 году по вопросу польской автокефалии и лишения по требованию ГПУ кафедр ссыльных епископов; 3) комментарии, разъясняющие причины легализации Церкви в СССР; 4) меморандум митрополиту польскому Дионисию о вынужденности постановлений против польской автокефалии и т. д.

санкционировал арест епископа Макария. В постановлении говорилось, что «Кармазин материалами предварительного следствия достаточно изобличается в контрреволюционной агитации и пропаганде, направленной против Советской власти, в связях с контрреволюционной ссылкой (то есть в отношениях с сосланными иерархами и священнослужителями), в устройстве антисоветских сборищ, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 УК. Принимая во внимание, что нахождение на свободе Кармазина может влиять на ход дальнейшего следствия,

постановил:

Мерой пресечения в отношении Кармазина избрать содержание его под стражей при Ардоме УНКВД, о чем объявить ему под расписку.

Оперуполномоченный 3-го отд. СПО *Кириянов*

Нач. 3-го отделения СПО *Новиков»*.

И внизу ровным почерком владыка написал: «Постановление мне объявлено. М.Кармазин. 1 октября 1934 года».

Сохранился «меморандум на проходящего по делу №9 УГБ Управления НКВД по ИПО Кармазина М.Я.». В графе «Последнее место службы, должность или род занятий» указано: «Без определенных занятий». Быть епископом и служить в церкви для безбожной власти не было «определенным занятием» и приравнивалось к тунеядству.

В графе №7 «Характеристика обвиняемого, описание совершенного преступления и степень его опасности» говорится: «Является вдохновителем и руководит оперативно ликвидированной церковно-монархической контрреволюционной группой «ИПЦ». Участниками группы и ее вдохновителем велась развернутая агитация против Советской власти и проводимых ею мероприятий, распространялись контрреволюционные провокационные слухи о голоде в Советском Союзе, доходящем до людоедства, и т. д.». В графе о необходимости агентурного обслуживания осужденного после его освобождения из лагеря написано: «Необходимо». А в следующей графе «Можно ли вербовать и для какой работы» определено указано: «Нет».

Владыку обвинили в том, что он был «идеологом

Православной Церкви <...>, вел активную антисоветскую работу; объединял реакционно-враждебные части духовенства для активной борьбы с советской властью; насаждал нелегальные домовые церкви с целью подготовки церковных кадров; устанавливал идейные связи с единомышленниками, находящимися в ссылке и других городах; устраивал у себя на квартире тайные моления и антисоветские сборища».

Полгода епископ Макарий находился в тюрьме, пока 17 марта 1935 года Особое Совецание при НКВД не осудило его к ссылке в Казахстан сроком на пять лет. В тот же день по решению того же Особого Совецания при НКВД к пяти годам ссылки в Казахстан была приговорена и Раиса Александровна Ржевская. Она была арестована через неделю после епископа Макария, 8 октября 1934 года. «Трудами» следователя Проценко Раиса Александровна была обвинена в том, что «входила в состав церковно-монархической группы последователей Истинно Православной Церкви, принимала активное участие в нелегальных собраниях участников группы, как активный член группы распространяла провокационные слухи о голоде, гонении на православную веру, духовенство и массу верующих. Вела антисоветскую агитацию против коллективизации и проводимых мероприятий Советской власти» и т. п.

Пожалуй, Ржевская была самой преданной и верной сподвижницей епископа Макария. Большую часть жизни она посвятила церковной деятельности, и, находясь рядом с владыкой в ссылке, она, несмотря на свои 57 лет, была ему незаменимым помощником. У нее на квартире происходили все нелегальные встречи, совершались службы. Через нее осуществлялись контакты с высланными архиереями, она организовывала посильную помощь епископам, отправляя им продуктовые посылки и денежные переводы.

Вскоре владыка Макарий и Раиса Александровна оказались в Казахстане, в Каратальском районе на станции Уш-Тоб. Благодаря обширным связям и регулярной помощи, которую оказывали архиерею священники и церковные общины, владыка смог купить небольшой дом по улице Днепровской, в котором и поселился с Р.А.Ржевской и ссыльным священником Королевым.

Пребывая в непрестанной молитве и непоколебимом евангельском уповании, он во всем предался Промыслу Божию и продолжал вести себя так, как подсказывали ему совесть и долг архиерея. По-прежнему чрезвычайно осторожный и внимательный, он все же продолжал, невзирая на пристальное внимание властей, принимать всех желающих получить духовное наставление. В его доме совершалось богослужение, на которое допускались самые близкие и проверенные люди. Владыка понимал: безбожная власть не выпустит его из своих рук. Но это только укрепляло его веру и помогало уходить от иллюзий.

Через некоторое время на станцию Уш-Тоб прибыл высланный из Симферополя епископ Порфирий (Гулевич). Молитвенник и подвижник, верный Патриаршей Церкви, он с радостью был принят епископом Макарием и по его настоянию остался жить у него в доме. Взгляд на происходящее, пройденный путь архипастырского служения, любовь к молитве и аскетической жизни сроднили двух святителей. В единомыслии и одиночестве родилась возвышенная дружба двух замечательных архиереев.

Набирая силу, власть все отчетливее и яснее декларировала свою радикальную ненависть к Православной Церкви и ее служителям. Ссылка в бескрайний и дикий Казахстан казалась уже недостаточной, хотелось большего... НКВД стал собирать на епископа компрометирующий материал.

Как это нередко бывало, нашлись подходящие люди, Н.А.Третьякова и А.В.Андреев, давшие сомнительные показания против владыки и Ржевской, смысл которых сводился всего лишь к завистливым подозрениям: им много пишут, присылают посылки и, по их предположению, «епископ не любит Советскую власть». Андреев привел некоторые, по его мнению, преступные высказывания епископа Макария о том, что «страной управляют босяки и от них ничего хорошего не дождешься» и что «они насильно хотят заставить отказаться от религии, но его переменить взгляды никто не заставит, хотя бы угрожали смертью». Как-то по неосторожности владыка сказал Андрееву, что у советской власти и в ее правящих кругах идет брожение и что «за проводимую политику советским правительством народа

не более 10 %, а остальные настроены против <...> и что советская власть обязательно будет свергнута». Этого оказалось достаточно для репрессий, и 20 ноября 1937 года лейтенант НКВД Зенин выписал ордер на арест епископа. В тот же день был арестован и епископ Порфирий (Гулевич), а через два дня — Раиса Александровна и племянница епископа Порфирия (Гулевича) Анна Петровна Михо. Содержались они в Алма-Атинской городской тюрьме.

23 ноября начались последние допросы. Владыка держался твердо и уверенно, все обвинения решительно отвергал:

— Вы обвиняетесь в том, что, находясь на станции УшТоб, среди населения проводили антисоветскую деятельность, дискредитировали Советскую власть, ея проводимую политику, группировали вокруг себя антисоветский элемент. Дайте по этому вопросу показания.

— Находясь на станции Уш-Тоб, я среди населения контрреволюционной агитации никогда не проводил; как Советскую власть, так и ее политику не дискредитировал, не группировал вокруг себя также и антисоветский элемент.

— На какие средства вы существовали?

— Источник средств к существованию я имел следующий: со дня приезда на Уш-Тоб я получал помощь от своего сына, который работал на одном из заводов в городе Ташкенте, оказывала помощь сестра Ржевская Раиса <...>, я также имел поддержку от продажи своих домашних вещей, а также имел некоторую помощь, причем очень малую, от общин или служителей культа, но точно не знаю, от кого, так как в переводах, которые я получал, не указывалось, от кого.

— Скажите, с кем вы имели связь как на станции УшТоб, так и вне.

— Находясь на станции Уш-Тоб, я никаких связей не имел, за исключением того, что со мною вместе в моем доме проживали моя сестра Ржевская Раиса, епископ Гулевич и в последнее время — его племянница с сыном. Что касается связей вне станции Уш-Тоб, то у меня их совершенно нет, кроме того, некоторое время в конце 1936 года у меня на квартире проживал священник Королев.

Ни одно из предъявленных обвинений младшего лейтенанта

Зенина не находило подтверждения. Все лжесвидетельства владыка категорически отверг. Но это не стало препятствием для следствия, и уже на следующий день, 24 ноября 1937 года, после единственного допроса было сооружено обвинительное заключение против епископа Макария, епископа Порфирия, Р.А.Ржевской и А.П. Михо со все тем же стандартным перечнем преступлений против советской власти. Обвинительное заключение 1 декабря 1937 года утвердил начальник УНКВД по АлмаАтинской области капитан госбезопасности Броун. И в тот же день состоялся суд, скорый и немилосердный. Епископ Макарий (Кармазин), епископ Порфирий (Гулевич), Раиса Александровна Ржевская были приговорены к расстрелу, Анна Петровна Михо к 10 годам лагерей.

2 декабря были расстреляны владыка Порфирий (Гулевич) и Раиса Ржевская. На следующий день, 3 декабря 1937 года, был казнен владыка Макарий (Кармазин).

В наиболее сложный исторический период для Русской Православной Церкви епископ Макарий, мужественно и кротко пронеся до конца нелегкий крест архипастырского служения, и его верная сподвижница Раиса Александровна Ржевская были увенчаны Богом мученическими венцами.

ИСТОЧНИКИ

ЦГАООУ. — Ф. 263, оп. 1, д. № 66923, к. 1966, т. 3, л. 1—54, 114—134.

Архив КГБ по Казахстану. — Арх. № 019230, т. 1, л. 24—26, 28—29, 48—50, 54—60.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е.Губонин. — М., 1994. С.445, 446, 979.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. — Ег1апдеп, 1979—1989. Т.4. С. 217.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: В 2 ч. — Джорданвилль, 1949—1957. Ч. 2. С.90—91.

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК РОМАН МЕДВЕДЬ



*Протоиерей Роман Медведь.
Севастополь 1*

Роман Иванович Медведь родился 1 октября 1874 года в местечке Замостье Холмской губернии в семье мещан. Отец, Иван Иосифович, был учителем прогимназии, мать, Мария Матвеевна, — повивальной бабкой, что не раз в последующие голодные годы спасало семью. Когда Роману было семь лет, родители переехали в Грубешов в той же Холмской губернии. Самым старшим из детей был Яков, через два года родился Роман, затем — Мстислав, Ольга, Василий (умер в детстве), Шура и Миша. Двенадцати лет от роду

Роман потерял отца. В 1892 году юноша окончил Холмскую

духовную семинарию, а в 1897 году

— Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Будучи студентом Академии, Роман Иванович стал духовным сыном о. Иоанна Кронштадтского, что в значительной степени сформировало его духовный облик. После окончания Академии он был назначен инспектором Виленской духовной семинарии.

В 1901 году Роман Иванович женился на дочери благочестивого священника Николая Невзорова Анне Николаевне, которая только что окончила медицинские курсы. Для характеристики духовности о. Николая Невзорова и его семьи скажем только о его блаженной кончине. Во время божественной литургии в день своего Ангела, причастившись

Святых Таин, он вышел к народу и сказал: «Со страхом Божиим и верою приступите», — вернулся в алтарь, преклонил колени перед Престолом со Святыми Дарами и мирно почил. Брат Анны Николаевны о. Павел после длитель

ного заключения сподобился мученической кончины в 1937 году.

Венчались Роман Иванович и Анна Николаевна по благословию святого праведного Иоанна Кронштадтского. С этого времени о. Иоанн стал духовником и Анны Николаевны. Молодая чета постоянно переписывалась с кронштадтским старцем и часто приезжала в гости. Все в этой семье делалось по благословию о. Иоанна. В то время Роману Ивановичу было 26 лет, Анне Николаевне

— 22 года.

Впоследствии о. Роман часто служил с праведником земли русской и во время евхаристического канона неоднократно видел о. Иоанна Кронштадтского приподнимающимся над полом, как бы парящим в некой дымке. Об этом о. Роман рассказывал своей духовной дочери Елизавете Грошевой, которая скончалась в начале 90-х годов.

В марте 1901 года в Чернигове Роман Медведь был рукоположен во иерея владыкой Антонием (Соколовым) и направлен в Черниговскую губернию священником при Крестовоздвиженском братстве известного помещика Неплюева. Но там о. Роман не задержался, пробыв всего лишь год. Болела жена, но главное — устав братства и требования Неплюева к священнику не соответствовали церковным канонам. Все братство устраивалось скорее по социалистическим толстовским представлениям, нежели по христианским. Сам Неплюев хотел видеть в православном пастыре только требоисполнителя, который не может и не должен вмешиваться в жизнь общины, нравственно влиять на братчиков, более того — это отчасти даже предусматривалось уставом.

Не со всем могла мириться совесть православного священника в деятельности братства, в частности — с производством спирта. Разумеется, это дурно влияло на духовную атмосферу, никто из предыдущих священников здесь не задерживался, некоторые жаловались архиерею. И о. Роман,

осмотревшись и поняв, что здесь и как, написал обстоятельное письмо в Святейший Синод о том, почему священник не может жить в этом братстве: «Братство доселе еще не стало на путь чистого, святого добывания хлеба. Этому мешают винокуренный завод и смешение помещичьего хозяйства с братским. Настоящая экономическая организация братства грозит обратить его в коллективного помещика, весьма тяжелого для окружи, поскольку всякая частная благотворительность является запрещенной по уставу. Получается самая жесткая форма капиталистического строя, без всякого выражения не только христианских, но и просто человеческих чувств. Труд братства потерял нравственно-оздоровляющее значение, следовательно, по своему жизненному принципу братство неуклонно стремится в самоуслаждение <...>. По вопросу о постах у братства существует грустный софизм. Не соблюдавший их истово блюститель странно переиначил слова Апостола о ядении мяса, говоря, что по нашему времени их надо бы понимать так: не буду поститься вовек, чтобы не соблазнить брата моего — соседнюю крестьянскую округу, твердо соблюдающую посты <...>. Братство принципиально закрывает себе дорогу, ведущую к самоотречению и смерти для мира и греха.

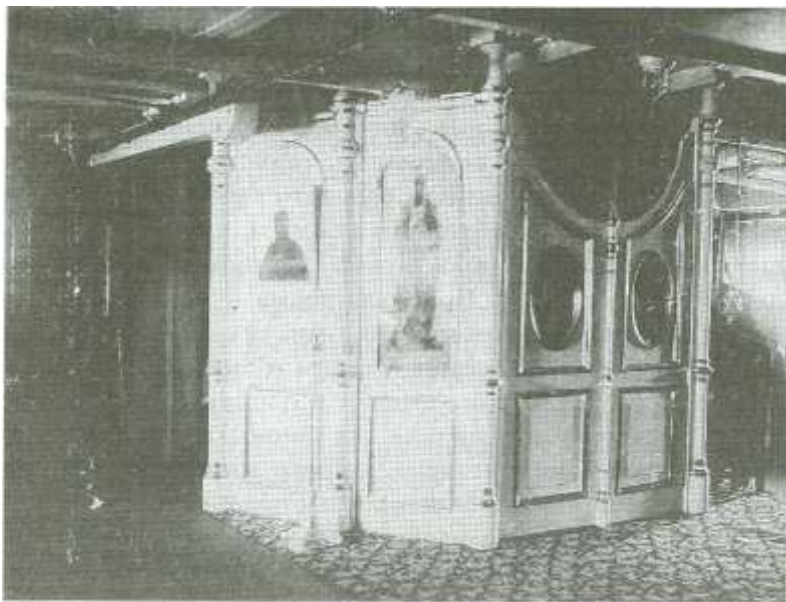
Могут ли после этого быть у братства чистыми отношения к главному условию духовного развития — церкви и ее служителям? Есть в братстве ходячий принцип о предпочитающих торговать своим трудом и духовными силами вместо того, чтобы состоять членом трудового братства. По этому принципу священник, получающий от братства жалованье, есть лицо, продающее ему свой труд и духовные силы. Уж не покупает ли у него братство и благодать таинств за платимое ему жалованье? Едва ли благоразумно ставить себя в такое странное положение в отношении таинств.

Исторически сложившиеся отношения братства к православному священнику ненормальны. Братство постоянно разделяло в священнике нравственную личность и носимый им сан и через то открыло себе широкую дорогу для осуждения и попираания священства. Согласно этому разделению, все в пасторском руководстве неприятное для овцы и стада может быть относимо к личности священника, не имеющей никакого

отношения к носимому им сану. Пастор должен пасти овец, как того желают овцы. Если же, согласно указаниям своей совести и долга, пастырь станет призывать овец к покаянию в сладких для них грехах, овцы назовут это недостойным сана православного священника стремлением к духовному деспотизму и попиранием прав мирян православной церкви на устроение жизни согласно их личным убеждениям.

Священство — не колдовство, таинства — не шаманские действия. Возможно, и бывают священники, сана не достойные, когда необходимо отделять личность от священства, так как Господь может действовать и через недостойное посредство. Но общая норма — не такова. Священство есть сила нравственно-мистическая. Огульное разделение между священным саном и личностью священника вносит разделение смерти в основную церковную жилу. Презирать священника как личность и получать от него Святые Тайны не дело доброго мирянина. Добрый мирянин, если увидит болезнь в пастыре, отнесется к ней по образу Сима, а не несчастного его брата, будет болеть от мысли, как прикрыть отчую наготу, сам пойдет во священники и покажет его истинный нравственный образ. Если же братство этого не сделало даже на одном примере, то пусть убоится предаваться осуждению священства... В противном же случае пусть вспомнит об участии третьего сына Ноева».

Впоследствии, еще при жизни Неплюева, братство, которому он посвятил всю свою жизнь, огромную энергию и значительный капитал, распалось окончательно, как бы подтвердив тем евангельскую истину, что на песке социальных утопий ничего доброго устроить нельзя.



м Разборная церковь на корабле "Россия"

В 1902 году о. Романа перевели в Петербург. В церкви равноапостольной Марии Магдалины он организовал общество трезвенников, говорил проповеди, устраивал приходскую жизнь — все делал по благословению о. Иоанна Кронштадтского. Так продолжалось до 1907 года. Но здоровье Айны Николаевны ухудшилось, требовался более здоровый климат, и они переехали в Крым. Отец Роман был назначен настоятелем Свято-Владимирского Адмиралтейского собора в Севастополе, стал благочинным береговых команд Чер

поморского флота. В его подчинении были Покровский храм и Свято-Никольский, что на Северной стороне, храм Архистратига Михаила и 50 священников на кораблях. Жили на улице Екатерининской, совсем рядом со Свято-Владимирским собором. Отец Роман, путешествуя с эскадрой, посетил Грецию, Италию, побывал у мощей святителя Николая. О своем крымском периоде о. Роман говорил: «В Севастополе нет крыши, под которой бы я не проповедовал».



Протоиерей Роман Медведь

В 1912 году грянула буря — восстали матросы на линкоре «Св. Иоанн Златоуст». Отец Роман был на своей даче в 15 километрах от Севастополя и, как только услышал о случившемся, срочно приехал в город. Настоял на индивидуальной исповеди всех приговоренных к смерти матросов. Всю ночь сам исповедовал и причащал. Закончил буквально перед расстрелом. После этого ночь не спал, был бледен и долго не мог успокоиться. Через некоторое время матросы утихомирились. Начальство поинтересовалось у о. Романа, можно ли выдать матросам оружие, последовал ответ: «Можно, настроение у матросов здоровое».

После окончательной ликвидации революционных очагов

командующий флотом поинтересовался мнением благочинного, надо ли вводить тайную полицию в среду матросов для выявления подстрекателей и вообще настроения



Владимирский собор. Севастополь

команды. Отец Роман, пользуясь своим авторитетом, воспротивился этому предложению, уверил командование, что духовный климат на флоте изменился и подобные меры будут излишними. И тайная полиция не была введена. Чтобы окончательно успокоить матросов, развеять революционную романтику и прекратить брожения, о. Роман написал и выпустил брошюру «О дисциплине и товариществе на флоте», где речь шла об основах православия, через призму которого надо смотреть на общественную и политическую жизнь, о соблазнах революции и т.д. Впоследствии это будет предъявлено о. Роману Медведю следователем НКВД как контрреволюционная деятельность, прозвучит обвинение в том, что он индивидуально исповедовал матросов и тем самым подрывал их веру в «правду» революции. На самом же деле о. Романа допустили исповедовать только после суда, когда приговор был вынесен, и на обстоятельства дела он уже влиять не мог. К тому же о. Роман сделал все, чтобы не были наказаны невинные и чтобы не умножалась болезненная подозрительность.

К этому же времени относится инцидент, происшедший во Владимирском соборе, имевший роковые последствия для

настоятеля. Во время службы в храме помогали матросы, специально сюда прикомандированные. Матрос по фамилии Докукин был замечен в краже церковных денег. Настоятель распорядился отправить его обратно на корабль и сообщил начальству о причине. Разумеется, Докукину это не понравилось. Более свободная жизнь при храме и возможность время от времени поправлять свое материальное положение за счет церковной кружки не шли ни в какое сравнение с жизнью на корабле. Докукин затаил лютую злобу на о. Романа, но возможность отомстить ненавистному священнику представилась только в 1918 году. Докукин стал революционером и подговорил матросов убить о. Романа как «реакционного попа». Энтузиастов нашлось достаточно, но убийство решили отложить до Рождества. Боялись, что, если не появится на службе любимый многими священник, то им не поздоровится, будет скандал и, возможно, наказание. Отцу Роману стало известно о злодейском замысле, и по настоянию жены он уехал в Москву сразу же после Рождественской службы, втайне от всех. В тот же день, через несколько часов после того, как батюшка сел в вагон, пришли возглавляемые Докукиным матросы с арестом. Не найдя о. Романа, устроили полный разгром в квартире, штыками проткнули даже матрасы и подушки. Такова была степень злобы. Матушка не признавалась, несмотря на угрозы, говорила, что о. Роман со службы не возвращался и, где он сейчас, не знает.

В 1917 году у о. Романа и Анны родилась дочь Ирина, и теперь матушка с младенцем остались одни. Матросы приходили с обыском еще несколько раз.

Приехав в Москву, о. Роман сразу пошел к Патриарху Тихону. Святейший принял его с любовью, они раньше были хорошо знакомы и поддерживали переписку (добросердечные отношения сложились еще в Холме, когда Святейший был ректором Холмской духовной семинарии, где учился о. Роман).

Патриарх Тихон назначил о. Романа настоятелем Покровского храма на Красной площади. Буквально накануне был убит прежний настоятель, выдающийся протоиерей Иоанн Восторгов. По приглашению Патриарха о. Роман принял участие в работе Собора. К этому времени относится воспоминание

одной из духовных дочерей.

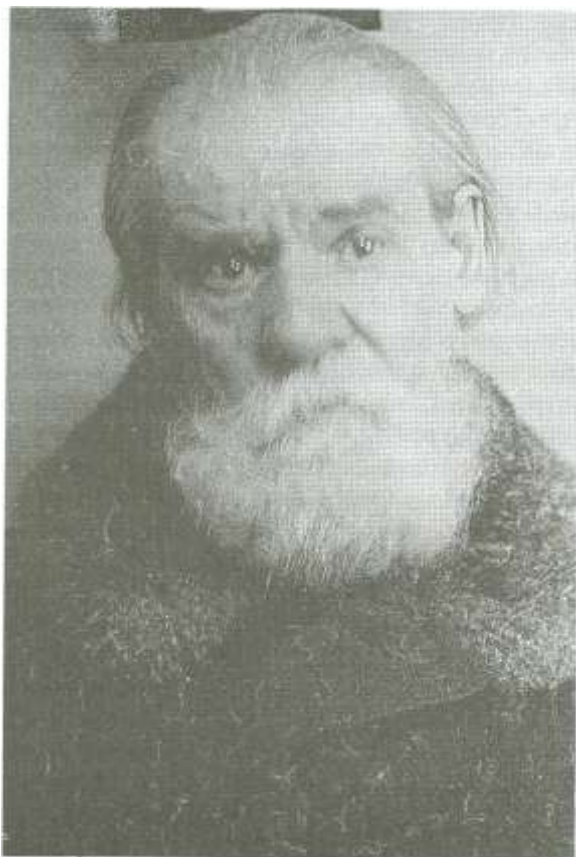
«Это было в 1919 году, когда я из Петрограда, вынашивая в своем сердце томление религиозных чувств, переселилась в Москву и квартировала сначала вблизи Красной площади. В одно из воскресений меня потянуло в знаменитый храм Василия Блаженного. Войдя в храм, я встала впереди, непосредственно к амвону, и, когда вот этот наш самый батюшка вышел на амвон с проповедью, я по-детски не отрывалась от него глазами, слушала, как говорится, разиня рот, животворящие глаголы. Он, в свою очередь, смерил меня глазами, а улыбку мою, которой я так откровенно выражала свое неосознанное удовольствие, право, можно было принять за насмешку (в такое насмешливое над религией время), так она была не к месту. По окончании службы батюшка стоял у раки мощей Блаженного Василия, на которой лежали чугунные вериги святого для нашего их лобызания. Когда приблизилась моя очередь к ним приложиться, батюшка положил руку мне на затылок и крепко прижал голову к одному из крестов чугунных вериг. Под этой тяжестью его руки мое сердце всколыхнулось необъятным чувством счастья на земле, такой в то время страшной, всесторонне мучительной по своему неустройству и неопределенности».

Речь о. Романа была необыкновенно выразительной, выпуклой, емкой, наполненной духовным смыслом, приобретенным личным опытом. Высокий духовный настрой, в котором он пребывал постоянно, передавался буквально всем, кто с ним соприкасался. Был такой случай. Молодой человек, случайно зашедший в храм, услышал проповедь, и она его настолько поразила, что по окончании ее он сразу же вошел в алтарь и поклонился в ноги священнику. Протоиерей Роман часто повторял, указывая на распятие: «Господь взял свиток наших грехов и пригвоздил ко кресту». Его духовная дочь Ксения Александровна Калошина рассказывала, что всегда, подходя к распятию, вспоминала эти слова. Отец Роман обладал несомненной прозорливостью. Многие испытывали духовный трепет, идя на исповедь: казалось, что батюшка уже все знает наперед, и, действительно, это часто подтверждалось на практике. Особенно он обличал тех, кто злословил ближнего.

Осенью 1919 года, когда храм Василия Блаженного закрыли, о. Роман был переведен в храм святителя Алексия, митрополита Московского в Голенищевском переулке. Отец Роман обладал прекрасным голосом и, будучи академически образованным и богословски начитанным, говорил незабываемые проповеди. Многие, однажды услышав о. Романа, поговорив с ним лично, на всю жизнь оставались его духовными чадами.

Протоиерей Роман обладал некой благодатной духовной силой. Мария Яковлевна Калошина вспоминает, как, впервые войдя в храм, она услышала возглас, произнесенный о. Романом, и на нее, по ее словам, что-то снизошло, наступило прозрение, память о котором она сохранила до конца дней, оставаясь преданной дочерью однажды выбранного духовника.

Другая женщина из чад о. Романа вспоминает: «Промысел Божий привел мое ничтожество к батюшке, который сам тщательно и внимательно старался вылавливать «рыбок из житейского моря». Это выражение я передаю с его же слов, как он сам говорил: «Закинул удочку слова, смотришь, и попадутся рыбки Божии в лицах каких-нибудь Ваней, Маней, Таней и др.» И он с усердием прислушивался к духовной жажде всех этих попавших в его мрежи».



Священник Петр Степанов 1

Незаурядный организатор, он мудро очищал свою ниву, высказываясь, между прочим, так: «Из-за отстающих я не считаю возможным задерживать хорошо идущих, именно тех, чьи сердца, как губки, впитывают наставления и претворяют неуклонно в жизнь». Со стороны же о. Романа давалась исчерпывающая возможность для духовного роста уже целой церкви, по серьезности постановки в пору любому уставному монастырю, ибо закон послушания стоял во главе направления. В течение недели он принимал всех на частную исповедь и, по прошествии такого недельного труда, когда у него накапливался материал, сообразно с духовным состоянием исповедающихся на частной исповеди, как бы подытоживая, каждую субботу после всенощной проводил общую исповедь с проповедью, в которой

касался всего, что требовало исправления и духовного устроения паствы.

В то же время, по благословию Патриарха Тихона, о. Роман учредил «Братство ревнителей православия в честь святителя Алексия, митрополита Московского». Постоянных братчиков насчитывалось не менее двухсот, общее число достигало пяти тысяч. Все эти годы о. Роман служил ежедневно, самостоятельно совершая вечернее богослужение и литургию. По благословию Патриарха проповедовал во многих московских храмах. Со своей паствой регулярно устраивал беседы по три раза в неделю. В воскресенье он проводил обмен мнениями: все пришедшие могли задать вопрос и тут же получить ответ. По четвергам — проповедь на евангельскую тему без встречных вопросов: как правило, она посвящалась толкованию Евангелия от Марка для новоначальных или от Иоанна для прихожан и братчиков. По теме этих бесед способные обязывались (за послушание) писать рефераты и вслух их прочитывать. А по вторникам о. Роман проводил беседы специально для молодых людей, которых собиралось немало.

Труд о. Романа тех лет поистине можно назвать титаническим: не было никакой помощи со стороны, пока из среды самих братчиков не выросли достойные преемники святого дела.

Все в храме делалось бесплатно, все послушания выполнялись по благословию. Идеальная чистота поддерживалась силами подвижниц сестер, был довольно большой бесплатный хор и бесплатные чтецы при ежедневных службах рано утром и поздно вечером (чтобы все могли присутствовать, и работа, и расстояние не помешали). С течением времени из своей среды были посвящены в помощь батюшке два священника. Кроткий, тихий о. Сергей Веселов стал верным помощником о. Романа. Отец Сергей вскоре умер от болезни крови, еще до разгона и ареста общины. Патриархом Тихоном для храма святителя Алексия также был рукоположен бывший офицер, юрист Петр Степанович Степанов. В 1931 году о. Петра арестуют вместе с о. Романом. Сестра о. Сергия Александра в 1920 году приняла монашество с именем Алексия,

а Анастасия Лямкина, тоже член братства, постриглась с именем Агафья. Многие другие также принимали монашество, но, как правило, тайное, так что самые близкие не знали об их подвиге.

Протоиерей Роман назначил старших сестер присматривать за младшими — не по возрасту, а по духовной зрелости, и это никогда не нарушало удивительной атмосферы любви и духовного мира. Все старшие сестры, кроме одной, были в тайном постриге.

Иван Васильевич Борисов, бывший часовщик, был также рукоположен по благословению о. Романа и помогал ему в приходских делах. У батюшки были мечты поставить дело на подлинно монастырский лад при жизни пасомых в миру, но не для мира. Внутри братства царили мир и радость. Все было пронизано любовью и вниманием. И только в тех случаях, когда возникал неразрешимый вопрос, обращались к батюшке.

Но были искушения: недоверие, злая критика даже со стороны духовных лиц, подозрение в нарушении церковного порядка. Соблазнялись многим. Например, при длинных проповедях по четвергам ставились скамейки для слушателей. Многие соблазнялись тем, что о. Роман одним из первых среди московских настоятелей в 1922 году ввел помин властей, кстати говоря, по благословению Патриарха. Но от всего этого он нашел защиту в лице своего духовника — Патриарха Тихона. Святейший, чтобы защитить свое чадо от нападков духовных и мирских лиц, специально приехал к нему на приход для служения литургии. Послужил, обласкал, благословил и таким образом заградил уста злословящих.

Скорби не оставляли ревнителя православия. В 1924 году власти всю семью выбросили из церковной квартиры. Анне Николаевне с дочерью пришлось уехать в Севастополь. Там прожили примерно год, а в 1925-м снова вернулись в Москву. Некоторое время жили у о. Александра Ветелева в Пушкино. Он помог устроить Ирину в школу.

У о. Романа сохранялись хорошие отношения с митрополитом Сергием (Страгородским). Когда в 1927 году вышла известная декларация и образовался ленинградский раскол под предводительством митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), о. Роман написал статью «На Божией ли



**Валентина Витольдовна
Рейнберг**

службе?», где разбирал, как он выразился, «печальнейший документ» — обращение к Местоблюстителю митрополиту Сергию группы ленинградских священнослужителей и мирян. В ней он рассказывал, какими должны быть отношения советской власти и церкви, рассматривал положение древних христиан и их отношение к гонителям, еще раз напоминал, что подлинным главой Церкви является не какой-либо иерарх, праведный или согрешающий, а Сам Христос.

Все это время в братстве

шла напряженная духовная работа, вызывавшая большой интерес у окружающих. Так, в

1920—1921 годах для знакомства с жизнью братства из Ленинграда приезжал профессор Военно-юридической академии Абрамович-Барановский. Он присутствовал на лекциях, общался с братчиками, присматривался к их деятельности и в результате вынес самое благоприятное впечатление. Желая устроить свою духовную жизнь он указывал на братство о. Романа как на пример, достойный подражания. В 1927 году он во второй раз приезжал в Москву с той же целью. В эти годы он поддерживал переписку с о. Романом, обменивался мнениями по церковным вопросам.

Оценивая деятельность братства, В.Концевич в книге «Оптина пустынь и ее время» писал: «В этом году, благодаря мудрому руководству Патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью

братств, кружков и союзов, так как Патриарх отменил границы приходов и разрешил образование межприходских

братств. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинками из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного Устава, Евангелия и т. д.

Я принимал близкое участие в братстве Святителя Алексия, митрополита Московского, во главе которого стоял протоиерей Роман Медведь, бывший настоятель Севастопольского собора. Братству были приписаны еще несколько церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены братства. В самом храме братства ежедневно совершалась ранняя литургия, и члены братства могли посещать ее еще до своей службы. Три раза в неделю по вечерам были вечерние богослужения с беседами, члены братства старались ежемесячно приступать к святому причастию и активно участвовали в работе».



Елизавета Юрьевна Бергман

Власти также внимательно следили за деятельностью о. Романа и его прихода. За весь московский период его служения с 1918го по 1929 год его арестовывали 15 раз, но всякий раз вскоре отпускали. Ему приходилось объяснять свои взгляды и церковную позицию даже самому Ф.Дзержинскому, который предложил о. Роману уехать в Холмскую губернию, отошедшую к Польше. Тучи над храмом о. Романа сгущались. Все



*Протоиерей Роман.
Тюрьма. 1931 год*

ожидали ареста настоятеля со дня на день. Многие активные братчики по благословению о. Романа приняли тайный постриг. Так, 21 августа 1930 года иеромонах Герман тайно постриг в квартире о. Романа по ул. Кожевнической сестер Е.Ю. и Л.Ю.Бергман, В.В.Рейнберг, Д.С.Соколову, при этом присутствовали уже постриженные мать Алексия и другие.

Жить в Москве стало трудно, здоровье пошатнулось; духовные чада, имевшие медицинское образование, говорили, что

своим пациентам они вообще не разрешили бы вставать,

но батюшке можно. И он продолжал переносить все болезни на ногах, потому что, как выражался о. Роман: «Ведь детки кушать просят». В 1930 году власти выгнали семью о. Романа на улицу. Чада переселили батюшку на маленькую дачку (всего одна комната) под Москвой — в Обираловку. Туда же приезжали к нему на исповедь, за духовным советом, на откровение совести.

Община процветала, в своей основе исполняясь духом, а извне все страшнее сгущались над нею тучи. Благодатная прозорливость о. Романа была известна его чадам, и, когда в одной из проповедей он сказал, желая предупредить своих питомцев: «Корабль в опасности, возможно, накануне крушения, кому возможно избежать искушения, примите мое предупреждение во внимание», — все были поражены великой скорбью, но единодушно ответили: «Хотим умереть вместе».

Отцу Роману первому пришлось покинуть «корабль», как он сам выразился. 16 февраля 1931 года последовал арест.

Забрали настоятеля и весь приход. Храм святителя Алексия был сразу же закрыт: он опустел — ни паствы, ни служителей. Духовное единство было поразительным. Почти все чада о. Романа держались на допросах стойко.

Вызывали на допрос и Анну Николаевну с дочерью Ириной. Обладая хорошим зрением, Ирина сумела прочитать в «деле», лежавшем у следователя на столе, знакомые фамилии. Одним из доносчиков был небезызвестный матрос Докукин, донесший следствию о контрреволюционных действиях о. Романа в 1912 году в Севастополе: мол, исповедовал и увещевал революционных матросов, чем снижал их революционную и богоборческую активность. И это стало одним из главных обвинений против священника, несмотря на то, что прошло много лет. Позже, в 1938-м и 1939-м, Ирине снова придется встретиться с этой зловещей фигурой. Будучи студенткой Московского мединститута, она попадет к нему на экзамен по теории марксизма-ленинизма. К этому времени Докукин стал уже заведующим кафедрой общественных наук. Прочитав фамилию в зачетке, он сразу же вспомнил о. Романа и с раздражением спросил: «Неужели ваш отец еще жив?». «Нет, умер», — ответила студентка.

30 апреля 1931 года комиссия ОГПУ приговорила 24 члена общины храма святителя Алексия к различным срокам заключения и ссылки. 10 мая о. Романа Медведя по статьям 58-10 и 58-11 приговорили к расстрелу, но потом приговор был заменен заключением в концлагерь сроком на 10 лет. Остальных братчиков приговорили к разным срокам ссылки в концлагерь, не менее трех лет. Почти все чада о. Романа умерли в ссылке.

Отец Роман прибыл в Кемь 9 июня. Единственной связью с оставшимися на свободе была переписка, которая велась через его дочь Ирину.

«Кемь. С[оловецкий] лаг[ерь]. 1-е отделение

12 июня 1931 года

Дорогая Ирочка!

Здесь я с 9 июня. Долго ли здесь буду, не знаю <...>. За прошедшее время здоровье мое, конечно, было не лучше;

теперь прихожу в себя. Погода здесь хорошая, воздух вроде севастопольского, только значительно холоднее. Трудны мне здесь всякие перемены, когда наступит полная определенность, тогда, надеюсь, все пойдет лучше и легче, организм и душа приспособятся. Сожители мои хорошие, но не хватает тишины и уединения. А при моей старости и болезнях они мне крайне нужны. Как старик да и по настроению, живу старым, прежним. Духом всех родных помню и с ними не разделился, потому что для духа расстояния не существует. Передай это и всем родным и скажи еще, что духом я бодр; прошу и всех бодриться, меня никогда не забывать, как не забываю и я их; в этой памяти я очень нуждаюсь, потому что по человечеству нередко ощущаю глубокое одиночество. Хотя по существу этого не должно быть<...>. Передай привет маме и родным, а также моей квартирной хозяйке и ее жильцам. Скажи ей, что я ей очень признателен за хранение моих вещей и всякое содействие, благодарю и всех помнящих меня, любящих и сочувствующих. Скажи им, что ни время, ни место, ни переживания меня не изменили, я тот же, как и был ранее. И нахожу большое утешение в устремлении к своему идеалу. Верю, что таковы и они, конечно, и ты, если нам придется встретиться в этой жизни, то радость нашего общения превзойдет прежнюю, потому что и я, и вы за это время будем неизменно трудиться над своим усовершенствованием<...>.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Карелия. Почтовое отделение Попов остров

3 июля 1931 года

Дорогая Ирочка!

Я попал на новое место вследствие болезни, но не тяжелой<...>. В больнице я около двух недель и отдыхаю и телом, и душой. Должно быть, меня скоро выпишут и направят, по всей вероятности, в Соловки, а может быть, и нет. Предвидеть это трудно. Сидя под арестом в 21-м году в Кисельном, я чувствовал себя очень хорошо, потому что был много здоровей; было немного людей в моей камере, при относительной тишине можно было находить время, чтобы оставаться с самим собой наедине. Здесь, в больнице, хотя и

много народу, но я стал чувствовать себя наподобие этого кисельного времени. Я почти все время пребываю в молчании, и это много помогает и здоровью, и настроению. Я не скажу, что мое здоровье значительно хуже, чем в прежние годы, иногда мне кажется, что даже и лучшее...>. Успокаиваю себя тем, что должны мы жить так, чтобы каждый новый день считать последним в своей жизни (ожидаю смерти) или же первым (в движении к совершенству). Напоминаю себе, что мы здесь, в этой жизни, странники, а посему не надо огорчаться временными трудностями пути. Идти все равно надо, а Отечество наше — на небесах. Не огорчаюсь и тем, что приходится жить не по своей воле, а так, как здесь приказывают, потому что и по вере моей отречение от своей воли есть первое условие для движения к совершенству<...>. Ежедневно, не то раз, не то два, а то и более, перебираю в памяти всех близких мне лиц. Особенно последнего времени. Прошу и тебя, и их по силе и меня вспоминать, потому что верю, что через это я получаю духовную поддержку, в которой, конечно, по немощи своей очень нуждаюсь<...>. Погода у нас неустойчивая и часто холодно, теплых дней мы почти не видели. По мере возможности бываю на воздухе, люблю виды моря и соседними лесистыми и скалистыми берегами<...>. Привет маме и мой глубокий поклон. Целую тебя и всех родных.

Твой отец Роман Иванович Медведь

3 августа 1931 года

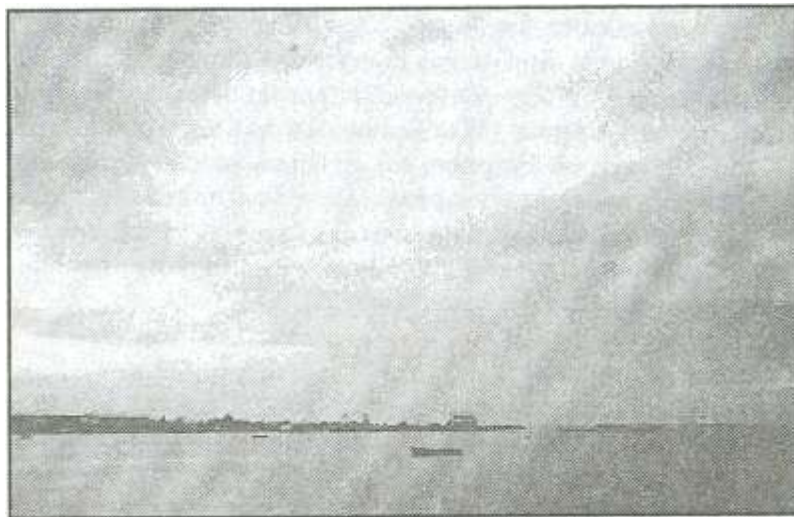
Дорогая Ирочка!

24-го получил твою первую посылку, сегодня получу вторую<...>. Спасибо тебе и всем родным, не забывающим меня. Посылка пришла очень кстати, потому что после выписки из лазарета 9 июля я более недели прохворал кровавым поносом. Лечился, главным образом, голодом, очень отощал, в моих запасах не оставалось ни жиринки, и купить было негде<...>. При переходе в роту из лазарета меня обокрали: вытащили из кармана бумажник с деньгами и квитанции на остальные деньги, крестик, сорвавшийся незакрепленный ключ от чемодана и еще кое-что. Денежные затруднения

продолжались недолго. С моего личного счета мне дали определенную часть денег и без квитанции, а вместо утерянных хлопочу новые. Теперь я в другой роте, где нет воровства. И соседями, и помещением я вполне удовлетворен. Клопов почти вывели, но сплю плохо и очень недостаточно, потому что состою ночным сторожем каждую ночь с 12 часов ночи до 8 часов утра. Сначала это было очень трудно, теперь привыкаю. Получил выходную ночь и еще обещают облегчение. Сторожи́вство при моих старости и болезни занятие самое подходящее. Когда на посту, в помещении можно оставаться в одиночестве, в котором я так нуждаюсь для того, чтобы и душу приводить в порядок, и думать, и прочее. Высыпаюсь до 12 часов ночи, а потом днем. Лето у нас хорошее, но ночи бывают холодные, и моей одежки мне только впору теперь <...>. Я получил кое-что из казенного обмундирования, но сдаю обратно, главным образом, что боюсь при своей старческой рассеянности растерять его, и за это — карцер. Ты спрашиваешь о порядке моей жизни. Завтрак у нас — каша и чай от 6 до 8 утра. Обед с 12 до 3—4. Вечером с 7 до 8 поверка, потом вечерний чай. Питание при здоровье было бы, пожалуй, достаточно, а при болезни очень недостаточно, хлеб только черный, на обед только одно блюдо — щи, часто и копченая рыба, даже почти ежедневно <...>.

Дорогая Ирочка!

Благодарю тебя и родных за заботы обо мне, доселе я получил от тебя пять посылок, упаковка вполне удовлетворительная, а корзина очень пригодилась, так как я оброс вещами и хранить их все труднее при отсутствии места, тары, времени и сил. Со сном у меня, конечно, неважно, и это задерживает мою медленную поправку, но иной, подходящей для моих сил, работы не найти, еще более потому, что с 1 августа за каждые шесть лет работы срок заключения заключенным моей категории сокращается на полтора года <...>. Хочу и надеюсь еще пожить, но мои болезни и старость постоянно об очень возможной смерти напоминают и здесь. О смерти заключенных учреждение родных вообще не извещает, а оставшиеся от умерших вещи хранятся шесть месяцев, по



Вид на Попов остров. Фото 1999 года 1

истечении срока хранения поступают в продажу. В случае моей смерти пришли заявление в управление по месту смерти о твоих правах на наследство оставшихся вещей и проси об отправке их по твоему адресу наложенным платежом <...>. Спасибо за письма. Рад я всякой строчке, но прошу всех, пишущих мне, помнить мой принцип — никому не делать никогда (не только физического, но и духовного) насилия, а потому прошу не писать о других никаких подробностей, только с их согласия. Как бы кому не понравилось, что о нем пишут, — и выйдет насилие.

Сколько мне надо сухарей, денег и прочего — стараюсь по одежке протягивать ножки, и чтобы на случай болезни оставался какой-либо запас, но иногда при болезни и слабости нужно побольше, да и делиться-то кое с кем необходимо. Помню, что ваши ресурсы очень неважные, сыты ли вы хотя бы с мамой, одеты ли, имеете ли комнату и прочее <...>. Не огорчайся, что пишу о возможности моей близкой смерти, благоразумие требует подготовиться и к худшему концу, хотя я и верю, что доживу и до воли. Прошу всех не забывать меня, а я стараюсь помнить всех. По-прежнему ни на кого здесь не имею неудовольствия, всем доволен. Если претендую, то только на самого себя и постоянно требую от себя стремиться непрерывно к совершенству <...>.

Целую тебя, твой отец Роман Иванович Медведь

2 октября 1931 года

Дорогая Ирочка!

Отвечаю на письмо от 12—17 сентября. Мое здоровье, надеюсь, станет лучше, и, главное, мое ночное сторожничество кончилось 30 сентября. Отсыпаюсь и временно отдыхаю, а то я ощущал большую слабость и изнурение было, и голодноват иногда. Теперь я получил доплатной стол и сыт <...>. В общем, я чувствую себя довольно хорошо, много лучше, чем ранее. Картина здешней жизни для меня стала ясной, и мои нервы менее бояться неожиданностей, которые я теперь переношу, потому что они действуют на меня, как удары, постоянно напоминающие, что со мной и вообще могут быть удары с параличом и прочее. По трудоспособности меня определили ко второй категории с отдельными работами, то есть почти инвалидное состояние, и на тяжелые работы меня не отправят <...>. Еще много хотелось бы мне написать и тебе, и всем. Скажи нашим родным, что я радуюсь каждой строчке и грущу, что не имею долго от них вестей, скажи моей бывшей хозяйке Валентине Альбертовне, что я получил ее письмо и благодарю за все, и готов и ей, и всем писать, но письмо могу посылать только один раз в месяц, поэтому прошу не обижаться, что многие не получают от меня ответа или получают очень кратенькие ответы через тебя в виде благодарности. Знаю, что их любовь ищет большего, но, видно, такова воля Божия, чтобы нам терпеть отсутствие взаимного единения. Внутреннее-то через Бога для нас не закрыто, надо только в себе уничтожить всякое семя разделения, помня, что воля Христова в том, чтобы ученики его были едины и во взаимной любви. Всякое разделение между близкими моими для моего сердца очень тягостно. На этом я кончаю письмо, потому что чувствую внутреннее побуждение не отлагать его отсылку на более долгое время. Всем, всем привет и благодарность. Прошу помнить и поддерживать мою немощь молитвами, а какими

— сердце каждого указывает <...>, Еще и еще повторяю: здесь я всем доволен, вижу к себе доброе отношение со стороны всех, хотя, конечно, душа моя очень часто тоскует и ощущает душевное одиночество. Еще раз привет, привет,

привет всем, всем, всем, очень вспоминаю слова: сами себе, друг друга и весь живот наш... Мир всем.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Дорогая Ирочка!

Я хотел бы, чтобы ты знала и усвоила мои подлинные убеждения и, может быть, и свойства; может быть, от природы, примерно с 20—24-летнего возраста я сознательно уважаю и ценю всякого человека, и всю жизнь боялся сделать кого-либо своим рабом, и внешне, и внутренне боюсь кому-либо причинять боль, насилие. Убеждать — мое дело, принуждать не могу. Дерзаю сказать, что я любил свою свободу, никогда никому не делался рабом, а посему, думаю, и ценю свободу других: пусть живут по своему уму и по своей совести, и стараюсь никого не осуждать <...>, лучше уйти в сторону. Я могу молчать, научился много терпеть и претерпевать, но, невзирая ни на что, я в своей глубине все тот же, люблю свою свободу, лелею и свободу других; предпочитаю разделение свободных единению рабов. Впрочем, прости мою философию, мое самохвальство. Почитаю нужным прибавить, что я сознательно склонил свою голову, сердце и всю свою жизнь перед Вечною Истиною и Правдою. И Они дороже для меня и меня самого, и всего мира <...>. Скоро полгода, как я здесь, наступает время, когда разрешают подавать заявление о пересмотре дела. Думаю, хотя и не решил окончательно, просить об этом <...>.

Целую тебя, привет маме и всем родным, помните меня, как я вас.

Твой отец Роман Иванович Медведь

8 декабря 1931 года

Дорогая моя Ирочка и все мои милые, дорогие, родные!

Третий раз уже сажусь за письмо, начиная с 30 ноября, но не посылал обоих писем, недоволен ими. Один раз в месяц — сколько за это время наберется всего, что бы можно сказать и что следовало написать! А времени и сил не хватает <...>. Пусть не скорбят те из вас, кого лично я не назову или не назвал, я всех не только ношу в своем сердце, но всех и

каждого я ощущаю как один с собою организм. Это не преувеличение, я подлинно живо всех ощущаю, часто глубже, чем живя среди вас, невзирая на то что мы разбросаны в разные стороны <...>. Взаимная любовь должна учить покрывать даже различные свидетельства совести, и любовь всегда должна ставиться выше личного знания. Разделение, но не расщепление; разделение, но не в основном, которое у всех едино, а посему разделения временны и преодолимы <...>. Едва ли я следующее письмо напишу отсюда, а посему хочется подвести итог здесь пережитому. Я благодарю Провидение, что, благодаря тому что я это время пробыл на одном месте, моя связь с детьми восстановилась довольно скоро, это было большим утешением для моего духа, а посылки поддерживали мое здоровье, которое в июле и в августе находилось в критическом положении. С октября мое быстрое исхудание закончилось, силы мои стали восстанавливаться, я себя сравнительно, в общем, чувствую довольно прочно <...>. Иной раз жить мне очень трудно <...>, бороться за жизнь мне помогает моя любовь и привязанность к вам и моя ненасыщенная вера в необходимость исполнения обетований еще здесь, на земле. Если бы не моя любовь к вам, я бы спокойно смотрел, как догорает свеча моей жизни <...>, и удовлетворился бы тем, что Бог мой судил мне быть исповедником <...>. Конечно, и здесь я имею немало утешений, и одно из главных это то, что я постоянно живо ощущаю всех вас, как ощущаю самого себя, как свое второе тело, ощущаю, невзирая на рассеяние, — на то и разделение. Для меня все едины и все близки, и это единение за отсутствием шума внешнего общения я ощущаю даже крепче, чем будучи физически близко от вас. Когда я только ухожу от шума своих внешних обстоятельств, после Единого Вечного я живо ощущаю вас или, вернее, и Его ощущаю в единении со всеми вами и со всеми верными <...>. 2 февраля 1932 года

Дорогая моя доченька Ирочка!

Я переменял место работы, перешел в Кустпром, раскрашиваю деревянные куклы; легче здесь, и нет вечерних занятий, но трудно просидеть 8 часов. К концу работы после болезни усилились головокружения и начались сердечные припадки; но надеюсь скоро оправиться <...>. Спрашиваешь о

внешней стороне моей жизни. Сплю на общих сплошных деревянных нарах, подстилаю войлок и плед, одеваюсь теплым ватным одеялом и часто еще и полушубком, стриженная голова постоянно в шерстяной шапочке (надо бы и вязаную бумажную), иногда еще и в шлеме. Сил мало, на чтение и т[ому] п[одобное] времени почти нет, иначе приходится мало спать, а это плачевно отражается на моих силах <...>. Мало отдыха, все делаю сверх моих сил. В тишине приходится быть очень редко, об одиночестве приходится мечтать, все на людях, а душевно очень одиноко. Временно помещался в общем бараке, очень там устал от шума и забот, чтобы не потерялись вещи. Моей каракулевой шапки нет уже, но новой и никакой не шлите, здесь все становится предметом зависти и очень часто исчезает <...>. Моя новая работа — мне по силам, но угнетает норма, мне она не по силам, хотя я работаю почти не отрываясь. Школа здесь для нас, и не скажу, что легкая. Но Провидению угодно, чтобы мы и это все испытали, чтобы и опытнее быть, а может быть, подобно Лазарю на гноище, здесь страдаем с Ним, чтобы там радоваться, здесь за грехи получить возмездие, чтобы там от него свободными быть и просто перейти на лоно Авраамово. Если так, да будет имя Господне благословенно, потому что самые тяжкие здешние условия несравнимы с ужасными муками ада. Так говорил, например, преподобный Серафим, которому было дано испытать муки ада очень недолго. А вообще об аде я часто вспоминаю <...> и часто приходится говорить себе по опыту, что сами люди друг для друга и для себя здесь еще устраивают ад. Нередко побаиваюсь, что я плохо прохожу свою новую школу, потому что не всегда тишина и радость наполняют душу, а нередко — шум и суета, спешка и уныние закрадываются в сердце, заполняют его, и нескоро дождешься изгнания их или ухода их. Но когда нет их, хорошо. Ведь Бога нигде, никто и никакими условиями не может отнять от меня. А если Он со мною, что для меня все внешние тягости?! Что моя нищета и бессилие, когда в Нем бесконечное море Силы и богатства? Он — мое бытие, Он — моя жизнь и сознание. В Нем я всех нахожу, до всех достигаю, всем владею <...>. Прошу не унывать тебя и всех. Прошу молиться о себе, обо мне и обо всех. А в молитвах чаще и чаще

я вспоминаю слова, например, Иоанна Златоуста и Василия Великого о том, что надо не

о маленьком просить, а дерзать молиться о великом, а также и о непрестанности в молитве. Конечно, это я прежде всего говорю самому себе и от себя требую исполнения припомненного, вопреки всяким внешним вероятностям и тяжким условиям, как-то: физическим болезням, моим согрешениям и т[ому] подобному]. Чаше и чаще останавливаюсь на своих грехах, больше и больше познаю свои немощи духовные и ничтожество, прошу о прощении согрешений и очищении моего сердца от всякой скверны, потому что в чистоте сердца ключ ко всем духовным благам <...>.

Дорогая Ирочка!

Я вполне понимаю твоё желание знать подробности о моей внешней жизни, кое-что сообщаю: с 8 января до 26 февраля я был раскрасчиком кукол, а с 26 февраля я счетовод-табелыщик. Новое место пока очень трудное, и посему я запаздываю со своим очередным письмом. Спим мы здесь на сплошных парах, подстилаем на них кто что может: у кого матрас, у кого полушубок, у меня войлок и сложенный в четыре раза старый черный плед. Одевался зимою теплым одеялом и полушубком. Белье нательное ношу казенное и переменяю его в бане каждую неделю почти, за редким исключением. От постельного белья пока еще не отказался, но возможно, что придется пока обходиться без него, как и большинство из нас. В последние дни и вся наша одежда вольная сдается и мы все одеваемся в казенное платье. Для меня это огорчение, потому что я очень зябок и мое платье гораздо теплее казенного <...>. Прошу всех не забывать Божьего пути, всем желаю духовного возрастания. Маме привет, тебя целую, письма твои получаю, Господь с тобой и всеми вами.

Твой отец Медведь Роман Иванович

26апреля 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои родные!

Пишу письмо дополнительное: разрешено мне за работу, времени чуточку больше. Сдаю свою должность ввиду

предстоящего переезда на другое место, где, по-видимому, придется служить в подобной же должности <...>. Когда у меня улучится свободный часок, когда нет хронического недосыпа, когда не болит голова, я чувствую себя великолепно. Вы все знаете, почему. Стою на Твердом Камне и не боюсь никаких волн. Это настроение бывает нередко, если ничто не смущает совесть, о чем я постоянно забочусь. Я имею дерзновение и всех вас и чувствую, и ощущаю, тогда ничто — и время, и расстояние; в немощи своей и болезнях ощущаю силу — ясно, что не свою. Для меня ничто и заключение, и узы, мне ничего не надо, у меня все есть, я всем обладаю, я радостен и счастлив, и всех встречаю с радостью и приветствием, а в жизни нашей это очень важно, потому что мы все здесь угнетенные и подавленные и своим несчастьем, и горем своих соседей, так все ищут ободрения, ласковой улыбки, бодрости духа. С переменой места, конечно, надо будет привыкать к новым людям, к новой обстановке, но если это нужно, то что против этого, хотя бы и внутренне, протестовать. Источник всякой жизни ведь всегда с нами и около нас, значит, и нечего страшиться и беспокоиться. Он с нами и в здоровье, и в болезни, и в жизни, и в смерти. Важно при всех условиях сохранять ясность сознания. Я уже несколько лет боюсь вообще всяких волнений, спешки и тому подобного, а они омрачают сознание, и я уже понял давно, что отдаваться им почти то же, что впасть в грех. Болезни, конечно, мешают и очень мешают, но мы очень хорошо знаем, что в немощи совершается сила Божия. А посему — не смущаться. Но вывод всетаки делаю: блажен тот, кто в сравнительном благополучии в строгости содержал свой организм и приучил себя ко всяким лишениям. Служба нисколько не может мешать, как изъяснил в свое время преподобный Варсонофий, лишь бы проходить ее для Высшей Совести по своей чистой совести. Прошу прощения, что пишу, может быть, тебе и другим не интересное, но живу-то я этим. Знаю, что вас постоянно интересуют мои внешние обстоятельства, но говорю искренно — они вовсе недурны и вполне благополучны. Уже прошло время, когда моя душа всего боялась, всего ужасалась, ждала всякой беды и несчастья <...>. Грущу за тебя, Ирочка, и за маму, что так трудно вам живется и

что я еще свалился грузом на вас, вместо того чтобы помогать вам, но, видно, такова Высшая Воля. Еще раз привет всем, с праздником Христова Воскресения <...>. Всех прошу не забывать меня <...>. Слава Богу за все.

Твой отец Роман Иванович Медведь

21 июня 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои близкие, родные, дорогие!

1 июня мне под расписку объявлено, что постановлением ВЦИК от 19.3.32 г. срок моего заключения сокращен на 1/3, а посему его конец теперь — 16.10.37 г.; кроме того, за работу пока имею уменьшение на 29 дней, то есть срок еще сократился. Что-то Господь пошлет еще по твоему ходатайству? <...>. Мир и радость оставил нам Пастыреначальник, и никто их не в силах отнять у нас. Радостно ощущать, что среди людей нет и не может быть у нас врагов, а есть только несчастные братья, достойные сожаления и помощи даже тогда, когда они (по недоразумению) становятся нашими врагами и воюют на нас. Увы! Они не понимают, что враг-то находится прежде всего в нас самих, что его вначале нужно изгнать из себя, а потом помогать и другим сделать это. Один враг у нас общий — это диавол и его духи злые, а человек, как бы низко ни пал, никогда не теряет хотя бы несколько искорок света и добра, которые могут быть раздуты в яркое пламя. А нам нет никакой выгоды воевать с людьми, хотя бы они били нас не только в правую ланиту, но постоянно осыпали бы нас всякого рода ударами и поношениями. Одно важно: твердо держаться нам своего пути и через войну с людьми не сходить со своей дороги. Воевать с людьми — это значит становиться на их ложную позицию. Даже в случае успеха эта война нам бы ничего не дала, а отвлекла бы надолго от пашей задачи <...>.

Ирочка, холодно у нас. С весны было теплых не более 2-х дней. Пришли мне перчатки, потому что мои у меня украли <...>. Трава около нас, где нет камней, все-таки пробивается, деревьев и кустов вообще нет. Хотелось бы мне сбежать со своей службы в сторожа, но боюсь и холодов, и дождей, и ветров и особенно боюсь своеволия, как бы не попасть из огня в полымя... Привет маме и пожелание ей от Бога терпения,

здоровья и всего доброго.

Целую тебя, моя дорогая, твой отец *Роман Иванович Медведь*
8 сентября 1932 года

Дорогая Ирочка и все родные!

Через десять дней уже будет месяц, как я на новой, еще более сложной службе, но еще доселе я ее не охватил как следует, и, конечно, это меня тяготит. Мой канцелярский опыт все увеличивается, многое я делаю гораздо скорее, чем это было в начале моей канцелярской карьеры, но все же я канцелярист еще неважный, а посему и много работаю, а результаты слабые; мешают болезни, кроме неопытности и непривычки <...>. А так я стараюсь проходить свою школу с терпением, если она мне дана, то, очевидно, для моей пользы, для большего моего смирения, для укрепления в терпении, как новое поприще для самоотвержения, для обретения опытности и многого другого, что мне и неизвестно. Живу и не ропщу; по поводу своих страданий и оставленности размышляю так: если они за мои грехи, то по поводу себя и тех, кто не забывает меня, я припоминаю притчу о милосердном самарянине и теперь вместе с законником говорю, что тот мне близкий, кто оказывает милость ко мне; припоминаю слова, которые и ранее я повторял нередко, — слова оптинского старца Амвросия: иной от меня за десятки, сотни верст, а на деле ближе живущего со мной рядом. Если же мои страдания — Голгофа, то вспоминаются слова Христа в Гефсиманском саду о тех, кто и одного часа не мог пободрствовать с Ним; припоминаю и то, что после бегства учеников при кресте стояли Мария Магдалина, кроме Матери Его, Иоанна и еще десятка полтора др[угих] жен <...>. Конечно, действительность заставляет меня постоянно не забывать о моих немощах и физических, и духовных. Я стараюсь бодриться и бодрюсь, часто бываю и радостен, но особенно утром до работы. Знаю, что это не от меня и не от моих достоинств эта радость <...>. Иногда, и нередко, ощущаю и торжество в сердце, и силу, и полноту <...>, но изношенный, старый организм постоянно напоминает

о несчастной зависимости моей от достаточного сна и достаточного питания <...>. Не подает нам Провидение быть

искушенными более, чем мы можем понести, а так вообще я никак не могу отделаться от сознания, что по человечеству и гражданству я страдаю совершенно безвинно, потому что принадлежу к типу тех верующих, которые проявляли и проявляют по отношению к нашей современной власти максимум благожелания, за это достойны не наказания, но самого энергичного поощрения. Уже целый год я собираюсь написать ходатайство о пересмотре моего дела, многократно его начинал, но доселе для этого серьезного дела у меня не хватало времени. Когда позволят силы, буду урывать у ночей, чтобы это дело все-таки сделать <...>.

Твой отец Медведь Роман Иванович

8 ноября 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои родные!

Давно душа моя ощущает долг и потребность ответить всем, кто вспомнил день моего рождения. Прежде всего благодарю вас, мои родные, доселе вы крепко поддерживали меня в моем испытании, прошу и впредь не оставлять меня, потому что часто здесь озираешься кругом, чтобы найти и среди людей кого-либо сочувствующих и понимающих, но не нахожу их доселе <...>. В том положении нет ничего существенно нового. Стараюсь проходить свою школу с терпением, много она смиряет меня, постоянно давая мне удостоверение в том, что работник я неважный, делаю много промахов, за них мне достается и приходится пить поношение, как воду. Это, конечно, спасительно, но мне-то постоянное напоминание, что я, как ни стараюсь, остаюсь тем же, доживающим свой век больным стариком, утружденным сверх сил. Есть, конечно, немало и утешительных моментов, о них я поведаю подробнее через Ирочку, если она приедет на свидание <...>. Вчера вечером, то есть 7 ноября, я несколько отдался воспоминаниям о своей жизни и особенно остановился на пережитых происшествиях или, вернее, как я был свидетелем, что человек с неочищенным сердцем не в состоянии правильно воспринять окружающие обстоятельства и передать их, он невольно, против своего желания, извращает действительность и постоянно против своего желания является и лжецом, и клеветником. Припоминалось, как это было еще в Воздвиженске с умершим

Николаем Николаевичем Неплюевым и проч. Еще раз ощутилось, что неочищенное сердце не может стать высоким жилищем <...> истинной любви. Любовь подлинная может быть только там, где сердце освободилось от пристрастий <...>. Возвращаюсь еще к 1 октября; я весь день чувствовал себя прекрасно и чувствовал, что это оттого, что в этот день вы меня вспоминаете. К ночи я себя чувствовал очень хорошо, ощущал глубокий покой, он и теперь со мной. Я жив, ощущаю жизнь, и этого довольно с меня. Если центр жизни своей постоянно переносишь внутренне в этот Вечный Единый центр, то не будет обстоятельств, когда можно будет ощущать себя плохо. Везде Присущий и Всепроникающий никогда нас не оставляет и оставить не может ни в каких обстоятельствах и ни в каких переживаниях. Если об этом не забывать никогда, тогда наше счастье на земле обеспечено даже в тяжких болезнях и самой смерти <...>. Целую тебя крепко.

Отец твой Медведь Роман Иванович».

В 1932 году дочь получила разрешение увидеть отца, так как Анна Николаевна такого разрешения не могла получить. Еще в 1929 году, за два года до последнего ареста, о. Роман благословил матушку развестись с ним и взять девичью фамилию — Невзорова, чтобы она смогла устроиться на работу в случае его ареста и не попала под статью «член семьи врага народа». Анна Николаевна устроилась медсестрой в Боткинскую больницу. Это их спасло и дало возможность дочери поступить в мединститут. И вот, получив разрешение, 15-летняя Ирина, сопровождаемая матушкой, отправилась к отцу-исповеднику. Отец Роман отбывал срок в системе Беломорканала, работая сторожем, потом счетоводом. В ноябре 1932 года они достигли Попова острова, где в то время находился о. Роман. Условия жизни были жуткими, спали на голых нарах без матрасов. Священник под арестантскую одежду для тепла подкладывал две подушки — спереди и сзади. Анна Николаевна и Ирина пробыли там три дня, больше оставаться не разрешили. Возвращаясь, видели ужасы, потрясшие их воображение; до сих пор перед глазами Ирины Романовны осталась незабываемая картина: часовые везут по льду большие сани, на которых

штабелем сложены замороженные трупы заключенных.

Через некоторое время о. Романа перевели еще севернее — на станцию Кузема. К тому же времени относится

удивительный случай, рассказанный К.А.Калошиной в декабре 1995 года. Весной 1932 года, когда ей было 25 лет, она смертельно заболела — озноб, температура 40 градусов. Врачи поставили диагноз — воспаление подъязычной железы. В течение пяти суток Ксения Александровна не ела и не пила, шея стала шире головы. Язык невероятно увеличился и посинел. Врач, как родная мать, заботливо ухаживала за больной, капала на язык воду, стараясь хоть как-то облегчить страдания. Калошина, чувствуя, что умирает, послала записку матери, чтобы та пришла проститься. Но ее не пускали, боялись, что заболевание у дочери инфекционное. Заведующий больницей сказал: «Если Николай Александрович Семашко подпишет разрешение, я пущу». В тот же день Мария Яковлевна нашла Семашко, рассказала об умирающей дочери и невозможности даже попрощаться с ней. Н.А.Семашко тут же достал блокнот и написал записку, чтобы Калошину немедленно пропустили. В течение всего этого времени М.Я. - Калошина молитвенно обращалась к своему духовному отцу за помощью.

Придя к дочери, она застала ее выздоравливающей. Температура упала, и силы стали возвращаться. Оказывается, этой ночью ей было видение: о. Роман, идущий по воздуху в пурпурном облачении с чашей, приблизившись, благословил болящую Ксению и причастил Святых Даров.

В первом после свидания письме протоиерей Роман писал:
«16 декабря 1932 года

Дорогая Ирочка и все мои родные!

В здоровье после вашего отъезда я заметил вначале значительное улучшение, но вскоре и головокружения, и боли сердца, и общая немощь вновь напомнили мне, что моя телесная машина изнашивалась, и этого никогда не надо забывать; при малейшем ухудшении условий, при случайных даже недосыпаниях — все приходит в полную расшатанность. Теперь вновь — все стало на место. Но, по сравнению себя с другими, нахожу, что я сравнительно еще и бодр, и силен. Вокруг меня

немало гораздо более слабых, немощных и калек, притом забытых, одиноких и обижаемых своими же сотоварищами по беде — молодыми. Конечно, оттого, что другим плохо, нам не становится лучше, но при подступах уныния всегда можно укорить себя, сравнивая свое положение с положением их, причем среди них, хотя и редко, попадаются люди крепкого духа, неунывающие <...>. Школа моя, слава Богу — прохожу ее по-прежнему; если на свободе у меня не хватало детального послушания и самоотречения в мелочах, то теперь этих условий с избытком, обо всем, до всякой пустяковины включительно, приходится спрашивать, иначе неладно получается. Это нисколько не трудно, а поношений и укорений очень и очень достаточно. Все это приучает и к терпению, и к смирению, и к послушанию, а от них на душе становится все тише и тише. Более и более замечаю, как всякие волнения и спешка разоряют и душу, и телесные силы, а при моем здоровье они положительно губительны, и борьба с ними — моя боевая задача в настоящее время, как это было и ранее <...>. Блажен тот, кто закалил себя с юности к суровой жизни, к малому сну, к голоду, холоду и всяким лишениям. При перемене внешних условий к худшему он сохранит покой; недурно поступает и тот, кто изучил на память [молитвы]; при отсутствии книг он прибегнет к памяти и прочтет, что ему надо <...>. Кончаю письмо, скоро Рождество Христово, накануне память преподобномученицы Евгении. Поздравь от меня Женю с предстоящим днем Ангела. Кругом мрачно, но на душе у меня светло. Кругом шумно, а в сердце у меня тихо, ибо, где бы ни был я, в каких бы обстоятельствах ни находился, со мной мой Единственный Сладчайший Христос. Кланяйся от меня маме, еще привет всем, всем, кто не забыл меня. Целую тебя, прошу всех помнить меня, как и я стараюсь помнить каждого.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Дорогая Иринка!

В связи с моим инвалидством в недалеком будущем возможна перемена в моей судьбе и даже довольно скорая. Кажется, на этот раз я не ошибусь, хотя в прошлом ошибался неоднократно. По старости и немощам, конечно, боюсь

переездов и перемены мест и особенно этапов. Но уповаю на Милостивое Провидение и постоянно призываю себя к мужеству, подобающему верующему человеку <...>. Закончил я свое последнее письмо замечанием, что мало людей, ищущих истины, мало могущих ее принять и еще менее по истине и живущих. К сожалению, это приходится относить и ко многим священникам, которых здесь достаточно и с которыми у меня не создалось близости. Уж, видно, такова судьба, что почти всю жизнь в моих исканиях и стремлениях я менее всего находил сочувствия среди сопастырей. Казалось бы, общие узы должны были раскрыть сердца ко взаимному пониманию, но, увы, глухие и слепые прежде через заключение не стали слышащими и зрячими. Не в этом ли причина, что душевные люди не могут воспринимать духовного. Но боюсь самопревозношения и осуждения других <...>. Относительно возможных перемен в моей участи, Ирочка, мне думается, уместно хлопотать и от вас; я принял во внимание и то, что говорила мама по этому вопросу. Говоря по-человечески, хотелось бы как инвалиду, по возрасту приходящему в большую немощь, доживать свой век на чьем-либо иждивении, но да совершается со мною воля Божия, потому что она для нас всегда самая лучшая <...>. По-прежнему я все в работе сверх сил; по сравнению с тем временем, когда ты была здесь, работы вдвое, а то и втрое [больше]. А при немощах и трате времени для самообслуживания все и отлагаю писание писем, для которых нужна некоторая собранность и покой некоторый. Привет маме, привет всем, целую тебя крепко, прошу всех не забывать меня и не ослаблять своей памяти обо мне <...>. Даст Бог, до свидания.

Твой отец Медведь Роман Иванович

26 февраля 1933 года Дорогая Ирочка и все мои родные!

Вот уже третье, последнее в этом месяце письмо пишу, пользуясь до конца разрешением на дополнительные письма за ударничество. Дни у нас стали больше, солнышко светит чаще, зима борется с летом, ночью небо глубокое, темное, звезды светят ярко, точно в бархатной оправе, тихо и морозно <...>. Понедельник чистый <...>, он даже и здесь чувствуется <...>.

Иногда забываешь о своей инвалидности, а иногда особенно ее ощущаешь и видишь, что, по существу дела, ты уже не работник, а старик беспомощный, наподобие ребенка, нуждающегося в уходе <...>. Но, в общем, духовно бодр. Пробегаю прошедшие годы, особенно начало 31 года, то есть время ареста и следствия. Много дум по этому поводу и дум грустных. Ведь уже третий год пошел. За время ареста и следствия я особенно плохо себя чувствовал <...>. Продолжаю учить себя, пользуясь каждым поводом. Учю себя, как себя вести, чтобы всегда быть готовым спокойно и с достоинством встретить всякие обстоятельства, как бы трудны они ни были <...>, и умереть достойно своего звания. Учю себя никогда не сходить с крепкой скалы нашей веры. Учю себя не поддаваться природной иллюзии почитать свое «я» центром вселенной, хотя с этой больной позиции начинают свою жизнь все люди. Как неверно, что солнце ходит около земли, так неверно и это самосознание. Учю себя свое «я» утвердить в Едином Великом «Я», Которого мое «я» только луч и слабое отражение <...>. В нем же и в самой смерти — жизнь бесконечная <...>.

Еще раз целую тебя, моя Иринка.

Папа

14 марта 1933 года

15

Дорогая Иринка!

Последние дни от нас уезжают на свободу инвалиды, все едут свободно, по отдельным литерам в места, которые они сами себе избирают. Меня пока это не коснулось, а коснется ли и скоро ли, наверняка сказать не могу, живем (в этом отношении) слухами и предположениями, которые противоречивы. Я покоен, случится ли то или другое, потому что без воли Божией ничто не случается; а наша воля — нечто погибельное (если оторвана от Единой, Премудрой, Всеблаготворительной Воли) — и посему я не позволяю себе предаваться мечтаниям в ту или другую сторону, хотя мысленно спокойно обсуждаю всякие возможности <...>.

Карелия Мурманской ж. д., ст[анция] Кузема, 4 лагпункт

24 мая 1933 года

Дорогая Ирочка и все родные!

Уведомляю о перемене в моей жизни. Как видишь, я уже на другом месте. Сюда прибыли на днях, вчера была еще одна врачебная комиссия, после которой окончательно решится судьба; говорят о достоверности благоприятного исхода. Эти дни были трудные, мою провизию значительно обчистили в дороге, а две последние посылки, думаю, к лучшему, мною еще не получены, хотя и пришли во 2-й ОЛП, последуют за мной в 4-й ОЛП, но, может быть, меня и не застанут и тогда возвратятся в Москву. Прошу от всех вас на это время особой духовной поддержки, потому что физически тяжело, и это будет продолжаться, не знаю сколько дней. Духовно я бодр и в глубоком покое <...>. Целую тебя крепко.

Папа

22 июня 1933 года

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Очень сильно ощущаю вашу духовную помощь. Благодаря ей злые дни для меня очень сильно сократились. С 26 мая мне предложили быть делопроизводителем на том местечке в двух километрах от Куземы, где мы помещались. Уходил на свободу инвалид-делопроизводитель, спешно его надо было заменить, жребий пал на меня, — и вот до 20 июня я был в этой новой должности. Работы было немного, и атмосфера благоприятная, а посему я не работал сверх сил, как было раньше, а потихоньку, так что было время и для отдыха. Воздух — свежий, кругом - лес, река и взморье. Жилищные условия также изменились к лучшему: я поселился в канцелярии, где, кроме меня, проживало не более 5 человек <...>. С 20 июня я проживаю там же, но уже в сторожах, вследствие закрытия прежней должности. В смысле трудности и досуга стало еще легче и еще менее ответственно. Продолжаю ожидать решения своей участи. Кроме меня, в таком же ожидании и еще немало людей, а большинство уже освобождено и почти все на полную свободу <...>. Был труден переезд, потому что ехали со мною в этапе нечистые на руку, которые в дороге обворовали меня и изрезали ножами мои сумки. Спустя три дня, как я писал, бесследно исчезли с места нашей высадки мой чемодан с

бельем, корзина с платьем и сундучок с провизией <...>. Я писал, что эти пропажи нисколько не смутили меня и не нарушили моего внутреннего покоя <...>.

Папа

Дорогая Иринка и все родные!

Я все там же, все в ожидании, внешние условия за последние 10 дней изменились, я стал жить ближе километра на два, в положении лучше. Я было вновь заделался делопроизводителем, с работой для моего инвалидства трудно, но с передвижением поближе, устроился по силам — в качестве дневального и курьера при одном из учреждений ЛП и благоушествовую. Находится и свободное время, и время, когда могу быть один с собою самим. Голову и душу не обременяют разные ответственные заботы, а посему дух покоен, а физическая работа посильная — 2 раза (иногда 3) в день уборка служебного помещения, разнос бумаг, разные небольшие поручения, иногда небольшая работа по канцелярии <...>. Учусь по-прежнему — жить настоящим, ни к чему не привязываясь (пользуясь миром сим, как бы не пользуясь им). Условия постоянно напоминают о том, что мы странники в этой жизни, которые должны быть готовы каждый момент и с места тронуться, и попасть домой за пределы этой жизни. К этим мыслям особенно располагает наблюдение над нашим братом инвалидом — и при нашем передвижении с места на место, и особенно при оставлении этой жизни, что наблюдать приходится нередко: ведь все-то мы — одною ногою в могиле, долго ли до другой? Чуть побольше усилий или ухудшение условий — и... конец <...>. Я както особенно ярко ощутил, что всякие обстоятельства в жизни — и происшества, и испытания, и неожиданности

— дело второстепенное. Основа, первое — это постоянная связь с Единым и Вечным. Есть она — тогда все происходящее, хотя бы и самое тяжелое, можно переносить равнодушно, или, вернее, спокойно. Главное-то имеется, а все прочее — преходящее. В Главном же и Едином, как в Полноте, все есть и все в Нем, а посему никакие утраты этой жизни не страшны. От понимания до осуществления, конечно, далеко, но понимание

все-таки 50%; по пониманию можно себя приучить и жить. Невзирая на всякого рода тягости, будем мужественны и благодушны.

Господь со всеми нами!

Папа

30 июля 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Сегодня день твоего рождения, поздравляю тебя и маму и шлю пожелания такие, какие для тебя будут самыми лучшими и какие я бы мог придумать для тебя. Мое положение без перемен. Все не перестают говорить, что всех нас, активированных инвалидов, может быть, за малым исключением, все-таки вскоре отправят, хотя стали отправлять и лиц нашей категории, но до меня, как видимо, очередь не дошла. Пока еще лето, мне на последнем месте хорошо — дневальным, курьером и немного по канцелярии. Но к осени, когда придется и дрова пилить, колоть, и печи топить, при моих грыжах и сердечной слабости будет много тяжелее. Но, может быть, до этого времени отсюда и отправят, по большей части отправляют вчистую. Все утверждают, что вопрос в нескольких днях, но они уже растянулись на месяцы. Конечно (по своему хотению), я желал бы освобождения; если оно сейчас для меня необходимо, то, конечно, Провидение мне его предоставит, хотя я избегаю мечтаний, но мысли разные приходят, что я буду делать после освобождения? Чего я желал бы для себя? А ответ постоянно у меня всегда готов: хочу покоя, хочу отдохнуть, в себя прийти, собой заняться <...>. Хочется уединения и молчания, того, что с ним может быть связано для верующего человека. Теперь у меня нет постоянных забот, ум мой и сердце ими не обременены, но некоторое беспокойство есть. Это — постоянно оберегать от воров и учреждение, при котором я состою, и свое имущество; на этой почве, может быть, в силу своего вообще заботливого или беспокойного характера, я и недосыпаю и имею лишние волнения, но в общем мне по-прежнему хорошо <...>. Многое увидел я, многому научился, во внешнем я уже не такой беспомощный, как ранее, многое сам научился делать. А вам всем хотел бы сказать, хотя и ранее писал об этом, как

важно, живя на свободе, приучать себя к жестокому житию и всяким лишениям, чтобы, когда придут тяжелые обстоятельства, все переносить с мужеством и полным самообладанием. Чувства, чувства, как они разоряют нас, если не находятся в полном подчинении разуму! Когда догорают силы, видишь, как много их истрачено напрасно <...>. Чувства — огонь души, надо хранить только для Первостепенного, а ко всему прочему надо научиться относиться спокойно, почти безразлично (покупающе, яко не приобретающе, пользующиеся миром сим, яко не пользующиеся). Эту мораль прописываю прежде всего себе и требую, чтобы у меня было именно такое отношение к моим внешним обстоятельствам и, в частности, к моему заключению <...>. Всем желаю всего доброго. Не взыщите, что сравнительно редко пишу, по инвалидству я уже не ударник и не могу иметь прежнего количества писем. Не взыщите на содержание писем, если оно кажется вам скудным, от скудного и убогого чего же ожидать. Целую тебя крепко, Ирочка

Папа

14 августа 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Все те же ожидания. От более или менее компетентных лиц слышал, что еще, может быть, придется отсидеть месяц-другой, а я опасаюсь, может быть, и более. Уж не навести ли справки тебе в Москве. Мое дело за Коллегией ОГПУ,- от этого, говорят, и задержка, коллегиальных стали освобождать только в последнее время <...>. Я писал, что живу среди отрицательного элемента, и масса энергии уходит на оберегание казенного и своего имущества. Все налеты, меня вновь обокрали среди бела дня, вырвали пробой замком от двери, я был в отсутствии не более десяти минут; правда, удалось немедленно напасть на след похитителей и возратить большую часть ворованного, но кое-что пропало, например, очки, часть провизии, коекакие вещи, но самое главное — тобою привезенный стеклянный флакон с притертой .пробкой и содержимым, а также галстук, тоже тобою привезенный <...>.

За это время все-таки находилось время и для чтения, и для размышления. Основные мысли — о нашей вере — всегда очень утешительны. Но когда оглядываюсь на окружающее, для себя

отрадного нахожу очень и очень мало <...>. Всех вас помню, всех ношу в сердце, всех люблю, всех приветствую, все для меня живы. Но и видеть всех вас очень бы хотелось и, конечно, не однократно, а так, чтобы насытилась душа. Привет маме, целую тебя крепко.

Папа

1 сентября 1933 года

Дорогая Ирина и все родные!

Живу я на том же месте и в той же должности — дневального и курьера. По существу дела, должность легкая, а для моих сил, в последнее время в особенности, очень нелегка <...>. Тело и душа ищут тишины и покоя, но здесь их трудно иметь. Часто ощущаю нужду и в свежем воздухе, почти все время я прикован к помещению, охраняю и казенное, и наше частное имущество <...>. При всех усилиях все-таки тяжело жить оторванному от привычной обстановки и своих близких. О, как начинаешь здесь ценить те условия, в которых живете хотя бы и вы все. Условия, условия, как зависит от них личность человеческая! Как сама по себе она слаба в немощах, в старости! Это время снова чаще меня посещали мысли о смерти. Конечно, она уже не за горами, я уже докатился до пределов жизни, а все же хочется кончить свои дни не здесь, не на чужбине, а среди родных. Но будет так, как распорядится Провидение, и приму безропотно то, что Оно пошлет. Среди дум много условий наталкивают на мысль о том благе, которое достигается при общности имущества, когда личное имущество сводится к минимуму. Припоминаю подобное в организациях IV века у Пахомия Великого. Да! Хорошо там было, очень хорошо, потому, конечно, что все собравшиеся были единомысленны и единокорны, одного настроения, и, кроме того, свои физические потребности они научались сводить к минимуму, а посему для своего экономического обеспечения они тратили очень мало времени — имели много досуга и пользовались им так, как находили это нужным по своим убеждениям. Физически они были нищие, но духовно очень богатые <...>. Я ощутил великую правду в том, что, по существу дела, праведная собственность может быть толь

ко там, где она не личная, а общая. Справочка о Пахомии очень уместна. Вообще же напоминаю себе, что и в этом вопросе, как и вообще во всех вопросах нравственности, кроме резкого различения добра и зла на деле в жизни, в истории много степеней, по которым и личность, и общество выбираются из крайнего зла к высшему добру, и каждая промежуточная ступень носит характер относительный, то есть она добро с точки зрения низшей ступени морали, но она не может расцениваться и как зло с точки зрения высшей ступени. А все дело, конечно, в устремлении, подымается ли человек и все общество к высшему, или же, наоборот, опускается к низшему. Я ублажаю того нищего, о котором пишет Димитрий Ростовский: старый, больной, в рубище, в холоде и голоде, он был, по своему уверению, всегда счастливым. Я верю этому, он не имел никакого своего личного имущества и не был к нему прикован. С этой точки зрения и для меня благо, когда здесь расхищали неоднократно мое имущество, но зато я делался свободным от его хранения <...>. Передай привет всем нашим родным, поименно их не упоминаю, но сам про себя, конечно, их всех называю и помню. Всех приветствую, всех благодарю, привет маме, целую тебя крепко, посылки получаю, хотя теперь и реже, нужду ощущаю в сахаре, если сумеешь найти, пришли еще раз. Еще раз всем привет.

Папа

25 сентября 1933 года. Кузема

Дорогая Иринка и все родные!

Не писал вам уже целый месяц. За это время много пережито, было очень трудно. Несколько дней я совмещал обязанности дневального и счетовода-табельщика, потом меня от дневальства освободили, и я был счетоводом-табельщиком более трех недель. Было очень тяжело, работа была запущена, я работал очень много, сверх сил, правда, привел все в порядок, но сильно исхудал, моя плоть заметно тает <...>. Вновь была врачебная комиссия, и я уже в 4-й раз признан инвалидом: грыжа, порок сердца с отеком ног и преждевременная старческая дряхлость <...>. Очень сожалею, что не могу вас обрадовать добрыми вестями о себе, как было

месяца два тому назад, когда я писал, что мне очень хорошо. Конечно, мне неплохо и теперь, но уж очень много зла вокруг. Очень жалко мне злых, потому что от злобы плохо и хуже самому злецу — что он носит в себе, какую беду? И разве с ней он может быть покойным и счастливым? Конечно, нет. Гложет и сушит его злобность <...>, кроме злых, есть много измученных и изможденных, все нуждаются в утешении и поддержке, но почти никто не в силах дать их другому, потому что сам удручен и изможден <...>, здесь грустная картина, здесь редко кто делится тем, что получает, с другими, потому что самому не хватает или только в обрез. Все это вместе взятое наполняет душу скорбью и ощущением крайнего одиночества <...>. Привет маме и пожелание ей доброго здоровья <...>.

Привет <...> всем, твой *nana*

8—9 ноября 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Погода плохая, как в тот день, когда вы приехали ко мне в прошлом году на свидание, сильный ветер, снег и потом мороз. Комната, в которой я занимаюсь, угловая, вторые окна еще не вставлены, ветер гуляет, печь не топится, мучаемся напрасно, в дыму целый день, ветер через трубу выдувает дым обратно в помещение, дым заел и очи, и горло. Но 9-го уже хорошо, мороз, ветер переменился, в помещении делается теплее и теплее, печь топится хорошо. Давно не писал тебе, было недосуг, надо было кончать к месячному отчету срочную работу, да и прихворнул я <...>, доселе еще не вполне поправился, болел на ногах, потому что нельзя было прервать работу и через то подвести моего непосредственного начальника, теперь зато легче <...>. Из твоих последних писем я вычитываю (может быть, и неправильно), что Красный Крест обо мне ходатайствовать не будет, а посему ты написала о советующих подать прошение об амнистии <...>. Что же касается амнистии, то я лишен возможности о ней ходатайствовать, потому что это ходатайство означало бы признание себя виновным по примененной ко мне статье 58-й, п[ункты] 10, 11. Но виновным я себя признать не могу, потому что эта статья политическая, а я в области политической против советской власти несколько не

виновен. Смело говорю, наоборот, моя позиция относительно советской власти всегда была максимумом благожелания <...>. Я работал исключительно на религиозной почве, а основа отделения Церкви от государства мною была провозглашена и осуществляется за 9 месяцев до выхода декрета об отделении Церкви от государства и до появления соввласти <...>. Я постоянно стоял за мирный сговор церковников с соввластью <...> и сознательно принял и защищал примирительную политику митрополита Сергия, за что также перенес немало, а посему мне не в чем признавать себя виновным. Я виновен лишь в том, что я верующий, но и эта вина отпадает, поскольку конституция СССР признает свободу религий. А посему осуждение меня по 58-й статье есть чистое недоразумение. Я могу ходатайствовать только о пересмотре моего дела, доселе я этого не сделал по своим болезням, крайней перегруженности работой, которые не оставляли мне ни времени, ни сил для написания этого ходатайства, а также из-за постоянного ожидания освобождения по инвалидности. Если меня не освободят по инвалидности в скором времени, тогда постараюсь написать, наконец, и это ходатайство <...> .

Твой *nana*

Кузема. 3 лагпункт Б[еломорско]-Б[алтийского] Комбината
23 ноября 1933 года

Дорогая Иринка и все родные!

Что-то последние дни у меня очень скорбно на сердце.

Из случайных обстоятельств, которыми полна наша жизнь, я убеждаюсь, что делаюсь все больше немощным стариком, я дряхлею все сильнее, мысли о смерти все более меня посещают, мечтаю о том, чтобы, в тишине пребывая, оплакать грехи свои и подготовиться к смерти, а потом и принять ее в спокойствии сердца. А в канцелярии, где едва ли мне придется работать, штат, как и везде, у нас постоянно сокращается и остаются только работники сильные, а нам, старикам, останутся только легчайшие работы на производстве, как, например, переборка картофеля и овощей, шитье стелек в сапожной, а может быть, плетение корзин из дранки и плетение лаптей, а у меня нет сил и нет сил на случайные перемены в нашей жизни, перемены

мелкие. С весны, как я оставил Морсплав, я очень подался. Благодаря вашим посылкам я питаюсь вполне хорошо, но уже, видно, и корм не в коня. Годы и болезни берут свое, правда, я еще на ногах, в больнице не лежу <...>, но не закрываю глаз на свое дряхление... Часто вспоминаю об аде и его муках, начинаю прозревать, как там худо... Привет всем, всем и каждому в отдельности. Привет маме <...>.

Твой *nana*

24 июня 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

Уведомляю вас, что по своему делу я написал два заявления, одно, краткое, в ЦИК с ходатайством об освобождении меня по инвалидности в порядке 458 ст. УК, а другое, длинное, верховному прокурору с просьбой о пересмотре моего дела или, по меньшей мере, об освобождении меня по инвалидности. Во втором заявлении в качестве основ для пересмотра я указал на отсутствие в следственном материале фактов, доказывающих мою виновность в пунктах 10 и 11 статьи 58 УК, и, во-вторых, на то, что следствие не производилось <...>. В силу своих религиозных воззрений я всегда был корректен, но не раболепен как к прежней государственной власти, так равно и к советской. Самая моя работа при соввласти была обусловлена моим соглашением с управляющим делами совнаркомом и с ВЧК — этим соглашением была установлена возможность и пределы моей работы в пределах СССР. В силу этого соглашения я остался в пределах СССР, хотя и имел легальную возможность уехать на свою родину, в бывшую Холмскую губернию. Условий, данных мне, я ни в чем не нарушил, а между тем уже четвертый год томлюсь в лагере. В силу изложенного я и прошу о пересмотре моего дела <...>.

30 августа 1934 года

Дорогая Иринка и все родные!

Действительно, я давно не писал вам, очень много работы, и, кроме того, командировки, в которых, в общем, я провел 12 дней. А здоровьем я держусь по милости Божией, хотя и

трудновато подчас <...>. С самого прибытия в лагерь в 31-м году я целую свои узы и знаю, что они мне во благо, и все время держусь того же убеждения; правда, мне тоскливо в разлуке с родными, но ведь я их все-таки живо ощущаю, невзирая на расстояние. И убивающего одиночества не знаю, потому что Единый Вездесущий всегда с нами и в нас; в общем, в душе моей покой, а будущее я отдал в руки Того, Кто лучше всех распоряжается, а пока по совести работаю и исполняю свои обязанности. Привет мой всем вашим, всем и им моя любовь и сердечная благодарность <...>. И всегда, когда я не пишу в отдельности привет, а всем вообще, переводите этот привет и на каждого в отдельности. Я всех, всех помню, все у меня глубоко в моем покойном, незасушенном сердце (не замученном массою всякого рода забот; здесь их почти нет, а многие заботы по службе совсем иного свойства, и я их переживаю покойно) <...>. Мое ходатайство во ВЦИК направлено с Медгоры 10.8.34 за № 41008, а в направлении другого ходатайства — главному прокурору — отказано. Предполагаю еще сделать попытку о его направлении, потому что это ходатайство — о пересмотре дела, то есть другого характера, чем первое. До свиданья!

Папа

Кемь. Вечеракша. 1 лагпункт, 9 отделение] Б[еломорско]-
Б[алтийского]^ К[омбината]

8 октября 1934 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

О чем я предупреждал тебя, Ирочка, то со мною и произошло. Я уже третий день нахожусь на новом месте по той же Мурманской ж. д. в г. Кеми <...>. Переезд совершился очень хорошо, без неприятных приключений и даже с удовольствием, хотя, конечно, приходилось потаскать свои вещи с большими усилиями и едва переносимым напряжением. Но спутники на этот раз помогли, была и лошадь и к железной дороге, и оттуда. Новое помещение хорошее и светлое, высокое, но пока без печи холодно, обещают на днях построить печь. Работа у меня такая же, как и на прежнем месте, но здесь во много раз увеличится. И это бы еще не беда, к своей работе я привык, а то беда, что у

меня [все] было поставлено очень четко, а здесь пока я не могу войти в курс дела. Придется много потрудиться <...>. Крепко целую тебя и всех вас. Жду вестей.

Папа

8 декабря 1934 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

На этот раз не порадуя вас добрыми вестями о себе. Уже более месяца у меня боли в верхней половине грудной клетки над сердцем и в самом сердце. Сначала я думал, скоро пройдет, результат временного переутомления, но чем дальше, тем хуже. Теперь и в левом плече боль, и в левой руке. Положение напоминает 26-й год, когда я четыре месяца пролежал в деревне и едва выправился; возможно, скоро придется лечь в больницу. Я уже было получил туда направление, но временно удержан по службе, конечно, я хожу и работаю, но немощь часто одолевает <...>. Кругом скорби и скорби, как много теперь требуется мужества, терпения и особенно веры, но, что бы ни было, нам не следует унывать и падать духом. Все идет так, как этому должно быть, не по нашей воле, значит так, как надо <...>. Письмо заканчиваю, крепко тебя целую, Иринка, и всех. Всем всего доброго.

Папа

Кемь. 1 лагпункт, центральный] лазарет

17 декабря 1934 года Дорогая Иринка и все родные!

Уже неделю я нахожусь в лазарете. Прекрасное помещение с электричеством и всеми удобствами, высокое, светлое; палата, в которой я, — на 10 человек, врачебное отношение, уход и питание очень хорошие. Попал я в лазарет очень вовремя, иначе, говорит доктор, со мною был бы удар <...>.

Кузема. Мурманская ж. д. 2 лагпункт, 9 отделение] Б[еломорско]-Б[алтийского] К[омбината], п[очтовый] п[ункт] Сеннуха

25 января 1935 года

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Вчера я переехал из Кеми в Кузему. Переезд мой, или, вернее, возвращение в Кузему, совершился довольно

неожиданно. За неделю до этого я не мог о нем и мечтать — так сильно я был связан с Вечеракшй, и вдруг эти связи заколебались, и я вновь в сравнительно тихой Куземе. Я писал вам, что в связи с моей болезнью меня освободили от ответственной службы, мне стало легче работать, и мое здоровье также стало улучшаться; казалось бы, и достаточно, но внезапно около меня и для меня сначала непонятно атмосфера сгустилась и в результате я очутился вновь в Куземе <...>. Кстати, об условиях переезда сюда: он совершился так просто и легко, как будто кто-то с любовью позаботился о нем. Я был послан свободно, без конвоя, на переезд к вокзалу мне дали лошадь, случайно со мною ехал один из куземских сослуживцев, он помог мне и билет купить, и перенести мои вещи на поезд и потом с поезда. В Куземе с вещами я тоже не имел затруднения, их перевезла возвращающаяся назад подвода, я только прошел пешком по снежным сугробам. Доселе тихая и теплая погода к моему переезду стала морозной, ветреной, снежной, но для моего переезда выпали очень благоприятные промежутки <...>.

Папа

14 февраля 1935 года

Дорогая Иринка и все родные!

К моему утешению, я опять в Сеннухе на своей прежней работе и снова в бытовых условиях, для меня благоприятных. На Поповом [острове] я находился только 10 дней, там жизнь кипит ключом и работа весьма интересная, но количество работы и ее условия были не по моим силам. Надолго меня бы там не хватило, как видишь, я пробыл там очень короткое время, не буду вам описывать подробности, одно скажу, было нелегко во многих отношениях, однако все переносилось благодушно, в глубине сердца все время был покой, он регулировал мои действия и самочувствие было хорошее. До таких переутомлений, которые рождали бы и поддерживали уныние, я не доходил. Переброски с вещами и эти два раза были нетрудными, все проходило удобно и удачно. Здесь я уже отдохнул, пришел в себя и спешу поскорее написать вам, чтобы у вас не было обо мне излишних беспокойств. Еще не прошло и

месяца, как я пережил четыре переброски; я не задаюсь вопросом, почему и для чего все это, и говорю себе постоянно: раз так происходит, значит, так и нужно, и все происходящее есть самое лучшее для меня в настоящее время. А посему какие-либо колебания, недоумения, огорчения неуместны. Ведь весь секрет жизни в том, чтобы все совершалось не по моей мелкой воле и не по моему жалкому умишке. Единая Премудрая и Благая Воля должна царить во всем, а наше дело не мешать ей осуществляться и в нас, и через нас. Прочее все понятно. Завтра кончается 4 года моего заключения, кто бы мог думать, что я их переживу, а вот пережил и, если говорить о своей воле, еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас, может быть, и пожить с вами. Впрочем, оговариваюсь, и этого я желаю, как писал вам не раз, для оправдания своей веры и славы Всевышнего <...>. Крепко целую вас всех, моих дорогих <...>.

Папа

6 марта 1935 года

Дорогая Иринка и все родные!

Стал я получать от вас весточки уже на Сеннуху и отсюда узнал, что вы мои письма тоже уже получили <...>. За все присылаемое я всем вам очень признателен, хватает не только для меня, а можно кое с кем и делиться, что мне доставляет истинное удовольствие <...>. Вы бы, конечно, хотели знать о моей жизни и о моем самочувствии <...>. Как-то все тяжелее переносу и малые недомогания и отсюда заключаю, что годы берут свое, я слабею; иногда на этой почве у меня развиваются грустные размышления. Работа моя нетрудная и не такая большая, но частенько и она мне тяжела, хотелось бы получить передышку. Два раза я здесь был у врача, и первый же раз он сказал мне, что поставит вопрос о моем инвалидстве вновь. Я поблагодарил его, но пока еще числюсь в прежней категории <...>. Спасибо за добрые чувства, будем надеяться, что мы еще проживем вместе, и я отдохну с вами на кончике моей жизни. У меня ведь только одна дума — это как бы дожить до конца моего заключения, повидать всех вас и умереть не здесь одиноким, а там, среди вас, моих родных и близких <...>.

Ирочка, ты пишешь, что я сам виноват, что так долго сижу, потому что долго сам не подавал о себе заявлений. Может быть, и так, оправдываться я не буду. Скажу только, что разделяют мою участь и многие другие, подававшие не одно заявление.

Конечно, я в первые два года не подавал заявлений. Все казалось, что мое инвалидство выведет меня на свободу, как вывело очень многих. Но вышло по-иному. Скажу тебе, что подавать заявления нам разрешено только один раз в год и спустя полгода после прибытия в лагерь. Вообще же всю жизнь я был человеком непрактичным, что и здесь чувствуется на каждом шагу. Это сказало и с моими заявлениями <...>. Привет всем-всем и каждому в отдельности, привет маме, прошу простить, если кого-либо я не вспомнил на этот раз, а вообще помню, не забываю. Крепко целую тебя, Ирочка, и всех.

Папа

29 марта 1935 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

Кажется, и вам давно писал, и от вас давно писем не получал. Наконец пришли 2 открытки <...>. Беспокоитесь и спрашиваете о моем здоровье. Оно улучшилось, значительно улучшилось <...>. Среди условий, в которых приходится жить, конечно, не всё розы, есть и неблагоприятное, и немного его, а переживается оно очень трудно. Я на себя поражаюсь, удивляюсь и очень собой недоволен, сущие пустяки, а для меня настоящая болезнь. Вот и задаюсь вопросом, что делать, чтобы не нервы мною владели, а я ими. Кажется, все хорошо: день, другой, третий, забываешь о нервах, вдруг какой-либо случай, а мало ли их всюду — и все загуляло, точно по голове ударит, и долго не можешь прийти в норму. И бранишь себя, и увещаешь, а факт остается фактом. Да! нагрузка Вечеракши <...> мне была не по силам, и от результатов этих перенапряжений я еще не освободился <...>.

Папа

18 апреля 1935 года

Дорогие мои Иринка и все родные!

Подходят великие дни. Приветствую всех вас и посылаю

лучшие пожелания. Хорошо бы в это время быть вместе, как это было ранее. Но если не физически, то мысленно будем вместе, будем посвящать на мысленное общение то или иное время. Здесь это лучше делать утром, до работы, тем более что ночи у нас укорачиваются все более и скоро наступят белые, а тогда сон бежит <...>. Мое здоровье укрепилось, работа — по моим силам, условия — благоприятные, и я готов в подобных условиях досидеть до конца своего срока. Но это не от меня зависит: всегда возможны переброски, которых вы вместе со мною боитесь<...>.

Эти дни у нас прекрасная погода — воздух чудный, живительный <...>. Могу сообщить вам несколько успокаивающую новость. Сегодня на медкомиссии я вновь признан инвалидом, о чем и составлен акт. Для меня это хорошо, потому что более меня гарантирует от перебросок. Снова от нас двинулись на свободу инвалиды, но я не надеюсь на освобождение. Мой акт запоздал, да и не всех отпустят. Мое самочувствие — хорошее. Посылки от вас идут хорошо. На прошлой неделе получил я одну, завтра или послезавтра получу вторую — большую <...>. За это время немало всяких мыслей, все более неутешительного характера. Но основное, конечно, одно и то же, оно прочно и не может поколебаться. Вечное — нерушимо. Только бы научиться все более и более глубоко входить в него. Какая мудрость — уметь отходить от своего «я» и опираться на «Я» Великое, Единое. Всем этого желаю, особенно в эти дни. Что бы ни было, а вечность за нами и в этой жизни, и будущей. Временные страдания неизбежны для находящихся в странствии. Но, кроме страданий, сколько еще и здесь радостей и счастья. Всех-всех трижды целую <...>.

Вас постоянно помнящий и любящий *папа и дядя*

2 мая 1935 года

3

Дорогие мои Иринка и все родные!

Многokrатно всех вас целую и взаимно поздравляю с праздниками. Получил я все ваши открытки, Иринка и Зина, получил и обе посылки. Сусанна, и яички, и сухарики твои пришли в очень хорошем виде, не разбилось ни одно яйцо, Зиночка, и бабка нисколько не пострадала. Балуете вы меня.

Мое здоровье утряслось, то есть держится на уровне заметного улучшения. Погода и у нас неважная. Завернули холода, и вместо весны у нас недели две держится настоящая зима с морозами, метелями и сильными ветрами. Но это сильно не действует на настроение, оно держится устойчиво. Ожидаю конца своего заключения, который уже теперь не за горами, то есть в конце, а может быть, и несколько ранее 36-го года. Конечно, я учитываю и другие возможности — и к лучшему, и к худшему, замечая и некоторые признаки, по которым об этом сужу, то есть улучшения и ухудшения, сокращения и удлинения срока. На свое ходатайство об освобождении, написанное в июне или мае 34-го года, доселе я еще не получил ответа. Подумываю о его повторении. Может быть, в настоящее время и вам что-либо предпринять <...>. Много дум, много размышлений, иногда помыслишь, хоть здесь я вдали от вас, но зато в одном положении, уж дальше мне некуда; а был бы на воле, разве был бы гарантирован от всяких тревог и плачевных неожиданностей? А посему, может быть, и лучше, что я еще здесь. Посему пусть течет поток моей жизни так, как течет теперь. Все равно к чему-либо придет. Сохранялся бы покой духа. Я хотел бы только такого здоровья и сил, чтобы хранился этот покой; при нем воля или неволя — вещь второстепенная. Иметь бы свободу внутри от всякого зла и всякой скверны. Два дня мы празднуем. Кончается второй день. Креплюсь я, креплюсь, но какое громадное значение имеют внешние условия! Это могут оценить только те, кто побывал в подобной обстановке. Для известного состояния духа очень важно одиночество, но одиночество полное, то есть вдали от людей. Но одиночество среди людей тягостно, потому что очень трудно среди шума войти в свою душу. Я не жалею, мои условия сравнительно очень хороши. Мысленное общение я с вами имею и непосредственное, получая от вас письма.



Дом в Малом Ярославце, где о. Роман провел последние дни жизни

Но в дни отдыха я очень ощущаю недостаток личного общения с вами, и голодно душевно, и одиноко. Однако терпел годы, потерплю и еще, конечно, очень мешает собственная никчемность, которую всегда ношу с собой. Сознаю, что надо делать мне в настоящее время, а не делаю, все отлагаю до будущей перемены условий. Это самая большая причина недовольства собою. Очень всех вас благодарю за вашу непрестанную любовь и заботы обо мне. Как бы мне хотелось еще в этой жизни воздать вам за нее в личном общении. Верю, что это возможно и что это будет. Крепко еще раз целую всех вас в общем и каждого в отдельности <...>.

Папа».

Из ссылки о. Роман возвратился совершенно больным в 1936 году, его отпустили чуть раньше срока умирать домой, дали минус 15.



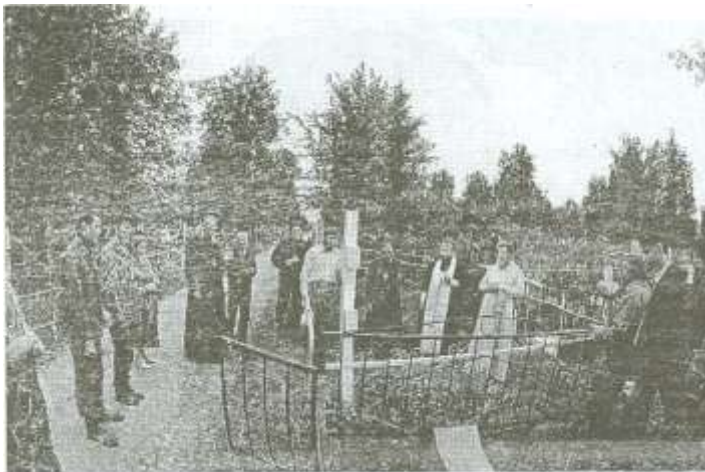
На Ленинградском вокзале 28 июля встречали о. Романа матушка, дочь и несколько чад. Прописку дали в

Волоколамске. Отец Роман почти сразу уехал в Черкассы к старому другу. 25 мая 1937 года он сломал правую ногу — шейку бедра. Дали телеграмму матушке, и она срочно перевезла его в Малый Ярославец. Состояние было критическим — тяжелая форма туберкулеза, сложный перелом, организм очень ослаблен.

Отец Роман за несколько дней до смерти

18 августа 1937 года, чувствуя приближение смерти, о. Роман изъявил желание принять монашеский постриг, и был пострижен в рясофор с именем Иосиф. Постриг совершал игумен Митрофан, который был келейником иеромонаха Зосимовой пустыни Алексия (в миру Федор Алексеевич

Панихида на могиле о. Романа перед обретением мощей. Август 1999 года



Соловьев), выбиравшего жребий на патриаршее служение. В Сергиевом Посаде он был арестован, отбыл срок и потом жил в Москве на квартире профессора А.Ф. Лосева, будучи его духовником. Затем был опять арестован, и после отбытия срока сослан в Малый Ярославец. Через некоторое время после смерти о. Романа игумена Митрофана опять арестовали.

Все это время протоиерей Зосима (Трубачев), служивший в Малом Ярославце, причащал о. Романа практически каждый день. Сам протоиерей Зосима побывал в ссылке, и после смерти о. Романа его снова арестуют и сошлют.

Незадолго до смерти о. Романа к нему приходили, чтобы снова его арестовать. Он уже не вставал, при сотрудниках НКВД случилось кровохарканье. Анна Николаевна без смущения сказала: «Забирайте, он вот-вот умрет, и мне не надо будет его хоронить». Они потолкались в дверях и ушли. Забирать умирающего им не хотелось.

Судя по его состоянию, они могли его не довести. Отец Роман благодарно улыбнулся матушке: мол, отстояла его предсмертные часы.

8 сентября 1937 года о. Роман утром причастился, а в 7 часов вечера его не стало. Почил великий труженик и исповедник Церкви Христовой — протоиерей Роман Медведь.

В тот же день Господь призвал еще двух подвижников, сосланных в Малый Ярославец, — игумену Елену и игумена Агафона.

На третий день о. Зосима совершил отпевание, похоронен был отец Роман на городском кладбище. На девятый день Ирина Романовна после поминок заснула на кровати о. Романа, укрывшись его лагерным одеялом, и увидела видение: ее отец стоит на коленях перед иконами в золотом облачении, подаренном ему еще в Крыму, и читает Отче наш.

Свет Христов, наполнявший всю жизнь о. Романа, и по сей день озаряет православных людей, указуя путь в Царство Небесное. К его могиле приходят страждущие, обращаются с просьбами, получают помощь и духовное утешение.

«Откажитесь от своего м а л о г о и Господь даст Свое б о л ь ш о е», — завещал исповедник Христов.

3 августа 1999 года по благословению Святейшего

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II честные мощи священноисповедника Романа были обретены и перенесены в Москву в храм Покрова Божией Матери на Лычиковой горе.

ИСТОЧНИКИ

ЦА ФСБ РФ. — Арх. № 42304, д. №107364, л. 63, 81, 90, 95, 99, 108, 192—194, 198, 363.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е.Губонин.— М., 1994. С. 873.

Личный архив И.Р.Медведь.

СВЯЩЕННИК ЕЛЕАЗАР И ДИМИТРИЙ СПИРИДОНОВЫ

Елеазар Спиридонович Спиридонов родился в Евпатории в семье крымских греков. Отец был приказчиком, работал на Евпаторийских соляных промыслах. Семья была бедной, из имущества ценного ничего не было.

Мать Ольга Павловна, женщина глубоко верующая, еще мальчиком отдала Елеазара на клирос, где он пел дискантом.

Благая Евангельская весть предполагает благое вместилище, а что может быть чище и лучше молящейся детской души. В 1893-м или 1894 году на деньги, собранные греческой общиной, Елеазар Спиридонов ездил в Иерусалим поклониться Гробу Господню. Это паломничество оставило неизгладимый след в его памяти. Он рассказывал о виденном и пережитом в Святой Земле как о самом светлом и лучшем в его жизни. Получив образование, Елеазар Спиридонович с 1894-го по 1900 год работал учителем в



Семинарист Елеазар
Спиридонов

церковноприходской школе. Женился Спиридонов на девице Ксении Ивановне Янковой. Таинство венчания совершил известный в Евпатории священник Иаков Чепурин, строитель и благоуукрашитель величественного Свято-Никольского собора, на устройство которого он положил все свои средства и силы. По признанию самого Елеазара Спиридоновича, о. Иаков сыграл в его жизни огромную роль. Духовный наставник, добрый друг и советник, о. Иаков был поистине благодетелем.

Ксения Ивановна была русской, родом из Евпатории.

Родители ее, Иван Кириллович и Мария Гордеевна, переехали из Севастополя. Отец — человек заслуженный, почетный гражданин Евпатории, участник русско-турецкой войны, имел Георгиевский крест за храбрость.

В 1899 году Елеазар Спиридонович был рукоположен в священный сан. Хиротонию совершил Таврический епископ Николай (Зиоров) в праздник Архистратига Божия Михаила и всех Небесных сил. Очень тепло и с большой любовью о. Елеазар отзывался о владыке, чей портрет до конца дней висел у него на стене. Первое диаконское место Спиридонова было недалеко от Бахчисарая, в селе Ашинха. Позже, уже священником, о. Елеазар служил в селе Керменчик. Сохранилась замечательная фотография, сделанная в 1904 году на Троицу. На фоне векового дерева в центре за столом сидит благообразный молодой священник в окружении своей паствы. Из другого мира смотрят на нас сосредоточенные, внимательные лица православных людей.



*Иван Кириллович и Мария
Гордеевна Янкови*

В 1904 году в семье Спиридоновых родилась первая дочь Вера, позже на свет появились Мария и Надежда. Детей о. Елеазар воспитывал строго, в религиозном духе и любви к труду. С раннего детства приучал к молитве и церковным службам. Сам будучи музыкально одаренным человеком, хорошо играл на скрипке и фортепиано, учил музыку и детей. Тихо и мирно трудился молодой священник во славу Христа. Материальное положение в семье улучшилось, и в 1912 году он купил 15 десятин земли при деревне Шеих-Шаях в Перекопском уезде. Землю обрабатывал совместно с крестьянином Пивоваренко, не

привлекая наемных работников. В 1917 году, когда грянула



Епископ Николай (Зиоров)

революция и все заговорили о перераспределении имущества, кроткий священник без всякого принуждения отдал свою землю и двух коров местным крестьянам, не потребовав никакой компенсации.

Отец Елеазар был отмечен начальством на ниве общественного служения. За свое усердие он получил четыре медали. Первая серебряная медаль была вручена священнику за труды по народному образованию, вторую серебряную медаль он получил на свой юбилей — 25 лет образцовых трудов в церковноприходской школе. Две медные медали — по случаю 300-летия Дома Романовых и за

труды, понесенные во время переписи населения.

В 1919 году семья Спиридоновых перебралась в Евпаторию. К тому времени был закончен храм в честь пророка Божия Илии. Построен он был па деньги греческой общины, значительную сумму дал известный судовладелец Панаиот Елеферович Давыдов. Он и руководил всей постройкой.

Освящать храм приехал архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе). Мария Елсазаровна маленькой девочкой присутствовала на торжестве. Запомнились только свет и цвет. Все было прозрачно-белым и светящимся. Архиерей с библейским лицом и ее отец священнодействовали в алтаре

В 1920 году в Евпатории начался ужасный голод. Отцу Елеазару приходилось непрестанно отпевать умерших. Его семья также голодала. Умерла от недоедания Мария Гордеевна. От голода скончалась тетя о. Елеазара, мать заболела сыпным тифом. Хлеба катастрофически не хватало. Мололи ячмень в кофейной мельнице, поджаривали и затем варили. Отец Елеазар

запрещал употреблять сахарин, считал его вредным. К весне стало легче. Поступила американская помощь АРА. Открыли в городе столовую, стали кормить малельких детей и школьников супом и кашей из кукурузы. Постепенно все стало выравниваться.

Священником о. Елеазар был по призванию. Все у него было ладно и стройно. Где бы он ни появлялся, народ сразу же его принимал. Любили его за добрый и мягкий нрав, за кротость и бессребреничество. В отличие от других,



Священник Елеазар Спиридонов с прихожанами. Троица, 1904 год. Село Керменчик

он не назначал плату за требы, сколько дадут (если дадут), то и принимал. Вина сам не пил и в доме никогда не держал. Только после ареста прихожане ощутили и оценили по-настоящему, «кто с ними был и кого они потеряли».

В доме по улице Комиссаровской, где жили Спиридоновы, было много книг и икон. Все было устроено по-семейному уютно и хорошо. Когда их потеснили новые власти и они остались в одной комнате, пришлось перегородить ее на несколько частей.

Но теснота и неудобства никак не сказались на семейном мире.



Священник Елеазар Спиридонов

Проповедовал о. Елеазар с прежним усердием, по все больше на евангельские темы, чтобы избежать каких-либо обвинений в контрреволюционной агитации. В 1928 году,

24 июня, о. Елеазар, все яснее осознавая перемены вокруг, записал в назидание домашним: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложится вам». То есть ставьте прежде всего задачей и целью вашей жизни жизнь благочестивую и спасение души; земные блага дадутся вам по вере вашей и без ваших особенных забот Отцом вашим Небесным,

Который дает всем все благопотребное, и жизнь, и дыхание, и вся».

Быстро и страшно менялась жизнь. Помышлять о каком-либо земном благополучии, пусть даже благочестивом, уже не приходилось. Официальные выпады против религии и церкви стали слишком явными. Закрывались храмы и монастыри. Все чаще на улице священник мог услышать в свой адрес оскорбление или насмешку. Случалось, что во время богослужения подстрекаемая властями молодежь билась окна.

В «Информационном отчете обкома ВКП(б) о его работе за март 1925 года» читаем: «Так, например, 11 апреля в двух церквях Симферополя, а также в евпаторийском соборе во время торжественного богослужения группа комсомольцев и

пионеров с шумом в шапках ворвалась в церковь; вырывали из рук верующих вербы и избили их». В другом секретном постановлении за тот же

1925 год говорилось: «В связи с благополучными видами на урожай в некоторых районах замечается оживление духовенства. Организуются молебствия, крестные ходы и т[ак] д[алее]. <...> Активизировать атеистическую пропаганду. Отметить значение науки и техники в сельском хозяйстве, причины урожая и неурожая.

Активизировать все виды пропаганды».

Власти создавали множество циркуляров, вдохновлявших и направлявших атеистическую работу (см. *Приложение*).

Несмотря на стесненные обстоятельства, о. Елеазар принимал у себя всех нуждающихся. Дольше всего оставались у Спиридоновых монахиня Лариса и инокиня Евфросиния, совсем молодая сирота, обе из разоренного Космо-Дамиановского монастыря. Они помогали по дому, пели на клиросе. Одним словом, были как члены семьи. Кстати говоря, когда большевики пришли в Евпаторию, батюшке на квартиру подселили двух солдат. Принял их



Схимонахиня Евгения Попов

о. Елеазар кротко, без ропота и кормил за свой счет.

В конце 20-х годов о. Елеазар подружился с фотографом и духовным писателем Иваном Васильевичем Поповым. Их

взгляды и внутренний настрой совпадали. Иван Васильевич перебрался из Ялты в Евпаторию в 1927 году после землетрясения вместе с женой Еленой Васильевной. С ними приехала и его мать схимонахиня Евгения. В свое время отец Ивана Васильевича из-за болезни матушки (она была парализована) переехал из Перми в Ялту, где вскоре умер. А матушка приняла схиму. Иван Васильевич окончил духовную семинарию, но по стопам отца, который был священником, не пошел — стал популярным фотографом. Несколько раз даже получал приглашение в Ливадию снимать царскую семью. Но основным своим призванием считал писание духовных книг. Подписывался Попов-Пермский. После революции его, разумеется, не печатали, писал «в стол», показывал свои произведения только близким знакомым и говорил со вздохом: «Никто теперь не печатает, никому это сейчас не нужно». Мать Ивана Васильевича была особенным человеком, отличалась глубокой верой и проницательностью. Со всего Крыма к ней приезжали за духовным советом и утешением. Ее прозорливость была вне сомнения, и многие убеждались в этом на собственном опыте. От пришедших из любопытства посмотреть на прозорливую матушка Евгения отворачивалась и оставалась так до их ухода. Другим же предлагала помолиться вместе и только потом беседовала на душеспасительные темы. Величие ее духа было таково, что приходившие, увидев парализованную схимонахиню, становились сразу же на колени и в таком положении продолжали говорить о своих нуждах и печалях. Часто спрашивали, вступать ли в колхозы, и, как правило, получали отрицательный ответ. Многим она предсказала будущее. Иван Васильевич и его жена весьма почитали матушку Евгению. В церковь ее носили на руках. Жили они у деревенских людей на квартире. Когда матушка Евгения в 1934 году отошла ко Господу, отпевал ее о. Елеазар.

Вскоре, в конце 1934-го или в начале 1935 года, Ивана Васильевича арестовали. При аресте были конфискованы все дневники и рукописи. Умер И.В.Попов в одном из подмосковных лагерей.

Сжималось страшное кольцо сатанинской злобы и вокруг о. Елеазара. Все отчетливее ощущалась ненависть ко всему

православному и, в первую очередь, к священству. Иногда о. Елеазар, уставший и измученный, приходил домой в оплеванной рясе, и матушка, чистя ее по вече

рам, тихо плакала. Но это было только начало. Вскоре власти вызвали о. Елеазара на собеседование. Говорили с ним грубо и раздраженно, угрожали, предлагали сотрудничать, доносить на прихожан, не допуская и мысли, что кто-то может отказаться или уклониться от такого «доверия». Священник отказался. Потребовали, чтобы он больше не ходил по городу в рясе. И на это о. Елеазар не согласился: «Я священник и буду ходить в подобающей моему сану одежде». Рясу с него сняли только после ареста. Придя домой, о «встрече» и «предложениях» рассказал только своей матушке Ксении Ивановне, дочерям не стал говорить: не хотел огорчать. С этого времени у батюшки были собраны все необходимые вещи на случай ареста, в котором он уже не сомневался и к которому внутренне готовился. Его вызывали еще много раз, угрожали, шантажировали. Требования были все те же: сотрудничать и не ходить по городу в рясе. От сознания того, что каждая служба может стать последней, мир видится и переживается по-другому. Перед лицом неминуемой беды многое меняется в христианском сердце, суетные попечения расточаются, земные заботы уступают место страху Божию и молитве. Страдающая душа переплавляется, становится чистой, обновленной и прозрачной свету Христову. Ощущая это, прихожане становились еще ближе и роднее пастырю и друг другу. Все чаще исполненный скорби о. Елеазар молча садился за фортепиано и погружался в любимые славянские песнопения, которые мастерски исполнял.

Давление в последние годы возрастало, становилось ужасным, ощущалось физически, как будто священник был вне всякого закона. Перед самым арестом его несколько раз вызывали и требовали не только снять рясу, но и отказаться от сана. Священник был тверд и непреклонен.

В 1936 году, когда местная власть, выполняя директивы правительства, взяла курс на стирание «родимых пятен капитализма» — религии, греческая община храма пророка Илии ощутила на себе весь ужас неотвратимой



Евпатория. Соборная площадь. Вид на Никольский Храм

гибели. С прихожанами общины — греческими подданными — власть обходилась более аккуратно, чем со своими гражданами. Начали издалека. Был поставлен вопрос о колокольном звоне как явлении неприемлемом. И местная власть наложила на него запрет. В связи с этим активисты отправились в горисполком ходатайствовать о снятии запрета. Там коротко ответили: «Разберемся, а пока идите, откройте храм и приготовьте документы. Мы сейчас же придем за вами с проверкой. Если у вас все в порядке, на месте и решим все ваши проблемы».

Доверчивые греки так и сделали. Но в обещанное время пришло не руководство горисполкома, а приехали пожарники с начальником милиции и членами культкома и сняли колокола на глазах парализованных от удивления прихожан. Кроме того, культком забрал договор на церковь с общиной. Прихожане, придя в себя, не захотели смириться с вероломным актом. Председатель церковной двадцатки Савва Федорович Кириакиди, хотя и был простым и малообразованным человеком (всего несколько начальных классов в Салониках), оказался в этой ситуации весьма предприимчивым. На улице Революции он имел маленькую мастерскую по ремонту и чистке обуви. Тамто и собралась греческая община, чтобы решить, что делать. Отец Елеазар благословил составить и отправить письмо в Москву

греческому консулу и рассказать все, что произошло. Так и сделали. Поехать в столицу вызвался тот же С.Ф.Кириакиди. Письмо было вручено консулу через секретаря и возымело действие. Правда, обратное тому, которого ожидала община. Власти Евпатории пришли в ярость: как, клевета на органы и социалистическую действительность, да еще от кого?!

Арестовывать о. Елеазара пришли во второй половине дня 27 октября 1936 года. Он был советским подданным, и с ним можно было не церемониться. Несмотря на то, что о. Елеазар в последние годы готовился к аресту и не сомневался, что это рано или поздно произойдет, он смутился. По натуре своей он был человеком очень домашним. Если приходилось ехать куда-нибудь по церковным делам, он накануне ночь не спал. «Мне лучше всего дома», — повторял он неоднократно. Можно только представить, какое мучение и боль доставили ему арест и тюрьма.

Других членов общины как греческих подданных арестовывать не решились, а взяли подписку о невыезде: не хотелось снова привлекать внимание греческого консула.

Господь готовил о. Елеазару венец исповедника. Обвиняли священника, в первую очередь, за письмо к консулу, в котором усматривали «клевету на органы местной власти». Зачем благословил и участвовал в его составлении, зачем разрешил казначее общины выдать деньги на поездку в Москву.

Произвели обыск в храме и в доме священника. Мария Елеазаровна жила отдельно от родителей, так как была замужем. Зайдя к родителям после работы, чтобы забрать ребенка, она увидела, что весь дом перевернут: книги выложены из шкафов, иконы разбросаны. Это напоминало, по ее словам, скорее погром, чем обыск. Ксения Ивановна отдала дочери внучку и попросила уйти, чтобы не пугать ребенка.

Церковные и богослужебные книги показались властям вполне достаточным поводом для обвинения священника. В официальном акте было записано:



Священник Елеазар. 1916 год

«Подвергнув проверке литературу, изъятую при обыске в греческой церкви г. Евпатории, нашли в ней элементы монархической пропаганды.

1) . Книга на славянском языке «Часослов» полностью посвящена воспеванию монархического строя и призыву к верующим стойко стоять за самодержавие императора Николая Александровича и святую православную веру. На стр. 12 говорится: «Слава Тебе, Царю Вседержителю» и т[ак] д[алее].

2) . «Божественная литургия» — книга на славянском языке, полностью посвящена восхвалению и воспеванию монархического строя с указанием имен царей и т[ак] д[алее].

3) . «Акафист» — содержит в себе элементы монархической пропаганды.

4) . «Псалтирь» на славянском языке содержит в себе призывы к верующим быть преданным царю и вере русской.

5) . Два журнала «Нива» с портретами царей и всего царственного дома».

Все это на первом же допросе предъявили священнику как факт его несомненной вины. Не теряя чувства собственного достоинства, батюшка пытался объяснить следователю: «В предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю, так как я никогда никакой агитации против советской власти не проводил и идей фашизма не проповедовал. В том, что хранил и пользовался книгами, содержащими в себе элементы монархической пропаганды, даю следующее разъяснение. Вся служба в греческой церкви совершается по греческим книгам. Все церковные каноны читаются на греческом языке, а если я когда-либо служил на церковнославянском языке, то ектении произносил не из книг, а по памяти. Книги, изъятые при обыске в греческой церкви, принесены и оставлены в церкви русскими верующими. Изъятые духовные книги у меня на квартире при обыске принадлежали лично мне, но я ими при службе в греческой церкви не пользовался».

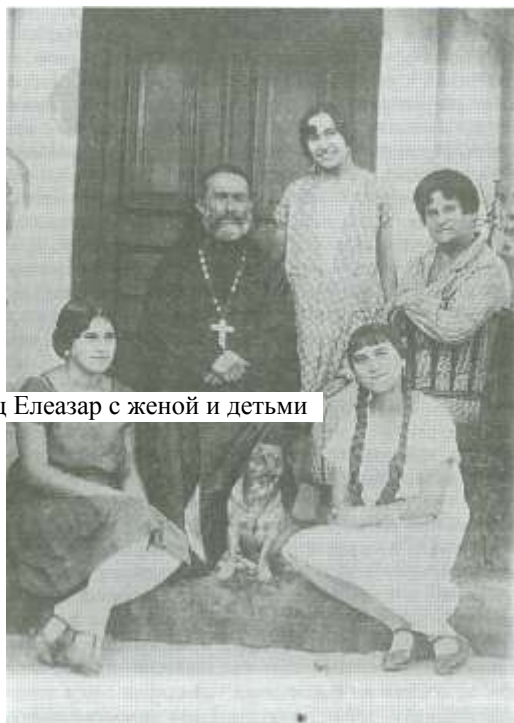
Следователь не отступал, интересовался, с какой целью о. Елеазар хранил эти книги. Священник сказал: «В квартире хранил лишь потому, что эти книги являлись моей личной собственностью. Я же уничтожить или выбросить их не мог, поскольку они являются духовными писаниями, а посему и хранил. Что же касается журнала «Нива», то я в свое время выписывал этот журнал, а потом сшил в один том, и так они сохранились у меня без всякой конкретной цели».

Этим обвинения не исчерпались. Выяснили, что у о. Елеазара были родственники за границей — жена троюродного брата Ирина Митрофановна Василькиди, которая несколько раз писала Спиридоновым и даже дважды присылала денежные переводы. Один раз на 10 долларов, другой

— на 5. Оба раза о. Елеазар получил на эту сумму для семьи продукты в торгсине. По ходу следствия оказалось, что были еще дальние родственники в Греции и Литве, которые иногда присылали письма.

Но и это еще не все: о. Елеазара Спиридонова обвинили в том, что он «служил панихиды за иностранных подданных и о врагах Советского Союза, проживающих за границей», как записано в протоколе. Оказывается, что, когда в 1936 году умер Константинопольский Патриарх, в Ильинском храме, разумеется, была отслужена панихида. В том же году умер Панайот Елеферович Давыдов, проживавший в Греции, но многими нитями, родственными и деловыми, связанный с Евпаторией. В значительной степени его хлопотами и при его активном участии был построен храм пророка Илии, в котором и служил о. Елеазар. Когда племянница Давыдова принесла телеграмму, сообщавшую о его смерти, настоятель и вся община решили отслужить великую панихиду. Из церковной кассы на поминки было выделено 40 рублей, что, по мнению следователя, усугубляло вину священника.

На допросы вызвали старосту и казначею греческого прихода — Марию Мартыновну Демерджи. Держалась она с удивительным мужеством и достоинством. В прошлом жена крупного севастопольского помещика, который владел более чем 300 десятинами земли, скотом, инвентарем и т. д., женщина глубоко верующая, добрая. После смерти мужа она осталась в бедности, а с приходом большевиков совсем обнищала. Но это не поколебало ее внутреннего мира, и перед лицом смертельной опасности она оказалась бесстрашным человеком. На все вопросы, обвинения, угрозы отвечала предельно лаконично и единственно правильно: «Виновной себя не признаю. К вышесказанному более добавить ничего не могу». И обвинения против нее — «хранение монархической литературы в храме», «выдача денег для поездки в Москву» и прочие — отскакивали от Марии Мартыновны и возвращались профессиональной неудовлетворенностью к негодующему следователю. Вызвали на допрос председателя церковного совета Савву Федоровича Кириакиди. Обвиняли в том, что он, «прикрываясь религиозными убеждениями, преследует политическую цель и



Отец Елеазар с женой и детьми

группирует вокруг себя враждебные элементы. Сомневается, что при новой конституции «жить станет легче», и считает, что «государственные займы не что иное, как просто грабеж». Но несмотря на все старания следствия, Кириакиди виновным себя не признал, остался непреклонным и дать показания против о. Елеазара Спиридонова отказался.

Привлекли к ответственности и прихожанина Параскеваса Елеферовича Спотопуло, простого рыбака, но в прошлом «собственника»,

который «имел лодку, которую эксплуатировал». И от него следователь захотел получить показания на священника. Обвинили его в тех же преступлениях, что и других, добавив еще одно обвинение: «Активно выступает против мероприятий, проводимых Соввластью и правительством, и часто выражается по адресу руководителей партии нецензурными выражениями, чем компрометирует последних», а также «проводит монархическую пропаганду».

Отца Елеазара продержали в симферопольской тюрьме полгода, но не добились «нужных» показаний, несмотря на частые и мучительные для пожилого священника допросы.

Во узах с о. Елеазаром оказался епископ Симферопольский и Крымский Порфирий (Гулевич). Он будет расстрелян в Средней Азии в 1938 году.

Вызывали и многих других прихожан храма пророка Илии и членов греческой общины, но лишь двое — бывший староста общины учитель Петр Павлович Барбов и Елена Панаиотовна Параскевас — подтвердили все обвинения следователя, не найдя повода и сил в своей душе не участвовать в расправе над праведником.

Матушка Ксения Ивановна с дочерьми возила передачи, дважды добивалась свидания. Во время свидания стоял невероятный гул и было удивительно и жутко от множества незнакомых взволнованных людей. Что говорил измученный священник, разобрать было трудно из-за шума и ослабевшего от старости и страданий голоса.

Останавливались оба раза у Дмитрия Спиридоновича, родного брата о. Елеазара.

9 июля 1937 года Особым Совещанием тройки при НКВД о. Елеазар Спиридонович Спиридонов был приговорен к пяти годам концлагерей. Всех остальных, кто проходил по делу, приговорили к высылке за границу как иностранных подданных.

Сразу же после вынесения приговора о. Елеазара этапом отправили на Колыму. Матушке и дочерям удалось узнать о дне отправки. Приехали в Симферополь. Ночевали у Дмитрия Спиридоновича, а утром все вместе отправились провожать исповедника. Зрелище было удручающим. От тюрьмы до вокзала понурые люди с заведенными за спину руками, окруженные солдатами и собаками, шли в неизвестность, навстречу собственной гибели, чтобы перемучиться и умереть. Только тот, кто несомненно знает, ради чего жил и за что готов умереть, в этом густом, непроницаемом облаке человеческого стра



Димитрий Спиридонович Спиридонов

дания может различить светлый луч Божественной Любви.

Работал о. Елеазар на колымских рудниках. Первую посылку из дому он получил, но вторая, где были теплые вещи, вернулась домой. Это была весть о его смерти.

Никаких официальных объяснений не последовало. На 64-м году жизни о. Елеазар

Спиридонов, истощенный голодом, холодом и болезнями, измученный рабским трудом и

невыносимыми условиями лагерной жизни, преставился.

Это случилось 6 декабря 1937 года.

Пронеся крест пастырского служения, претерпев кротко и смиренно все скорби и болезни, которыми посетил его Господь, священник Елеазар Спиридонов стяжал венец исповедника.

О **Димитрии Спиридоновиче Спиридонове** надо сказать отдельно. Родился он в 1871 году. Еще в Таврической духовной семинарии он выделялся среди товарищей замечательными способностями, дававшими основание его родителям возложить на него большие надежды, и, в известном смысле, он их оправдал. В семинарии он духовно сблизился с протоиереем

Николаем Мезенцевым¹⁵, и эти отношения со временем переросли в большую дружбу, сохранившуюся до их мученической кончины. Образование Дмитрий Спиридонович продолжил на казенный счет в Санкт-Петербургской Духовной Академии, которую окончил с успехом.

Во время учебы он регулярно помогал младшему брату Елеазару: высылал необходимые книги, давал советы, оказывал нравственную поддержку. Дмитрий Спиридонович отличался большой религиозностью. Смирение и кротость его рождали ту изумительную, лишенную всякой мнительности деликатность, которой многие удивлялись. Он не позволял себе ни одного не то чтобы грубого или дерзкого поступка, но и слова, даже в тех случаях, когда очевидно требовалось прибегнуть к строгому внушению. Возвышенное состояние ума, погруженного в высокие предметы богословских наук, молитвенная устраниенность от повседневных забот подвигли его продолжить научные занятия в Московском университете вольнослушателем.

По возвращении в Крым Дмитрий Спиридонович преподавал в Таврической духовной семинарии. Его научная деятельность получила высокую оценку, и по рекомендации Арсения Ивановича Маркевича — выдающегося историка, этнографа, археолога и краеведа Крыма

— 13 декабря 1907 года Спиридонов был принят в Таврическую ученую архивную комиссию, которая занималась вопросами истории и культуры. В ТУАК входили лучшие ученые и краеведы не только Крыма, но и других регионов империи. 28 ноября 1908 года Дмитрий Спиридонович сделал блестящий доклад «К вопросу о мученичестве св. Климента, папы Римского в Крыму».

С 1913-го по 1916 год он провел в Греции, занимаясь научной работой. В это время он познакомился и сблизился со многими греческими архиереями и университетскими профессорами. Впоследствии он вернулся в Крым и преподавал в Таврической духовной семинарии. В «Таврических

15 Священномученик Николай Мезенцев Определением Священного Синода Украинской Православной Церкви причислен к лику святых в 1997 году

епархиальных ведомостях» было опубликовано много его работ, посвященных различным вопросам церковной истории: «Древнехристианские мученики»¹⁶, «Новациан и его раскол», перевод с греческого текста священномученика Климента Римского «О девстве» и др. В своих публикациях он продемонстрировал научную основательность, огромную эрудицию и блестящее знание предмета.

Примерно в это время Спиридонов венчался с Анисией Ивановой. Брак оказался счастливым, но детей у них так и не появилось.

С 1918-го по 1922 год Дмитрий Спиридонович учи



Димитрий Спиридонов. Февраль 1924 года

тельствовал в Евпатории, а с 1919 года был секретарем совета греческого общества и председателем церковной двадцатки греческого храма пророка Илии, в котором настоятелем был его брат иерей Елеазар. 6 августа 1922 года

16 Текст исследования приведен в *Приложении* с незначительными сокращениями.

Димитрий Спиридонович был избран товарищем председателя ТУАК. К этому времени относятся его научные работы «Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли» и «О мариупольских греках». Потрясения революции и Гражданской войны заставили Спиридонова искать более удобное место для научных занятий. Желание оказаться вне политики для него было принципиальным, но так как это в советской России было уже невозможно, он в 1922 году предпринял неудачную попытку эмигрировать в Грецию. После официального отказа он переехал в Симферополь и стал преподавать в Таврическом университете, а также работал в ОХРИС. При советизации Крыма в знак протеста и несогласия с тем, что происходит, он ушел с педагогической работы и устроился в краеведческий музей, где активно занялся научной работой. 19 мая 1928 года он напечатал «Заметки из истории эллинизма в Крыму». Краеведение не было созвучным вошедшей во власть новой идеологии. 15 января 1931 года было проведено заключительное заседание ТУАК (к тому времени она была переименована в Таврическое общество истории, археологии и этнографии), на котором присутствовало 15 человек, в их числе был и Спиридонов. Его научный потенциал, очевидный всем, скоро привел его к должности заместителя директора музея, и Димитрий Спиридонович отвечал за всю научную работу. Непродолжительное время он был и директором музея. В эти годы Дмитрий Спиридонович вел обширную научную переписку с учеными различных университетов: с профессором Берлинского университета Адольфом Гарнаком, с профессором Кембриджского университета Илией Минсом, с профессором из США Александром Васильевым и многими другими. Несмотря на чрезвычайную кротость и, как думали некоторые, непрактичное смирение, Димитрий Спиридонович обладал большими и разнообразными научными связями как в СССР, так и за его пределами. О нем неизменно отзывались как о «культурнейшем и эрудированнейшем человеке, имеющем глубокую веру».

Но атмосфера в стране становилась удушающей даже для тех, кто переносил свою жизнь и все свое внимание по преимуществу в сферу духовных и научных интересов. Контроль

за мыслью, внутренним миром человека становился тотальным. Как человек Церкви он не желал конфронтации с идейно чуждой ему властью и в 1934 году снова обратился в греческое посольство с официальным ходатайством о выезде из СССР. Свою просьбу он объяснял необходимостью продолжить научную работу по изучению народных говоров Мариупольского и Сталинского (Донецкого) округов, начатую им в 1926 году. В течение нескольких лет (до 1932 года) он ежегодно бывал в этих местах с научными целями и собирал необходимый материал. Теперь же он пытался объяснить советским чиновникам, что ему необходимо собрать местные говоры в Греции. Но, как и следовало ожидать, в просьбе ему отказали.

В эти годы Димитрий Спиридонович сосредоточил все свое внимание на молитве и ученых занятиях и только в них находил утешение и нравственное оправдание. Но и сейчас, когда его жизнь стала подобна монашеской, он не стал, несмотря на предложение, принимать священный сан. Эту уклончивость в принятии на себя ответственности нельзя было объяснить ни малодушием, ни страхом перед гонителями, могущими в любое время отнять не только свободу, но и саму жизнь. Напротив, по свидетельству очевидцев, Димитрий Спиридонович отличался мягкой решительностью и способностью без шумных заверений, незаметно для тех, кому это не надо, принять необходимое решение и оптимально его реализовать. Работая директором краеведческого музея, он не боялся принимать деятельное участие в церковной жизни. До самого ареста он оставался не только прихожанином, но и активным членом двадцатки симферопольского Святотроицкого храма. Настоятелем его в то время был протоиерей Митрофан Василькиоти, глубокий старец, который уже не мог без посторонней помощи выйти за пределы церковной ограды. Ему во всем помогал старый друг и духовный наставник Димитрия Спиридоновича священник Николай Мезенцев. Спиридонов неоднократно принимал участие в разрешении различных церковных проблем: когда местные атеисты снимали колокола, он в числе других писал греческому консулу, прося защиты; в 1934 году, когда церковь практически закрыли, благодаря его квалифицированному участию и бесстрашной позиции удалось использовать все возможные

механизмы и отстоять единственный православный храм в городе.

В начале января 1938 года особый сектор Крымского областного комитета ВКП(б) принял решение об ужесточении борьбы с религией¹⁷.

20 января 1938 года Димитрий Спиридонович был арестован, а вместе с ним — вся церковная двадцатка. Примерно в это же время в Евпатории были арестованы около пятидесяти греков, имевших отношение к Ильинскому храму. За матушкой о. Елеазара Ксенией Ивановной пришли ночью, после Рождества 1938 года. Обыск был поверхностным и торопливым: знали, что все, что можно найти, уже нашли и вынесли при обыске ее мужа. Дочь Вера побежала к Марии сказать, что маму арестовывают. Когда Ксению Ивановну повели по пустынным улицам ночного города, Надя со слезами побежала за ними. Когда ее мать завели в здание НКВД, она не захотела уйти, стояла и горько плакала. Какой-то участливый татарин, проходя мимо, тихо сказал: «Не плачь, иди домой», — и торопливо пошел дальше.

«Дело» против греков формировалось вокруг наиболее представительного члена церковной двадцатки Ильинского храма — Константина Ивановича Попандопуло, так как он был знаком с греческим консулом в Москве. Греческий подданный, он практически всю жизнь прожил в Крыму. Его отец был частным переводчиком с греческого, татарского и турецкого языков. К.И.Попандопуло до революции служил в городской управе в должности делопроизводителя, потом был городским нотариусом. После революции бежал от большевиков в Грецию, но в 1919 году вернулся и выехать за пределы СССР уже не смог. Его арестовали 19 декабря 1937 года, и он якобы дал показания, на основании которых и были арестованы все остальные.

Д.С.Спиридонов, К.И.Спиридонова, К.И.Попандопуло, И.П.Памбуков¹⁸ и еще 26 человек были обвинены по ст.

17 Документ областного комитета партии помещен в *Приложении*.

18 Родился в Евпатории, грек, занимался частной торговлей и живописью, активно участвовал в церковной жизни.

58, п. 6-10-11 УК РСФСР. В обвинительном заключении следователь Ханжин писал: «Произведенное расследование установило, что проходящие по данному делу лица являются участниками контрреволюционной греческо-националистической организации, существовавшей в городе Евпатории и ликвидированной в 1937 году.

Данная контрреволюционная организация была создана в 1922 году по заданию разведки Попандопуло К.И. Всего в состав контрреволюционной организации входил 51 человек <...>. Спиридонов Д.С. писал от всей контрреволюционной организации контрреволюционные клеветнические сведения о жизни в СССР, которые направлял в греческое консульство <...>, поддерживал связь с уже осужденным протоиереем Мезенцевым».

Решением тройки от 5 ноября 1938 года под председательством капитана Якушева и при участии секретаря КрымОК ВКП(б) Сеит-Ягьева, младшего лейтенанта Г.Б.Малыхина Д.С.Спиридонов был приговорен к высшей мере наказания, несмотря на то, что он категорически отверг все обвинения и виновным себя не признал. Его расстреляли в один день с И.П.Памбуковым — 29 ноября 1938 года. Ксению Ивановну отправили в Белоруссию, где она была расстреляна 20 февраля 1938 года.

Некоторые обстоятельства по делу осужденных евпаторийских греков стали выясняться после войны из-за многочисленных жалоб и не в последнюю очередь потому, что большинство из них были греческими подданными. В мае 1956 года была проведена проверка архивноследственных дел, которая только отчасти помогает представить, что происходило в те годы с простыми, ничем не защищенными людьми.

Бывший сотрудник НКВД Скваровский на судебном заседании по делу арестованного и осужденного за «нарушения социалистической законности» Коробейникова показал: «Протоколы я писал от имени обвиняемых в контрреволюционной деятельности <...>. Фиктивных протоколов я составлял много от имени свидетелей, а под-

писи подделывали сами; производили массовые необоснованные аресты; применяли меры физического воздействия к арестованным <...> и привлекали других работников горотделения НКВД к фальсификации следственных дел».

По вопросу ареста «лиц греческой национальности в Евпатории» бывший оперуполномоченный НКВД Коробейников, который оформлял материалы для ареста по этим делам, 10 апреля 1939 года дал следующие показания: «В середине декабря 1937 года приехал начальник V отдела УГБ НКВД Казаков, который вместе с Сарапуликиным и Супруном составили списки греков <...>, около 36—56 человек, на которых было приказано писать справки на арест. Списки писались как с имевшихся агентурных данных, а также и без компрометирующих материалов. Все справки корректировались Казаковым, Супруном и Сарапуликиным, после чего подписывались мною.

Как только были арестованы лица, помню, по фамилии Гипис и Попандопуло, Казаков дал распоряжение поставить на стойку того и другого. Гипис простоял около 6—7 суток, упал, но показаний никаких не дал».

Далее Коробейников показал, что к арестованным грекам применялись незаконные методы расследования, в результате чего от них получали требуемые показания. «Когда столкнулись с тем, что нет материала, то Сарапуликин заявил, что людей арестованных выпускать нельзя <...>. Вот что заставляло писать фиктивные материалы».

Сарапуликин дал следующие показания: «Супрун давал мне вопросы, и по ним я составлял фиктивные протоколы <...>. Я сидел часами и думал, что мне писать. Показания я выдумывал и записывал в протокол».

Трагично сложилась судьба дочерей исповедника — Веры и Надежды Спиридоновых. Как гречанки они были депортированы из Крыма в 1944 году. Осталась только Мария Елеазаровна, так как была замужем за русским и жила отдельно. Позже переехала с семьей в Харьков.

Сестры попали в Кемеровскую область (Кузбасс). Имущество — мебель, пианино, ценные вещи — было конфисковано. Они, южные люди, оказались в суровом крае лишь с ручной кладью.

Первое время жили в картофельной яме, жестоко голодали. Их проблемами никто не хотел заниматься. Только много месяцев спустя, когда одна из сестер устроилась санитаркой в больницу, они смогли переселиться в барак. Жизнь со временем стала сносной, но выбраться из леденящих объятий несправедливой ссылки они так и не смогли, найдя вечное упокоевание вдали от родного края.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Циркуляр Обкома партии по агитационно-пропагандистской работе с января по декабрь 1923 года

О порядке проведения «Комсомольского Рождества»

25 декабря сего года христианская церковь будет праздновать очередной религиозный праздник «Рождество Христово».

Нам необходимо в противовес ему создать новый революционный праздник, который бы создавал новый быт и проводил бы антирелигиозную пропаганду. Таким праздником является Комсомольское Рождество, приуроченное к 25 декабря — Рождеству Христову.

«Комсомольское Рождество» ставит себе три задачи:

- 1) . Развить широчайшую антирелигиозную пропаганду среди комсомольцев и рабочей молодежи.
- 2) . Создать новый религиозный праздник, который бы создавал новый антирелигиозный быт.
- 3) . Должно отвлечь молодежь и взрослое население <...> от празднования ими «Рождества Христова» в церкви.

«Комсомольское Рождество» проводится в следующем порядке:

- 1) . «Комсомольское Рождество» проводится комсомольской организацией под непосредственным руководством РКП и при участии всех заинтересованных организаций. Никаких комиссий не создается.
- 2) . «Комсомольское Рождество» проводится только в городе, в деревнях не проводится.
- 3) . В комсомольской организации в течение ноября-декабря проводится антирелигиозная научная агиткампания.
- 4) . Никаких карнавалов, шествий и прочего 25 декабря не проводится. Все «Комсомольское Рождество» проводится в клубном порядке, для чего в городах из всех имеющихся партийных, комсомольских, профессиональных и прочих клубов выделяются несколько клубов, в которых проводится «Комрождество».

Участие заинтересованных организаций должно выражаться в следующем:

а) окружные РКП:

- 1). Окружные РКП осуществляют непосредственное руководство над всей работой по проведению «Комсомольского Рождества».
 - 2). Выделяются средства на расходы «Комсомольского Рождества».
 - 3). Выделяются сильные пропагандистские силы для антирелигиозной пропаганды.
 - 4). Проводить в печати большую антирелигиозную пропаганду.
- б) участие политпросвета:

1). Выделяются средства на проведение «Комсомольского Рождества».

2). Снабжает РКСМ по одной в каждом городе антирелигиозной передвижкой.

3). Руководят художественной частью «Комсомольского Рождества», беря под свою ответственность разукрашивание клубов под антирелигиозный быт и т. д. Политсовет использует для этого силы Рабиса и Работпроса.

4). Ведают методической частью кампании.

в) участие профсоюзов:

1). Предоставляют свои профессиональные клубы и концертнодраматические силы этих клубов для организации в них вечеров в «Комсомольском Рождестве».

2). Вовлекают в ячейки «Комсомольского Рождества» членов профсоюзов, проводя среди них просветительскую кампанию.

3). Наиболее сильные профсоюзы выделяют наибольшие антирелигиозные библиотеки — подарки горклубам РКСМ (из 15 книг).

П/п Секретарь ОК ВСМ

Коган

Секретарь ОК РКП

Н. Уфимцев

Зав. политпросветом ОК РКСМ

Рейтановский

Зав. Крымполитпросветом

Недим

26 ноября 1923 г.

Протокол заседания Коллегии Агитпропотдела Обкома РКП(б) от 12.XI. 1924 г.

Председатель Антониковский. Присутствовали: Рогозников, Бекиров, Савачев, Хамитов, Недим, Шведов, Штейнбах, Казановский.

1). Об организации антирелигиозного общества. Из обмена мнений выяснилась потребность на местах в создании такого общества, так как на местах стихийно возникают различные кружки, ячейки, уголки и т.д., которые необходимо охватить единым руководством (клуб «Красная Кузница» Совпартшколы, а также и по линии РЛКСМ).

Создать в Крыму общество «Безбожник».

2). Для руководства работой создать при Агитпропотделе ОК и райкомов комиссии из представителей соответствующих организаций.

3). Общество ведет работу по руководству антирелигиозной пропагандой, для чего связывается с инициативными группами, ячейками «Безбожника» на местах, а также с другими организациями, ведущими антирелигиозную пропаганду.

4). С целью подготовки антирелигиозников создать кружки по антирелигиозной пропаганде из партийцев, в первую очередь, в Симферополе и затем — где это возможно, и в других районных центрах <...>.

6). Создаваемые инициативные кружки и группы «Безбожник» ведут работу, в первую очередь, внутри своей группы <...>.

Рекомендовать для работы Сигало, Штейнбаха, Шведова, Рогозникова, разработать устав, а также разработать программы <...>.

Протоколы заседаний бюро областного комитета партии № 52—60. Январь-февраль 1938 года

Параграф 4. О состоянии антирелигиозной работы и мерах по ее усилению (тов. Дубровин)

Обком отмечает большое ослабление антирелигиозной работы в Крыму и неудовлетворительное руководство этой работой со стороны горкомов и райкомов партии. Организации союза воинствующих безбожников не оформлены, малочисленны и невлиятельны. Очень мало проводится антирелигиозных лекций, докладов, бесед. Совершенно недостаточно кадров, квалифицированных пропагандистов и агитаторов по антирелигиозным вопросам. Плохо и слабо используется печать и литература по антирелигиозным вопросам. Обком считает, что в условиях значительной активизации церковников и религиозных организаций, а также прямого смыкания церковников с контрреволюцией такое невнимание к вопросам антирелигиозной работы и допущение ее упадка наносит огромный вред общепартийному делу и заставляет в ближайшее время поставить антирелигиозную работу как один из боевых участков партийной работы.

Обком считает необходимым провести следующие мероприятия.

1). В течение января-февраля полностью оформить организации СВБ [союза воинствующих безбожников] снизу доверху. Провести общие собрания ячеек СВБ с отчетами руководителей. Провести районные и городские конференции СВБ, на которых выбрать районные и городские советы СВБ. 20 февраля созвать крымский съезд СВБ. Работу по организационному оформлению СВБ сочетать с вербовкой новых членов СВБ, с созданием новых ячеек СВБ. Ввести в практику систематические совещания руководителей ячеек СВБ по вопросам их работы.

В Симферополе создать городской совет СВБ.

2). Значительно расширить постановку различных антирелигиозных докладов, лекций, бесед на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, учебных заведениях, в клубах и красных уголках.

При областном совете и при городских и районных советах СВБ создать специальное лекционное бюро ГК и РК из лучших пропагандистов и агитаторов, могущих вести антирелигиозную пропаганду, и предоставить их в распоряжение лекционных бюро.

3). Организовать работу по подготовке кадров антирелигиозных

пропагандистов и агитаторов. При областном совете СВБ создать специальные курсы пропагандистов по антирелигиозным вопросам. При горкомах и райкомах партии организовать краткосрочные семинары партийных пропагандистов и агитаторов по вопросам антирелигиозной пропаганды.

В программу всех курсов партийных пропагандистов и агитаторов ввести антирелигиозные вопросы.

При партийных кабинетах и при областных, районных и городских советах СВБ организовать специальные консультации для партийных пропагандистов и агитаторов по вопросам постановки и методики антирелигиозной пропаганды.

4). Обязать КрымГИЗ завезти достаточное количество антирелигиозной литературы и организовать ее продажу. Обязать областные газеты «Красный Крым» и «Ени-Дунья», а также все городские и районные газеты обеспечить систематическое освещение на страницах газет вопросов антирелигиозной работы, а также помещать статьи и материалы, освещающие взгляды партии на религию и т. д.

5). Обязать Наркомпрос организовать в Севастополе, Керчи, Ялте филиалы центрального антирелигиозного музея, а также передвижные антирелигиозные выставки в районах.

6). Обязать Крымский радиокомитет ввести в программу вещания систематические лекции по антирелигиозным вопросам на русском и татарском языках.

7) . Поручить Совнаркому оборудовать для областного совета СВБ специальную религиозную агитмашину, снабженную кинопередвижкой, литературой, наглядными пособиями, которая в сопровождении лектора должна работать в совхозах и колхозах.

8) . Ввести в городах и крупнейших районах Крыма по одному платному работнику СВБ за счет средств СВБ.

9) . Обком ВКП(б) обращает внимание райкомов и горкомов ВКП(б) на необходимость ликвидации текучести в составе работников организаций СВБ и закрепления выбранных в руководящие органы СВБ на этой работе.

1. Источники актов мученических

Акты мученические основываются на официальных судебных протоколах, веденных нотариями. Участие нотариев в христианском процессе отмечает св. Астерий Амасийский, на иконе страданий св. Евфимии видевший «писцов, записывавших весь ход судопроизводства» <...>. О степени тщательности ведения этих записей свидетельствует любопытная подробность в актах св. Максима чтеца <...>. «Когда Магнилиан нотариус записывал ответы христиан, проконсул Габиний спросил его: «Всех ли имена ты записал?», Магнилиан ответил: «Мною записаны следующие имена — Максим, Дада и Квинтилиан».

Относительно судебных документов было принято за правило — «прочтенное (на суде) в том же виде следует сдать в провинциальный архив». Это правило распространялось и на акты христианских процессов. Желая знать, по какому обвинению судился Александр, претендовавший на звание мученика, Аполлоний посылал за точными справками «в государственный архив провинции Асии» (Евсевий. Ц[ерковная] И[стория] V, 18). Туда же, «в архив проконсула», блаженный Августин направлял Крескония по вопросу о Феликсе Аптунгском.

В мирный период жизни церкви христиане добывали себе из государственных архивов копии актов мученических процессов, вероятно, без особенных трудностей. Но во время гонения это требовало и труда, и денег. Акты свв. Тараха, Прова и Андроника начинаются заявлением, что иконийские верные заплатили спекулятору Севасту 200 динариев за то, чтобы снять копии с относящихся к мученичеству документов <...>. Акты св. Понтия (14, V) написаны составителем на основании документов, «приобретенных у письмоводителей за деньги».

Римские чиновники пытались прекратить эту противозаконную выдачу актов путем обысков у христиан и даже у писцов, уничтожая найденные копии. Акты Виктора Мавра <...> повествуют, что презид, не доверяя продажным писцам, зорко следил, чтобы ни одна копия актов не была унесена из зала заседания суда. Он велел обыскать писцов, бывших в зале, чтобы удостовериться, что ни у одного из них нет спрятанных записей или записок. Те поклялись здоровьем императора, что ничего подобного не похищали. Все их таблички были ими представлены, и судья приказал палачу сжечь их. Государь одобрил его распоряжение. Нужно думать, что такие меры не всегда оказывались действенными, и писцам удавалось проносить под зорким глазом презида копии актов. Это вынуждало президов идти на нарушение правил римского судопроизводства. Составитель актов св. Викентия, записавший их по памяти, объясняет это тем, что «судья

воспротивился внесению процесса в акты».

После 313 года документы мученических процессов, классифицированные и тщательно оберегаемые, стали доступны христианам. XIII правило Арелатского собора требует, чтобы делам о предательстве давали ход лишь в том случае, если обвинение основано на судебных официальных документах <...>. Блаженный Августин в деле епископов Павла и Сильвана представляет образец проверки обвинений по судебным актам. Архивы с актами мученическими на востоке существовали от времен императора Валента и были доступны еще во второй половине VI века.

Так, допрос христиан записывался во время самого процесса, сдавался без изменений в архив, откуда христиане добывали его копию, текст которой лег в основание актов мученических.

2.Юридические основания гонений на христиан

Ко времени распространения христианства римское государство было вооружено рядом законов, хотя и не составленных ввиду христиан, тем не менее целиком к ним приложимых. Это были законы: 1) о святотатстве; 2) об оскорблении величества и 3) о магии. Первые два закона настолько широки и многообъемлющи, что к ним без труда можно свести весь юридический аппарат обвинения, как это делает Тертуллиан, удостоверяющий, что христиане «преследуются как сакрилеги и оскорбители величества, и в этом главная, даже вся их вина».

Под именем святотатства (*Sacrilegium*) у римлян понималось несколько различных деяний. В жизни христиан можно было установить следующие из них: 1) оскорбление *sancrosum* (богов, принадлежностей культа); 2) оскорбление *santorum* (государственных законов);

3) *sacrosanctorum* (лица и воли императора) и 4) участие в иноземном культе. Такое развитие понятия святотатства объяснимо лишь ввиду религиозно-политического консерватизма римлян, нашедшего полное выражение в совете Мецената Августу: «Непременно и всегда почитай богов по отеческим обычаям и всех заставляй это делать. Вводящих какие-либо новшества в вере преследуй презрением и казнями не только из благоговения к богам — ведь тот, кто отверг их, никого не поставит выше себя, — но и потому, что такие люди, вводя новые божества, привлекают толпу к чужеземным законам. Отсюда происходят заговоры, союзы и тайные общества, столь пагубные для единоличного управления. Итак, никому да не будет позволено ни отвергать богов Империи, ни предаваться волшебству.

Каждый гражданин обязан по обычаю чтить богов отечества; христианин отказывался от совершения церемоний языческого культа, след[овательно], он сакрилег.

Каждый гражданин обязан повиноваться священным законам отечества; христианин, отрекаясь от религиозных церемоний, нарушал государственные о религии законы, след[овательно], он сакрилег.

Император есть бог, и потому его личность должна быть чтима и воля исполняема как божественная; христианин культ цезаря отвергал и воле цезаря по вопросам религиозным не повиновался, след[овательно], он сакрилег.

Никто не имеет права чтить частных богов, ни тайно поклоняться новым, иноземным, в государстве не признанным; христианин чтит Бога, римскому государству не известного, след[овательно], он сакрилег.

П. 1 и 4-й статьи о святотатстве неразрывно связаны между собой и подводят христиан под одну кару: «Вводители новых, ни по обрядам, ни по догматам доселе неизвестных религий, смущающих умы людские, наказываются: знатные — ссылкой, простые — смертной казнью чрез усечение мечом». П. 2 и 3-й, также связанные между собой, подводят христиан под статью о преступлении, «к святотатству ближайшим образом примыкающем и именуемом оскорблением величества».

В понятие оскорбления величества <...>, кроме указанных выше двух пунктов, входили: 1) всякая форма политической борьбы с царствующим императором; 2) всякое выражение недовольства действиями императора, даже сомнение в благополучии текущего царствования <...> и 3) устройство незаконных тайных соборщ <...>.

Христианин признавал выше цезаря царем Христа, титул цезаря сокращал (*dominus noster* без *deus*), след[овательно], он политически неблагонадежен.

Христианин, особенно на первых порах, в ожидании непосредственно близкого пришествия Спасителя, свои времена считал последнею годиною мира, след[овательно], он не верил в счастье цезаря и был нелояльным подданным.

Наконец, свои богослужебные собрания христиане устраивали ночью, в полной тайне от полиции и всего языческого общества, следовательно, они политические заговорщики.

Обвиненные в оскорблении величества приговаривались: знатные — к смерти через усечение мечом, простые — к отдаче на съедение зверям или на сожжение. В производстве следствия по этой статье римское законодательство допускало одно важное изъятие: приостанавливало действие закона Корнелия об освобождении

знатных от пыток, всех обвиняемых низводило в разряд опозоренных и потому принимало показания рабов на господ.

Иногда к этим двум присоединялось третье обвинение — в магии (*magia, maleficium*), в понятие которой у римлян входили: 1) таинственные исцеления; 2) пребывание в экстагическом состоянии и приведение в него других; 3) всякое действие, в котором подозревается неестественная причина; 4) ночные жертвоприношения и 5) чтение непонятных книг и употребление таких же формул и движений.

В доказательство истинности своей веры христиане ссылались на чудесные исцеления, описанные в Новом Завете и совершавшиеся среди них. В глазах римлян это было нечистым волшебством и делало магами не только простых христиан, но и апостолов, и даже Господа.

До степени бесчувственности спокойное перенесение мучениками пыток язычники объясняли действием заговоренных средств: воды крещения и елея помазания (*lotus et unctus*). Отсюда — ожесточение мучителей и, как последнее средство уничтожить действие заговора, даже обмазывание христиан какими-либо нечистыми массами.

Христиан считали способными к превращениям¹⁹ и даже к полному исчезновению**²⁰. Христиане ночью совершали Евхаристию, устраивали в церкви и домах ночные стояния, пред обедом вкушали частицы Св. Даров, стараясь скрыть это от родных — язычников. В последних без труда возникла мысль о магии (Тертуллиан. К жене. II, 4,5)

Христиане обладали свящ[енными] книгами, непонятными для язычников и от них всячески скрываемыми. Отдельные выдержки из них были постоянно на устах у христиан и возбуждали подозрительность язычников. Когда мученики Птолемей и Роман, идя на смерть, пели: «Прав путь праведных», судья на свой вопрос о том, что они поют, услышал от своего асессора: «Это они поют магические заклинания, чтобы было легче бороться с тобою и превозмочь тебя».

Римское правительство неустанно вело ожесточенную борьбу с магией. По закону XII таблиц «пропевший заклинательную молитву» подвергался смертной казни. В Дигестах этому закону дается широкое

¹⁹ Страж, нашедший в тюрьме вместо Феодоры Дидима, бросился вон с криком: «Я слышал, что Он (Христос) претворил воду в вино, и считал это басней; теперь вижу большее, превращение женщины в мужчину; как бы и меня не превратили в женщину»

²⁰ Трибун содержал Перпетую и других в большом стеснении, так как, напуганный предупреждениями пустых людей, боялся, как бы узники при помощи заклинаний не ускользнули из тюрьмы.

толкование.

«Соучастники в волшебстве подвергаются высшему наказанию, то есть отдаются на съедение зверям или распинаются, сами маги сжигаются живыми. Никому не разрешается иметь при себе магические книги. Если же у кого-нибудь (книги) будут найдены, то сжигаются публично, имущество виновных конфискуется, сами они ссылаются на острова. Запрещено не только занятие этой профессией, но и знакомство с ней».

Изобличенный в волшебстве становился в глазах римского общества «общественным врагом, врагом отечества, врагом богов и людей, врагом человеческого рода».

Как сакрилеги, оскорбители величества и (мнимые) маги христиане падали под наиболее тяжелые удары римского законодательства.

3. Заключение в темницу и судебный процесс мученика

Задержание христианина производилось агентами самоуправления или центральной власти. Так, св. Поликарпа арестовал ириарх (нач. гор. полиции) Ирод (Евсевий. Ц[ерковная] И[стория] IV, 15, 15); мученики Лионские арестованы муниципальными властями (V, 1, 8); св. Пионий в Смирне арестован неокором Палеомоном. Это, впрочем, не было общим правилом. Арест христиан производился также и солдатами правительственной полиции или даже регулярной армии <...>. После поверхностных вопросов на месте их отправляли в темницу.

Лицам почетного состояния иногда заменяли темничное заключение своего рода домашним арестом <...>, когда арестованный жил со стражем на дому или у себя (Деян.), или у него (ж[итие] св. Кипр[иана] К[арфагенского]; стр[адания] св. Перпетуи).

В обычных же случаях местом заключения служила custodia publica. Римские тюрьмы не вызывали ужаса только у восторженных мучеников, укрепляемых силой веры и просвещаемых веянием Св. Духа. Это были темные, душные, грязные помещения без подразделения для полов. Обычными тюремными наказаниями были цепи, лишение пищи и питья и lignum или nervus. Конец цепи был приклепан к стене, полу или прикован к стражу. Лишение пищи и питья практиковалось в крайних формах и нередко сопровождалось смертными случаями <...>. Lignum — это бревно с проделанными в нем дырами или же палка с насаженными на нее вертикально столбиками, сверху соединенными пропущенным железным прутком. В эти дыры или гнезда вставлялись ноги мучеников, с помощью бычьей жилы (nervus) широко раздвинутые (Деян. XVI, 24. <...>).

Тюрьма имела свое страшное отделение — inferior, imus carcer,

robur. Это была яма или колодезь в подвальном этаже тюрьмы²¹; в нее не было спуска — обреченных сбрасывали через люк, проделанный в полу верхнего этажа. Отверстие наглухо заваливалось камнем. Поэтому в яме стоял непроницаемый мрак и смрад. Дно ямы было загажено. Не довольствуясь этим, тюремщики бросали сюда осколки стекла, чтобы заключенные не могли прилечь.

Брошенные в *imus carcer* были, конечно, совершенно отрезаны от всего мира. Но сидящие в *custodia publica* могли без труда входить в общение с внешним миром, так как римские часовые за подкуп открывали посторонним доступ к узникам. Верующие вменяли себе в долг и подвиг посещать заключенных исповедников, служить им и снабжать их необходимым. Об их иной раз чрезмерной ревности свидетельствуют насмешки Лукиана и увещания св. Киприана к умеренности. На помощь заключенным приходила и церковная касса, почему Тертуллиан и называет их «питомцами своего исповедания»²².

Еще более тщательными были заботы Церкви о духовных нуждах исповедников: она посылала к ним в темницу диаконов для чтения слова Божия, для преподания Св. Даров, иногда — пресвитеров для совершения Евхаристии. В римском законодательстве темничное заключение было предварительным, впредь до окончания процесса, и никогда не служило формой наказания. С конца II века, когда суд поставил себе целью не покарать, а совратить христианина, это предварительное заключение иногда тянулось годами. Судоговорению предшествовало предварительное дознание, производившееся муниципальными чиновниками, если они арестовали христианина. Дознание записывалось в *elogium*, представляемое вместе с подсудимым президу провинции, которому лишь и принадлежало право приговора <...>. *Elogium* имело для презида лишь осведомительное значение и не освобождало его от производства допроса.

Изобразительные и словесные памятники рисуют обстановку допроса в таком виде: «На возвышенном месте, на седалище, подобном трону, сидит судия; рядом с ним — его ассессоры; вокруг них — воины, состоящие в распоряжении судебных мест, и *officiales*, канцеляристы для дословного записывания допроса; перед судом —

²¹ Образец ее можно видеть теперь в Тулливом карцере, нижнем этаже Мамертиновой тюрьмы в Риме.

²² Эта заботливость верных о своих исповедниках приводила, правда, в исключительных случаях, к отрицательным явлениям: 1) иногда недостойные люди выдавали себя за исповедников с целью обогатиться за счет христиан; 2) люди слабые из исповедников составляли себе чрезмерно высокий взгляд на ценность своего подвига, превозносились не только пред простыми братьями, но и пред клиром и производили в церкви беспорядки.

орудия пытки. Чтобы мученик был хорошо виден всем зрителям, для него устраивался помост — *catasta*. Нормальным местом допроса служил кабинет презида (*secretarium*), открытый в этих случаях для публики; если же кабинет оказывался тесным, допрос производился на берегу моря, среди города на форуме, в банях, театре, на ипподроме. Чтобы ход допроса был слышен всем, прибежали к помощи глашатая, громко повторявшего вопросы презида и ответы исповедника. Такая обстановка создавала почву для широких влияний толпы, к которым был чувствителен самый закон римский, не говоря уже о чиновниках. До конца II века допрос еще сохранял серьезность древнеримского процесса. Образец такого дают проконсульские акты мучеников Сциллитанских²³.

²² Когда предстали (Сперат, Нарталл, Циттин, Доната, Секунда, Вестина и др.), проконсул Сатурнин сказал: «Вы можете заслужить милость Государей наших Севера и Антонина, если чистосердечно обратитесь к нашим богам». Сперат ответил: «Мы не делали ничего дурного и не пребывали во грехах, ибо не руководствуемся несправедливым законом, мы никогда никого не проклинали и, хотя вы худо относитесь к нам, непрестанно вас благодарим. Это потому, что мы поклоняемся истинному Господу и Царю». Проконсул Сатурнин сказал: «И мы из благородных и относимся к другим с изысканной вежливостью, но мы клянемся гением нашего Государя Императора и молимся о его здравии, что и вы должны были сделать».

Сперат отвечал: «Если ты готов спокойно выслушать, то я изложу тебе таинственное учение о кротости». Проконсул Сатурнин сказал: «Если ты, говоря о тайне, станешь произносить худые речи, этого я не допущу. Поклянись только именем нашего Царя». Сперат отвечал: «Я не признаю гения мирского Императора, служу Небесному Богу моему, Которого «никто же от человек видел есть, ниже видети может». Я никогда не воровал, при каждой покупке уплачиваю пошлины, ибо признаю Цезаря как моего Государя. Но чту я Господа моего — Царя царей и Владыку всех народов». Проконсул Сатурнин сказал: «Прекратите шумную болтовню и приступите к совершению жертвоприношения богам». Сперат отвечал: «Плох тот спор, который заканчивается человекоубийством и ложным обвинением какойлибо стороны».

Проконсул Сатурнин, обратившись к прочим, сказал: «Не подражайте его буйному безумию, а лучше почтите нашего царя, повинаясь его велениям». Циттин ответил: «Мы не чтим никого, кроме Господа Бога нашего, «Иже на небесех». Проконсул Сатурнин приказал: «Ввергнуть их во внутреннюю темницу (карцер) и забить им ноги в колодку (*lignum*) до завтрашнего дня».

На следующий день проконсул Сатурнин, сев в трибунале, повелел им предстать. Когда они явились, он сказал женщинам: «Воздайте честь нашему царю и принесите жертву богам». Тогда Доната ответила: «Мы воздаем цезарю честь, приличествующую цезарю. Но поклонение и молитвы приносим Богу нашему». Вестина, (пред)став, заявила: «И я христианка». Секунда также заявила: «Ия верую в Бога моего и хочу оставаться при своей вере. Твоим богам мы не служим и не кланяемся». Проконсул Сатурнин, выслушав их, велел им отойти к стороне. Подозвав мужчин, он сказал Сперату: «Ты продолжаешь упорно оставаться христианином?» Сперат ответил: «Остаюсь, и пусть все знают, что я — христианин». Услышав это, все его соузники выразили свое согласие с его заявлением, сказав: «И мы также христиане». Проконсул Сатурнин сказал: «Может быть, вы желаете просить об отсрочке или о пощаде?» Сперат отвечал: «В столь правом споре нет места просьбе о помиловании. Поступай, как тебе угодно; мы с радостью готовы умереть за Христа». Проконсул Сатурнин

С конца II века характер суда над христианами круто меняется. Из карательного суд превращается в миссионерский, и презид прибегает к различным средствам убеждения. Таковыми прежде всего служили прения между судьей и подсудимым, дававшие место выражениям личных чувств судьи <...>. Привычные слова, употреблявшиеся христианами в переносном смысле, возбуждали в язычнике недоумение и осложняли допрос. В прениях язычники обнаруживали иногда знакомство с христианской жизнью и обычаями и даже со Священным Писанием, пользуясь им односторонне и толкуя превратно. Судья предлагает мученику отречься от Христа по примеру апостола Павла (вместо Петра); принести жертву по примеру Моисея; воздать честь Императору, ибо «сердце царевое в руке Божией»; просит объяснить противоречие между заповедью Спасителя о бедности и наличностью больших средств у Церкви. Оглашенного — мученика проконсул спешит предупредить, что, так как он не крещен, то страдания не вменяются ему в мученичество. Судьи иронически говорят о библейском учении, о творении, о Ноевом ковчеге, о прор. Ионе, о рождении Христа от жены. Объяснения христиан прерываются саркастическими восклицаниями. Св. Фирса, излагавшего божественное учение, судья спрашивает: «Неужели ты беседовал с Самим Богом?» Св. Лукию, когда она, остановленная президом, заметила ему, что слово Божие не вяжется, презид спросил: «А ты разве Бог?» Эта озлобленная насмешливость презида иной раз выражалась и в формулировке окончательного приговора. Проконсул Эмилиан на допросе спросил св. Фруктуоза, епископ ли он, и когда Фруктуоз ответил: *sum*, проконсул резко поправил его: *fuisti*, тем постановив смертный приговор ему.

Вторым средством для совращения христианина были пытки. Употребление их в христианских процессах шло вразрез с законом и Высочайшими повелениями (Антонина Пия), освобождавшими от пыток в общих процессах принесших полное сознание в своей вине. Теперь пытками хотят заставить исповедника отречься от своей вины (принадлежности к христианскому обществу) и таким образом спасти его от смерти <...>. До половины III века президы применяют пытки <...>. С 249 года этот порядок узаконяется указом Декия. Документы отмечают четыре вида пыток: бичевание, растягивание мученика на станке, терзание тела железными скребками, прикладывание к телу

спросил: «Какие это книги вы почитаете (целуете по прочтении)?» Сперат отвечал: «Четыре Евангелия Господа нашего Иисуса Христа, послания св. Апостола Павла и все богодухновенное Писание». Проконсул Сатурнин сказал: «Даю вам трехдневный срок на размышление». Сперат отвечал: «Я и все мы — христиане. От веры в Господа нашего Иисуса Христа мы не отступим. Поступай, как хочешь». (Затем проконсул произносит свой приговор.)

раскаленного железа или горящих факелов. Подробное и сильное по производимому впечатлению описание пыток в гонение Диоклетиана дано в письме св. муч. Филеаса к Тмуитам (Евс[евий]. Церковная И[стория] VIII, 10). От пыток не спасало общественное положение исповедника, не спасал и пол. Наоборот, к христианкам чаще и с большим озлоблением применяли пытки, ибо по отношению к женщинам был открыт более широкий выбор страданий не только физических, но и нравственных (обнажение, поругание женской чести), о которых с таким негодованием говорит Тертуллиан (о стыдлив. 1, 2; см. Киприана о смертности 15, Евсевий. Ц[ерковная История VIII, 12, 13). Эти муки для христианок были страшнее смерти, под защиту которой они и спасались от грозящего позора. Несмотря на прямое запрещение указом Антонина Пия, пыткам часто подвергали и несовершеннолетних (Кирик, дочери св. Софии, Агнеса и др.). Служившие сначала средством обращения, пытки, по мере выяснения их безуспешности, превращались в орудие мести оскорбленного в своем самолюбии презида, мечтавшего о легкой победе над совестью мученика. В таких случаях они принимали сложные формы, и судья напрягал усилия, чтобы сделать их более мучительными. Нередко христиане не выдерживали и умирали во время пыток. Чаще пытки повторялись по несколько раз. Когда судья приходил к окончательному заключению о безуспешности своих усилий, он прекращал допрос и приказывал секретарю во всеуслышание прочесть судебные акты для проверки. Если указаний на неточность актов не поступало, судья переходил к последнему моменту процесса — составлению приговора.

Для этого он удалялся со своими ассессорами за занавеску кабинета, здесь совещался с ними, редактировал определение, собственноручно записав его на таблице непременно на латинском языке. Выйдя из-за занавеси, презид занимал свою трибуну, «умеренным голосом отчетливо излагал (мотивировку приговора), а (самый приговор) читал по таблице», которая в неизменном виде приобщалась к делу и сдавалась в архив. Образец заключительной части процесса дают проконсульские акты св. Киприана Карф[агенского]²⁴.

²⁴ * «Галерий Максим, поговорив с членами трибунала, мотивировал приговор в следующих, несколько пренебрежительных, словах: «Ты долгое время мысленно оскорблял святыню, собрал вокруг себя множество сообщников своего преступного заговора и сделался врагом римских богов и священных законов, и благочестивые и священные Государи Августы Валериан и Галлиэн и благороднейший цезарь Валериан не смогли обратить тебя к своей религии. Посему ты, как уличенный в совершении великих преступлений и в привлечении к ним своим примером других, послужишь сам примером для тех, кого ты собрал вокруг себя своими преступными действиями: восстановление порядка требует твоей крови». Затем он по таблице прочитал приговор: «Тасция Киприана постановлено казнить мечом». «Благодарение

Закон предоставлял осужденному право апелляции к Цезарю, которую мог заявить не только подсудимый или его поверенный, но и совершенно постороннее лицо, не имеющее никаких полномочий; лишались этого права известные разбойники, руководители восстаний и вожди политических партий. Возможно, что и христиане как обвиняемые в оскорблении величества входили в это исключение; по крайней мере, у М.Феликса и Тертуллиана язычники трактуют христианскую Церковь как политическую группу (*factio*). Но и, со своей стороны, христиане никогда и не пытались обращаться к этому праву. Лишь один раз от имени св. мученика Филеаса была заявлена апелляция его братом-язычником, принятая судьей²⁵, но отвергнутая мучеником, да один же раз св. Роман во время пыток апеллировал, но не к Цезарю, а ко Христу. Наоборот, христианские мученики с радостью и веселием выслушивали смертный приговор; в нем они видели свою победу, в мученической смерти — свое венчание, награду, к получению которой спешили, как мученица Перпетуя, со светлым лицом.

«Христианин гордится, если его открыли (властям); обвиняемый — он не защищается; допрашиваемый — громко исповедует свою веру²⁶, осужденный — благодарит». Действительно, общим ответом мучеников на приговор судьи были слова св. Киприана; «*Deo gratias!*»

4. Виды мученичества

В ряду наказаний, постигавших христиан, на первом месте следует поставить *relegatio* — высылку (за пределы известной территории). Ей подверглись ап. Иоанн, Флавия Домитилла, папы Корнелий и Люций, свв. Киприан и Дионисий и др. *Relegatio* не соединялась с лишением чести, имущества и гражданских прав; поэтому отношение властей к изгнанникам вообще было довольно мягко. В применении же ее к христианам иногда допускались ограничения, по закону связанные уже с *deportatio* — ссылкой (в определенную местность). Закон оценивал ссылку как *capitis deminutio media*, как потерю гражданства, но не личной свободы. Местом для нее назначались дикие острова с разрушительным климатом. Жизнь сосланных была полна лишений и истязаний, какова, например, жизнь

Богу», — сказал Киприан».

²⁵ Этим фактом можно было доказывать право христиан на апелляцию, если бы это не происходило в период наибольшего развития, когда «судьям была дана самая широкая власть, приостанавливавшая действие нормального закона»

²⁶ В числе особенностей христианского процесса следует отметить отсутствие защитника и свидетелей.

п. Понтиана в Сардинии.

Каторжные работы <...> в юридическом отношении <...> сопровождалась потерей личной свободы, ибо осужденные низводились в разряд рабов: их предварительно подвергали бичеванию, клеймили им лоб²⁷, брили половину головы и, наложив ножные кандалы, очень короткие, выпускали на работу.

Сравнительно с предыдущими к этой форме наказания христиан приговаривали наиболее часто. Их ссылали в серебряные рудники и на мраморные ломки Греции, в свинцовые рудники Сардинии, в рудники Сигунта Нумидийского, ломки порфира в Египте, мраморные ломки Сирии, медные рудники Палестины. Иногда здесь собиралось так много христиан, что составлялись целые общины церкви, о чем говорят св. Киприан, св. Дионисий (Евс[евий]. Церковная] И[стория] VII, 11) и Евсевий (о палест. мучениках). В сигунтской общине сосланных христиан были епископы, пресвитеры, диаконы, миряне обоих полов и различных возрастов, включая детей. Они жили безвыходно в рудниках, лишённые свежего воздуха, дневного света, достаточного одояния и пищи. Священникам было запрещено совершать для союзников богослужение. В ещё более ужасных чертах изображает Евсевий злострадания христиан в феносских рудниках. Им прижгли калёным железом нерв в левом подколенном и вырезали правый глаз. В рудниках они стали устраивать богослужебные собрания, на которых некто Иоанн, слепой от рождения, впрочем, не пощаженный палачами, наизусть читал Свящ. Писание. Презид лишил христиан и этого утешения: вскоре разрушил эту церковь, разослав их по различным местам.

Смертная казнь в императорскую эпоху применялась в четырех формах: распятие, сожжение заживо, отдача диким зверям и усечение мечом. Первая предназначалась для рабов, вторая и третья — для свободных низшего состояния и четвертая — для граждан. В применении к христианам это различие казней скоро исчезло и апологеты говорят о них как о равносильных. К тому же указ Каракаллы {212 год) о всеобщем гражданстве имел своим последствием не возвышение свободных до степени граждан, а принижение граждан до степени свободных провинциалов. Теперь установилось различие между *honestiores* (от сенаторов до детей декурионов) и *humiliores*. Но обвинение в христианстве считалось опорочивающим, и потому в христианских процессах и это различие предоставлялось усмотрению презида <...>.

Распятие (*crux*) считалось у римлян позорной казнью и определялось за тяжчайшие политические преступления²⁸. В глазах же

²⁷ Впоследствии запрещено Константином Великим в 315 году.

²⁸ Изменники, бунтовщики и подстрекатели народа приговариваются,

христиан эта форма смерти освящена примером Спасителя <...>. Оба обстоятельства объясняют широкое применение распятия в христианских процессах. Был распят апостол Петр²⁹; за ним следовали св.

Симеон, епископ Иерусалимский; Клавдий, Астерий и Неон; Каллиопа, Феодул, Агрикола; Александр; Тимофей и Мавра; Петр Валсам и другие. Распятие умирали от мучений и голода (Евс[евий]. Церковная] И[стория] VIII, 8), медленно и долго; предсмертные муки св. Тимофея и Мавры тянулись целых 9 дней. Раздробление голеней для сокращения агонии было явлением исключительным. При Константине Великом казнь чрез распятие была запрещена.

Сожжение (*vivicomburium*) определялось за оскорбление величества и за магию³⁰. Ему подверглись многочисленные христиане при Нероне; св. Поликарп в Смирне, Макарий, Ирон и другие в Александрии; Пионий в Смирне; Лукиан и Маркиан в Никомидии; Карп, Папила и Агафоник в Пергаме; Любовь, Хиония и Ирина в Фессалонике; епископ Фруктуоз с диак. Авгуром и Евлогием в Тарраконе; диакон Лаврентий в Риме; Афра в Аугсбурге; бесчисленное множество христиан в последнее гонение на востоке (Евс[евий]. Ц[ерковная] И[стория]. VIII, 6, 8, 9, 11, 12, 14; палест. муч. 2, 3, 4, 8, 10, 12, 13). Казнь имела характер зрелища и происходила на стади, в цирке или амфитеатре. Складывали костер у водруженного на землю столба, к которому привязывали или пригвождали руки обнаженного мученика. Смерть наступала довольно быстро: для этого нужно было лишь раскрыть рот и потянуть в себя пламя <...>. С конца II века казнь осложняется, ее целью становится не просто смерть осужденного, а продление его предсмертных мучений. Устраивался из виноградных ветвей (Тертулиан. Апологетика. 50) открытый круг; в центре его привязывали к столбу или закапывали по колена в землю мученика в уровень стелющемуся по земле удушливому дыму. Так пострадали епископ] Филипп с диак[оном] Гермием в Иракии, философ Порфирий в Кесарии и множество христиан на востоке в последнее гонение. В некоторых случаях навешивали вниз головой над курящимся костром и дымом удушали мученика³¹. При Галерии

соответственно их общественному положению, или к распятию на кресте или к отдаче на съедение зверям.

²⁹ И притом — вниз головой, что было частым явлением при Нероне и при Диоклетиане.

³⁰ Древние веровали, что условием блаженной загробной жизни является прежде всего сохранение тела, определенным порядком преданного зем-ле. Отказ в погребении и уничтожение тела было величайшим наказанием: так обходились с телами великих грешников и врагов отечества. Желанием лишить мучеников надежды на воскресение сами язычники объясняют применение к ним этой формы казни.

³¹ В 1844 году в римских катакомбах нашли мощи мученика 12 лет, обгоревшие с головы до бедер.

мученикам по временам обрызгивали лицо водой или давали ее внутрь, чтобы они не так скоро умирали. Разнообразием этой казни являются погружение в кипящее масло (апостол Иоанн), обливание горячей нефтью (Потамиэна), кипящей известью (Эпимах и Александр; Юлиан и Кронион; Боноз и Максимилиан), медленное поджаривание на раскаленном железном кресле, ложе или решетке (Лаврентий, Петр), вливание расплавленного свинца в рот (Вонифатий).

Следует различать два вида казни отдачи диким зверям: 1) на битву с ними и 2) на съедение им. В первом случае осужденному давали в руки оружие — убив противника, осужденный оставался жить. К христианам применяли второй вид, не оставлявший никаких надежд на благополучный исход <...>. Казнь имела характер исключительно зрелищный и совершалась во дни праздников или торжеств, отмечаемых народными увеселениями. Так, св. Игнатий Богоносец пострадал в дни, совпавшие с дакийским триумфом Траяна; мученики Лионские в великий праздник мес[яца] августа; Перпетуя и Фелицитата — в день пятилетия цезаря Геты, Агапий и Фекла — в праздник, данный в честь имп. Максимиана. Осужденных на съедение зверям христиан держали до времени ближайшего праздника на месте или в столице, куда в исключительных случаях их и отправляли; с другой стороны, именно ввиду приближающихся праздников христиан чаще осуждали на эту казнь. Пред началом «игр» происходила *romps circensis* — торжественное шествие осужденных перед зрителями под удары бичей бестиариев. Чтобы придать кровавому зрелищу более легкий вид, осужденных иногда облакали для этого шествия в маскарадные костюмы. Затем, обнажив, возводили их на специально устроенное на арене возвышение из досок и привязывали к водруженному на нем столбу. К возвышению с двух сторон приставляли покатые сходни и выпускали зверей. За тем, чтобы зверь делал именно то, чего от него ждут, наблюдали охотники, в известные моменты раздражавшие и возбуждавшие животное. Иногда пресыщенный зверь лениво нападал на выставленные жертвы и не причинял им серьезных поранений. В таких случаях на помощь охотникам приходили сами мученики (Германик в стр[аданиях] Поликарпа; Евсевий Церковная И[стория] IV, 15), подобно Игнатию Богоносцу опасавшиеся, что зверь окажется недостаточно жестоким по отношению к ним и, «испугавшись, не тронет их, как это было с некоторыми» (Рим. V) . Практиковалась также и отдача мученика дикому быку или корове на прободение; при этом, чтобы лишить мученика свободы движений, обнажив, опутывали его сетью (Бландина). Мученики, не принявшие смерти от зверей, были закалываемы рукой гладиаторов или палачей (Адриан и Евбул). Св. Перпетуя, которую бешеная корова несколько раз подбрасывала на рога, была заколота конфектором. Рука дикаря тряслась, и мученица

нашла в себе силы сама приставить кинжал к своему горлу.

Усечение мечом (*роена capitalis*) было казнью благородных — скромная, свободная от элементов показательных. Орудием ее служил меч: топор был воспрещен законом. Памятники представляют казнь в таком виде: осужденному связывали назад руки цепью или веревкой, глаза повязывали платком и ставили его на землю на колени. Местом казни служил определенный пункт вне города, за стенами. Эту смерть приняли очень многие из христианских мучеников: апостол Павел, Флавий Климент и другие, пострадавшие при Домициане, Иустин Фил[ософ], Сциллитанские мученики, Леонид, Киприан, Монтан, Лукий, Сикст II и т.д. К христианам ее применяли, независимо от их общественного положения, потому, что это была казнь скорая, не требующая специальных приготовлений и легко применимая к большому числу жертв.

В Кесарии Палест. «Фирмилиан, сильно раздраженный (исповеданием Антония, Зевины и Германа), не захотел даже и мучить их пытками, но приказал отсечь им головы». В другой раз — «тридцати девяти (христианам) в один и тот же день были отсечены головы». В Цирте Нумидийской палач поставил христиан в ряд над высоким берегом реки и быстро совершил казнь, переходя от одного к другому. Мучеников было так много, что могла образоваться громадная груда тел, которая запрудила бы реку. При Максимиане в Агавнах (Галлии) были перебиты один за другим за исповедание христианства солдаты целого легиона Фиванского.

Осложненную форму усечения главы представляет четвертование (например, св. Аркадия).

Особо стоит смертная казнь через потопление, упоминаемая достоверными актами последних гонений. Впервые о ней говорится у Евсевия под 303 годом: после пожара в Никомидии по приказу Диоклетиана было вывезено на лодках множество христиан и сброшено в море. В Антиохии были утоплены две девы. При Максимиане Д. св. Феодосия Тирянка была брошена в морские волны; так же пострадали мученики. Апфиан, Едессий, Агапий, Аполлоний и другие. Святой мученик Квирин был брошен в Саву с жерновом на шее. Святой Климент Анкирский с дружиной был брошен в море с привязанными камнями. Мученик Ульпиан был зашит с собакой и змеей в бычью шкуру и потоплен; так же пострадал Иулиан, киликийский мученик³².

³² По закону «отцеубийцы и убийцы родственников... не предавались ни мечу, ни огню, ни какой-либо иной обычной казни, но были зашиваемы в мешок с собакой, петухом, с ехидной и обезьяной и бросаемы в море или реку». Цицерон объясняет такую форму нравственной необходимостью, чтобы убивший того, от которого родился, умер, не соприкасаясь со стихиями, от которых все рождается, и т[аким] обр[азом] утратил надежду на жизнь за гробом. <...> должно думать, что у судей были какие-либо

Следует полагать, что во времена наиболее ожесточенного преследования христиан суд и, в особенности, уличная толпа не ограничивались узаконенными формами казни.

На востоке толпа (вероятно, при большом участии евреев) по временам прибегала к побоеванию камнями. Так пострадал пресвитер Митра в Александрии, св. Максим в Ефесе, Петр, Андрей, Павел и Дионисия в Лампсаке. Сюда же можно отнести форму смерти Серапиона, сброшенного с кровли вниз головой в Александрии, и Сатурнина, сброшенного с вершины Тулузского капитолия.

В душном и смрадном карцере мученики нередко оканчивали жизнь от асфиксии Евсевий. Церковная История V, 1, 27, 59), и, если кончина святых Александра и Вавилы в карцере не была результатом непосредственных специальных мер гонителей, то относительно святых Боноза и Максимилиана известно, что их держали 12 дней замурованными.

«Имущество тех, кто по суду лишается гражданства, личной свободы или жизни, переходит в казну», а именно, имущество лиц, осужденных в ссылку, на каторгу и на все виды смертной казни. Иногда этому подвергались и высланные, если в приговоре было об этом особо сказано.

Из конфискованного имущества закон оставлял долю для несовершеннолетних детей, если только их отец осужден не за оскорбление величества. Христиане, как по природе оскорбители величества, конечно, всегда входили в это исключение. Не избегало конфискации имущества лиц, скрывающихся от суда: не явившийся в течение года на суд утрачивал права на свое имущество. Со времени гонения Декия в среде христиан оказалось множество лиц, которые «стали изгнанниками, покинув отчизну, лишённые всего своего имущества». Так и «скрывшиеся», даже их семьи несли мученичество в известном смысле, мученичество второго порядка, как его называет св. Киприан.

Д. Спиридонов

основания (хотя бы с их языческой точки зрения) для сближения христиан с отцеубийцами. По древним воззрениям классических народов, непрерывность домашнего культа обеспечивает бессмертие предков — богов, прекращение же культа есть отцеубийство в усиленной степени.<...> Христиане, конечно, церемоний культа предков не совершали и лишь в таком смысле могли быть преследуемы как отцеубийцы. Искусственное распространение на христиан столь тяжкого обвинения возможно только в эпоху изощренного гонительства, каким отличались Галерий, Максимин Д. и Лициний.

ИСТОЧНИКИ

Архив СБУ по Крыму. — Дело № 934 по обвинению Спиридонова Е.С. и др. Л. 16—23, 55, 65, 66. Арх. № 09674. Дело по обвинению Попандопуло К.И. в 2 т.

ГААРК. — Ф. Р-663, оп. 10, д. № 266, л. 208—211.

Таврические церковно-общественные ведомости. — 1909. № 24, с.989—995; № 25, с. 1116—1125; № 26, с. 1282—1290.

Личный архив М.Е.Спиридоновой-Богдановой.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Священномученик Анатолий, митрополит Одесский

Священномученик Никодим,

архиепископ Костромской и Галичский

Священномученик Прокопий, архиепископ Херсонский

и священник Иоанн Скадовский

Священномученик Аркадий, епископ Лубенский

Священномученик Макарий, епископ Днепропетровский

Священноисповедник Роман Медведь

Священник Елеазар и Димитрий Спиридоновы

Протоиерей Николай Доненко

Наследники Царства

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	2
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНАТОЛИЙ, МИТРОПОЛИТ ОДЕССКИЙ	5
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОДИМ, АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ.....	65
ПРИЛОЖЕНИЕ	195
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОКОПИЙ АРХИЕПИСКОП ХЕРСОНСКИЙ И СВЯЩЕННИК _ИОАНН СКАДОВСКИЙ	226
Молитва	252
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРКАДИЙ, ЕПИСКОП ЛУБЕНСКИЙ	254
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МАКАРИЙ, ЕПИСКОП ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ	291
СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК _РОМАН МЕДВЕДЬ	317
СВЯЩЕННИК ЕЛЕАЗАР И ДИМИТРИЙ СПИРИДОНОВЫ	372
Древнехристианские мученики.....	400